

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МОСКОВСКОМ НАРОДНОМ ОПОЛЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Книга первая

Представители творческих профессий
в рядах ополченцев
4-й дивизии народного ополчения
Куйбышевского района г. Москвы

**ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В МОСКОВСКОМ НАРОДНОМ ОПОЛЧЕНИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Представители творческих профессий
в рядах ополченцев
4-й дивизии народного ополчения
Куйбышевского района г. Москвы

80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
1941–1945 годов
посвящается

ОКНО | 27-X-41
ТАСС | МОСКВА

Плакат «Не отдадим Москвы!» Окно ТАСС 27.X.1941. 1941
Бумага, гуашь, тушь

Российская международная академия туризма
АНО «Сообщество потомков
московских ополченцев Великой Отечественной войны»
при поддержке Правительства Москвы

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МОСКОВСКОМ НАРОДНОМ ОПОЛЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Книга первая

**Представители творческих профессий
в рядах ополченцев
4-й дивизии народного ополчения
Куйбышевского района г. Москвы**

Москва 2025

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ББК 63.3(2)722

П71

Авторы - составители:

*Л.С. Именнова, Е.Г. Брунова, Н.П. Новикова, М.В. Попова,
Ф.В. Пуцин, В.В. Крупецков, Н.Д. Маслова*

Научный редактор

Л.С. Именнова, доктор культурологии, доцент,
директор Музея боевой славы РМАТ

Редакционный совет серии:

А.В. Шапошников, Е.В. Драгунова, А.В. Берлов

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Москвы по программе
«Памяти Московского народного ополчения».

На обложке использован фрагмент картины
участника Великой Отечественной войны Е.З. Трегуба «Ополченцы». 1983.

П71 **Представители творческих профессий в рядах ополченцев
4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Мо-
сквы:** Книга первая / авт.-сост.: Л.С. Именнова, Е.Г. Брунова, Н.П. Но-
викова [и др.] ; науч. ред. Л.С. Именнова ; Российская международ-
ная академия туризма ; АНО «Сообщество потомков московских
ополченцев Великой Отечественной войны». – Москва : Универси-
тетская книга, 2025. – 316 с.: ил. – (Серия: Творческая интеллиген-
ция в Московском народном ополчении Великой Отечественной
войны). – ISBN 978-5-98699-432-1.

Первая книга серии «Творческая интеллигенция в Московском народном ополчении Великой Отечественной войны» рассказывает об ополченцах 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы, которые в довоенной жизни выбрали профессии, связанные с творчеством, наукой, образованием. Содержит биографические очерки, воспоминания ополченцев, письма, литературные произведения или их фрагменты, воспроизведения рисунков военного времени; введены в оборот новые исторические свидетельства. Издание позволяет прикоснуться к ярким судьбам «невоенных военных», отдать долг памяти их подвигу.

В создании книги приняли участие: Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны, потомки ополченцев – героев очерков настоящего издания; краеведы, музейные работники, руководители школьных музеев; некоторые очерки подготовлены при участии студентов – активистов Музея боевой славы РМАТ.

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ББК 63.3(2)722

ISBN 978-5-98699-432-1

© Российская международная академия туризма, 2025

© АНО «Сообщество потомков московских ополченцев
Великой Отечественной войны», 2025

© Оформление. РМАТ, Университетская книга, 2025

Уважаемые читатели!

В 2025 году отмечается 80-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Война стала величайшим испытанием в истории нашего народа, а Победа – символом героизма и непоколебимой стойкости в борьбе с врагом. В целях прославления самоотверженного служения Родине, Президент России Владимир Владимирович Путин объявил 2025 год «Годом защитника Отечества».

Значимым в разгром нацистов был вклад москвичей. В 2025 году отмечается 60-летие присвоения столице почетного звания «Город-герой». Москва удостоилась его за массовый героизм, мужество и стойкость, проявленные трудящимися столицы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Наряду с кадровыми частями Красной Армии в июле и октябре 1941 года на фронт отправились 16 дивизий Московского народного ополчения, сформированных из добровольцев – москвичей разных возрастов и гражданских профессий. Это были жители столицы, которых объединяла любовь к Москве и стремление спасти Родину от захватчиков. Ценой собственных жизней они задержали продвижение врага на подступах к столице, заложив основу для будущего контрнаступления и Великой Победы.

С 2015 года Московская городская Дума при поддержке Правительства Москвы и лично мэра Москвы Сергея Семеновича Собянина реализует патриотическую программу «Памяти Московского народного ополчения». Благодаря совместной работе авторского коллектива – потомков ополченцев, ветеранских сообществ, музейных работников, историков и поисковиков – сегодня по крупицам восстанавливаются судьбы бойцов Московского народного ополчения.

В ополчение уходили многие представители столичной творческой интеллигенции – писатели, журналисты, художники, музыканты, ученые, педагоги. Представленная вашему вниманию книга – первая из серии изданий, посвященных этим мужественным людям. Она рассказывает о судьбах представителей творческих профессий в рядах ополченцев 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района Москвы. Биографические справки дополняют письма, очерки и фотографии, найденные в архивах и печатных источниках. Многие представленные документы публикуются впервые.

Уверен, что книга найдет живой отклик у широкого круга читателей и станет значимым вкладом в увековечение памяти героев Московского народного ополчения 1941 года.

А.В. Шапошников,
председатель Московской городской Думы

Уважаемые читатели!

Есть события, над которыми время не властно, они навечно в памяти народа.

В год 80-летия Великой Победы мы с гордостью вспоминаем подвиг московских ополченцев, защищавших нашу страну в боях за Москву осенью 1941 года и дошедших до Берлина.

Среди 160 000 добровольцев, ушедших из вузов, предприятий, учреждений и организаций, было немало людей творческих профессий, московской интеллигенции. Эти люди, имевшие мирные гуманитарные профессии, впервые взяли в руки оружие. Очень немногие из них могли заниматься тяжелым физическим трудом, сражаться насмерть с врагом. И тем не менее посчитали своим долгом защитить свои семьи, свой город и свою Родину от немецко-фашистских захватчиков.

В данном издании впервые собраны воспоминания и представлен боевой путь московских ополченцев – писателей, ученых, драматургов, педагогов, музыкантов, деятелей театра и кино. Здесь собраны имена тех, кто навсегда остался Героями в сознании тех, кто живет ныне. Их воспоминания особенно ценны для нас, поскольку они умели передать не только сухие факты о тех событиях, но и образы, чувства, эмоции.

Порой страшно подумать, сколько стихов, романов, симфоний, фильмов и спектаклей так и не родилось. Погибшие ополченцы из числа интеллигенции не смогли оставить после себя наследие, которое, безусловно, обогатило бы русскую культуру. Вместо ненаписанных произведений и неосуществленных научных открытий остались воспоминания о войне, которые мы должны хранить в своем сердце вечно.

Открытие новых страниц героической истории наших предков, сохранение и передача исторической памяти следующим поколениям – наш священный долг!

Эта книга – еще один шаг к познанию самих себя, еще одна страница в истории Московского народного ополчения. Она поможет укрепить живую связь Героев Великой Отечественной войны и будущих поколений достойных наследников Победы!

Е.В. Драгунова,
председатель Комитета общественных связей
и молодежной политики города Москвы

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ректора Российской международной академии туризма

Химки – в 1941 году прифронтовой город – имеет много исторических свидетельств героической самоотверженности народа перед лицом военной угрозы, нависшей над страной в первый, трагический и героический, год Великой Отечественной войны.

В июле 1941 года на месте учебных корпусов Российской международной академии туризма стояла Сходненская школа № 1, куда приходили жители городов Химки, Сходня, сел и деревень Химкинского района, решившие стать ополченцами.

Российская международная академия туризма расположена на знаковом месте, является преемницей традиции сохранения памяти. На учебном корпусе висит мемориальная доска: «В июле 1941 года здесь был сформирован батальон 4-й дивизии народного ополчения г. Москвы, которой за доблесть и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, было присвоено наименование 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии».

Мемориальная доска на втором корпусе РМАТ открыта 19 октября 2011 года и отмечает еще один памятный факт: «На этом месте в годы Великой Отечественной войны (15.05.1943–11.08.1944) работал находившийся в эвакуации Белорусский государственный университет».

Следующий этап работы по сохранению памяти начался с визита ко мне Ю.А. Яновского, сына ополченца Анатолия Дмитриевича Яновского, погибшего при защите Москвы в октябре 1941 года. Юрий Анатольевич предложил создать музей, и решение об этом было принято.

Открытие экспозиции Музея боевой славы РМАТ состоялось 7 мая 2019 года. Она посвящена не только химкинским ополченцам, но и всему воинскому подразделению: 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы, преобразованной в 110-ю стрелковую дивизию и закончившей боевой путь в 1945 году как 84-я гвардейская стрелковая Карачевская Краснознаменная ордена Суворова дивизия.

Знаковым проектом была подготовка и издание Книги Памяти «Вспомним всех поименно: История войны через судьбы ополченцев химкинского батальона 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы». В ней представлены исторические документы, фотографии ополченцев химкинского батальона (508 имен), персональный состав которого установлен на основе впервые введенного в научный оборот Именного списка военнообязанных, направленных в народное ополчение Химкинским РВК 6-7 июля 1941 года. Издание содержит биографические справки о некоторых химкинских ополченцах, их воспоминания, письма военного времени. Книга Памяти была по достоинству оценена на X Общероссийском конкурсе «Университетская книга – 2024» и получила Почетную грамоту.

Музей поддерживает творческие партнерские отношения со многими организациями и учреждениями, ведет поиск потомков ополченцев, участвует в совместных проектах. Коллективным проектом, в котором РМАТ выступает инициатором творческой идеи и организатором ее осуществления, стала данная книга – «Представители творческих профессий в рядах ополченцев 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы». Это первая книга новой серии – «Творческая интеллигенция в Московском народном ополчении Великой Отечественной войны». Издание выходит в свет в памятный для всего нашего народа год – 80-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне.

Воспитательным итогом разных форм музейной деятельности для студентов Академии стал перевод исторических цифр и фактов в эмоции, впечатления, убеждения, которые формируют активную гражданскую позицию молодых людей. Они имеют возможность приобщиться к темам, проектам, событиям, которые имеют патриотическую направленность, общегосударственное, а подчас и международное значение. Ректорат Академии поддерживает эти инициативы и способствует их реализации.

Е.Н. Трофимов,
доктор политических наук, профессор

О СОЗДАНИИ КНИГИ

Настоящая Книга первая «Представители творческих профессий в рядах ополченцев 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы» открывает серию изданий «Творческая интеллигенция в Московском народном ополчении Великой Отечественной войны».

Для Музея боевой славы РМАТ это исследование продолжает Книгу Памяти «Вспомним всех поименно», которая имеет подзаголовок «История войны через судьбы ополченцев химкинского батальона 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы» и была издана в 2021 году к 80-летию подвига ополченцев в Битве под Москвой. Между ними существует глубокая преемственность.

Ополченец Л.А. Глезер отметил «высокое чувство единения в жизненных испытаниях», которые, сближая людей, способствовали выявлению в них высоких духовных качеств. Наряду с рабочими, колхозниками в одном строю стояли художник В.С. Житенёв, кандидат экономических наук Ф.Г. Иванов, военврач Н.Н. Ивашов, редактор и переводчик З.А. Лившиц, литературный критик и журналист Н.Г. Плиско, писатель-фантаст Я.С. Пан, лингвист Э.М. Фалькович. В документах, публикациях 1941 года их называли «трудо­вой интеллигенцией».

Связи Музея боевой славы РМАТ с потомками ополченцев приобрели творческий характер: некоторые из них стали авторами или соавторами очерков, консультантами по биографическим вопросам.

Российская международная академия туризма, Музей боевой славы РМАТ выражают глубокую признательность:

Крупецкову Всеволоду Владимировичу – внуку ополченца Прошицкого Пинхоса Соломоновича, победителю конкурса «Мой дед сражался за Москву»;

Масловой Надежде Дмитриевне – дочери ополченца Козлова Дмитрия Всеволодовича;

Тауриной Марине Францевне – внучке ополченца Царевича Ивана Викентьевича;

Синяткиной Вере Георгиевне – дочери ополченца Матвеева Георгия Николаевича, а также его внукам и правнукам.

Настоящее издание – результат совместной работы с Автономной некоммерческой организацией «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны»; его софинансирование осуществ-

вляется по программе Московской городской Думы «Памяти Московского народного ополчения».

Составителями биографических очерков являются:

Именнова Любовь Сергеевна – доктор культурологии, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин, директор Музея боевой славы РМАТ;

Брунова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, независимый исследователь;

Новикова Надежда Петровна – директор Музея 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, г. Калининград, МАОУ СОШ № 28;

Попова Марина Владимировна – директор Учебно-музейного центра Московского государственного института культуры;

Пущин Федор Вадимович – руководитель поискового отряда «Бумеранг-ДОСААФ», ученый секретарь Наро-Фоминского краеведческого музея.

Издание вводит в научный оборот новые исторические свидетельства, хранящиеся в различных музейных и архивных организациях. Российская международная академия туризма выражает признательность за содействие в работе над изданием, консультативную помощь и предоставление возможности копирования источников:

Центральному архиву Министерства обороны Российской Федерации;

Институту российской истории РАН;

Российскому государственному архиву социально-политической истории;

Российскому государственному архиву литературы и искусства;

Государственному музею обороны Москвы;

Наро-Фоминскому краеведческому музею;

Учебно-музейному центру Московского государственного института культуры;

Музею 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии школы № 28 г. Калининграда;

Музею Боевой Славы и местного краеведения им. Владимира Тюкова, МАОУ Лицей № 21 г.о. Химки.

Самое активное и заинтересованное участие в сборе материалов приняли студенты – активисты Музея боевой славы РМАТ: Абрамова Ангелина, Акулиничев Василий, Алакина Варвара, Асланиди Эллина, Беднова Елена, Борисова Роксана, Быстрова Дарья, Грачев Тимофей, Григорян Элизабет, Демидова Елизавета, Донецкая София, Дорофеева Мария, Кудий Ксения, Ефремов Федор, Ефремова Полина, Жукова Дарья, Жучкова Анастасия, Казарян Нелли, Караго Елизавета, Ковальчук Полина, Кузнецова Дарья, Лазорева Ева, Миладовская Диана, Молчанова София, Седова Анна, Собрювина Анастасия, Тажиров Камиль, Фомин Михаил, Шмелева Ксения.

Первый раздел книги – «На запад уходило ополчение – потомственная гвардия Москвы» – содержит биографические очерки о писателях, журналистах, фотокорреспондентах, художниках, музыкантах, ученых, педа-

гогах, студентах, ставших ополченцами. Включены документы и письма военного времени, фотографии, другие источники; значительная часть из них ранее не публиковалась. Биографии ополченцев-художников дополняют их работы на военную тематику.

Многие из представленных персоналий – люди, причастные к литературному труду. Раздел второй – «Ополченцы об ополчении» – представляет их творчество: очерки, воспоминания, историко-мемуарные зарисовки. Часть материалов публикуется по рукописям, хранящимся в архивах; другие – из печатных источников (журналов, брошюр, сборников), которые в настоящее время труднодоступны.

В третьем разделе – «Фотолетопись Победы: Восточная Пруссия, год сорок пятый» – вводятся в научный оборот некоторые ранее не опубликованные фотографии по истории дивизии, сделанные 80 лет назад, в победном мае 1945 года. Представлены фотоматериалы из Института российской истории РАН и Музея 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии школы № 28 г. Калининграда.

Настоящее издание позволяет прикоснуться к ярким судьбам «невоенных военных», отдать долг памяти их подвигу. Научный поиск продолжается; участники проекта предполагают выявление новых персоналий – чтобы помнить всех поименно, чтобы крепла связь с нашим героическим прошлым.

Л.С. Именнова,
доктор культурологии,
научный руководитель проекта,
директор Музея боевой славы РМАТ

Классный час «Жить – Родине служить», посвященный Дню защитника Отечества. Музей боевой славы РМАТ

Книга памяти «Вспомним всех поименно», посвященная подвигу добровольцев Химкинского батальона народного ополчения, – итог работы активистов Музея боевой славы РМАТ

Патриотическая экспедиция студентов РМАТ:
«Россия и Беларусь – общая история, общая судьба»

Совместная экспедиция-акция
«От Москвы до Кёнигсберга: дорогами Московского ополчения»
Музея боевой славы РМАТ и Музея Калининградской школы № 28

Студенты Академии проводят экскурсии по Музею боевой славы РМАТ и передвижной выставке «Бойцы и командиры 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района в Битве за Москву. Химкинский батальон»

—
Раздел

НА ЗАПАД УХОДИЛО ОПОЛЧЕНЬЕ - ПОТОМСТВЕННАЯ ГВАРДИЯ МОСКВЫ

БАРАНСКИЙ Николай Николаевич

Географ, педагог (1909–1943).

Родился 3 февраля 1909 г. в семье Н.Н. Баранского (1881–1963), крупного ученого в области экономической географии, доктора географических наук, основоположника «советской районной школы», заведующего кафедрой экономической географии МГУ, члена-корреспондента Академии наук СССР.

В 1933 г. будущий ополченец Николай Николаевич Баранский окончил географический факультет МГУ, позже аспирантуру при нем. Перед войной защитил кандидатскую диссертацию о Серпухове (первую в СССР по экономической географии городов). В 1939 г. участвовал в экономико-географической экспедиции по районам Алма-Атинской области.

Был доцентом географических факультетов – сначала Саратовского, затем Московского университетов, профессором Академии внешней торговли. Был женат, имел двух детей.

В первые дни войны Н.Н. Баранский записался в народное ополчение. Полковой комиссар А.А. Змеул отметил среди «выступлений, ярких, горячих, говорящих о готовности советских людей всеми силами защищать Родину от гитлеровцев», на митинге в Академии внешней торговли речь кандидата географических наук тов. Баранского [15, с. 96]. В 4-ю дивизию народного ополчения зачислен Куйбышевским РВК, был бойцом в отдельном зенитном артиллерийском дивизионе; переведен на должность помощника начальника дивизионного клуба по снабжению. Приказом по дивизии № 26 от 13.11.1941 Н.Н. Баранский, политрук, кандидат в ВКП(б), назначен начальником библиотеки дивизионного клуба. В 1942 г. принят в ВКП(б) [8, л. 46].

7 апреля 1942 г. дивизионная газета «За Родину» писала:

Лекторов клуба нашего соединения – в прошлом научных работников Москвы, добровольцев Красной Армии, всегда можно встретить на передовых

позициях. Недавно лектор клуба младший политрук Николай Баранский, в прошлом доцент Московского государственного университета и кандидат географических наук, приехал в часть читать лекцию на тему «Война на Тихом океане». В этот момент бойцы выходили в поход для занятия нового рубежа. Баранский надел маскировочный халат, взял лыжи и двинулся вместе с бойцами вперед, а на первом привале у костра прочитал лекцию [11, л. 34 об.].

В этой газете опубликованы статьи Н.Н. Баранского.

В начале 1942 г. вышел Указ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, дающий право на демобилизацию из действующей армии тем, кто имеет ученую степень. Н.Н. Баранский не воспользовался возможностью вернуться в тыл и остался на фронте. Слово коммуниста-агитатора он подкреплял примером воина; его награды были по-настоящему боевыми.

Из представления капитана Н.Н. Баранского, агитатора политотдела 110-й стрелковой дивизии, к награждению орденом Красной Звезды (награжден медалью «За отвагу»):

Тов. Баранский – доброволец народного ополчения. В дивизии с первых дней Отечественной войны. Неоднократно участвовал в боях, в которых показал себя мужественным и стойким воином Красной Армии. Тов. Баранский является способным агитатором. Свою агитационную и политико-воспитательную работу проводит на передовой, в землянках у бойцов. Тов. Баранский отличился в боевой операции 25 ноября 1942 г. в р-не дер. Горки. Находясь в боевых порядках наступающих подразделений 1289 стрелкового полка и штрафной роты, он увлекал бойцов своим личным примером. Когда во время боя вышли из строя командиры подразделения, с которыми участвовал в бою тов. Баранский, он принял на себя командование подразделением и умело и мужественно руководил им в бою.

Агитатор политотдела капитан Баранский поддерживал боевой дух товарищей по оружию. Из книги вдовы ополченца Н.В. Баранской «Странствие бездомных»:

Он был не просто участлив, он понимал душевную боль и смуту других, умел помогать и поддерживать [12].

Из представления в ордену Красной Звезды агитатора политотдела 110-й стрелковой дивизии Н.Н. Баранского (приказ ВС 33 А Западного фронта № 107 от 19.03.1943):

Тов. Баранский Н.Н. пришел в Красную Армию добровольцем народного ополчения и все время находился в действующей армии. Работая агитатором Политотдела 110 стрелковой дивизии, он умело осуществлял организационное руководство с личным участием в агитационно-пропагандистской работе. Он правильно руководил политработниками частей и подразделений, одновременно проводя политмассовую работу непосредственно на передовой, в боевых охранениях среди бойцов и мл. командиров.

Н.Н. Баранский (слева) в библиотеке дивизионного клуба

Тов. Баранский – участник неоднократных боев, где проявил себя мужественным и стойким политработником. За августовские бои награжден медалью «За отвагу». В наступательных боях с 4 марта по 13 марта тов. Баранский проявил себя исключительно смелым и мужественным политработником. Всю политмассовую работу во время наступления проводил на передовой линии и своим примером воодушевлял бойцов и командиров на выполнение приказа тов. Сталина № 95. Под д. Чесалкино тов. Баранский захватил в плен немецкого пулеметчика с его пулеметом. Достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды [3].

12 августа 1943 г. гвардии капитан Николай Николаевич Баранский погиб от разрыва снаряда под городом Карачев Брянской области – при освобождении села Алымова.

Из представления к ордену Отечественной войны II степени ст. инструктора по агитации и пропаганде Политотдела 84-й гвардейской стрелковой дивизии Н.Н. Баранского (приказ ВС 11 гв. армии Брянского фронта № 81н от 18.09.1943):

Гвардии капитан Баранский за два года непрерывного участия в боях был дважды награжден правительственными наградами за боевые подвиги.

Во время июльских и августовских боев 1943 года, находясь непосредственно в частях, свою работу агитатора Политотдела тов. Баранский проводил только на переднем крае среди офицеров, сержантов и рядовых бойцов, воодушевляя и увлекая их на боевые подвиги.

Обладея хорошей теоретической подготовкой и горячим, преданным сердцем истинного патриота советской Родины, он умел в самые трудные и ответственные моменты правдивым и доходчивым словом большевика-агитатора поднять наступательный порыв бойцов и командиров.

Но любимцем всей дивизии гвардии капитан Баранский был не только за свою блестящую агитационную работу. Его знали и любили как мужественного и бесстрашного командира, который всегда рвался в бой, чтобы собственноручно уничтожить немецких захватчиков.

24 июля 1943 г., принимая непосредственное участие в боях под д. Коптево, он был второй раз ранен, но из строя не ушел и продолжал выполнять с батальоном поставленную командованием задачу.

12 августа в боях на подступах к г. Карачеву гвардии капитан Баранский увлекал за собой гвардейцев и в этом бою пал смертью храбрых.

Достоин награждения орденом Отечественной войны II степени [4].

После боя солдаты похоронили командира на Алымовском сельском кладбище Карачевского района Брянской области. Ему было 33 года.

Его вдова, Наталья Владимировна Баранская, много сделала для увековечения памяти ополченца. Она писала:

Главной силой, которая управляла Колей на войне, была совесть, не только его совесть, но и общая совесть, вроде взятая на себя за многих: за тех, кто избежал или повременил, кто старался «не лезть», «не высывываться», не брать на себя лишнее [12].

В 2010 г. Карачевской межпоселенческой районной библиотеке решением районного Совета народных депутатов присвоено имя Николая Николаевича и Натальи Владимировны Баранских. 7 октября 2010 г. состоялось торжественное открытие памятной доски на здании библиотеки.

Сын ополченца, Николай Николаевич Баранский, учился на факультете журналистики в МГУ и в Московской высшей партийной школе. Более четверти века проработал на Центральном телевидении корреспондентом, редактором-консультантом, комментатором. Он писал:

Мой отец, Н.Н. Баранский, в своих поступках и решениях руководствовался категорическим императивом Канта – нравственность должна быть абсолютной, всеобщей и общезначимой. Категорическому императиву он следовал категорически [13].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Именной список части // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 30, 121.
2. Приказ ВС 33 А Западного фронта № 90 от 05.03.1943. Награждение медалью «За отвагу» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 389.
3. Приказ ВС 33 А Западного фронта № 107 от 19.03.1943. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 473.
4. Приказ ВС 11 гв. армии Брянского фронта № 81н от 18.09.1943. Награждение орденом Отечественной войны II степени // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 227.
5. Картотека награждений // ЦАМО. Картотека награждений. Шкаф 7. Ящик 23.
6. Документ в учетной картотеке политработников // ЦАМО. Картотека политработников.

7. Приказ об исключении из списков // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563784. Д. 6.

Документы ЦАМО:

8. Приказы дивизии по личному составу // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 3. Л. 46.

9. Именные списки комначсостава частей 110 сд. 1 сентября 1941 – 4 сентября 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13. Л. 5.

10. Книга учета офицерского состава управления и частей дивизии // ЦАМО. Ф. 12138. Оп. 2. Д. 30. Л. 9 об. – 10.

11. За Родину. Газета 110 сд. 1942 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп.1. Д. 294.

Литература и интернет-источники:

12. Баранская Н.В. Странствие бездомных. – М.: АСТ: Астрель, 2011.

13. Баранский Н.Н. Об авторе от автора // URL: <http://poluklinika.livejournal.com/1876.html>

14. Скробова Е.Н. Верность сердца: история семьи гвардии капитана Николая Николаевича Баранского // URL: <http://libryansk.ru>

15. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020.

БОБРОВ Николай Николаевич

Писатель, драматург, военный журналист, корреспондент (1898–1952).

Родился 3 апреля (по старому стилю) 1898 г. в Новороссийске, в семье учителя женской гимназии и технического училища, проработавшего на этом поприще 50 лет и получившего звание персонального академического пенсионера.

Николай Бобров восьми лет поступил в реальное училище, затем перевелся в Саратовскую гимназию, которую окончил в 1917 г.; поступил в Саратовский университет на юридический факультет. Одновременно служил в Саратовском драматическом театре в качестве сценического работника. В годы Гражданской войны был культработником при штабе Кавказского фронта. В Ростове-на-Дону произошла знаменательная встреча с писателем А.С. Серафимовичем, определившая для Н.Н. Боброва выбор литературной деятельности как профессиональной.

В 1923 г. Н. Бобров поступил в Московский драматический театр им. В.Ф. Комиссаржевской, принимал участие в драматической инсценировке поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»; работал под руководством народного артиста РСФСР В.Г. Сахновского, режиссера и литературоведа.

Одновременно со службой в театре Н. Бобров пробовал себя в качестве журналиста; профессионально литературной работой занимался с 1927 г. В личном архиве писателя сохранились корреспондентские удостоверения, выданные ему редакциями «Рабочей газеты» (1926 г.), за 1927 г. – газет «Пищевик», «Экран Рабочей газеты», «Гудок», за 1930 г. – журналов «Работница», «На вахте»; другие документы: корреспондентский билет газеты «Красная звезда» (28.12.1934); удостоверения члена Всесоюзного общества пролетарских писателей «Кузница» (1929 г.), автора издательства «Молодая гвардия», редакции журнала «Самолет» – массового авиационного журнала Центрального совета ОСОАВИАХИМ СССР и РСФСР (18 февраля 1941 г.) [8].

Свою жену, Ольгу Георгиевну, художницу, Н.Н. Бобров считал советчицей и помощницей в литературной работе. Сын Игорь родился в 1932 г.

В 1930 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла в свет книга Н.Н. Боброва «Башня молчания» об академике И.П. Павлове, до этого в Учпедгизе изданы «Дневники. В лаборатории академика И.П. Павлова».

С 1933 г. Н.Н. Бобров начал собирать материал о ЦАГИ – Центральном аэрогидродинамическом институте, крупнейшем авиационном научно-исследовательском учреждении. Его книга «ЦАГИ» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1933 г., переведена на украинский язык и напечатана одновременно в украинском Детгизе. С этого времени тематическая направленность творчества Н.Н. Боброва определялась как авиационная – об авиации, самолетах, летчиках.

В № 12 журнала «Октябрь» за 1936 г. опубликован очерк Н.Н. Боброва «Громов».

В июле 1936 г. В.П. Чкалов, А.В. Беляков, Г.Ф. Байдуков совершили первый беспосадочный перелет по Сталинскому маршруту из Москвы на Дальний Восток. В следующем году летчики пролетели без посадки по курсу Москва – Северный полюс – Ванкувер, штат Вашингтон, США. Н.Н. Бобров помогал летчикам в подготовке к печати их книг об этих перелетах.

Своим главным творческим делом Н.Н. Бобров считал работу над книгой о военном летчике Валерии Чкалове. Длительное общение с ним позволило написать большую книгу «Чкалов». Она вышла первым изданием в 1940 г. и затем не раз переиздавалась. В каждое новое издание автор вносил все новые и новые существенные дополнения – результат его неутомимого труда по сбору материалов о великом летчике.

26 декабря 1940 г. Н.Н. Бобров принят на учет Киевским райвоенкоматом г. Москвы, ему выдан военный билет офицера запаса Вооруженных сил [11, л. 1–18].

Последние три месяца перед войной Н.Н. Бобров вместе с редактором книги «Чкалов» Ю.Б. Лукиным работали над пьесой «Сталинский сокол»,

посвященной В.П. Чкалову. Пьеса была рассмотрена Главным управлением по контролю за репертуаром и зрелищами при Комитете по делам искусств 16 июля – 4 августа 1941 г. и разрешена к постановке [13]. В первый год Отечественной войны она была поставлена театром Моссовета в Москве.

В июле 1941 г. Н.Н. Бобров вступил в 4-ю дивизию народного ополчения. Приказом по дивизии прибывший в политотдел управления лектор Н.Н. Бобров зачислен в списки политотдела управления дивизии с 8 июля 1941 г. [5, л. 30–30 об.]. Военную присягу ополченец Н.Н. Бобров принял 5 августа 1941 г. в составе Управления 4 ДНО [4, л. 48].

Сотрудник дивизионной газеты «За Родину» А.Я. Шинберг отмечал, что первоначально, еще до формирования редакции газеты, обязанности по информированию бойцов и командиров дивизии выполняли сотрудники политотдела; в июле 1941 г. в политотделе работали писатели Н.Н. Бобров и Ю.Б. Лукин:

В политотделе они принимали сводки Информбюро с тем, чтобы срочно распространить их по частям и по подразделениям дивизии, так как газеты приходили обычно только на 3-й день [16, с. 268].

Дальнейшая служба отмечена в справке, выданной красноармейской газетой «За Советскую Родину»:

20 ноября 1941 г.

Дана тов. Боброву Николаю Николаевичу в том, что он с 6 июля по 15 августа 1941 года находился в рядах ополчения 4-й Куйбышевского района гор. Москвы дивизии. С 15 августа по 20 ноября 1941 года работал в редакции армейской газеты 49 Армии «За Советскую Родину» в качестве писателя и с 20 ноября с.г. по сокращению штата уволен в запас [8, л. 40].

В письме к жене 28 октября 1941 г. Н.Н. Бобров писал:

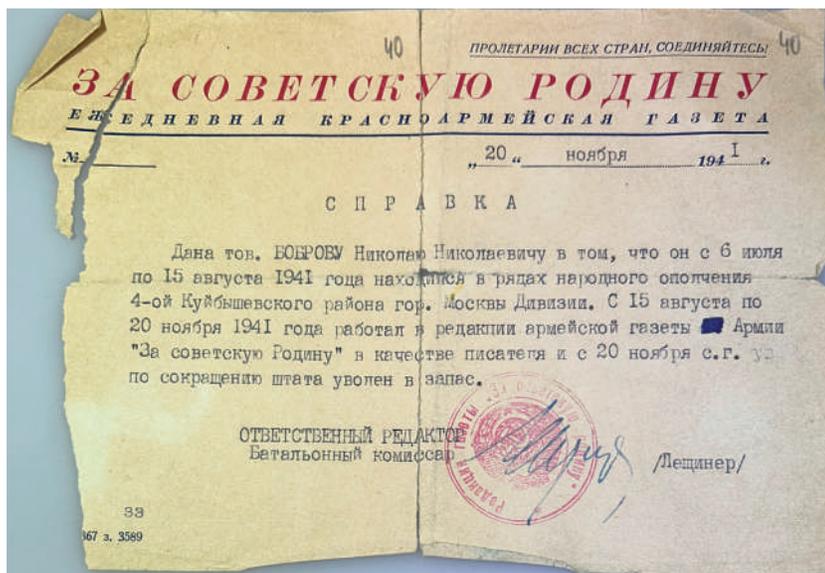
Я пока здоров. Работа продолжает удовлетворять меня. Очень, безумно хочется видеть вас всех, крепко, что есть силы, расцеловать всех, но пока надо это, по-видимому, отложить, – вся Родина встала на защиту своей чести и свободы [7, л. 74].

Н.Н. Боброва привлекали к сотрудничеству в центральных газетах. Ответственный редактор «Красной звезды» Д. Ортенберг обратился со служебной запиской к начальнику политотдела 49 Армии с просьбой дать указание комиссару штаба, чтобы разрешить Н.Н. Боброву передавать наиболее важный материал в газету «Красная звезда» [7, л. 38].

20 ноября 1941 г. в соответствии с командировочным предписанием Н.Н. Бобров направлен в Москву, в редакцию газеты «Сталинский сокол» Народного комиссариата обороны СССР [7, л. 42].

7 мая 1942 г. Н.Н. Бобров был принят в Союз советских писателей. Активно участвовал в работе Совинформбюро, писал очерки для американского и дальневосточного отделов.

Впоследствии, во время Великой Отечественной войны, был специальным корреспондентом газеты ВВС Красной Армии «Сталинский сокол».

Справка газеты «За советскую Родину», выданная Н.Н. Боброву. Ноябрь 1941 г.
(Источник: РГАЛИ)

Ополченцы 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Второй слева – Ю.В. Лукин, крайний справа – Н.Н. Бобров.
Лето 1942 г. (Источник: РГАЛИ)

Н.Н. Бобров получил звание майора интендантской службы; был награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС 9 Армии Закавказского фронта № 995/772524 от 18.03.1943). Из наградного листа:

Интендант 2 ранга Бобров Николай Николаевич, писатель, специальный корреспондент газеты Военно-Воздушных Сил СССР Красной Армии «Сталинский сокол».

Тов. Бобров Н.Н. – квалифицированный военный журналист-писатель. Хорошо и глубоко знает вопросы авиации, изучением которой занимается много лет. Дисциплинирован. Предан партии Ленина – Сталина.

Напечатал в газете много рассказов, очерков, корреспонденций с фронта. Многие из них перепечатывались во фронтовых газетах и получили большую популярность. Так, например, «Цена бомбы», «Самолеты саратовских колхозников» и ряд других были высоко оценены руководящими органами нашей прессы и были использованы в авиачастях для воспитания отважных летчиков. Произведение Боброва «Цена бомбы» обсуждалось на собрании летчиков, по нему в частях проводились беседы.

По вопросам авиации тов. Бобров имеет несколько книг. Большой популярностью пользуется его книга «Чкалов».

Достойный награды писатель-фронтовик [2].

В газете «Сталинский сокол» опубликовано много очерков, рассказов Н.Н. Боброва. По заданию редакции выезжал на фронты. Имел от командования ряд благодарностей. Награжден, кроме ордена Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в послевоенное время – медалью «В память 800-летия Москвы».

Демобилизован 14 мая 1946 г. в звании майора интендантской службы запаса.

После войны Н.Н. Бобров продолжил творческую деятельность, написал книги «Донбасс сегодня» (1946–1947), «Огни на Карпатах» (1947) и другие произведения. Он не раз работал вместе с Ю.Б. Лукиным; совместно они написали пьесу «Крылья». В 1949 г. по заданию редакции журнала «Огонек» Н.Н. Бобров готовил статью о летчике П.Н. Нестерове в связи с 25-летней годовщиной со дня его гибели [7, л. 80].

Последней работой Н.Н. Боброва была документальная повесть о летчике, дважды Герое Советского Союза В.Д. Лавриненкове.

Н.Н. Бобров умер 11 марта 1952 г. Из некролога, подписанного А. Твардовским, Ф. Панферовым, Ю. Лукиным и другими писателями:

Умер писатель Н.Н. Бобров, отдавший многие годы своей творческой жизни благородному делу создания книг о победоносной сталинской авиации и ее людях [12, л. 19].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Личная карточка Н.Н. Боброва // ЦАМО. Картотека личных дел. Ящик Б-1975.

2. Приказ ВС 9 Армии Закавказского фронта № 995/772524 от 18.03.1943. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 21.

3. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 11. Ящик 1.

Архивные источники. ЦАМО:

4. Военная присяга Н.Н. Боброва // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 9. Л. 48.

5. Приказы 4 ДНО о назначении и перемещении личного состава. 7.07. – 2.09.1941 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 1.

Архивные источники. РГАЛИ:

6. Бобров Николай Николаевич. Удостоверение. 15 августа 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 1. Ед. хр. 69.

7. Письма и телеграммы Н.Н. Боброва Ольге Георгиевне и Игорю Николаевичу Бобровым // РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 2. Ед. хр. 31.

8. Бобров Николай Николаевич. Трудовая книжка, корреспондентский билет, служебные пропуска и справки о работе // РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 2. Ед. хр. 122.

9. Членские билеты профсоюза работников печати, Союза писателей СССР, Литфонда и др., выданные Н.Н. Боброву // РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 2. Ед. хр. 127.

10. Военные билеты Н.Н. Боброва // РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 2. Ед. хр. 128.

11. Альбом с фотографиями Н.Н. Боброва, индивидуальные и в группах // РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 2. Ед. хр. 164.

12. Бобров Николай Николаевич. Личное дело // РГАЛИ. Ф. 631. Союз писателей СССР. Оп. 39. Ед. хр. 782.

13. Пьеса Боброва Н. и Лукина Ю. «Крылья». 1947 // РГАЛИ. Ф. 618. Редакция журнала «Знамя». Оп. 3. Ед. хр. 316.

14. Н.Н. Бобров, Ю.Б. Лукин. Сталинский сокол. Посвящена В.П. Чкалову. Пьеса в 3-х действиях // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Ед. хр. 227.

15. Н.Н. Бобров. Громов. Очерк // РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 1. Ед. хр. 48.

Литература:

16. Из воспоминаний инструктора редакции дивизионной газеты «За Родину» А.Я. Шинберга // Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020. С. 268–271.

Некоторые произведения Н.Н. Боброва:

17. Бобров Н.Н. Производство стационарных двигателей внутреннего сгорания. – М.: Гос. научно-техническое изд-во, 1931.

18. Бобров Н.Н. Большая жизнь: Циолковский, Константин Эдуардович. – М.-Л.: Авиаавтоиздат, 1933.

19. Бобров Н.Н. ЦАГИ / с пред. Н.М. Харламова; под ред. Б.Я. Кузнецова. – М.: Молодая гвардия, 1933.

20. Бобров Н.Н. Гидроканал ЦАГИ. – М.-Л.: Авиаавтоиздат, 1933.

21. Бобров Н.Н. Самолет «Максим Горький». – М.: Профиздат, 1933.

22. Бобров Н.Н. Земля внизу: [Очерки об изобретательстве в сов. воздухоплавании] / Н.Н. Бобров; с пред. Арт. Халатова; под ред. Ив. Кириллова. – М.-Л.: Всес. о-во изобретателей, 1935.

23. Бобров Н.Н. Чкалов. – М.: Гослитиздат, 1940.

Последующие издания:

• М.: Гослитиздат, 1941. (Роман-газета; Год изд. 15-й, № 5-6. 1941 г.).

- 2-е изд., доп. и перераб. авт. – Горький: Горьк. изд-во, 1949.
- Изд. перераб. и доп. – М.: Советский писатель, 1952.

24. Бобров Н.Н. Я – «Сокол-17»: Повесть о дважды Герое Советского Союза В.Д. Лавриненкове. – Смоленск: Смол. обл. гос. изд-во, 1951.

Издания произведений Н.Н. Боброва на иностранных языках:

25. Bobrow M. Czkalov; Tlum. Tadeusz Jakubowicz. – Warszawa: Wyd-wo min-wa obrony narodowej, 1951.

26. Bobrov N. Cskalov / Ford. Nanasi Gyorgy es Kovai Loring. – Budapest: Uj magyar konyvkiado, 1951.

27. Бобров Н. Чкалов / Прев. от рус. К. Герасимов. – София: Физкултура, 1953.

28. Bobrov N. Cikalov / In romineste de Demostene Botez. – Bucuresti: Cultura fizica si sport, 1954.

ВАЛЬМУС Сергей Геннадьевич

Галичский краевед, член Галичского отделения Костромского научного общества по изучению местного края, автор книг о Галичском районе, заместитель главного арбитра Арбитража Горторготдела Мосгориспокома (1896–1941).

Сергей Геннадьевич Вальмус родился 6(19) марта 1896 г. в усадьбе Курилово Галичского уезда Костромской губернии. Его отец – Геннадий Михайлович Вальмус – потомственный дворянин, гласный Галичского дворянского собрания, помещик; мать – Надежда Васильевна Вальмус. Род происходил из шотландских дворян Валмисов, перебравшихся в Россию в XVIII в. У семьи было имение неподалеку от города.

Крестным отцом Сергея был соседский дворянин Борис Алексеев, младший брат режиссера К.С. Станиславского.

Сергей поступил в Морской корпус, был гардемаринном, ходил в учебное плавание, но по состоянию здоровья был отчислен. Окончил факультет правоведения Санкт-Петербургского университета. После революции 1917 г. жил в Галиче, работал юрисконсультom. Был женат на Анне Николаевне Вальмус, урожденной Завьяловой; в семье родились дочери Екатерина (умерла в детстве), Ольга (1920–2011) и Тамара (1924–1999).

С.Г. Вальмус был знатоком и любителем родного края. Занятия охотой способствовали написанию брошюры «Флора и фауна Галичского района». Книга «Материалы по обследованию Галичского озера» написана в соавторстве с И.Ф. Правдиным и издана Галичским отделением Костромского научного общества по изучению местного края в 1923 г.; на нее до сих пор ссылаются специалисты разных областей научного знания [7].

7 ноября 1929 г. был арестован в Галиче как «участник контрреволюционной организации», отправлен в Иваново и заключен в тюрьму. В мае 1930 г. был освобожден, летом 1930 г. покинул Галич и переехал в Москву. В 1932 г. перевез в Москву семью. Проживали сначала в Денежном, позже в Трехпрудном переулке. До 1941 г. работал в Арбитраже Горторготдела Мосгорисполкома в должности заместителя главного арбитра.

С началом войны ушел в народное ополчение – в 4-ю дивизию народного ополчения; ему было 55 лет. Последнее письмо с фронта С.Г. Вальмуса жене датировано 19 октября:

«19/Х – 41 г. Милая Ньюшенька! Пишу тебе после весьма сильного боя, который пришлось вести с немцами. По правде сказать, не думал я, что останусь в живых, но по странной случайности – уцелел. Писем сейчас от тебя не получаю, т.к. связь работает плохо, не может нас догнать. Напиши, как ты живешь, как себя чувствуешь. Получила ли мои открытки, которые я послал тебе, проезжая мимо Москвы. Целую всех вас крепко и обнимаю. Люб. вас. С.»

16–18 октября 1941 г. полк, в котором он служил, находился на рубеже: Рождество, Татарка, Мишуково, Ильино, вел бои с наступавшей немецкой дивизией. В списке потерь в районе д. Мишуково Боровского района Московской области числится Сергей Геннадьевич Вальмус, старшина роты 1287-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии [1].

Правнук ополченца Сергей Карамеев собирает и публикует сведения о С.Г. Вальмусе, сотрудничает с Наро-Фоминским историко-краеведческим музеем (Московская область), предоставляя копии документов из семейного архива.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 491.
2. Документ, уточняющий потери // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 399.
3. Документ, уточняющий потери // Савеловский РВК, г. Москва. Ф. Советский РВК. Д. 12-09.
4. Запись из проекта «Дорога памяти».
5. Книга Памяти. Москва. Т. 3.
6. Книга Памяти. Костромская область. Т. 9.

Литература:

7. Вальмус С.Г. Материалы по обследованию Галичского озера / С.Г. Вальмус, И.Ф. Правдин. – Галич: Изд-во Галичск. отд-я Костромского науч. общества по изучению местного края, 1923.

ВЕРЕТЕННИКОВ Василий Николаевич

Художник-график, иллюстратор книг, в том числе детских (1897–1942).

Родился 7 апреля 1897 г. в г. Болхов Болховского уезда Орловской губернии. Из биографической справки в «Творческом деле Веретенникова Василия Николаевича»:

Отец работал объездчиком в лесничестве, долго болел и умер до революции.

Семья многодетная – у матери было 8 человек детей. Благодаря помощи родственников матери, которые жили в Днепрпетровске, они взяли старших братьев в Днепрпетровск с тем, чтобы дать им образование и специальность. Старшие стали помогать младшим братьям.

Василий Николаевич окончил городское училище в Болхове, имел склонность

к музыке – родственники матери и в этом помогали, в семье были народные инструменты: гитара, мандолина, балалайка, скрипка.

К тому времени, когда он окончил школу, старшая сестра вышла замуж и жила в Москве. Василий Николаевич воспользовался случаем и поехал в Москву для поступления в консерваторию по классу скрипки, но по курсу не прошел, остался в Москве и поступил на работу в Московскую таможню. Вечером учился в [Московском городском] народном университете им. [А.Л.] Шанявского на Миусской площади.

Во время Гражданской войны он был мобилизован в Красную Армию и служил при штабе в Белоруссии.

По окончании Гражданской войны он возвращается в Москву и поступает во ВХУТЕМАС; проучился год, взял административный (наверное, академический) отпуск по состоянию здоровья, год жил в Болхове, где не оставался без работы. Он организовал в средней школе, где училась его сестра, музыкальный кружок и кружок рисования. В 1923 году он возвращается в Москву и снова учится во ВХУТЕМАСе, где преподавателем был В.А. Фаворский; по окончании в 1928 году он направляется на работу в Свердловск, где проработал 2 года и снова вернулся в Москву, работал в издательстве.

Когда учился во ВХУТЕМАСе, подрабатывал по подготовке учеников по рисованию для поступления в учебные заведения [3, л. 3–4].

К довоенной биографии В.Н. Веретенникова:

Участвовал в выставках: во ВХУТЕМАСе (Москва, 1925); в Киеве (1926). Свердловске (1929), Москве (1933). Сотрудничал с журналами «Веселые ребята», «Мурзилка».

Жена – Анна Петровна Веретенникова. Проживали по адресу: г. Москва-91, Звонарский пер. 1, кв. 8.

Призван Куйбышевским РВК г. Москвы в народное ополчение. Техник-интендант 1 ранга, командир отделения 2-й роты 2-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Присягу принял 9 августа 1941 г. Дальнейшая служба: 1289-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии.

Учтен пропавшим без вести 25 сентября 1941 г. в районе д. Заозерье Осташковского р-на Калининской обл. [1]. Попал в плен 20 сентября 1941 г. Погиб в плену 15 ноября 1942 г., г. Псков [2].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 491.

2. Документ о военнопленных // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 1396.

Архивные источники. ЦАМО:

3. Военная присяга личного состава 2 полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. 6.8 – 19.9.1941 // ЦАМО. Ф. 6720. Оп. 39787. Д. 1.

Архивные источники. РГАЛИ:

4. Московский союз художников. Творческое дело Веретенникова Василия Николаевича. 1936 – 29 августа 1947 г. // РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 10. Ед. хр. 203.

Книги с иллюстрациями В.Н. Веретенникова:

5. Акульшин Р.М. Озорница Бейка: рассказ / обложка В.В[еретенников]; рис. В. Веретенников. 1-е, 2-е, 3-е изд. – М.: Гос. изд-во, 1927, 1928, 1929.

6. Баршева М.С. Пусть живет: рассказ для детей. – М.: Гос. изд-во, 1927. 8 с.

7. Кожевникова-Никольская А. Грачка: рассказ / рис. В. Веретенникова; обложка А. Щербакова. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1928.

8. Олейников Н.М. ...Пороховой погреб / рис. В. Веретенникова. – М.-Л.: Детиздат, 1937. 16 с.: илл.

ВЕРТИНСКИЙ Николай Сергеевич

Литературовед, музейный работник, музеевед, научный сотрудник.

Родился 27.12.1902 в г. Харькове. Приходился двоюродным братом известному певцу Александру Вертинскому, хотя знакомство с ним отрицал. Семья рано лишилась кормильца: умер отец, судебный следователь. О своем детстве Н.С. Вертинский писал:

Составитель: Е.Г. Брунова.

Материальное положение мое всегда было крайне трудным. Потеряв в 9 лет отца, я учился в гимназии на жалование моей матери, служащей в Гор[одской] управе г. Харькова, и зарабатывал кое-что, давая уроки [5, л. 12].

Николай Вертинский окончил 8 классов 3-й Харьковской гимназии в 1919 г. Под влиянием поэта Г.А. Шенгели увлекся литературой; серьезно работал над изучением поэтов Пушкинской эпохи, изучал немецкую и французскую литературу.

Имея в планах получить серьезное литературное образование, в 1921 г. вместе с матерью и женой переехал в Москву. Поступил на работу в Технопроминспекцию, получил направление в Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова:

В приемную комиссию ВЛХИ:

Настоящим Технопроминспекция Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции откомандировывает своего инспектора Вертинского Н.С. в Высший Литературно-Художественный Институт на предмет получения там в неслужебное время образования и ходатайствует об освобождении гр. Вертинского от платы за учение.

30/X. 1922 [5, л. 4].

В 1922–1923 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова; в 1923–1925 гг. – в Государственном институте слова, окончил аспирантуру Института мировой литературы в 1941 г. Кандидат филологических наук.

В 1925–1929 гг. работал лектором Лекционного бюро МГСПС. С 1925 по 1929 г. – музейный работник, научный работник Наркомпроса РСФСР. В 1938–1941 гг. – научный сотрудник Музея Л.Н. Толстого.

Вступил в народное ополчение 06.07.1941, красноармеец 1-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. В составе 1287-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии в 1941–1942 гг. участвовал в боях под Москвой. С декабря 1941 г. Н.С. Вертинский – радист клуба политотдела 110-й стрелковой дивизии. На 30 марта 1942 г. входил в личный состав дивизионного клуба, был лектором [4, л. 131]. Член ВКП(б) с апреля 1943 г., партийный билет № 5272393.

Н.С. Вертинский активно участвовал в работе Комиссии по истории Великой Отечественной войны (комиссии И.И. Минца) – в написании исто-

ОТЧЕТНАЯ
КАРТОЧКА № 5272393 *
на П/Б

По заполнении подлежит обязательному
возвращению в ЦК ВКП (б)

Заполняется разборчиво чернилами исключительно
на русском языке

Фамилия Вертинский
Имя и отчество Николай Сергеевич
Год рождения 1902
Время вступления в партию Май 1943.
Наименование организации, выдавшей билет
Починковский т-во ВВФ

Личная подпись Вертинский

Обмен. Выдан П/Б 00-162888

13 Мая 1943.

Секретарь Райкома
13 Мая 1943.

Отчетная карточка члена ВКП(б) Н.С. Вертинского. 13 мая 1943 г.

рии 4-й дивизии народного ополчения; ее он начал составлять с первых дней создания. Опубликованы 9 записей воспоминаний бойцов и командиров дивизии, сделанных Н.С. Вертинским – воспоминания полкового комиссара А.А. Змеула, батальонного комиссара А.А. Деди, старшего политрука Т.Ф. Клюшенкова, комиссара батальона 1287-го стрелкового полка Н.Ф. Зайцева, военкома штаба 110-й стрелковой дивизии А.М. Большакова, командиров дивизии подполковников Н.А. Беззубова и А.Н. Юрина, военкома 1287-го стрелкового полка И.Ф. Скоморохова, а также инструктора редакции дивизионной газеты «За Родину» А.Я. Шинберга [7].

В июне 1944 г. Н.С. Вертинский – старший лейтенант, пропагандист госпиталя легкораненых № 3407; его представили к награждению орденом Красной Звезды; в кратком изложении заслуг упомянуты его труды по сбору материала об истории формирования и боевого пути 110-й стрелковой дивизии. Из наградного листа:

С 1.1 по 1.XII.1942 г. тов. Вертинский работал лектором в 110 сд, проводил лекции на переднем крае. Участвовал в боях под Наро-Фоминском, Верея,

Шанским заводом. Вертинский прочитал более 1000 лекций и докладов на политические, исторические и литературные темы. Собрал и систематизировал материал по истории 110 сд для Комиссии по истории Отечественной войны. Будучи в 33 Армии, написал научный труд про художественную литературу фронта, за что получил ученую степень кандидата филологических наук. В госпитале № 3407 с 1943 г.; показал себя исключительно добросовестным работником, четко выполняет приказы, отдает все свои знания делу воспитания раненых, как секретарь парторганизации помогает обеспечивать проведение в жизнь приказов, улучшающих обслуживание раненых [1].

Пропагандист армейского госпиталя легкораненых № 3407 Н.С. Вертинский награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС 33 А № 151/н от 05.06.1945). Из наградного листа:

Ст. лейтенант Вертинский Н.С. – пропагандист 1 хирургического отделения и парторг госпиталя. Исключительно серьезно относится к делу политического воспитания бойцов и личного состава госпиталя. Дело идейной подготовки выздоравливающих бойцов и офицеров поставил на большую высоту. В последнюю боевую операцию лично сутками находился в сортировке, с любовью встречал поступающих раненых, организовывал им питание и быстрое поступление в перевязочную. В 1-м хирургическом отделении в палатах и с каждым бойцом заботливо проводит беседы, выясняет нужды раненого и принимает меры к наилучшему уходу и лечению раненого [2].

Закончил службу 09.03.1946 в звании старшего лейтенанта.

Кроме двух орденов Красной Звезды (1944, 1945) награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

После войны Н.С. Вертинский написал книгу «Путь ополченца», которая не была издана. Работал в музее Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», затем – в Институте мировой литературы им. М. Горького [7, с. 19–20].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Приказ ВС 33 Армии № 306 от 07.08.1944. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2026.
2. Приказ ВС 33 Армии № 151/н от 05.06.1945. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5287.
3. Картотека наградений // ЦАМО. Шкаф 15а. Ящик 22.

Архивные источники:

4. Список личного состава клуба политотдела 110 стрелковой дивизии. 30 марта 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13. Л. 131.
5. Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова. Личное дело студента Вертинского Николая Сергеевича. 1922–1924 // РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 223.
6. Партийные документы Н.С. Вертинского // РГАСПИ.

Литература:

7. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020.

Некоторые работы Н.С. Вертинского:

8. Вертинский Н.С. Литературная работа в клубе (Пособие для кружководов и самодеятельных литкружков). – М.: Пролеткульт, 1927.

9. Вертинский Н.С. Литработа в клубе и красном уголке. – М.: Теакинопечать, 1930.

10. Вертинский Н.С. Газета в России и СССР: XVII–XX вв. – М.-Л.: Огиз – Гос. соц.-эк. изд.: тип. «Красный Пролетарий», 1931.

11. Вертинский Н.С. Роль музеев в сохранении и пропаганде памятников культуры. – М.: [б.и.], 1966 (Гриф: Для служебного пользования).

ВОРОНИН Василий Александрович

Художник-педагог Московского дома пионеров (1908–1985).

Родился в 1908 г. в д. Обухово Санкт-Петербургской губернии.

Призван в народное ополчение в 1941 г. Коминтерновским РВК г. Москвы. Красноармеец 3-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы.

Дальнейшая служба: 1291-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии; 360-й стрелковый полк 74-й стрелковой дивизии. Демобилизован в 1943 г.

Награжден медалями «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

Умер в феврале 1985 г.

Источники информации:

1. Алфавитная карточка // ВК г. Москвы. Ф. Головинский РВК. Д. 21000045.
2. Военно-пересыльные пункты и запасные полки // ЦАМО. Ф. СПП Московского ГВК. Оп. 179516. Д. 114. Л. 4.
3. Список ополченцев // ВК г. Москвы. Ф. Тверской РВК. Д. 11000913.
4. Список участников войны Московского дома пионеров.

Составитель: Е.Г. Брунова.

ГАБИНСКИЙ Николай Сергеевич

Переводчик, литературовед, критик (1910–1982).

Родился 17(4) марта 1910 г. в Москве, в семье служащего. В 1927 г. окончил школу-девятилетку; в 1930 г. – Промышленно-экономический техникум имени Г.В. Плеханова (планово-статистический факультет). Еще учась в техникуме, напечатал несколько небольших рассказов из студенческой жизни. С 1930 по 1932 г. работал в качестве статистика-экономиста в ЦСУ, на фабрике им. Дзержинского.

С 1929 г. состоял в профсоюзе Союза работников издательств, был членом Горкома писателей по групповому комитету ГИХЛ (Государственного изда-

тельства художественной литературы). Являлся членом французской и испанской комиссии МОПР (Международной организации помощи борцам революции).

Учился на курсах иностранных языков, в Московском институте новых языков (МИНЯ) на отделении романских языков.

На втором курсе (в 1932 г.) начал заниматься литературной работой – переводами с французского и испанского языков, печатался в журналах («Новый мир», «Октябрь», «Литература мировой революции», «Интернациональная литература», «За рубежом») и газетах («Вечерняя Москва», «Красная звезда»). Писал статьи и обзоры по вопросам западного искусства и литературной жизни (печатался в «Литературной газете», журналах «Советское искусство», «Литературный критик»). Увлечшись литературой, ушел из института в 1933 г. В 1934 г. женился.

В 1934 г. поступил в Вечерний рабочий литературный институт (впоследствии – Литературный институт им. Горького Союза советских писателей) на отделение прозы, который окончил в 1938 г. Ко времени поступления имел четыре публикации переводов, в том числе романа Ж. Верна «Вокруг света в 80 дней» [4, л. 15]. Псевдоним Н. Сергеев использовал редко.

В предвоенные годы особенно востребованной оказалась антифашистская тематика, литература о Гражданской войне в Испании в 1936–38 гг. Н.С. Габинский переводил, готовил обзоры, рецензии на произведения испанской литературы, посвященные героической борьбе народа с фашизмом. Испанская, а также латиноамериканская тематика стала в его творчестве ведущей.

Для журнала «Октябрь» Н.С. Габинский написал статью «Книга о мужественной борьбе с фашизмом» – о книге «Чапаев: Батальон двадцати одной национальности: Рассказы бойцов батальона (составил Альфред Канторович; перевод с нем. Риты Райт. – М.: Гослитиздат, 1939) – об истории одного из батальонов интернациональных бригад, сражавшихся в Испании.

С 1939 по 1941 г. был аспирантом Института мировой литературы им. Горького Академии наук.

5 июля 1941 г. Н.С. Габинский стал ополченцем (по Академии наук СССР), был рядовым в 4-й дивизии народного ополчения (1287-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии). На фронте принимал участие в армейской печати. За участие в боевых действиях по защите Москвы Н.С. Габинский представлен к награждению медалью «За боевые заслуги», награжден медалью «За отвагу» (Указ Президиума ВС СССР № 204/53 от 06.08.1946). Из наградного листа:

В качестве рядового бойца принимал участие в боевых операциях в районе озера Селигер Калининской области и на дальних подступах к Москве в районе гор. Наро-Фоминска и Боровска. При отражении контратак противника в районе д. Мишукова 18.X. 41 получил два легких ранения в правую руку и правую ногу, поля боя не покинул и продолжал участвовать в отражении контратаки до получения тяжелого ранения (третьего) в правую ногу, после чего был эвакуирован в тыл на лечение.

В настоящее время инвалид Отечественной войны, работает в области перевода и литературоведения в Союзе советских писателей [2].

После ранения восемь с половиной месяцев, до 15 апреля 1942 г., Н.С. Габинский лечился в госпитале; был демобилизован по состоянию здоровья; вернулся в Институт мировой литературы им. Горького, продолжил учебу в аспирантуре.

В 1942 г. принят в члены Союза советских писателей, его литературный жанр – критика, переводы с испанского и французского. В рекомендациях коллеги отмечали, что статьи и переводы Н.С. Габинского заслуживают весьма положительной оценки и характеризуют его как вполне сложившегося литератора [5, л. 43]. Ф.В. Кельин, филолог, поэт-переводчик, один из основоположников советской испанистики и латиноамериканистики, писал:

Знаю Николая Сергеевича Габинского с 1932 г. сперва как ученика моего испанского класса в МИНЯ, а затем как критика-литературоведа. Обладая большой начитанностью в области испанской литературы, как старой, так и современной, Н.С. Габинский был очень полезен в годы республиканской войны в Испании. За это время им было написано около 50 статей по вопросам текущей испанистики, печатавшихся в наших газетах и журналах. Н.С. Габинский является бесспорно талантливым испанистом и хорошо владеет пером. По-моему, он вполне заслуживает того, чтобы быть принятым в Союз советских писателей по секции критики. Ф.В. Кельин. 2.V. 42 [5, л. 48].

Военная, патриотическая, гражданская тематика преобладала как в литературе в целом, так и в творчестве Н.С. Габинского. 18 августа 1942 г. помечена рукопись статьи Н.С. Габинского «Анри Барбюс – борец антифашистского фронта» для журнала «Новый мир»; в ней он писал:

Барбюс был великим сыном французского народа; его темперамент борца видим мы сейчас в гордой свободолюбивой борьбе родного его народа против гитлеровских захватчиков, против их лакеев – правительства Петена – Лавалья... Барбюс с нами, с советским народом, героически отстаивающим свою честь и свободу в борьбе против коричневой фашистской чумы [8, л. 15].

Анри Барбюса он называл глашатаем «единого фронта трудящихся против империалистической войны и фашизма» [8, л. 15].

Для журнала «Знамя» он написал рецензию «Книга большого мужества и большой страстности» – на мемуары Констансии де ла Мора «Вместо роскоши» (Гослитиздат, 1943), в которых говорилось о борьбе испанцев против фашизма. Рецензия заканчивалась словами, актуальными в то время в нашей стране:

За мучения тысяч жителей, стариков, женщин и детей, точно так же как за погибших своих братьев, на нашей территории, мстят сейчас немецким извергам героические бойцы Красной Армии, гонящие нацистские орды на Запад, к границам их коричневой берлоги. Книга Констансии де ла Мора чрезвычайно актуальна, она должна быть прочитана каждым, чтобы с еще большим упорством и ненавистью бороться с ненавистным врагом [6, л. 10].

В журнале «Новый мир» в 1943 г. опубликована рецензия Н.С. Габинского на книгу Эдкама Пинчона «Сапата непобедимый» (Гослитиздат, 1943), посвященную одному из вождей мексиканской революции 1910 г. Эмилиано Сапате.

В 1946 г. Н.С. Габинский стал кандидатом, с февраля 1950 г. – членом ВКП(б), номер партбилета 03163766. Являлся заместителем секретаря партбюро творческой секции переводчиков и критиков иностранной литературы [5, л. 1].

В послевоенное время Н.С. Габинский опубликовал около 200 статей по вопросам испанской и латиноамериканской литературы в журналах «Знамя», «Новый мир», «Книжные новости» и в газетах. Его переводы печатали журнал «Молодая гвардия», газеты «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Советское искусство», «Красная звезда», «Красная газета» (Ленинград), «Водный транспорт», «Иностранная книга», «Вечерняя Москва».

С июня 1950 по 1956 г. работал в журнале «Советский Союз» в должности заведующего общественно-политическим отделом; в 1956–1958 гг. – в журнале «Дружба народов»; в 1962–1975 гг. – в Агентстве печати «Новости»; с 1975 г. – на литературно-творческой работе [5, л. 8].

Семья Н.С. Габинского: жена – Ирина Леонидовна Работнова, профессор, доктор биологических наук, Институт микробиологии Академии наук

СССР; дочери: Ксения Николаевна Габинская, кандидат биологических наук, работала в Химико-фармацевтическом институте; Татьяна Николаевна Габинская, редактор в АПН [5, л. 7 об.].

Правительственные награды: медали «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В память 800-летия Москвы».

Николай Сергеевич Габинский умер 17 марта 1982 г.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Список воендокументов бойцов народного ополчения Куйбышевской дивизии, переданных Куйбышевским РВК г. Москвы Фрунзенскому району г. Москвы 08.08.1941 // ВК г. Москвы. Замоскворецкий ОВК. Д. 11001197.

2. Награждение медалью «За отвагу». Указ № 204/53 от 06.08.1946. Президиум ВС СССР // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744807. Д. 465.13.

3. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 18. Ящик 11.

Архивные источники. РГАЛИ:

4. Литературный институт ССП. Габинский Николай Сергеевич. Личное дело за 1934 год // Ф. 632. Оп.1. Ед. хр. 1310.

5. Союз писателей СССР. Отдел творческих кадров. Габинский Николай Сергеевич, критик, переводчик. Личное дело // Ф. 631. Оп. 39. Д. 1285.

6. Фонд редакции журнала «Знамя». Габинский Н. Книга большого мужества и большой страстности. Автограф и машинопись с правкой и подписью автора // Ф. 618. Оп. 2. Д. 82.

7. Центральный Государственный Литературный архив МВД СССР. Фонд редакции журнала «Октябрь» // Ф. 619. Оп. 1. Д. 897.

8. Редакция журнала «Новый мир». Н. Габинский «Герой мексиканского народа». 22/ХП-43 г. // Ф. 1702. Оп. 1. Д. 285.

Переводы Н.С. Габинского. Отдельные издания:

9. Жид Андре. Дневники. Молодость / пер. с фр. – М.: ГИХЛ, 1934.

10. Мериме П. Собрание сочинений. Т. III / пер. с фр. – М.-Л.: Академия, 1934.

11. Низан Поль. Антуан Блуайе. Роман / пер. с фр. – М.: ГИХЛ, 1934.

12. Южная и Карибская Америка: сборник. – Харьков: Український рабiтник, 1934 (отдельные новеллы).

13. Верн Ж. Вокруг света в 80 дней / пер. Н.С. Габинского. – М.-Л.: Детиздат, 1939.

14. Верн Ж. Вокруг света в восемьдесят дней / пер. с фр. Н.С. Габинского // Верн Ж. Собр. соч.: в 12 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1956.

Некоторые публикации Н.С. Габинского в периодике 1934–1945 гг.:

15. Низан Поль. Война: рассказ / пер. Н. Габинского // Октябрь. 1934. № 7. С. 60–66.

16. Мальро Андре. Смерть Катона: отрывок из романа «Условия человеческого существования» / пер. Н. Габинского // Интернациональная молодежь. 1935. № 4. С. 43–48.

17. Габинский Н.С. Война войне: статья // Красная газета. 1936. 15.10.
18. Габинский Н.С. Революционные писатели Испании // Сов. студенчество. 1936. № 8.
19. Габинский Н.С. Федерико Гарсиа Лорка // Сов. искусство. 1936. № 45.
20. Габинский Н.С. Антивоенная тема в современной испанской литературе. Критический обзор // Знамя. 1937. № 1.
21. Габинский Н.С. Литература народного фронта Испании. Ст. 1, 2 // Знамя. 1937. № 2, 3.
22. Габинский Н.С. Поэты революционной Испании // Книга и пролетарская революция. 1937. № 2.
23. Габинский Н.С. Луис де Тапиа // Огонек. 1937. № 15.
24. Габинский Н.С. Литература Народного фронта Испании // Смена. 1937. № 3.
25. Габинский Н.С. Хемингуэй Э. Пятая колонна: рецензия // Огонек. 1939. № 11.
26. Габинский Н.С. Эми Сяо – певец Отечественной войны Китая. Рецензия // Новый мир. 1940. № 11-12.
27. Габинский Н.С. Новый роман испанского писателя-коммуниста // Что читать. 1941. № 7.
28. Габинский Н.С. Герой мексиканского народа // Новый мир. 1944. № 1–2. С. 223–224.
29. Габинский Н.С. Цыганочка: статья // Литература и искусство. 1944. 4 марта.

ГАЙВОРОНСКИЙ Федор Степанович

Ученый-африканист, педагог (1903–1941).

Родился 2 мая 1903 г. в г. Владикавказе (Орджоникидзе), отец – рабочий-швейник из крестьян, работал во Владикавказе на швейной фабрике. После окончания в 1918 г. четырехклассного городского училища во Владикавказе работал на крахмальном и паточном заводе, в 1919 – ремонтным рабочим на станции Беслан. Во время Гражданской войны в 1919 г. в возрасте 15 лет принимал участие в обороне Владикавказа от наступления белых. Стал комсомольцем 13 июня 1920 г. Вступил добровольно в Красную армию, участвовал в Гражданской войне в боях против Вранге-

ля. В 1920 г. учился на курсах комсостава; служил в армии в 1920–1923 гг., в том числе воевал против басмачей в Туркестане.

После демобилизации – на профсоюзной и комсомольской работе на станции Прохладная Северо-Кавказской железной дороги. Член профсоюза работников госучреждений с 1923 г. В 1924 г. экстерном окончил школу II ступени.

Призван в РККА, служил с октября 1925 по декабрь 1926 г. курсантом Приамурской дивизии во 2-м арtpолку. Член ВКП(б) с 14.08.1926 г. По возвращении – секретарь станичной партийной ячейки на Кубани. С 1 сентября 1928 по январь 1930 г. – курсант Совпартшколы II ступени (г. Краснодар); по окончании учебы работал пропагандистом в Табачном совхозе, «обществоведом» в фабрично-заводской семилетке (ФЗС) в г. Грозный (с этого года начинается его педагогический стаж).

Жена – Мартыненко Вера Павловна; работала счетоводом в колхозах в Краснодарском крае, в Грозном; в Ленинграде – корректором в учебно-техническом издательстве «КУБУЧ» Комиссии по улучшению быта учащихся при Президиуме Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

С 1 сентября 1931 по 1 февраля 1934 г. – студент Ленинградского Восточного института им. А.С. Енукидзе при ЦИК Союза ССР. На полгода в учебе был перерыв в связи с призывом в РККА; служил помощником командира дивизионной батареи (104 арtpолк), затем – ответственный секретарь ВКП(б) полка [1].

Ленинградский Восточный институт – учебное заведение нового типа; оно готовило научные кадры для республик Советского Востока. В 1930-е гг. началась подготовка референтов для нужд Коминтерна.

С сентября 1931 г. в учебные программы был добавлен еще один регион – Черная Африка. Готовили первых советских специалистов-африканистов, и их было немного: в первом наборе 5 студентов, в том числе Ф.С. Гайворонский.

Во время учебы он вел общественную работу: был заворгом (заведующий организационной работой), секретарем ячейки ИСТЭКа – историко-экономического отделения факультета. В характеристике Ф.С. Гайворонского, данной ректором института, значится: *«Выполнение партийно-общественной работы хорошее. В общественной работе активен. Идеологически выдержан. Политически развит хорошо. Общее развитие хорошее. Партвзысканий не имеет. Дисциплинирован. Академическая успеваемость отличная – ударник»* [1, л. 10].

Узкие специалисты, со знанием исторических и современных политических и экономических проблем Африки, необходимы были для Коминтерна – Коммунистического интернационала, международной организации, объединившей коммунистические партии различных стран. В структуру Коминтерна вошел Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ).

1 февраля 1934 г. С.Ф. Гайворонский был принят на должность ассистента-практиканта КУТВ; 7 мая 1934 г. зачислен помощником заведующего секцией Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП); 01.10.1935 г. принят ассистентом-аспирантом Африканского кабинета – информационного центра КУТВ. Уволен 08.07.1936 ввиду ликвидации кабинетов НИАНКП [2, л. 3, 4].

По мнению исследователей, «основатели советской африканистики жили в эпоху революционного энтузиазма» [12, с. 9], но в середине 1930-х гг. многие работники аппарата Коминтерна в СССР были подвергнуты репрессиям; преследования коснулись сотрудников Коммунистического университета трудящихся Востока. Африканисты попали под каток политических репрессий.

Ф.С. Гайворонский, живший в г. Игарка и работавший директором Школы политпросвещения, был арестован 24 августа 1938 г. как член вредительской организации. Дело прекращено 27 января 1940 г. по реабилитирующим обстоятельствам. Вместе с женой он вернулся в Москву [14].

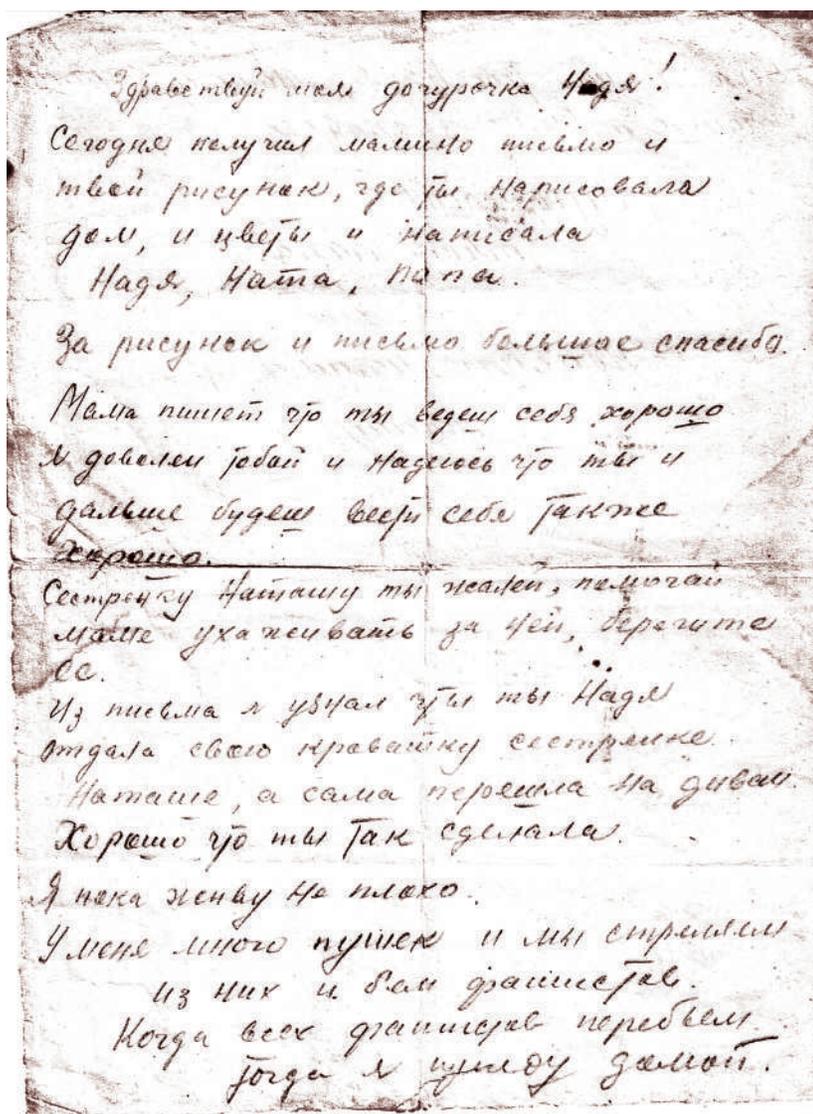
К началу войны Ф.С. Гайворонский был военнообязанным, прошедшим обучение на курсах комсостава, командиром запаса. Зачислен в народное ополчение Куйбышевским РВК. Дома остались жена Вера Павловна, которая ждала второго ребенка, и маленькая дочь Надя; позже они были эвакуированы в Мордовию.

Сохранилось письмо ополченца к дочери Надежде:

Дорогая моя дочурочка Надя! Сегодня получил мамино письмо и твой рисунок, где ты нарисовала дом и цветы и написала «Надя, Ната, папа». За рисунок и письмо большое спасибо. Мама пишет, что ты ведешь себя хорошо. Я доволен тобой и надеюсь, что ты и дальше будешь вести себя так же хорошо. Сестренку Наташу ты жалей, помогай маме ухаживать за ней, берегите ее. Из письма я узнал, что ты, Надя, отдала свою кроватку сестренке Наташе, а сама перешла на диван. Хорошо, что ты так сделала. Я пока живу неплохо. У меня много пушек, и мы стреляем из них и бьем фашистов. Когда всех фашистов перебьем, тогда я приеду домой [6].

Ф.С. Гайворонский, политрук, военный комиссар батареи 1287-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии, погиб 17 октября 1941 г. у деревни Мишуково. Об обстоятельствах его смерти вспоминал ополченец В.Н. Кузьмин:

16 октября 1941 г. наша батарея 1287 полка занимала боевой рубеж на опушке леса между селами Мишуково и Ильино под Наро-Фоминском. Было солнечное утро, вдруг в небе появился двухфюзеляжный самолет-разведчик, он на небольшой высоте пролетел над полем, надо думать, засекая наше местонахождение, и скрылся, но мы поняли, что от этого визита добра не будет. Спустя несколько минут из-за леса появились немецкие бомбардировщики, их было около двадцати. Они летели низко, чуть не задевая верхушки деревьев, сбрасывая бомбы разных калибров, вплоть до тонны. Для воздействия на нашу психику они включили сирены.

Ф.С. Гайворонский. Письмо дочери Надежде. Октябрь 1941 г.
 (Источник: Наро-Фоминский историко-краеведческий музей)

Взрывом пятисоткилограммовой бомбы опрокинуло пушку и засыпало расчет. Когда мы их откопали, они были уже мертвы.

Когда закончилась бомбардировка, первое, что мы услышали: «Убили комиссара». Мы подбежали к комиссару, он был смертельно ранен. Один из нас снял с себя плащ-палатку и прикрыл ею комиссара. Мы хотели отнести его на санитарную повозку, которая была в глубине леса, но буквально через несколько шагов увидели, что он умер. Это был прекрасный человек, работник Министерства Просвещения Федор Степанович Гайворонский [13].

Его вдова получила письмо: «Тов. Мартыненко! С прискорбием бойцы и командиры извещают Вас, что Ваш муж и наш командир тов. Гайворонский погиб 17/X 41 г. и похоронен в дер. Мишуково Наро-Фоминского р-на среди деревни. Мы вместе с Вами переживаем большую утрату боевого товарища. Товарищ по службе» [6].

Имя Ф.С. Гайворонского внесено в паспорт захоронения на воинском мемориале воинам 4-й дивизии народного ополчения в д. Щекутино Наро-Фоминского г.о., куда после войны были перенесены останки ополченцев из братских могил и одиночных могил в д. Мишуково. Также Ф.С. Гайворонский увековечен в д. Белкино Калужской области.

Источники информации

Архивные и музейные источники:

1. Гайворонский Федор Степанович. Личное дело. Коммунистический университет трудящихся Востока // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 307.
2. Гайворонский Федор Степанович. Личное дело. Коммунистический университет трудящихся Востока // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 965.
3. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 232.
4. Там же // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11459. Д. 15.
5. Приказ об исключении из списков // ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 5.
6. Гайворонский Федор Степанович, комиссар батареи 1287 стрелкового полка 110 стрелковой дивизии. Письмо с фронта дочери Надежде. До 17 октября 1941 г. // Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Наро-Фоминский историко-краеведческий музей». НФ ИКМ КП 115/1. Инв. номер ДОК 945.

Публикации Ф.С. Гайворонского:

7. Гайворонский Ф.С. Наталь (провинция Южно-Африканского Союза) // МНКП (Материалы по нац.-колониальным проблемам). 1934. № 6. С. 43–67 (совм. с Вильсоном).
8. Гайворонский Ф.С. Слияние двух партий в Южной Африке // Там же. № 8. С. 163–187.
9. Гайворонский Ф.С. Британские протектораты в Южной Африке // Там же. 1935. № 2. С. 121–143.
10. Гайворонский Ф.С. Фашизация и милитаризация молодежи в Южно-Африканском Союзе // Там же. № 8. С. 110–120.

Литература:

11. Давидсон А. Африканистика, африканисты и африканцы в Коминтерне // Восток. 1995. № 6. С. 118.
12. Давидсон А. Прошлое нашего цеха // Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х / отв. ред. А.Б. Давидсон; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2003.
13. Дорогами подвига. По воспоминаниям В.Н. Кузьмина и материалам архива Московского городского Дворца творчества детей и юношества. – М.: МГДТДиЮ, 1995.

14. Книга памяти Красноярского края. Т. 2. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/318674/>

15. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

16. Щекочихин Ю. Весна, которую они защитили // Юность. 1972. № 1. С. 72–73.

Интернет-источники:

17. Портал программы «Памяти московского народного ополчения». URL: <https://mosopolchenie.ru>

ГЛЕЗЕР Лев Абрамович

Советский шашист, мастер спорта, судья всесоюзной категории, детский тренер, журналист, библиофил (1905–1998).

Родился 7 января 1905 г. в г. Екатеринославе (ныне – Украина, г. Днепр).

Проживал по адресу: г. Москва, Котовского, ба, кв. 2. Жена – Глезер Людмила Григорьевна, сын – Виктор.

С 1930 г. – участник чемпионатов СССР по шашкам. 4 марта 1934 г. вышел первый раздел «Шашки» в газете «Вечерняя Москва» под редакцией мастера Льва Абрамовича Глезера; до января 1936 г. вышло 18 отделов. Он впервые провел для читателей конкурс решения шашечных композиций. Часто

свои статьи мастер подписывал «ЛАГ» – Лев Абрамович Глезер. В 1930-е гг. вел разделы в газете «Постройка», журнале «Колхозный активист»; был ведущим отдела шашек в журнале «64 – Шахматное обозрение».

До войны работал тренером по шашкам в Московском Доме пионеров. Среди учеников – известные мастера, чемпионы столицы Б. Шнер, Л. Мардер.

Призван в народное ополчение Куйбышевским РВК г. Москвы. Красноармеец, командир отделения 1-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы.

В книге Л.А. Глезера «Записки букиниста» имеются воспоминания о военных годах:

Составитель: Е.Г. Брунова.

Занятие книгами и увлечение шахматами и шашками дали мне возможность приобрести друзей, особенно среди трудовой интеллигенции, причем не только в Москве, но и в других городах страны.

Мои отношения с друзьями всегда основывались на принципах доброжелательности, дружелюбия и человеческой душевности. Вся свою жизнь я старался придерживаться именно этих принципов.

Особенно остро взаимопонимание и поддержка проявились во время Великой Отечественной войны.

Я не могу не рассказать здесь об одном эпизоде из моей фронтовой жизни. Нашу 4-ю дивизию народного ополчения Куйбышевского района Москвы (110-я стрелковая), стоявшую у озера Селигер, где она держала оборону, направили со станции Селижарово эшелонами на другой участок фронта. Поезд шел по направлению к Москве, шел очень медленно и часто останавливался. Недалеко от Дмитрова была очередная остановка, примерно в 10–15 километрах от города, рядом с одинокой будкой обходчика. Там дежурила женщина средних лет, и я к ней обратился с просьбой. Дело в том, что в Дмитрове временно проживала моя семья – жена и сын. Они находились у родственников, скрываясь от бомбежек в Москве. Увидев в железнодорожной будке телефон, я попросил позвонить на станцию и сообщить обо мне по адресу, по которому жили мои родные.

Поезд медленно подходил к пустующему перрону станции Дмитров. И только две маленькие фигурки встречали наш эшелон. Это были моя жена – Людмила Григорьевна – и пятилетний сын Виктор. Даже сейчас трудно передать мою радость, и не только мою, но и всего взвода, где я был помощником командира. Мы все как бы получили дополнительный заряд бодрости, духовную поддержку, подкрепление. Дальше все было просто. Доехали до Савеловского вокзала, затем по окружной железной дороге до Киевского вокзала и потом до Наро-Фоминска, где было тогда самое пекло войны.

Вот что такое доброжелательность и высокое чувство единения. А произошло все это так. Путевая обходчица позвонила по телефону дежурному по станции Дмитров. Тут же был послан человек в город по адресу моих родных.

Вспомнив этот эпизод, я, конечно, немного отклонился от своей основной темы – темы книги. Но жизненные испытания, как и книги, очень сближают людей, способствуя выявлению их высоких духовных качеств.

Учтен пропавшим без вести 20.10.1941 в районе д. Мишуково Боровского р-на Московской области, однако остался жив; получил обморожение под Наро-Фоминском, лечение проходил в госпитале в Москве.

Из книги Л.А. Глезера «Записки букиниста»:

Великая Отечественная война всколыхнула всю нашу жизнь. Многие семьи покинули свои насиженные места, многие библиотеки лишились своих владельцев. Предложений о продаже книг было много. Образовывались очереди желающих продать их.

Мне вспоминается Москва декабря 1941 года. Выписавшись из московского госпиталя, в котором я находился на излечении по поводу обморожения ступни ноги (меня доставили туда из Наро-Фоминска, где я, как уже сказал,

участвовал в боях за оборону Москвы), я увидел, что книжные магазины пустуют. Книги ни один магазин не покупает. На улицах в центре Москвы прямо на постеленных на асфальте газетах, рогожах продавали книги издательства «Academia» по бросовым ценам.

Но окончилась война. Уже в 1945 году активизировали свою деятельность государственные библиотеки, музеи, дома отдыха, санатории. Одним нужно было пополнять книжные фонды, другим – создавать библиотеки заново. Следовательно, необходимость в книге в этот период резко возросла.

После войны, с 1957 по 1984 г., Л.А. Глезер работал в московском букинистическом магазине «Пушкинская лавка», помогал пополнять библиотеки многим знаменитым людям, собрал уникальную личную библиотеку. Написал книгу «Записки букиниста». Награжден орденом Отечественной войны II степени (1985).

Умер 25 января 1998 г., похоронен в Москве на Введенском кладбище.

Источники информации

1. Алфавитная карта // ВК г. Москвы. Ф. Преображенский РВК.
2. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 232.
3. Документ в юбилейной картотеке // ЦАМО. Юбилейная картотека награжденных. Шкаф 10. Ящик 13.
4. Глезер Л.А. Записки букиниста. – М.: Книга, 1989.
5. Боровков А.И. Судьба библиотеки Л.А. Глезера // Про книги. 2013. № 2(26).
6. «Байкальские вести». 19.05.2024.

ГОРБАЧЕВСКИЙ Павел Иванович

Деятель революционного движения, участник Гражданской войны, научный работник, преподаватель (1895–1942).

Родился 05.11.1895 г. в деревне Стайки Холмской волости Пинского уезда Минской губернии (сейчас Польша) в крестьянской семье, белорус. С 1905 по 1908 г. – пастух; с 1908 по 1911 г. – рабочий на цементном заводе. Учился в учительской семинарии с 1911 по 1915 г. С 1915 по 1917 г. на военной службе – прапорщик, командир роты. С 1917 по 1919 г. – в органах милиции. Участвовал в Гражданской войне в боях против Деникина – помощник начальника штаба 1-й отдельной стрелковой бригады (1919–1920). Член ВКП(б) с 1919 г. С 1921 по 1937 г. работал в органах НКВД.

С 1938 по 1941 г. учился в Московском институте истории, философии и литературы. Аспирант, заместитель декана исторического факультета МИФЛИ (сослуживцы по 110-й стрелковой дивизии называли его доцентом) [6, л. 19 об.].

Составитель: Л.С. Именнова.

Жена – Горбачевская Татьяна Дмитриевна.

Ополченец, призван Куйбышевским РВК г. Москвы 06.07.1941. Приказом войскам 31 Армии № 073 от 27 сентября 1941 г. Павел Иванович Горбачевский, окончивший школу пропаганды, назначен помощником начальника 1-го (оперативного) отделения штаба 110-й стрелковой дивизии [7, л. 21].

Ст. лейтенант П.И. Горбачевский награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС Западного фронта № 422 от 20.12. 1941). Из наградного листа:

Во время боев в районе Волковской дачи, д. Слизнево и д. Горчухино, непрерывно находился на передовой линии боя. Выполняя задачи командования, проявил смелость, энергию и находчивость, организовывая оборону в полках дивизии, лично участвовал в отражении врага, проявив при этом храбрость и отвагу [1].

С начала января 1942 г., будучи капитаном, командовал 1291 стрелковым полком. Из боевой характеристики:

Боевая характеристика на исполняющего обязанности командира 1291 сп капитана Горбачевского П.И.

Тов. Горбачевский Павел Иванович – мобилизованный командир запаса. Участник Гражданской войны и войны 1914–1917 гг. Член ВКП(б).

В 110 сд с первых дней ее формирования. В дивизии проходил службу до 13.1.1942 в качестве помощника начальника 1-го (оперативного) Отделения штаба дивизии.

Состоя в должности помощника начальника 1 отделения, т. Горбачевский непрерывно находился в полках, выполняя ответственные задания командования дивизии. За проявленную личную храбрость в боях награжден орденом «Красная Звезда». В боевых операциях находчив, энергичен и храбр. Умеет разбираться в сложной военной обстановке. Как командир обладает необходимой волей. Умеет правильно строить взаимоотношения с подчиненными. Требователен к себе и другим.

В связи с отсутствием начальника штаба и командира 1291 сп 10.1.1942 г. тов. Горбачевский был допущен к исполнению обязанностей начальника штаба, а 13.1.1942 г. – командира этого полка.

Как командир полка в достаточной степени еще не изучен.

Командир 110 сд подполковник Беззубов.

Военный комиссар 110 сд ст. батальонный комиссар Килосанидзе. 17.1.1942 [6, л. 17].

Ранен в бою 17 января 1942 г., остался в строю. Приказом войскам 33 Армии № 036 от 9 февраля 1942 г. ему присвоено звание капитана [8, л. 4].

Павел Иванович Горбачевский погиб в бою за дер. Игумново Износковского района Смоленской области 12.02.1942 [3].

Про погибшего командира полка вспоминали сослуживцы; свидетельства сохранились в материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны (Комиссия Минца).

Из книги Ю.В. Виноградова и С.М. Широкова:

12 февраля 1942 г. 1291 сп было приказано очистить от противника дер. Игумново (сейчас Калужская обл.). Выполняя этот приказ, под прикрытием артиллерийского огня полк атаковал вражеские позиции на подступах к деревне и после упорного боя занял ее. Успех боя решила внезапность атаки, смелые и решительные действия бойцов и командиров. Но нелегко достался успех. В бою за дер. Игумново смертью храбрых погиб командир полка, капитан П.И. Горбачевский, доброволец народного ополчения, участник Октябрьской революции в Москве, член партии с 1918 г., награжденный за боевые отличия орденом Красной Звезды. Гибель командира на некоторое время внесла растерянность в ряды атакующих. Увидев это, военный комиссар полка, батальонный комиссар В.Н. Валюк устремился вперед. Бойцы последовали за комиссаром, боевой приказ был выполнен [7, с. 109].

Из стенограммы беседы с А.И. Юриным (6–10 июля 1942 г.):

Потеряли мы одного из лучших командиров полков, ополченца-москвича, доцента Горбачевского... Тов. Юрин отметил также исключительное мужество капитана Горбачевского, командира 1291-го полка, награжденного орденом Красной Звезды, который блестяще выполнил свою последнюю операцию по освобождению от немецких фашистов деревни Игумново и в этом бою пал смертью храбрых [8, с. 231, 233].

Из стенограммы беседы с А.Я. Соколовым, комиссаром дивизии (6–10 июля 1942 г.):

Когда деревню [Игумново] взяли, все очистили, мы с командиром дивизии подъехали, позвонили командиру полка, капитану Горбачевскому. Он доложил, что деревня очищена. Мы с командиром дивизии выехали на рассвете, не доезжая до деревни метров сто – полтора, нам докладывают, что командир полка убит автоматчиками прямо в голову. Подождали 5–10 минут, смотрим, его везут. Приказали взять автоматический пулемет, прочесали лес, закрепились [8, с. 254].

Первичное место захоронения П.И. Горбачевского: Смоленская обл., Износковский р-н, д. Некрасово. Перезахоронен: Калужская обл., Износковский р-н, Шанский завод.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Приказ ВС Западного фронта № 422 от 20.12. 1941. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф 33. Оп. 682524. Д. 235.

2. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 22. Ящик 1.

3. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 30, 232.

4. Приказ об исключении из списков // ЦАМО. Ф. 56. Оп. 122220. Д. 16.

ЦАМО:

5. Именные списки комначсостава частей 110 сд. 1 сентября 1941 – 4 сентября 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13.

Литература:

6. Виноградов Ю.В., Широков С.М. По призыву Родины. – М.: ИРМА, 1995.

7. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020.

8. Книга Памяти Калужской области. Т. 10. С. 707.

ГРИНВАЛЬД Яков Борисович

Журналист, писатель, театровед, театральный обозреватель (1899–1951).

Родился 05.05.1899 г. в г. Умань Киевской обл. Участник Гражданской войны (1918–1919), Украинский и Крымский фронты. В 1930-е и 1940-е гг. Яков Борисович Гринвальд – ведущий театральный критик Москвы. Работал в газете «Вечерняя Москва». Проживал по адресу: Москва, Фурманова, д. 3, кв. 23. Жена – Архангельская Фира Абрамовна.

6 июля 1941 г. вступил в народное ополчение – в 4 ДНО. В октябре 1941 г. Я.Б. Гринвальд назначен ст. кинорадиотехником дивизионного клуба 110-й стрелковой дивизии [5, л. 6]. В Списке редакции газеты «За Родину»

значится как сверхштатный сотрудник, не аттестован [6, л. 64]. В газете опубликованы его статьи: «В освобожденной деревне» (7 декабря 1941), «Стрелки» (16 января 1942) [7] и др.

В последующем – сотрудник газеты «Сталинские крылья» ВВС 43 А ЗапФ; к апрелю 1944 г. – ст. лейтенант, 5-й механизированный корпус, 6-я гв. армия, литературный сотрудник редакции газеты «В решающий бой». Награжден орденом Отечественной войны II степени (приказ ВС 6 ТА 2 Украинского фронта № 14/н от 03.06.1944). Из наградного листа:

Составитель: Л.С. Именнова.

В период наступления наших войск на Украине и в Бессарабии сотрудник газеты «В решающий бой», старший лейтенант Гринвальд все время находился с передовыми частями корпуса. Вместе с ними он участвовал в форсировании Юж. Буга и Днестра. С 156 тп он принимал участие в бою за дер. Губник.

Тов. Гринвальд – доброволец Красной Армии, смелый и храбрый офицер-политработник, очень энергичный, несмотря на свой пожилой возраст.

Находясь в частях как представитель редакции, тов. Гринвальд не ограничивался только собиранием и организацией материалов для газеты, но и знакомил бойцов и командиров со сводками Совинформбюро и приказами товарища Сталина, и активно помогал партийно-комсомольским организациям в их работе по выполнению боевых заданий командования.

Как газетный работник тов. Гринвальд пользуется большим авторитетом в частях корпуса. Его очерки и статьи широко популярны среди бойцов и командиров. 15 апреля 1944 г. [1].

Награжден медалями «За оборону Москвы» (приказ 5 гв мк № 76 от 30.12.1944), «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В послевоенные годы издал несколько книг, публиковал театральные рецензии. Его книги были переведены на идиш, болгарский, польский, венгерский языки.

Я.Б. Гринвальд умер в 1951 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

(Воспоминания Я.Б. Гринвальда публикуются в разделе II настоящего издания.)

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Орден Отечественной войны II степени. Приказ ВС 6 ТА 2 Украинского фронта // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5235.

2. Акт № 76 вручения награжденным медалей «За оборону Москвы». Приказ 5 гв. мк № 76 от 30.12.1944 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 44677. Д 251.

3. Картотека политработников // Картотека личных дел ЦАМО. Ящик Г-2167.

4. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 23. Ящик 17.

Архивные источники. ЦАМО:

5. Именные списки начальствующего состава по состоянию на 1941 год. Дивизионный клуб // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д 13. Л. 6.

6. Именной список начальствующего состава редакции и типографии газеты «За Родину» на 4 февраля 1942 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д 13. Л. 64.

7. «За Родину». Дивизионная газета 110 сд. 1941 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 1. Д. 293.

Отдельные издания произведений Я.Б. Гринвальда:

8. Гринвальд Я.Б. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани. – Саратов: Госиздат, Нижне-Волжское краевое отделение, 1930.

9. Гринвальд Я.Б. Михоэлс: краткий критико-библиографический очерк. – М.: Дер Эмес, 1948.

10. Гринвальд Я.Б. Русский богатырь Иван Поддубный. – М.: Физкультура и спорт, 1948 (следующие издания – 1949, 1952, 1955, 1957 и позже).
11. Гринвальд Я.Б. Три века московской сцены. – М.: Московский рабочий, 1949.
12. Гринвальд Я.Б. Братья Щербаковы: [Заслуженные мастера спорта по боксу]. – М.-Л.: Физкультура и спорт, 1949.
13. Гринвальд Я.Б. Русские силачи: Очерки о прошлом русской тяжелой атлетики. – М.: Физкультура и спорт, 1950.
- Некоторые театральные рецензии:*
14. Гринвальд Я.Б. «Страх». Пьеса А.Н. Афиногенова в МХТ Первом // Вечерняя Москва. 1931. 24 декабря.
15. Гринвальд Я.Б. «Таланты и поклонники» в МХАТ им. Горького // Вечерняя Москва. 1933. 25 сентября.
16. Гринвальд Я.Б. «Анна Каренина» // Вечерняя Москва. 1937. 20 апреля.
17. Гринвальд Я.Б. «Молодая гвардия» на сцене Театра им. Вахтангова // Московский большевик. 1947. 12 октября.
18. «Все мои сыновья». Новый спектакль театра имени Вахтангова // Московский большевик. 1948. 8 декабря.

ГУГЕЛЬ Лев Николаевич

Шахматный композитор; шахматный пропагандист и организатор, журналист (1914–1941).

Родился Лев Николаевич в 1914 г. в г. Уфе, в семье уроженца Могилевской губернии Николая Соломоновича Гугеля, фельдшера во время Первой мировой войны, в мирное время – санитарного, затем школьного фельдшера, впоследствии заместителя комиссара здравоохранения Уфимской губернии, с мая 1920 г. – заведующего Губздравом.

Лев Николаевич Гугель известен в шахматном мире как исследователь популярной в 1930-е гг. двухходовой темы, названной им «продолженная защита», современное название – «черная коррекция». Свою первую двухходовку Лева в тринадцатилетнем возрасте принес в «Пионерскую правду». С 1927 г. опубли-

ковал около 200 двухходовок, многие из которых отмечены призами на конкурсах.

Являлся главным редактором журнала «Физкультура и спорт», редактором шахматных отделов газеты «Пионерская правда» и журнала «Смена» (1930-е гг.), на страницах этих изданий провел первые в СССР массовые конкурсы решения шахматных задач и этюдов. В журнале «Затейник» вел рубрику «Шахматы и шашки».

С 1920-х гг. вел регулярные конкурсы составления двухходовок («Пионерская правда») для пионеров и школьников; наиболее крупный из них – конкурс 1939 г. (1165 задач). Композитор-комсомолец Л.Н. Гугель воспитал целую группу способных молодых проблемистов.

Организатор международных конкурсов по шахматной композиции для молодежи в журнале «Смена» (1932 и 1937) и турниров советских шахматных композиторов. Был председателем Центральной комиссии по шахматной композиции (1939–1941). Сотрудничал с «64 – Шахматно-шашечной газетой».

6 июля 1941 г. Л.Н. Гугель добровольцем пришел на сборный пункт 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы.

Красноармеец 1291-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии Гугель Лев Николаевич пропал без вести в бою под Москвой 20 октября 1941 г., в районе д. Инютино Боровского района [1]. В октябрьских боях под Москвой Лев Николаевич Гугель разделил тяжелую участь многих своих однополчан.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 291.
2. Документ, уточняющий потери // Останкинский ОВК г. Москвы. Оп. 1945. Д. 19.

Литература:

3. Всесоюзный день физкультурника 1941 г. Материалы для докладов и бесед / сост. Л. Гугель и А. Догмаров; Всес. ком-т по делам физ. культуры и спорта при СНК СССР. – М.-Л.: Физкультура и спорт, 1941.
4. Котельников Б. Память сердца // Шахматы в СССР. 1970. № 11. С. 29–30.
5. Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне. Т. 4. С. 449.

ДАВИДОВИЧ Татьяна Ивановна

Библиотечный работник, краевед (1920–1985).

Родилась 14.04.1920 г. в г. Гжатск (ныне г. Гагарин) Смоленской обл. В 1939 г. окончила среднюю школу и поступила в Московский библиотечный институт. Член ВЛКСМ.

Студентка Т.И. Давидович зачислена в народное ополчение Химкинским РВК 06.07.1941. Приняла присягу 6 августа 1941 г. в составе 2-го батальона 2-го стрелкового полка.

Санитарка, санинструктор 2-го батальона 1287-го стрелкового полка Татьяна Ивановна Давидович представлена к награждению орденом Красного Знамени [3, л. 97 об.], но приказом ВС За-

падного фронта от 29.01.1942 № 103 награждена медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа:

Во время боев на подступах к д. Елагино 18–22/ХП-41 г. т. Давидович неоднократно проявляла пример мужества и героизма. Под ураганным минометным огнем противника, презирая смерть, работала по выносу раненых с поля боя. За три дня боев она вынесла около 50 раненых с их оружием, тут же оказывала необходимую помощь. Бойцы, воодушевленные ее примером беззаветной храбрости, возвращались в ряды бойцов, отдающих жизнь за Родину.

Командир полка майор Присяжнюк. Батальонный комиссар Скоморохов. 25 декабря 1941 г. [2].

Награда вручена 24 марта 1942 г. Татьяна Ивановна упомянута в статье «Героини-орденоносцы» дивизионной газеты «За Родину»:

Медалью «За боевые заслуги» награждены военфельдшер Вера Власова, санинструктор Мария Чибисова, санитарка Татьяна Давидович и другие [12].

В годы войны вступила в ВКП(б). Участвовала в обороне Москвы и контрнаступлении советских войск, освобождала Смоленщину, Белоруссию. Была ранена: 1 июня 1943 г. из 600 истребительно-противотанкового артиллерийского полка выбыла в эвакогоспиталь 2386, а затем в 1-ю клиническую больницу г. Москвы [6].

По сведениям картотеки военно-пересыльных пунктов, 03.07.1943 старший сержант Т.И. Давидович отбыла в Костеревский танковый лагерь [7].

Летом 1944 г. Т.И. Давидович была демобилизована в звании старшего сержанта. Вернувшись на родину, работала учительницей. С января 1945

по 1950 г. заведовала Никольской сельской библиотекой в Смоленской обл., избрана секретарем партийной организации колхоза им. А.Н. Радищева. Одновременно училась на заочном отделении Московского библиотечного института, который окончила в 1949 г. В мае 1950 г. назначена заведующей Издешковской районной библиотекой, которой руководила на протяжении 13 лет. За это время библиотека стала центром культурной жизни района и местом притяжения интеллигенции.

С 1963 г. проживала в Смоленске, в апреле этого года назначена заместителем директора областной научной библиотеки имени В.И. Ленина, с июля 1973 до февраля 1979 г. была ее директором. Уйдя на заслуженный отдых, продолжила работать в библиотеке. Т.И. Давидович стала одним из инициаторов создания ежегодника «Знай и люби свой край», на протяжении десяти лет была ответственной за его выпуск. Получала персональную пенсию.

Награды: орден Отечественной войны 2-й степени (06.04.1985); медаль «За боевые заслуги» (29.01.1942); медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970); медаль «Ветеран труда» от 06.02.1979.

Умерла 31.10.1985, похоронена на Новом кладбище в Смоленске.

Источники информации

1. Именные списки военнообязанных, направленных в народное ополчение // Военный комиссариат городов Химки, Долгопрудный и Лобня Московской обл.

2. Награждение медалью «За боевые заслуги». Приказ ВС Западного фронта № 103 от 29.01.1942 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 268.

3. Список военнослужащих дивизии, представленных к правительственным наградам. 6.11.1941 – 9.4.1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 14. Л. 97 об.

4. Алфавитная книга учета награжденных 84 гв. сд 1.8.41 – 31.12.44 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 21. Л. 28.

5. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 25. Ящик 19.

6. Картотека ранений // Филиал ЦАМО (Архив военно-медицинских документов). Картотека общего учета. Ящик 061-27.

7. Военно-пересыльные пункты и запасные полки // ЦАМО. Ф. СПП Московского ГВК. Оп. 179522. Д. 55.

8. Награждение орденом Отечественной войны II степени // ЦАМО. Юбилейная картотека награждений. Шкаф 13. Ящик 21.

9. Решение Смоленского облисполкома о награждении медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» от 31.03.1970 // Государственный архив Смоленской области.

10. Решение Смоленского облисполкома о награждении медалями «Ветеран труда» от 06.02.1979 // Государственный архив Смоленской области.

11. Справка об установлении Давидович Т.И. персональной пенсии местного значения // Государственный архив Смоленской области.

12. Героини-орденоносцы // За Родину. 1942. № 20. 8 марта.

13. Книга Памяти. Вспомним всех поименно: история войны через судьбы ополченцев химкинского батальона 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. – М.: Университетская книга, 2021. С. 70–72.

14. Сергеев Г.Г., Берестова О.А. Химки. Фронт милосердия. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – Клин, 2017. С. 257.

ДУКОВИЧ Валерий Викторович

Художник-монументалист (1908–1941).

Родился 05.05.1908 г. в г. Самарканде.

Из автобиографии В.В. Дуковича:

Отец мой – школьный работник, а мать была учительницей рисования. Но она вскоре после моего рождения заболела тяжелой неизлечимой болезнью (камни в печени) и вынуждена была оставить службу. Таким образом, наша семья жила на одно учительское жалованье отца. Жить было трудно, к тому же лечение матери требовало больших расходов.

В 1916 году я поступил в школу и в 1924 году окончил девятилетнюю школу № 6. С ранних лет я чувствовал склонность к рисованию, и уже в школе обратили внимание на мои работы. В ре-

волюционный период, учась в школе № 6, я все время нес общественную работу, которая главным образом заключалась в изготовлении плакатов, лозунгов, портретов политических и общественных деятелей для различных учреждений.

В 1924 году я поступил в Одесский художественный институт, усиленно занялся искусством, неся в то же время большую общественную нагрузку. За два года пребывания в вузе был секретарем и казначеем ячейки МОПРа, в комиссии НОТа, в Академкомиссии. Кроме того, вел культурно-просветительную работу в подшефных частях, организовывал общественные ячейки, а также исполнял лозунги, плакаты, портреты вождей для них. Обслуживал клубы плакатами, лозунгами, портретами. В 1925 году летом организовал в Самарканде при школе № 1 кружок любителей живописи, а в нынешнем году веду культурную работу в Центральной городской библиотеке, иллюстрируя газеты и исполняя разного рода плакаты.

Все свое детство провел в Самарканде, так как отец мой более 20 лет служит в здешнем крае, таким образом я являюсь уроженцем Узбекистана и по окончании образования буду работать здесь же.

Для поступления В.В. Дуковича в Академию художеств Наркомпрос Узбекской ССР выдал удостоверение в том, что по постановлению Центральной комиссии Узбекской ССР по посылке учащихся в вуз он командирован в Ленинград [2, л. 7].

Лидия Васильевна Чага, жена Дуковича, художница, вспоминала:

Я впервые встретилась с Дуковичем в 1930 году во время вступительных экзаменов в ИЗО. Первый курс у нас был «ознакомительный». ... Лера [В.В. Дукович] вел живопись в мастерской В.Н. Мюллера (театральной). Мы почти не встречались. Вскоре он уехал в Ленинград...

Весной 1935 года мы случайно встретились в Москве, в раздевалке «Всекохудожника» – на Кузнечном, 11, там, где сейчас висит мемориальная доска. Тут же было решено, что я приеду к нему в Самарканд. ... Год мы жили в Самарканде: зимой – в маленьком домике родителей, летом – в мечети Улук-бек на Регистане.

Через год мы переехали в Москву [2, л. 8–9].

В Москве В.В. Дуковичу предложили работу на строящейся тогда Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ) в качестве главного художника павильона Туркменской ССР. Вокруг него сгруппировались друзья-художники – одесситы и ленинградцы. Он был всегда справедливым, веселым товарищем, настоящим другом, изобретательным автором, неутомимым работником. Л.В. Чага писала:

Было весело, день и ночь шла работа, все было завалено планшетам, подрамниками, макетами. В 1937-м году у нас родилась дочь Наташа.

При Управлении строительства ВСХВ была своя газета – «Ударная стройка». В № 66 за 9 июня 1939 г. в ней помещена коллективная статья о павильоне Туркменской ССР. Художники павильона В. Дробышев, И. Софер, И. Кац, А. Шимко писали:

Сделать оформление павильона таким, чтобы оно было понятно посетителям выставки, чтобы оно понравилось им, – вот основная мысль, которой руководствовались мы, работая над оформлением павильона Туркменской ССР. Работа нам предстояла немаленькая. Нужно было изготовить проектные эскизы по 11 нишам, 4 панно с колхозной тематикой, ажурную стенку и 8 стендов по культуре колхозников Туркмении. Главный художник павильона всегда вовремя, не ограничивая творческой фантазии, умело направлял работу бригады.

Практическое осуществление наших творческих замыслов обогатило наш опыт, который используем в дальнейшей работе по отображению побед социализма в нашей стране [2, л. 19].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1939 г. «О награждении организаторов, строителей и оформителей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки» в связи с успешным окончанием работ

по строительству ВСХВ награждены особо отличившиеся, в том числе Дукович Валерий Викторович, главный художник павильона Туркменской ССР – орденом «Знак Почета».

Накануне войны В.В. Дукович – член МОССХ (Московского союза советский художников), служил в Наркомпищепромиздате в качестве главного художника. Много работал, писал не только на заказ, но и по вдохновению. Л.В. Чага сохранила одно из писем В.В. Дуковича из Самарканда мирного времени (1940):

Хотел писать вчера, но сил не было... Распорядок у меня такой: в Старый город с утра. Беру с собой завтрак и оттуда домой. Мою кисти, кушаю и спать. Ложусь совершенно без ног и с больными плечами. От живописи у меня болят плечевые мускулы. Пишу часов 8 в яростном темпе, к концу работы не могу поднять руку [2, л. 10].

В первые же дни войны, 06.07.1941, В.В. Дукович записался в народное ополчение – в 4-ю дивизию народного ополчения; служил в 1287-м стрелковом полку 110-й стрелковой дивизии.

Из писем В.В. Дуковича-ополченца:

Я с оказией посылаю это письмо... Попытайся мне послать телеграмму по адресу: Сычевка – Смоленская, почтовый ящик № 16, батарея, мне... Не скучай обо мне. Мне хорошо. У меня чудные товарищи. Я рад, что делаю полезное для Родины дело. 21/VIII.

...Я получил твою открытку. Рад несказанно. Ты в ней почти ничего не пишешь, но я понял по тону, что вы живете у мамы и что Наташенька жива. Я так перестрадал от мысли, что с ней что-то неблагополучно, что от меня, как от прежнего Лерки, – ничего не осталось. Надеюсь на свою живучесть и думаю, что вернусь и стану постепенно восполнять недостатки, от которых здесь исправился. Последние две недели я еще страдал от неудержимого желания порисовать. Мне казалось, что я вижу цветом, а пейзажи так хороши, наконец вчера я получил возможность вечером поработать, но от того ли, что я так ждал этой минуты, или от того, что руки и голова отвыкли, ничего не получилось...

Сегодня с утра, по счастливой случайности, я опять свободен. Сажу на берегу Селигера, смотрю в голубую даль, на сверкающую воду и мечтаю. Как все хорошо кругом. И свежий ветер, и солнце за лебедиными перьями облаков, и серебряный воздух... Пиши мне побольше, пиши чаще – у тебя больше возможностей... 29 сентября 41 г. [2, л. 10, 11].

Красноармеец 1287-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии Валерий Викторович Дукович пропал без вести 20.10.1941 в районе д. Мишуково Боровского р-на Московской обл. [1].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Ед. хр. 232.

Архивные источники. РГАЛИ:

2. Творческое дело. Дукович Валерий Викторович, г.р. 1908, монументалист. 1930 – 5 декабря 1988 // РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 10. Ед. хр. 379.

3. Письма художников в МОССХ с фронта и из эвакуации о бронировании квартир и мастерских, охране художественных произведений // РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Ед. хр. 285.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении особо отличившихся организаторов, строителей и оформителей ВСХВ // Строительная газета. 1939. № 99/39.

5. Навечно в памяти народной: сборник / сост., ред. З. Костюшина; худ. А. Бобров, изд. 2-е, доп. – М.: Молодая гвардия, 1975.

6. Ройтенберг О.О. Неужели кто-то вспомнил, что мы были...: Из истории худ. жизни, 1925–1935. – М.: Галарт, 2004.

7. Ройтенберг О.О. Они погибли на войне // Искусство. 1985. № 4.

ЖИТЕНЁВ Валериан Степанович

Художник-график, иллюстратор, плакатист, педагог, автор научно-методических книг по изобразительному искусству (1902–1974).

Родился 11 февраля 1902 г. в с. Арженка Козловского уезда Тамбовской губернии. В 1909 г. поступил в начальную школу в г. Саратове. В 1912 г. в связи с переездом семьи в Восточную Сибирь (станция Слюдянка Забайкальской железной дороги) продолжил учебу в высшем начальном училище, которое окончил в 1915 г. В этом же году поступил во 2-й класс Иркутского реального училища и окончил его в 1921 г. Последние два года учился с перерывами, так как ему приходилось работать в качестве слесаря и токаря в мастерских учебных пособий Центрального педагогического музея Иркутского губнаробраза.

В конце 1919 г. В.С. Житенёв ушел добровольцем в Красную гвардию (Иркутская Красная боевая железнодорожная дружина), участвовал в боях против отрядов генерала Каппеля под Иркутском. В апреле 1920 г. в связи с приходом Красной Армии дружина была расформирована.

В конце 1919 г. В.С. Житенёв ушел добровольцем в Красную гвардию (Иркутская Красная боевая железнодорожная дружина), участвовал в боях против отрядов генерала Каппеля под Иркутском. В апреле 1920 г. в связи с приходом Красной Армии дружина была расформирована.

Составитель: Е.Г. Брунова.

В 1918 г. поступил на вечерние курсы в художественную студию г. Иркутска, в 1922 г. был принят в основной контингент учащихся студии, которую окончил в 1925 г. Учебу в студии совмещал с работой. В 1922 г. преподавал рисование в 9-й Иркутской пехотной школе комсостава, будучи призванным в ряды Красной Армии.

В 1925 г., после окончания художественной студии, по путевке Союза работников искусств (Рабис) член профсоюза с 1923 г. В.С. Житенёв был командирован в Москву в Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) и принят на 1 курс полиграфического факультета, который окончил в 1930 г. (уже как Высший художественно-технический институт – ВХУТЕИИ) по специальности «художник-технолог». В период учебы занимался на курсе Н.Н. Купреянова.

Член Союза художников СССР с 1932 г. (член графической секции Московского союза художников).

С 1927 г. В.С. Житенёв начал работать в качестве художника и оформителя книги в издательствах и журналах «Безбожник», «Мурзилка», «Юный натуралист», «Дружные ребята», «Вокруг света», «Всемирный следопыт». В 1935 г. в числе других художников выполнил специальное задание Профинтерна (антивоенные плакаты). Одновременно, с 1931 по 1938 г., работал преподавателем рисунка и литографии в Полиграфическом институте, Московском архитектурном институте изобразительных искусств, в архитектурно-планировочных мастерских Москвы и мультипликационных мастерских Мосфильма. С 1937 по 1941 г. – художественный редактор журнала «Мурзилка».

В начале июля 1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение. Сержант, командир отделения 3-й роты 1-го батальона 2-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Присягу принял 09.08.1941.

Дальнейшая служба: 1289-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии, 29 опс и радионавигационного обеспечения АДД. Участвовал в боях, был контужен. Награжден медалью «За оборону Москвы» (1944).

В 1943 г. был зачислен в Студию военных художников им. М.Б. Грекова, работал как военный художник действующей армии. Демобилизован в 1945 г.

После демобилизации продолжал работать в издательствах и журналах г. Москвы как художник-иллюстратор и оформитель книги (издательства «Молодая гвардия», «Физкультура и спорт», Главсевморпути и др.; журналы «Дружные ребята», «Молодой колхозник», «Вокруг света», «Охота и охотничье хозяйство» и др.).

В 1947–48 гг. В.С. Житенёв – художественный редактор журнала «Молодой колхозник», в 1950 г. – заведующий отделом иллюстраций «Комсомольской правды», в 1951–52 гг. – художественный редактор издательства «Физкультура и спорт».

В 1952 г. В.С. Житенёв начал работать в Московском заочном полиграфическом институте преподавателем по рисунку. В 1960 г. избран по конкурсу на должность и.о. доцента Московского полиграфического институ-

В.С. Житенев. Журнальная иллюстрация. Журнал «Мурзилка». 1938 г. № 11

та, а в 1961 г. был утвержден в ученом звании доцента кафедры рисунка, живописи и графики.

В Московском полиграфическом институте работал на факультете художественного оформления печатной продукции до 1970 г., когда вышел на пенсию.

Военные графические работы В.С. Житенёва хранятся в Музее Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Поклонной горе, тиражные плакаты художника – в изобразительном фонде Научной библиотеки Государственного архива Российской Федерации (НБ ГА РФ).

Умер 5 апреля 1974 г.

Источники информации*Интернет-портал «Память народа»:*

1. Списки призыва и демобилизации // ВК г. Москвы. Ф. Кунцевский ОВК. Д. 11001263.

2. Приказ 29 опс и радионавигационного обеспечения АДД № 167 от 18.10.1944. Награждение медалью «За оборону Москвы» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 44677. Д. 188.

Интернет-источники:

3. Житенёв Валериан Степанович. URL: https://artchive.ru/artists/19532~Valerian_Stepanovich_Zhitenev

4. Рисунки В.С. Житенева. URL: <https://sergej-manit.livejournal.com/190439.html>

ЗАМКОВ Сергей Андреевич

Архитектор (1905–1941).

Родился в 1905 г. в г. Москве. Из многолетней семьи крестьянина, перебравшегося в Москву.

Проживал по адресу: г. Москва, Плотников пер., 10, кв. 7. Отец – Замков Андрей Кириллович, жена – Плевако Наталия Сергеевна, брат – Замков Алексей Андреевич (врач, муж скульптора Веры Мухиной).

Учился в Высшем архитектурно-строительном институте.

Участвовал в разработке проекта театра в Харькове (1931) и конкурсного проекта Дворца Советов (1932) в Москве.

Работая в Институте курортологии, С.А. Замков в течение 1934–1936 гг. совместно с архитектором А. Голубевым выполнил проекты бальнеологического курорта Дарасун в Читинской области, санатория в г. Костино, санатория «Зеленый город» в Подмоскowie. Принимал участие в разработке проекта курортов Боровое и Мацеста. Несколько лет был главным архитектором Сельхозпроекта.

В 1930-е гг. вместе со скульптором В.И. Мухиной работал над проектом застройки площади и установки памятника А.М. Горькому в г. Горький.

Его лицо хорошо всем знакомо и является одним из символов СССР: скульптор В.И. Мухина воспроизвела его в образе рабочего в скульптур-

ной композиции «Рабочий и колхозница» для Советского павильона на Международной выставке в Париже (1937).

В Государственной Третьяковской галерее хранится скульптурный портрет С.А. Замкова работы В.И. Мухиной. Сохраняя портретное сходство, Мухина создала обобщенный образ молодого поколения Советской страны. Она дала второе название портрету – «Строитель», вкладывая в это слово широкое понятие творца-строителя нашей жизни, в какой бы сфере он ни работал. «Кроме портретного сходства с человеком, – говорила Вера Игнатьевна, – я хотела воплотить в скульптуре синтетический образ строителя, его непреклонную волю, его уверенность, спокойствие и силу».

13 июля 1941 г. С. Замков оставил архитектуру, как он считал, «на время» и ушел в народное ополчение, призван Куйбышевским РВК г. Москвы.

Красноармеец, стрелок 1-го стрелкового полка 4-й дивизии народно-ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Дальнейшая служба: 1287-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии. Был ранен, но остался в строю.

Пропал без вести 16–18 октября 1941 г. в Боровском районе Московской обл. (ныне Калужская обл.). По семейным рассказам, погиб 20 октября 1941 г. под Наро-Фоминском.

27 декабря 1941 г. В.И. Мухина написала своим подругам Н. Г. Зеленской и З.Г. Ивановой в Самарканд:

Милые мои девочки! С Новым годом! Пожелаем друг другу, чтобы он был легче старого, для меня он был тяжел. 20-го октября убит наш милый Сережа Замков, где-то недалеко от Москвы. Убит в бою, как пишет его жена Наташа. Как мне бывает больно, когда гибнет что-то красивое, а он был красив и душою, и телом...

По проекту С.А. Замкова в 1947 г. в Москве был построен дом-мастерская Мухиной, где жила ее семья и где она работала (переулок Островского, ныне Пречистенский пер., д. 5А). Там находится сейчас музей и рядом стоит памятник В.И. Мухиной.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 491.

2. Там же. Оп. 18002. Д. 667.

Литература и электронные ресурсы:

3. Архитектор в солдатской шинели; Дневники, воспоминания, стихи, рассказы архитекторов – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред.-сост. Б.Е. Светличный. – М.: Стройиздат, 1985.

4. Виртуальный музей Надежды Петровны Ламановой. URL: <https://lamanova.com>

5. Воронова О.И. Вера Игнатьевна Мухина. – М.: Искусство, 1976.

6. Дом-мастерская Веры Мухиной // Интерактивный городской гид «Узнай Москву». URL: https://um.mos.ru/houses/masterskaya_very_mukhinoy

ИВАНОВ Федор Герасимович

Преподаватель, кандидат экономических наук, доцент.

Родился 5 мая 1903 г. в д. Клемятино Ярцевского района Смоленской области в семье крестьянина-бедняка, помогал отцу в занятиях сельским хозяйством. 1921–1924 гг. – обучение на курсах при Смоленском государственном университете; с 1926 г. – в Донском сельскохозяйственном институте в г. Новочеркасск Ростовской области. Одновременно с апреля 1926 по сентябрь 1927 г. работал вожатым-воспитателем в детском доме. С 1927 по декабрь 1930 г. – учеба в Московском финансово-экономическом институте, в аспирантуре на кафедре экономики и финансов сельского

хозяйства. Защитил диссертацию на степень кандидата экономических наук в марте 1934 г. В 1936 г. присвоено звание доцента.

С сентября 1934 по сентябрь 1938 г. работал доцентом на кафедре Саратовского кредитного института, а с сентября 1938 по апрель 1941 г. – доцентом на кафедре политэкономии Саратовского планового института. С апреля 1941 г. по 6 июля 1941 г. – старший экономист Народного комиссариата финансов СССР [4, с. 421–422].

Член ВКП(б) с ноября 1939 г. Вступил в народное ополчение 6 июля 1941 г. Служил интендантом 3-го ранга 1291-го стрелкового полка, 16 августа 1942 г. переведен в 1289-й стрелковый полк.

Гвардии капитан, агитатор 245-го гвардейского стрелкового полка 84-й гвардейской Карачевской стрелковой дивизии Ф.Г. Иванов проявил себя в боях за освобождение Орловской области; решением Военного Совета 11-й гвардейской армии награжден медалью «За отвагу» (приказ № 99/н от 13.10. 1943). Из наградного листа:

Тов. Иванов – доброволец народного ополчения и служит в дивизии со дня ее формирования. Два с лишним года своей службы т. Иванов ведет агитационно-пропагандистскую работу среди бойцов и командиров на переднем крае, в окопах, траншеях, в походе.

В июльско-августовских боях т. Иванов показал образцы мужественного выполнения своего долга перед Родиной. Под огнем врага он пробирался в передовые цепи бойцов, воодушевляя их на боевые подвиги. В бою под д. Хотынец, когда немцы пошли в контратаку на наш 1-й стрелковый батальон,

тов. Иванов организовал иквальный пулеметный и автоматный огонь. Контратака была отбита с большими потерями для врага [1].

Агитатор 245-го гвардейского стрелкового полка, гвардии капитан Иванов Федор Герасимович награжден орденом Отечественной войны II степени (приказ ВС 11 гв. армии № 6/н от 07.01.1944) за участие в боях по освобождению Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Из наградного листа:

17.12.43 г. в боях под деревней Большие Горельши Городокского района Витебской области тов. Иванов показал примеры мужества и отваги. Противником был создан в указанной деревне крепкий опорный пункт. Роты полка несколько раз бросались в атаку, но под сильным огнем противника вновь залегали. Только единовременная и стремительная атака могла решить исход боя. Тов. Иванов под сильным артогнем противника прополз в боевые порядки подразделений, разъяснил бойцам боевую задачу и поднял их наступательный дух. Под ураганным огнем бойцы смело поднялись в атаку и с криком «Ура» ворвались в деревню. Тов. Иванов все время был в боевых порядках и вместе с бойцами ворвался в деревню. Как агитатор полка гвардии капитан Иванов хорошо поставил агитационную работу; и словом, и делом воодушевляет бойцов на боевые подвиги.

В марте – апреле 1944 г., после ранения, пробыл месяц на излечении в госпитале, затем до августа 1944 г. работал преподавателем на курсах младших лейтенантов 11-й гвардейской армии и с августа по октябрь – лектором 11-й гвардейской армии.

В 1944 г. назначен преподавателем политэкономии Военной инженерной Краснознаменной академии им. Куйбышева. Окончил службу в звании подполковника 14 августа 1956 г.

Ф.Г. Иванов награжден правительственными наградами: медалями «За оборону Москвы» (01.05.1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), «В память 800-летия Москвы» (1948), «30 лет Советской Армии и Флота» (1948), «За боевые заслуги» (13.06.1952), орденом Красной Звезды (30.12.1956).

Источники информации

1. Приказ ВС 11 гв. А Брянского фронта № 99/н от 13.10.1943. Награждение медалью «За отвагу» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1698.
2. Приказ ВС 11 гв. А № 6/н от 7 января 1944 г. Награждение орденом Отечественной войны II степени // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 2523.
3. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 36а. Ящик 4.
4. Иванов Федор Герасимович // Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020. С. 421–422.

ИВАШОВ Николай Николаевич

Медицинский работник, сотрудник Московского музея охраны труда.

Родился 5 июля 1900 г. в г. Москве. В 1916 г. окончил среднюю школу и поступил учиться на медицинский факультет университета. Принимал участие в Гражданской войне, в Красную Армию ушел добровольцем, служил телефонистом в тяжелой дивизионной артиллерии на Северо-Западном фронте. Окончил дивизионные курсы, назначен старшим инструктором связи артиллеристской разведки.

Демобилизован в 1922 г., сильно болел. Окончил университет в 1928 г., работал в клиниках, затем в сфере профессиональной гигиены, накануне войны – в Московском музее охраны труда, руководил отделом ученого совета Московского института охраны труда.

Был освобожден от военной службы по состоянию здоровья; вступил в народное ополчение. Зачислен во 2-й полк 4-й дивизии народного ополчения; организовывал санитарную службу. В боях под Волковской Дачей был контужен.

4 ноября 1941 г. получил приказ принять санитарную службу дивизии [1, л. 4 об.]. Военврач Николай Николаевич Ивашов, дивизионный врач 110-й стрелковой дивизии, награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС Западного фронта № 422 от 20.12.1941). Из наградного листа:

В период боев 1–5 декабря в районе Слизнево, Волковская Дача, Могутово т. Ивашов лично руководил оказанием помощи раненым в боях бойцам и командирам.

Обеспечил своевременную эвакуацию раненых в медсанбат и из медсанбата в госпиталь. Правильно используя все средства, т. Ивашов спас жизнь многим раненым в бою бойцам и командирам.

8 декабря 1941 г. Командир 110 сд Матусевич. Военный комиссар 110 сд батальонный комиссар В. Килосанидзе [2].

Боевую и профессиональную характеристику Н.Н. Ивашова дал военком штаба 110-й стрелковой дивизии Алексей Михайлович Большаков в воспоминаниях, написанных для Комиссии по истории Великой Отечественной войны (Комиссия Минца):

Н.Н. Ивашов – начсандив – начал свою работу в нашей дивизии в качестве добровольца-ополченца. С самого начала он был использован по специальности и работал старшим врачом 2-го стрелкового полка. Его работа – лечебная и санитарная – уже тогда выгодно выделялась среди такой же работы других частей. Энергичный, инициативный, исключительно заботливый, неустойчивый, тов. Ивашов сумел поднять эту работу на должную высоту. В момент перехода из района Добрино – Каменское 2-го стрелкового полка тов. Ивашов полностью сохранил всю материальную часть своей санитарной роты, и ее личный состав прибыл к месту назначения в полной боевой готовности. Тов. Ивашов не оставил ни одного раненого и обеспечил их эвакуацию средствами своего полка и транспортом местного населения. Назначение его начсандивом можно рассматривать как весьма удачное выдвижение, так как он безусловно обладает соответствующими качествами и как организатор, и как специалист в своей области работы. Начиная с его назначения, медицинская работа дивизии значительно повысилась как в полках, так и в медсанбате. Тов. Ивашов бывает в самых жарких местах, не страшась обстрелов, и своей умелой рукой немедля он организует работу на важнейших участках, обслуживающих части, ведущие бой. Находясь в курсе боевых задач, которые предстоит разрешать дивизии, тов. Ивашов успевает проверить на месте готовность санитарных частей, полков, ППМ, медсанбата и привлекает к разрешению этих задач основное ядро медсанбата.

По-деловому подходя к людям, тов. Ивашов оценивает их по работе – это его основной критерий при рассмотрении медицинских кадров. Можно считать, что только благодаря такому деловому руководству основные участки работы санчасти и санрот возглавляются работниками соответствующей квалификации. За прекрасное построение санитарной работы и лично проявленное мужество тов. Ивашов награжден орденом Красной Звезды [7, с. 213–214].

Начальник Полевого подвижного госпиталя № 770 Н.Н. Ивашов награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС 33 А № 183 от 20.05.1943). Из наградного листа:

Начальник госпиталя – военврач 2 ранга т. Ивашев с первого дня войны на фронте, мужественно и инициативно работает в медицинских учреждениях действующей армии.

Госпиталь, руководимый тов. Ивашевым, образцово справился при наступательных боях нашей армии. 3500 раненых, из них большинство тяжело раненных, принял госпиталь в течение месяца, произвел им полную тщательную обработку, хорошо организовав эвакуацию, не допустив ни одного случая отправки нетранспортабельных раненых.

В эти напряженные дни госпиталя тов. Ивашев, проявив исключительную энергию и инициативу, смог создать все условия нормальной медицинской помощи, развернув госпиталь на 700 коек, вместо 200 коек, предусмотренных штатом, причем все поступающие раненые, а их было по

500–550 в день, были помещены в закрытые помещения и обеспечены горячей пищей.

Образцово организовав работу госпиталя, сплотив коллектив и широко применяя методы соцсоревнования, тов. Ивашев добился отличных результатов, с успехом выполнив задание командования [3].

Подполковник медицинской службы Н.Н. Ивашов награжден орденом Отечественной войны II степени (11.07.1945).

Дата окончания службы – 1945 г.

(Стенограмма беседы с Н.Н. Ивашовым публикуется в разделе II настоящего издания.)

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Именные списки комначсостава частей 110 сд. 1 сентября 1941 – 4 сентября 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13.

2. Приказ ВС Западного фронта № 422 от 20.12.1941. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 235.

3. Приказ ВС 33 А № 183 от 20.05.1943. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 787.

4. Картотека политработников // Картотека личных дел. ЦАМО. Ящик И-390.

5. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 36а. Ящик 9.

6. Картотека политработников // ЦАМО. Картотека медицинских работников.

Литература:

7. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020.

КОЗЛОВ Дмитрий Всеволодович

Фронтовой фотокорреспондент (1904–1991).

Родился в Москве в дворянской семье 21 апреля (по старому стилю) 1904 г. Его отец – Всеволод Николаевич Козлов, отставной военный, земский начальник, владел имением рядом с селом Долгие Лески. Дети с матерью большую часть года жили в Москве в Ваганьковском переулке.

К моменту революционных событий Дмитрий учился в 5-й Московской гимназии, но так ее и не окончил. Приписав себе год, он поступил в отряд самокатчиков-курьеров по особо важным поручениям при правительственных структурах.

В 1920 г. 15-летний, а по документам 16-летний, Козлов отправился с обозом зерна в Севастополь. Там он «заболел» морем. В 1922 г. черно-

морца Козлова направили учиться в Ленинград в Военно-морское училище, на подготовительные курсы. Курсант Дмитрий Козлов окончил их практически за год: старший курс должен был идти в поход на «Авроре»; упустить такой шанс Дмитрий не мог. Членом команды крейсера побывал, а позже специально провалил экзамен за следующий курс и ушел служить в торговый флот на буксир «Надежда».

Его дочь вспоминала:

Он бы так дальше и ходил, но тут его год попадает под призыв в армию. Отца списывают. Он возвращается в Москву, доказывает, что уже семь лет отслужил. Но пока он решал вопросы, «Надежда» уже ушла в рейс. И здесь отец узнает, что есть место на парусном судне «Товарищ». Это огромный и очень красивый парусник. На нем отец совершает трансатлантический поход и уникальный проход через Кильский канал. Дело в том, что высота мачт не позволяла пройти под мостами канала и команде пришлось опускать их [9].

Дмитрий Козлов служил на «Товарище» в тот момент, когда 24 февраля 1928 г. судно столкнулось с итальянским пароходом «Алькантара» в Английском канале близ Дандженесса. Судебное разбирательство длилось около двух лет, и в результате удалось доказать, что вины «Товарища» в столкновении не было.

Тельняшка сопровождала Д. Козлова всю жизнь, несмотря на то что последний раз он выходил в море матросом в 1934 г., когда был в составе команды, перегонявшей из Англии в Ленинград теплоход «Windermere». Во время плавания он писал в дневнике:

Я уже озяб, но вниз идти нет никакого желания. Я здесь впервые, и всё, всё для меня ново. Подошедший к паруснику буксир развернул его и сейчас ведет мимо нас. Большие три мачты, вооруженные так же, как и на «Товарище», невольно зовут меня. Хочется ощутить высоту, хочется почувствовать опасность и упорство, работая на них. Он счастливый, он, наверное, идет в дальний рейс, в южные моря, в южные страны.

На реях уже кто-то копошится. Я так завидую этому чужому незнакомому мне человеку; отдают паруса, готовят их, чтобы слышать в них песни пойманного ветра. Знакомая паутина снастей, окружающая каждую мачту, тянет меня к себе. С наслаждением я попался бы туда как муха, но не старался бы выбраться оттуда. Незачем. Слишком хорошо там. И неужели в своей дальнейшей жизни мне не придется больше поработать

в той обстановке постоянной зависимости от ветра, от различных причуд океана? Там спокойно [7].

Морскую карьеру пришлось оставить. В 1930-е гг. Д.В. Козлов работал в Московском уголовном розыске. Одновременно он серьезно увлекся фотографией, которая стала делом всей его жизни. Он был одним из первых фотографов в Третьяковской галерее, занимался репортажной съемкой по договорам, с удовольствием согласился на предложение своего учителя В.А. Шнейдорова поучаствовать как фотограф и ассистент в съемках фильма «Джюльбарс». До Великой Отечественной войны он снимал на Кавказе и Памире, на Волге и Амуре, в Москве, Ленинграде и в дальних поселках; заключил договор на фотосъемку нефтепромысла; дата на договоре – 19 июня 1941 г.

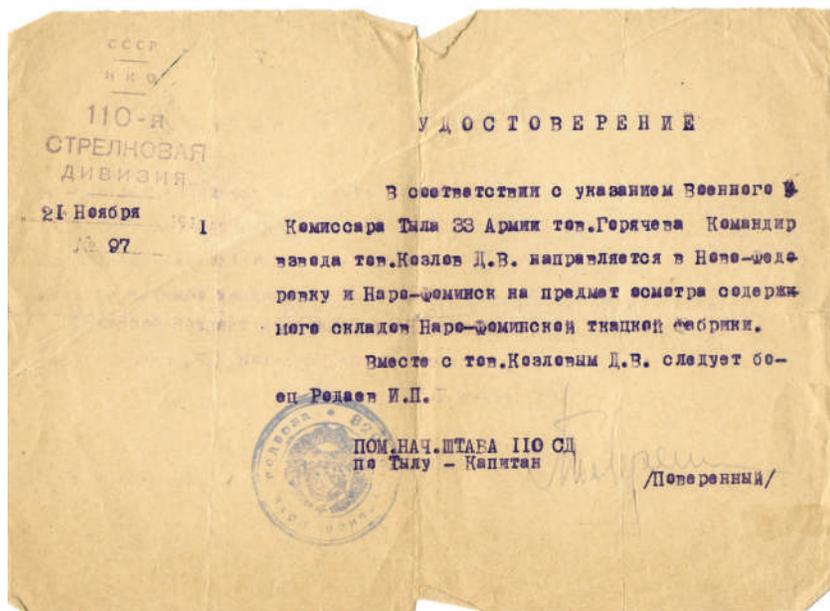
С началом войны он ушел в народное ополчение. Поскольку имел за плечами учебу в военном заведении, с 24 сентября 1941 г. был назначен на должность командира взвода автороты сборного пункта аварийных машин (СПАМ) 110-й стрелковой дивизии. Его задачей было руководить сбором разбитой на поле боя техники для отправки на ремонт.

В период тяжелых оборонительных боев под Москвой по указанию Военного комиссара тыла 33-й армии в ноябре он несколько раз был командирован в Новофедоровку и Наро-Фоминск для осмотра содержимого складов Наро-Фоминской ткацкой фабрики. Приказом по 110 стрелковой дивизии № 74 от 26 декабря 1941 г., в день освобождения Наро-Фоминска от немецко-фашистских войск, ему присвоено звание воентехника 2-го ранга.

В декабре 1941 г. Д.В. Козлов получил тяжелую контузию: его подхватило взрывной волной и ударило об лед. По спискам потерь 110-й стрелковой дивизии он числился пропавшим без вести с декабря 1941 г.; был исключен из списков Главного управления кадров в 1946 г., а в учетно-послужной карточке дата окончания службы указана 10 декабря 1941 г. [1, 2] (Западный фронт, где Козлов был контужен, не получил никакой информации о его судьбе, и его включили в список пропавших без вести).

От удара у Д.В. Козлова сместился позвоночный столб. Его отправили в госпиталь. Врачи удивлялись тому, как он быстро восстанавливается, но при этом говорили: «Ходить, конечно, будешь, а вот бегать и танцевать вряд ли». После госпиталя его комиссовали.

Казалось бы, возраст, травма – можно больше не рваться на передовую. Но это было не в его характере. Будучи профессиональным фотографом, Дмитрий Козлов в январе 1942 г. в звании лейтенанта административной службы стал фотокорреспондентом «Фронтowej правды» – газеты Волховского фронта. В редакции газеты тогда работали писатели Всеволод Вишневский, Александр Чаковский, Всеволод Рождественский, Павел Шубин, Александр Гитович, Анатолий Чивилихин. С Павлом Шубиным был особенно дружен, вплоть до смерти поэта, а потом поддерживал отношения с его семьей.

Удостоверение Д.В. Козлова периода службы в 110-й стрелковой дивизии. 1941 г. (Из семейного архива)

Советские военнослужащие в минуты затишья. 1941–1942 гг.
Фотограф Д.В. Козлов

Особой страницей в жизни Дмитрия Всеволодовича всегда оставался Ленинград; он участвовал в прорыве блокады Ленинграда, снимал момент встречи ленинградцами наших бойцов в городе. Один из эпизодов военной биографии тоже связан с городом на Неве: свои пайки он относил в госпиталь, где медсестрами работали три сестры, его знакомые. Впоследствии связь с этими женщинами он поддерживал до конца 1980-х гг.

Судьба словно специально вела Дмитрия Козлова по значимым в истории страны местам, порой очень страшным. Волховский фронт, Мясной бор – это место называют Долиной смерти. Дмитрий Всеволодович выжил там чудом. Он выбрался из окружения невероятным образом. Самолет вывозил раненых, и каждое место было на счету. Корреспондента обязаны были вывезти. Но чтобы освободить место для раненых, он попросил, чтобы его завернули в брезент и прицепили под крыло. Присутствовавшие повертели пальцем у виска, но сделали. Когда самолет приземлился и брезент отвязали, летчик, стоявший рядом, сказал ему: «Я думал, что уже везу труп».

С 1944 г. Д.В. Козлов продолжил службу – уже на Карельском фронте в газете «В бой за Родину» в звании капитана административной службы. В своих дневниках Дмитрий Всеволодович мало писал о войне, больше о суровой природе, бытовых моментах:

Крайний Север. Война. И вот снова есть возможность заглянуть в свои записки. Мотаемся по частям. Опять уютная пробуравленная в скале землянка. Горит комелек. Тепло. Рядом за выступом оголенного гранита стоят наши нарты с привязанными к ним оленями. Они, видно, крепко устали. Почти сорок километров отмахали по насту без передышки, а всего лишь за два с половиной часа. Ехали – уже темнело. Сидя на нартах, укутавшись в савик (полярная шуба), на ногах теплые пимы – как-то уютно и хорошо, но нет никакой возможности записать пару слов, чтобы ими зарубить в памяти окружающую меня обстановку.

Проводник, он же ездовой, молодой красноармеец – саам по национальности, по имени Миша, осматривает упряжку на оленях. Их длинные языки свесились на сторону, от них идет парок. Явно бедные животные устали.

Скоро совсем стемнеет. Снова загорится фосфорический фейерверк северного сияния, превратив жизнь в сказку. Он опустится сверху кисеей савана, вечно подвижного, и поглотит все пространство, превратив его в то же время в бесконечность. Река, по льду которой лежит наш путь, уснула на долгую зимнюю спячку под толстым покровом льда. Лишь местами на порогах бурлит она, громоздя своими брызгами причудливые ледяные сооружения. Как хорошо, как далеко сейчас все земное!

За полярным кругом, почти на самой северной окраине Европейского материка. Сопка Шляпа. 22 марта 1944 г.

Приказом ВС Карельского фронта № 396 от 18.11.1944 г. награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа:

Капитан административной службы Козлов Д.В. на фронте находится с июля 1941 г. – сначала на обороне Москвы, а затем в редакции газе-

ты Волховского фронта «Фронтальная правда» и «В бой за Родину» Карельского фронта. Капитан Козлов – квалифицированный фотокорреспондент, самоотверженно проводит свою работу. Он оперативно подал в газету снимки боевых действий и героев боев во всех важнейших операциях Волховского и Карельского фронтов. Одним из первых вошел в Новгород, провел там митинг и оперативно доставил в газету важные фотографии. Во время боев на Свирь и в Заполярье непрерывно находился в действующих частях, оперативно снабжал газету интересными фото, показывающими трудности борьбы в Заполярье и героев боев.

Тов. Козлов продолжительное время работал над экспонатами для музея Свирской победы, выполнил целый ряд сложных фоторабот, заслуживающих высокую оценку. Лично мужественен и храбр [4].

Знамя в освобожденном Новгороде было поднято по инициативе Д.В. Козлова: поскольку никто не водрузил этого символа победы, он обратился к командиру батальона, дополнительно аргументировав, что нужна соответствующая фотография в газету.

Май 1945-го г. капитан Дмитрий Козлов встретил в Норвегии. В семье хранится фотография, датированная 10 мая 1945 г. Надпись на обороте гласит: «Мы победили Германию. Нас отправляют на Дальний Восток». В качестве корреспондента делал фотографии процедуры подписания капитуляции Квантунской армии.

Ветеран Великой Отечественной войны Д.В. Козлов.
(Из семейного архива)

Дмитрий Всеволодович Козлов демобилизован 22 февраля 1946 г. Награжден орденами: Красной Звезды (18.11.1944), Отечественной войны I степени (06.04.1985); медалями «За оборону Ленинграда» (22.12.1942), «За оборону Москвы» (10.05.1944), «За оборону Советского Заполярья» (05.12.1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги» (06.11.1945). Медаль «За освобождение Кореи» (15.10.1948) была вручена Д.В. Козлову 20 января 1948 г. ответственным редактором газеты «Сталинский воин» Приморского военного округа А. Литвиновым.

В мирное время фотоаппарат по-прежнему был его другом. Фотокорреспондент Дм. Козлов (именно так он подписывал свои работы, и это стало практически его прозвищем – друзья называли его Дым: прозвище приклеилось накрепко еще и потому, что всю

жизнь Козлов очень много курил) продолжал снимать. На протяжении нескольких десятилетий работал штатным фотокорреспондентом Совинформбюро, а когда его преобразовали, в Агентстве печати «Новости» (АПН) получил последнюю запись о смене работы в трудовой книжке.

В Совинформбюро, которое вошло в состав Министерства культуры, Дмитрий Всеволодович снимал самых известных людей творческих профессий и тех, кто только начинал свой путь в искусстве. Это были артисты балета (Раиса Стручкова, Римма Карельская), театра и кино (Руфина Нифонтова, Ирина Скобцева, Елена Добронравова, Лилия Юдина), цирка (Олег Попов, Маргарита Назарова), известные и молодые музыканты (скрипачи Игорь и Вера Безродные, пианисты Святослав Рихтер и Евгений Малинин) и одновременно люди, профессию которых не принято называть творческой: моряки, строители, колхозники, лесорубы. В Совинформбюро он был фотокорреспондентом правительственной фотосъемки; это стало основным направлением его работы и в АПН (Никита Хрущёв, Леонид Брежнев, Алексей Косыгин).

Всю свою жизнь, наполненную поездками и приключениями, Д.В. Козлов сохранял веселый нрав и очень любил шутить. Он был легкий по характеру, легкий на подъем, умеющий дружить, умеющий любить. Его дети и внуки, когда собираются вместе, с удовольствием вспоминают, как отец и дед подтрунивал, подначивал, устраивал веселые розыгрыши, как он был главным заводилой и при этом главным миротворцем в большой семье. Близкие бережно хранят истории из его жизни.

Не обходилось без курьезов. То член японской делегации, увидев Дм. Козлова, начал ему кланяться как человеку, бравшему его в плен; то пришлось на отобранном у опешившего милиционера мотоцикле догонять кортеж Косыгина (король Испании прибыл другим рейсом, а не тем, с которого его встречала правительственная делегация), то он увидел первого ребенка космонавта Германа Титова раньше, чем отец (врачи боялись пускать Германа Степановича в палату к жене – как бы чего не вышло).

Иногда от его работы зависело очень многое. Так, Дмитрий Всеволодович сопровождал делегацию американских физиков-атомщиков при первом посещении атомного ледокола «Ленин». На тот момент скандинавские страны не хотели пропускать атомный ледокол через свои воды. Атома, показавшего свою разрушительную силу, когда США сбросили бомбы на Хиросиму и Нагасаки, боялись в любом виде. Приглашенная делегация физиков-атомщиков должна была вынести свой вердикт – насколько ледокол «Ленин» безопасен. Когда делегация, облазившая каждый закуток на «Ленине», летела в Ленинград, Дмитрий Всеволодович задал руководителю делегации (будущему директору ЦРУ) Джону Маккоуну главный вопрос. Ответ Маккоуна, что атомный ледокол «Ленин» полностью безопасен, разлетелся по миру прямо с борта самолета. А фотография старшего матроса Ивана Кочеткова надолго стала символической.

Было еще много путешествий: Хибины и Памир, Кара-Кумы и Цейский ледник; из Апатит на Дальний Восток, оттуда в Баку, потом Карпаты и Ленинград. Как-то Дмитрий Всеволодович решил в «Атласе автомобильных дорог СССР» отметить все пункты, в которых побывал. На букве «Е» бросил – надоело. Единственное, чего не умел Дм. Козлов, – это сидеть на одном месте. Когда Дмитрию Всеволодовичу предложили дачный участок, он очень удивился и ответил: «Зачем привязывать себя к маленькому клочку, когда в моем распоряжении весь Земной шар?!». Сказал – и отметил свое 60-летие на Северном полюсе.

Отношение к залетному корреспонденту на дрейфующей льдине было настороженное. Но Дм. Козлов не был бы самим собой, если б не сумел сразу, с первого шага переломить ситуацию. Он вез на станцию «Северный Полюс-12» письма и детские рисунки. Но этого было мало. Это мог сделать любой. А вот привезти на льдину свежий огурец (когда их и на земле купить непросто – несезон), да еще, чтоб тот не подмерз по дороге, все время греть его собственным теплом – до такого еще никто не додумался.

Он планировал тогда же побывать в Антарктиде. Все документы были уже подготовлены. Но в тот год дизель-электроход «Обь» в Антарктиду не пошел. Так и получилось, что единственным континентом, на который не ступала нога фотокорреспондента Д.В. Козлова, осталась Антарктида. Когда в 1979 г. была замена паспортов, Дмитрий Всеволодович очень расстраивался, что расстанется со своим старым документом, где среди прочих штампов о временном пребывании стояли штампы дрейфующих экспедиций.

Козлов Дмитрий Всеволодович умер в г. Москве 23 ноября 1991 г. Похоронен на старом кладбище в г. Александров Владимирской области вместе с родной и двоюродной сестрами.

Он оставил после себя фотографии, в которых запечатлены люди страны, знаковые события ее истории – в военное и мирное время. Большая коллекция фотографий Д.В. Козлова хранится в Мультимедиа Арт Музее (Москва) и в Музее морского и речного флота (Москва), его работы представлены в Медиабанке РИА Новости.

Источники информации

Архивные источники:

1. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 106.
2. Приказ Главного управления кадров Министерства Вооруженных Сил СССР. По личному составу. 16 мая 1946 // ЦАМО. Ф33. Оп. 563783. Д. 14. Л. 18.
3. Приказ газеты «В бой за Родину» Карельского фронта № 371 от 05.08.1944. Награждение медалью «За оборону Москвы». // ЦАМО. Ф. 214. Оп. 1476. Д. 343.
4. Приказ ВС Карельского фронта № 396 от 18.11.1944. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 7570.
5. Картотека наградений // ЦАМО. Шкаф 41. Ящик 23.

6. Козлов Дмитрий Всеволодович. Личное дело // Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. Р-322. Оп. 2. Ед. хр. 28.

7. Личный архив Д.В. Козлова. Хранится в семье потомков.

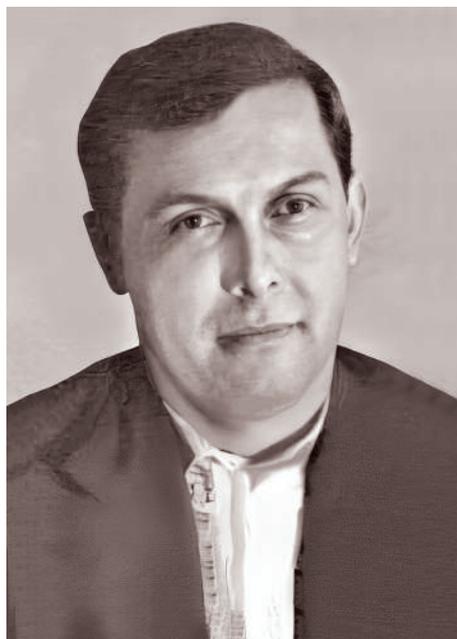
Интернет-источники:

8. Дмитрий Козлов: «Товарищ», МУР и фотография. URL: <https://telegra.ph/Dmitrij-Kozlov-Tovarishch-MUR-i-fotografiya-05-08>

9. Дмитрий Козлов: «Мы победили Германию. Нас отправляют на Дальний Восток». URL: <https://telegra.ph/Dmitrij-Kozlov-Mu-pobedili-Germaniyu-Nas-otpravlyayut-na-Dalnij-Vostok-05-09>

10. Разина А. Творческая интеллигенция СССР на кадрах фотографа Дмитрия Козлова (Мультимедиа Арт Музей, Москва). URL: https://museum-online.moscow/entity/EXHIBITION/iss3_mfoto_1032539

11. Фотографии Д.В. Козлова. Фотобанк РИА «Новости». URL: <https://riamediabank.ru>

КОМПАНИЕЦ Василий Георгиевич

Писатель, редактор, журналист, литературовед, переводчик с белорусского, педагог (1907–1981).

Родился 5 апреля 1907 г. в г. Екатеринослав (Днепропетровск, Днепр), украинец. Отец был стрелочником на железной дороге. После окончания в 1925 г. школы-семилетки Василий Компаниец работал в паровозоремонтных мастерских молотобойцем, сверловщиком, а также слесарем в паровозном депо.

В 1929 г. по путевке Днепропетровского окружкома комсомола направлен в Москву для учебы в педагогический вуз. Зачислен на литературный факультет Московского индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта; переведен в Московский государственный педагогический институт им. А.С. Бубнова (позже им. В.И. Ленина). Член ВКП(б) с 1931 г. В 1932 г. окончил институт, был направлен на работу в издательство «Молодая гвардия» на должность редактора детской литературы младшего возраста; в 1938 г. стал редактором журнала «Затейник».

Составитель: Л.С. Именнова.

«Затейник» – ежемесячный журнал Станции детских развлечений Центрального бюро юных пионеров, ЦК ВЛКСМ и Наркомпроса. Выходил с 1921 по 1953 г. с перерывом на 1942–1945 гг. В предвоенные годы журнал рассказывал о том, что могло пригодиться на фронте: как действовать в боевых условиях в открытом поле и в лесу, как разводить костер на сильном ветру или идти по глубокому снегу.

В.Г. Компаниец в Красной Армии с 6 июля 1941 г. – вошел в ополченческую группу сотрудников издательства «Детская литература» («Затейник» выходил в этом издательстве), стал ополченцем 4-й дивизии народного ополчения.

В сентябре 1941 г. красноармеец В.Г. Компаниец принимал участие в боях в районе озера Селигер, в октябре – у д. Митяево и Слизнево Наро-Фоминского района Московской области. За бои 2–3 декабря 1941 г. награжден орденом Красного Знамени (приказ ВС Западного фронта № 068 от 23.01.1942).

В.Г. Компаниец, курсант курсов младших лейтенантов 33-й армии, награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС Западного фронта № 406 от 23.04.1942). Из наградного листа:

В боях с 27.12.41 г. по 03.01.42 г. после ранения политрука роты курсанта Лесковского принял на себя обязанности политрука. Спокойно, уверенно и умело вел себя в боях. 28.12.41 г. после ранения и.о. командира роты лейтенанта Слободенюк в бою у дер. Любаново принял все необходимые меры к восстановлению нарушенного управления ротой.

В боях под дер. Алексеевкой, после выхода из строя всего среднего командного состава, вместе с тов. Самцовым управлял ротой. Под его руководством рота курсантов неоднократно предпринимала атаки укрепленных позиций противника, нанося ему значительные поражения. 3.1.42 г. при взятии ДЗОТа противника был ранен в живот, но свыше часа продолжал вести бой, находясь в занятом ДЗОТе, успешно отражая контратаки врага [2].

В годы войны В.Г. Компаниец не оставлял довоенных творческих замыслов, адаптировал их к условиям военного времени. 15 апреля 1942 г. он писал старшему редактору отдела военной литературы «Детгиза» Б.И. Камиру:

Здравствуй, Борис. 13-го апреля с.г. мне вручили орден «Красное Знамя». Сам знаешь, какие минуты я пережил в этот день. Приятно сознавать, что и мои старания в Отечественной войне оценены. Борис, что слышно о моей книжке? Если потребуется мое участие в работе над окончательной подготовкой книги в печать, сообщите мне. Думаю, что мне удастся выехать к Вам [8, л. 3].

Речь идет о книге для детей «Игры юных бойцов», написанной В. Компаниецем и М. Червяковым (издана в 1942 г.). Во введении («Давайте играть») к книге авторы пишут:

У нас в Советском Союзе много ученых, учителей и преподавателей физкультуры отбирали и создавали для советских ребят такие игры, которые

воспитывали бы крепкую волю, чувство товарищества и взаимной выручки, смелость, ловкость, быстроту и другие качества, необходимые бойцам за социалистическую Родину. Играя в эти игры, советские дети готовятся к труду и боям за Советский Союз. Вот почему, став организатором игр, ты принесешь очень большую пользу родной стране.

...Ты обязан так вести игры, чтобы они приносили пользу товарищам, воспитывали бы у них черты советского гражданина и бойца [7, л. 7].

Дальнейшая служба майора В.Г. Компанийца проходила в Оперативном отделе штаба 33-й армии. Награжден орденом Отечественной войны II степени (приказ ВС 33 армии № 392 от 02.11.1943) за то, что «самоотверженно и мужественно выполнял непосредственно в передовых войсках задания Военного Совета армии» [4]. Участвовал в разработке военных операций.

Следующая награда В.Г. Компанийца, начальника отделения по изучению опыта войны оперативного отдела штаба армии, – орден Красного Знамени (приказ ВС 33 А № 327 от 03.09.1944) – за участие в боях по освобождению Белоруссии. Из наградного листа:

Майор Компаниец в течение наступательной операции, выполняя ряд поручений начальника Штаба Армии, отлично справлялся с ними. В течение 7–9.07.44 лично руководил сводным отрядом 70 сд по ликвидации прорывавшегося из окружения противника через Минское шоссе у Смолевичи. В результате умелого командования майора Компанийца было взято в плен до 400 немцев и уничтожено до 1000 солдат и офицеров противника [4].

Вручение майору В.Г. Компанийцу медали «Легион заслуг»

В мае 1945 г. группе советских офицеров были вручены медали «Легион заслуг». Офицеру оперативного управления 33-й армии 1-го Белорусского фронта майору В.Г. Компанийцу медаль вручал командующий 9-й армии США, генерал Уильям Симпсон.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В.Г. Компаниец получил на службе в Штабе Смоленского военного округа (приказ СмолВО № 40 от 12.09.1945) [6]. Закончил военную службу в звании гвардии майора 27.11.1945.

После войны возвратился к работе в журнале «Затейник». За заслуги в области издания книг для детей и юношества В. Г. Компанийцу присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

С 1947 г. – главный редактор издательства «Детская литература». Награжден орденом «Знак Почета» (1948), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1962).

Умер в 1981 г.

(Стенограмма беседы с В.Г. Компанийцем публикуется в разделе II настоящего издания.)

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Орден Красной Звезды. Приказ ВС Западного фронта № 406 от 23.04.1942 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 316.

2. Орден Красного Знамени. Приказ ВС Западного фронта от 23.01.1942 // ЦАМО. Картотека награждений. Шкаф 42. Ящик 11.

3. Орден Красного Знамени. Приказ ВС 33 А № 327 от 03.09.1944 // ЦАМО. Ф. 690155. Оп. 6900155. Д. 2267.

4. Орден Отечественной войны II степени. Приказ ВС 33 А № 392 от 02.11.1943 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 738.

5. Орден Отечественной войны I степени. Приказ ВС 33 А № 34/н от 10.02.1945 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2354.

6. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Приказ СмолВО № 40 от 12.09.1945 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 44677. Д. 655.

Архивные материалы:

7. Компаниец В., Червяков М. Игры юных бойцов. Рукопись. Машинопись с редакторской правкой. 7 апреля 1942 // РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. Ед. хр. 1877. Л. 7.

8. Компаниец В.Г. Письмо ст. редактору военной литературы издательства «Детгиз» Б.И. Камиру. 15.04.1942 // РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. Ед. хр. 1877. Л. 3.

Литература:

9. Наркомат финансов СССР в годы войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020.

Публикации В.Г. Компанийца:

10. Компаниец В., Червяков М. Игры юных бойцов. – М.-Л.: Детгиз, 1942.

11. Компаниец В.Г. В часы досуга: сборник. – М.: Госкультпросветиздат, 1948.

12. Компаниец В.Г. Издательство и детская литература // Комсомольская правда. 1954. 21 октября. С. 3.
13. Компаниец В.Г. Игры и развлечения: сборник. – М.: Госкультпросветиздат, 1956.
14. Компаниец В.Г. О Гайдаре, Мальчише-Кибальчише и о военной тайне // Костер: всероссийский ежемесячный литературно-художественный журнал для школьников. 1979. № 1. С. 20–21.
15. Компаниец В.Г. Мастер книжного искусства // Детская литература: 1982 год: сборник статей. – М., 1982. С. 186–204.
16. Компаниец В.Г. О чем солдат думал на фронте // Детская литература: 1979 год: сборник статей. – М.: Детская литература, 1979.
17. Компаниец В.Г. Чудо-городок: О журнале «Затейник» // Детская литература. 1980 год: сборник статей. – М.: Детская литература, 1980. С. 113–127.
- В.Г. Компаниец – переводчик:*
18. Буцень О.В. Так или не так: рассказы и сказки / пер. с укр. В. Компаниец. – М.: Детская литература, 1977.
19. Бычко В.В. Рассвет: автобиографическая повесть / пер. с укр. В. Компаниец. – М.: Детская литература, 1975.
- Публикация о В.Г. Компанийце:*
20. Черкашин Г.А. Они готовили краснозвездную крепкую гвардию // Костер: всероссийский ежемесячный литературно-художественный журнал для школьников. 1979. № 2. С. 2–3.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Владимир Семенович

Педагог, хореограф и балетмейстер, основоположник и пропагандист детской хореографии, заслуженный деятель искусств РСФСР (1906–1988).

Родился 2 июня 1906 г. в с. Водяное Херсонского уезда Херсонской губернии.

В 1918 г. наряду с обычной школой проходил обучение в балетной школе при Одесском музыкальном училище. С 1921 г. начал самостоятельно вести танцевальные кружки при детском доме для беспризорных детей. В 1923–1925 гг. работал артистом балета в Одесском театре. В 1925 г. переехал в город Николаев, где руководил балетной студией при Дворце культуры водников; в 1927 г. приглашен на должность педагога-балетмейстера в Николаевский государственный театр юного зрителя. В этом же году, работая в театре, поступил в Николаевский судостроительный институт, который окончил в 1933 г.

После окончания института В.С. Константиновский переехал в Москву и начал работу в Московском городском доме художественного воспита-

ния детей в должности руководителя отдела и методиста города Москвы по хореографии детских самодеятельных коллективов, с 1936 г. – в только что основанном Московском городском доме пионеров и октябрят. Здесь им была организована хореографическая школа, которая фактически являлась филиалом балетного училища Государственного академического Большого театра СССР.

Призван в народное ополчение 28 июня 1941 г. Куйбышевским РВК г. Москвы, красноармеец, стрелок 1-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Дальнейшая служба: 1287-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии. Член ВКП(б).

28.10.1941 г. тяжело ранен в обе ноги, признан негодным в 1943 г.

Награжден орденом Славы III степени (1945), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), орденом Отечественной войны I степени (1985).

После демобилизации в 1943 г. вернулся в Москву и продолжил работу в Центральном городском доме пионеров художественным руководителем танцевальных групп пионерского ансамбля песни и пляски. В том же году художественный руководитель Государственного ансамбля народного танца СССР Игорь Александрович Моисеев пригласил В.С. Константиновского для организации и руководства школой по подготовке танцевальных кадров для ансамбля, или, как иначе эту группу называли, – вспомогательный состав артистов ансамбля. В школе Моисеева Владимир Семенович проработал 7 лет.

В 1958 г. В.С. Константиновский ушел из Дворца пионеров и создал новый ансамбль при Клубе шоферов. Осенью 1960 г., после постановки Константиновским танца под названием «Школьные годы» на музыку известной одноименной песни Д.Б. Кабалевского, который стал фактически постоянной заставкой коллектива, его фирменным знаком, Владимир Семенович, получив согласие композитора, решил дать новое название ансамблю, и с той поры он стал именоваться ансамблем «Школьные годы».

Владимир Семенович стал постановщиком более пятидесяти уникальных танцевальных картинок, сюит, плясок, зарисовок, посвященных детским, человеческим отношениям в жизни, в том числе и в историческом контексте. За долгие годы работы с детьми В.С. Константиновский выра-

ботал собственные педагогические взгляды, методику, понимание целей и задач детской танцевально-исполнительской культуры. Свой опыт он изложил в книге «Учить прекрасному» (1973).

Владимир Семенович не ставил своей целью воспитание профессиональных танцоров, но для многих занятия у Константиновского сыграли решающую роль в выборе профессии. Его ученики – Владимир Викторович Васильев, Григорий Анатольевич Захаров, Николай Петрович Степанов и другие – впоследствии танцевали на сцене Большого театра, в Ансамбле народного танца имени Игоря Моисеева, в ансамбле «Березка», Ансамбле песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова, хоре имени Пятницкого и других профессиональных танцевальных коллективах. Михаил Степанович Кисляров и Марина Григорьевна Голуб посвятили свою жизнь театру.

Многие ученики В.С. Константиновского создали свои детские танцевальные коллективы и преподают в них. Александр Филиппов многие годы возглавлял ансамбль «Калинка», Анатолий Рязанов – художественный руководитель ансамбля «Юный Зиловец», Марина Горохова – художественный руководитель ансамбля «Светлячок», Инна Суркова (Гонитель) – художественный руководитель ансамбля «Огонек», Ирина Миленина (Галкина) – художественный руководитель детского хореографического ансамбля «Дружба» ЦРТДиЮ им. А.В. Косарева – все это ученики Владимира Семеновича. В 1976 г. при участии В.С. Константиновского был создан детский хореографический ансамбль «Ритмы детства», которым в настоящее время руководят заслуженные работники культуры России Татьяна Шалобасова и участник ансамбля «Школьные годы» Владимир Миллер. В репертуаре этого коллектива бережно сохранены многие танцевальные постановки В.С. Константиновского.

Умер 17 сентября 1988 г., похоронен в г. Москве.

Источники информации

1. Константиновский В.С. Учить прекрасному. – М.: Молодая гвардия, 1973. 176 с.
2. Владимир Семенович Константиновский: иллюстрированное издание // сост. В.К. Любимов, Е.В. Яковлев. – М., 2014. 56 с.
3. Калыгина А. Школьные годы чудесные... // Балет. 2006. № 4. С. 39.
4. Константиновский Владимир Семенович // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org>
5. Константиновский Владимир Семенович // ЦАМО. Картоoteca награждений.

КОТЕЛЬНИКОВ Борис Борисович

Писатель, редакционный работник, военный журналист.

Родился 23.03.1913 в г. Самаре. Член ВКП(б) с 1939 г. Накануне войны – ответственный редактор журнала «На суше и на море», выходявшего в издательстве «Физкультура и спорт». Был снят с воинского учета по болезни; 6 июля 1941 г. подал в партийную организацию издательства «Физкультура и спорт» заявление о желании вступить в народное ополчение [11, с. 34].

Призван Куйбышевским РВК г. Москвы, направлен в 4-ю дивизию народного ополчения. Из воспоминаний Б.Б. Котельникова:

Уже 13 июля, вечером, наша 4-я дивизия народного ополчения Куйбышевского района Москвы (на фронте преобразованная в 110-ю стрелковую дивизию) на машинах выехала на запад. Так я стал рядовым пулеметной роты 3-го батальона 3-го полка. Выгрузились ночью где-то в лесу под Вязьмой, а утром направились проселками к фронту. Шагали с любимой песней про Катюшу. Эта лирическая, мирного времени песня стала для нас походной, боевой.

Со Смоленщины дивизию перебросили к Валдаю. Лесными дорогами пришли к Селигеру. На западном берегу притаился враг. Наш взвод обороняет высоту, что уперлась в северный берег Селигера. На вершине – сложенная из красного кирпича двухэтажная школа. Вокруг деревянные дома, покинутые рабочими совхоза «Коммуна». За поселком, к северу, до следующего озера тянется траншея, в ней – стрелки. В ночь на 27 сентября приняли первый бой...

Война по-своему распорядилась моей судьбой: был направлен во Ржев на курсы младших политруков 31-й армии. Но учиться не пришлось – началось наступление фашистских войск на Москву. Курсанты, сведенные в коммунистическую роту, последними оставили город. Туристские навыки, сноровка помогли мне вывести шестнадцать курсантов в расположение политотдела армии.

Через несколько дней нас направили как пополнение в отдельную 133-ю стрелковую дивизию. Дивизия на фронт прибыла в июле и все время – в боях. Политотдел располагался в деревне Рылово. На улице нас встретил высокий, плечистый старший политрук в ладно пригнанной шинели – С.В. Зель-

манов. По списку стал выкликать прибывших. Дойдя до меня, объявил: вам присвоено звание политрука, назначаетесь инструктором-литератором дивизионной газеты «Защита Родины» [11, с. 35–36].

Политрук Борис Борисович Котельников, назначенный редактором дивизионной газеты «Защита Родины» политотдела 18 гвардейской стрелковой дивизии, награжден медалью «За боевые заслуги» (приказ ВС 19 А ЗФ № 11 от 19.05.1942). Из наградного листа:

Т. Котельников на фронт пошел добровольно и участвует в Отечественной войне с первых дней.

Дивизионная газета под руководством т. Котельникова всегда своевременно освещает на своих страницах те задачи, которые поставлены дивизии приказами Наркома Оборона и командующего армией по разгрому немецких оккупантов.

Газета, освещая боевой опыт лучших подразделений и героизм бойцов и командиров, правильно мобилизует личный состав на выполнение боевых задач, поставленных дивизии.

В начале ноября 1942 г. Б.Б. Котельников сдал редакцию и выехал в распоряжение Западного фронта; там получил предписание прибыть в поселок Алабино, где создавалась газета 1-й Воздушной армии. В марте 1944 г. прошел краткосрочную штурманскую подготовку в 10-м отдельном разведывательном авиаполку. Обучаясь, собирал материалы для газет.

Гв. капитан Б.Б. Котельников, заместитель ответственного редактора армейской газеты «Сталинский пилот», награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС 1 ВА № 55/н от 05.09.1944). Из наградного листа:

За время работы в военной печати Западного и 3 Белорусского фронтов т. Котельников Б.Б. показал себя как опытный военный журналист. Часто бывая в подразделениях, он умело организует военкоровский актив, выдвигая на страницах газеты наиболее актуальные вопросы воинского мастерства и политического воспитания летчика. Наряду с основной работой в качестве ответственного секретаря и заместителя ответственного редактора, т. Котельников систематически освещает работу и боевые успехи летчиков 1 ВА через телеграфное агентство (ТАСС). Дисциплинированный, знающий свое дело военный журналист.

Заместитель ответственного редактора газеты «Сталинский пилот» 1-й Воздушной армии Б.Б. Котельников награжден орденом Отечественной войны II степени (приказ 1 ВА № 88/н от 21.07.1945). Из наградного листа:

Гвардии майор Котельников Борис Борисович... – опытный военный журналист, работающий в газете Первой Воздушной армии со дня основания. В начале Великой Отечественной войны тов. Котельников вступил добровольцем в ряды московского ополчения и принимал участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Москвой. С 1942 года тов. Котельникова как газетного работника назначают ответ[ственным]. редактором газеты 18 гвар[дейской] Краснознам[енной] стрелковой дивизии...

С первых же дней работы в армейской газете «Сталинский пилот» тов. Котельников зарекомендовал себя оперативным военным журналистом. Наряду с освещением на страницах армейской газеты боевых подвигов летчиков, штурманов, воздушных стрелков, показа непрерывного совершенствования в боях с немецкими захватчиками личного состава армии, он в качестве корреспондента ТАСС широко освещает работу Первой Воздушной армии в центральной и областной печати, а также зарубежной прессе.

Особенно активно проявил себя тов. Котельников в боях за Восточную Пруссию. Часто выезжая за сбором и организацией материалов для газеты в подразделения, он в период боев за Земландский полуостров участвовал в качестве члена экипажа бомбардировщика в налете на немецкий аэродром. Только за время Восточно-Прусской операции им было опубликовано, помимо «Сталинского пилота», в центральных, областных и заграничных газетах свыше 100 корреспонденций.

Дисциплинированный, грамотный офицер.

Кроме орденов, Б.Б. Котельников награжден медалями «За оборону Москвы» (01.05.1944), «За взятие Кенигсберга» (09.06.1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945).

По окончании войны вернулся в Москву; с октября 1945 по февраль 1952 г. – ответственный редактор газеты «Советский спорт», в которую ввел рубрику «На суше и на море», посвященную туризму и альпинизму. Корреспондент газеты «Правда». Автор воспоминаний изданий [10, 11].

(Мемуарный очерк Б.Б. Котельникова «Мат в два хода» представлен в разделе II настоящего издания.)

Источники информации:

Интернет-портал «Память народа»:

1. Алфавитная карта // ВК Москвы. Тверской РВК. Д. 21000115.
2. Награждение медалью «За боевые заслуги». Приказ ВС 19 А ЗФ № 11 от 19.05.1942 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 653.
3. Награждение орденом Красной Звезды. Приказ ВС 1 ВА № 55/н от 05.09.1944 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1704.
4. Награждение орденом Отечественной войны II степени. Приказ 1 ВА № 88/н от 21.07.1945 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6514.
5. Акт вручения медали «За взятие Кенигсберга». 9 июня 1945 // ЦАМО. Ф. 290. Оп. 3308. Д. 667.
6. Акт вручения медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». 9 мая 1945 // ЦАМО. Ф. 118. Оп. 13260. Д. 52.
7. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 45. Ящик 5.

Литература:

8. Котельников Б.Б. Балтийская легенда: повесть. – М.: Молодая гвардия, 1966.
9. Котельников Б.Б. Балтийский «Потемкин»: ист. повествование [о крейсере «Память Азова»]. – М.: Воениздат, 1957.

10. Котельников Б.Б. Мат в два хода // «В редакцию не вернулся...»: сб. статей. Кн. 3. – М.: Политиздат, 1970. С. 85–93.
11. Котельников Б.Б. На земле и в небесах // Летописцы Победы: сборник. – М.: Политиздат, 1984. С. 34–43.
12. Котельников Б.Б. На лыжи, в туристские походы. – М.: Физкультура и спорт, 1941.
13. Котельников Б.Б. «Нарвите подснежников»: документальная повесть [о В.З. Хоружей]. – М.: Молодая гвардия, 1981.
14. Спутник туриста / под общ. ред. Б.Б. Котельникова; 2-е испр. изд. – М.-Л.: Физкультура и спорт, 1941.
15. Котельников Б.Б. Уличные бои в Калининне // Комсомольская правда. 1941. 18 ноября.

КУЗЬМИН Валериан Николаевич

Педагог, организатор и пропагандист детского туризма (1902–1996).

Родился в 1902 г. в г. Сызрань (ныне Самарская обл.).

Начинал трудовую деятельность секретарем в Отделе народного образования в Сызрани. До призыва работал в Институте трудового воспитания для малолетних правонарушителей (г. Москва).

Призван в народное ополчение в июле 1941 г. Куйбышевским РВК г. Москвы. Красноармеец, старший сержант, писарь 1-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Дальнейшая служба: 1287-й стрелковый полк

110-й стрелковой дивизии; 1-й отдельный учебный полк бронепоездов; 3-я отдельная ремонтная аэросанная рота.

Демобилизован. Награжден медалями «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За боевые заслуги» (1946), орденом Отечественной войны I степени (1985).

Из наградного листа к медали «За боевые заслуги» (Указ Президиума ВС СССР № 204/54 от 06.08.1946):

Тов. Кузьмин В.Н., находясь в составе батареи 1-го стрелкового полка 4-й Куйбышевской дивизии (впоследствии переименованной в 1287 сп 110 стр. дивизии), сначала участвовал в боях в Калининской и Смоленской областях, отражая атаки прорвавшихся в этом направлении десантных немецко-фашистских войск.

Кузьмин в батарее исполнял должности: наводчика, 2-го и 3-го номера. Батарея была прямой наводкой по пехоте противника.

Во время наступления на Наро-Фоминском направлении 18 декабря 1941 года был ранен.

По излечении от ранения служил в 1-м Отдельном Учебном ордена Красного Знамени полку бронепоездов, а затем в 3-й Отдельной Ремонтной Аэросанной роте.

После войны Валериан Николаевич работал заведующим географическим кабинетом, заведующим методическим кабинетом, педагогом отде-

В.Н. Кузьмин, сотрудник Московского дворца пионеров.
1970-е гг.

ла туризма и краеведения Московского дворца пионеров. Туризмом занимался всю жизнь. Внес большой вклад в развитие детского туризма. Был ответственным секретарем Центрального штаба Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников «Моя Родина – СССР». Готовил методические материалы для школ, проводил инструктивные занятия со школьниками и учителями, организовывал слеты школьников, походы по Московской области и всей стране, в том числе по местам боев. Публиковал статьи в журналах «Вожатый» и «Юный техник». Был награжден грамотами и подарками.

Умер в 1996 г.

(Мемуарные материалы В.Н. Кузьмина публикуются в разделе II настоящего издания.)

Источники информации

1. Детский туризм в Москве. История и современность. – М.: МосгорСЮТур, 2013. С. 140–141.
2. Списки ополченцев – сотрудников Московского дворца пионеров.
Архивные источники. ЦАМО:
3. Указ Президиума ВС СССР № 204/54 от 06.08.1946. Награждение медалью «За боевые заслуги» // ЦАМО. Ф 33. Оп. 744807. Д. 789.14.
4. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 48. Ящик 12.
5. Юбилейная картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 31. Ящик 7. Д. 71.
Интернет-источники:
6. Бессмертный полк. URL: <http://www.moypolk.ru/soldier/kuzmin-valerian-nikolaevich>

ЛИВШИЦ Зиновий Александрович

Редактор, переводчик (1908/или 1909 – 1941).

Родился в г. Витебске. До войны работал художественным редактором в журнале «Знание – сила». Переводил произведения К. Гольдони, В. Гюго, Ж.Б. Мольера и др.

5 июля 1941 г. вступил в ряды народного ополчения (от издательства «Молодая гвардия»).

Последнее письмо ополченца – от 20 сентября 1941 г., с обратным адресом – ППС 754, 2-й стрелковый полк, 2-я стрелковая рота (Калининский фронт). От В.Г. Компанийца – товарища З.А. Лившица по части – родственники получили письмо от 29 сентября 1941 г., в котором он сообщал, что полк вступил в бой у озера Селигер, после которого Лившица больше не видели.

Составитель: Л.С. Именнова.

Красноармеец 1289-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии З.А. Лившиц пропал без вести 25.09. 1941 г. в районе деревни Заозерье Осташковского р-на Калининской обл.

Жена – Лившиц Антонина Яковлевна, адрес: Москва, Ст. Пименовский пер., 8, кв. 10.

Из статьи Б. Черномордика «Памяти друга»:

Всегда тяжело и больно писать о погибшем друге. Чувствуешь себя в неоплатном долгу перед теми, кто отдал свои жизни в боях за счастье нашей Родины, за ее независимость и свободу.

С Зиновием Александровичем Лившицем меня связывала долготелая дружба. Мы не сидели на одной скамье и не учились в одном вузе, но, как это иногда бы-

вает, мы – будущие литератор и инженер – всегда находили общий язык и множество точек соприкосновения.

Сейчас, мысленно перебирая страницы воспоминаний, я вижу мягкого и душевного юношу, влюбленного в жизнь и в книги, переполненного творческими планами.

Внешняя мягкость сочеталась в нем с целеустремленностью и умением систематически работать. Его библиофильство было не беспредметным любованием, а молодой жадностью к знаниям. Мольер и Гольдони, Гюго и Шиллер, Пушкин и Маяковский были для него близкими и родными именами. Но увлечения его выходили далеко за рамки вопросов литературы. Политика и музыка, естествознание и история, полиграфия и живопись одинаково волновали его. Большое чувство ответственности мешало ему ограничиться поверхностным знанием областей, с которыми его сталкивала работа. Работая художественным редактором в журнале «Знание – сила», он не замыкался в круге чисто издательских проблем. Будучи человеком большой культуры, он на все смотрел глазами поэта. Поэтому и в подвиге Джордано Бруно, и в открытии Менделеева он видел общую черту, роднящую творческий гений, в какой бы области он себя не проявлял.

Увлечение иностранными классиками натолкнуло его на мысль заняться переводами. Но избыток энергии и творческой активности мешал ему сделаться только «подставной лошадью культуры».

Роман Гюго «93-й год» в переводе Лившица превращается в драму, написанную звучными и сильными стихами. «Проделки Скапена», написанные у Мольера прозой, также переводятся стихами, отчего пьеса становится еще более легкой и поэтичной. Эта смелость переводчика была естествен-

НКО СССР
 ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 ОРГАНИЗАЦИИ И УЧЕТА
 ВОЙСК
 КРАСНОЙ АРМИИ
 ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО
 по персональному учету потерь
 личного состава действующей
 Армии

Ф. № 44

Свердловскому Районному
 ВОЕННОМУ КОМИССАРУ

Адрес: г. Москва

Известите гр. Миршину Федоровичу
Степановичу проживающ[ему] ЧТО Св. 17-я
Мещинской пер. 8 кв. 10 г. Москва
 (сын муж. брат)
Миршину Федоровичу
 (должность, военное звание, фамилия, имя и отчество)
 уроженец г. Москва

1908 года рождения нахо-
 дясь на фронте, пропал без вести в сентябре
 1943 года.

Зал Начальник Центрального Бюро
М. М. Мухоморов

Зал Начальник 3-го Отдела
С. С. Семенов

Отдел Монета 1943 г.
 № У.Б.Н. 31/10/1943
 г. Москва

ШТ НКО. 5993-42

Извещение военного комиссара о том, что З.А. Лившиц пропал без вести
 в сентябре 1941 г. 11 июня 1943 г.

ным проявлением его умения самостоятельно мыслить, постоянного стремления самому найти правильный и художественно правдивый путь.

Многие стороны характера З.А. Лившица, скрытые от людей, мало знающих его, сказались в год начала Второй мировой войны.

... Лившиц ненавидел фашизм со всей силой культурного человека, поэта и советского гражданина.

Падение Парижа, в котором он никогда не был, но знал названия десятков улиц и маршрутов, ведущих от Латинского квартала к Эйфелевой башне, он воспринял как личную потерю. Немецкие механизированные полчища были для него символом самой черной и отвратительной реакции.

Я помню вечера, когда мы у карты Европы горячо обсуждали последние известия и комментировали стремительное продвижение немцев. З[иновий] [Александрович] <... > говорил, что, если война докатится до наших границ, он бросит все и пойдет бить фашистов.

И вот этот день наступил. Я помню наш последний вечер, проведенный вместе. Первые недели Великой Отечественной войны. Зал Чайковского и скорбные звуки финала 6-й симфонии...

Мы оба слушали ее много раз. Но в этот вечер как-то все воспринималось особенно остро. В этот последний вечер 6-я симфония предстала перед нами как могучий концентрат неисчерпаемых духовных ценностей нашей Великой Родины. Гениальное произведение Чайковского выросло в символ все-

го прекрасного, что делало нашу Родину непобедимой, за что стоило жить, бороться и умереть.

На другой день Зиновий уезжал на фронт. Несмотря на плохое зрение, больное сердце и освобождение от воинской службы, он настоял на том, чтобы его приняли в ряды народного ополчения.

В октябре [19]41 г. З.А. погиб в бою у озера Селигер. Он не дожид до первого могучего перелома, наступившего в войне в декабре [19]41 г., но З.А. никогда не сомневался в неизбежном поражении фашистов.

В памяти людей, знавших З.А., надолго сохранится его образ – чуткого и тонкого человека – поэта и патриота нашей Родины [7].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Именной список № 18 безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава по 110 стрелковой дивизии за сентябрь – ноябрь 1941 г. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 491.

2. Извещение Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии от 11.06.1943 // Тверской ОВК г. Москвы. Оп. 1943. Д. 393.

3. Книга памяти погибших и павших без вести в Великой Отечественной войне. Т. 8. С. 186.

4. Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом. Т. 2.

Архивные материалы. РГАЛИ:

5. Правление Союза советских писателей. Военная комиссия. Личное дело Лившица Зиновия Александровича. 31 мая – 21 июня 1943 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 645.

6. Запрос Военной комиссии Президиума ССП СССР о судьбе ополченца З.А. Лившица // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 645. Л. 1.

7. Б.М. Черномордик // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Д. 2038. Л. 104–106.

Воспоминания о З.А. Лившице:

8. Черномордик Б.М. О Зиновии Лившице // «Мы предчувствовали полыханье...». Союз советских писателей в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г.: док. и комментарии: в 2 кн. Кн. 2. 1944 – 2 сентября 1945. – М.: РОССПЭН, 2015. С. 535.

9. Черномордик В. Памяти друга // Строка, оборванная пулей: Московские писатели, павшие на фронтах Великой Отечественной войны: стихи, рассказы, дневники, письма, очерки, статьи, воспоминания. – М.: Московский рабочий, 1985. С. 359–360.

Переводы З.А. Лившица:

10. Гольдони К. Лжец: комедия в 3 д. / пер. в стихах З. Калик, З. Лившиц. – М.: Изд-во и стеклогр. Центр. упр. по распространению драматургич. продукции «Цедрам», 1935.

11. Гольдони К. Лжец: комедия в 3 д. / пер. в стихах З. Калик, З. Лившиц. – М.-Л.: Искусство, 1936.

12. Гюго В. Девяносто третий. – М.: Детская литература, 1935.

13. Мольер Ж.Б. Прodelки Скапена: комедия в 3 д. / Вольный перевод в стихах Зин. Лившица. – М.: Изд-во и стеклогр. Центр. упр. по распространению драматургич. продукции «Цедрам», 1935.

14. Сарьян Г. Избранные стихи / пер. с арм. З. Лившиц и др. – М.: Гослитиздат, 1936.

15. Норенц В. Избранные стихи / пер. с арм. З. Лившиц и др. – М.: Гослитиздат, 1936.

ЛУКИН Юрий Борисович

Редактор, литературный критик, литературовед, кинодраматург (1907–1998).

Родился 12(25) октября 1907 г. в г. Москве.

В 1929 г., в двадцать два года, окончил литературное отделение историко-этнологического факультета МГУ. В том же году начал печататься. Занимался редакторской работой. С 1930 по 1941 г. работал редактором художественной литературы в Гослитиздате [4, л. 1]. Под редакцией Юрия Лукина вышло свыше 100 отдельных изданий советских прозаиков (Ф. Гладков, Вс. Иванов, В. Катаев, Вл. Лидин, А. Новиков-Прибой, М. Пришвин, Вл. Ставский, К. Тренев, А. Фадеев и др.), некоторые из них – с его предисловием.

В начале 1930-х гг. Ю.Б. Лукин встретился с Михаилом Шолоховым и с 1933 г. стал его главным и постоянным редактором, в том числе «Тихого Дона» и первого собрания сочинений. Юрий Борисович – редактор первой книги А.С. Макаренко «Марш 30 года», а также книги «Флаги на башнях». Публиковал статьи по литературно-критическим вопросам. Совместно с Н.Н. Бобровым написал пьесу о В. Чкалове.

В июле 1941 г. Ю.Б. Лукин зачислен в 4-ю дивизию народного ополчения; принял военную присягу 5 августа 1941 г. [2, л. 52]. Приказом № 27 от 5 августа 1941 г. включен в списки политотдела управления дивизии – с 28 июля 1941 г. [3, л. 30]; принимал сводки Информбюро и распространял их по частям и подразделениям дивизии. Писал очерки о бойцах

Ю.Б. Лукин (слева) и М.А. Шолохов в рабочем кабинете. Станица Вёшенская.
1930-е гг. (Фотограф В.А. Тёмин)

Конверт письма Ю.Б. Лукина к Н.Н. Боброву. 20 ноября 1941 г.
(Источник: РГАЛИ)

и командирах; в письме к Н.Н. Боброву от 29 ноября 1941 г. Ю.Б. Лукин напоминал: «Попросите, пожалуйста, очень Вас прошу, телеграфировать насчет нашего рассказа о Змеуле» [5, л. 3]. Афанасий Андреевич Змеул – начальник политотдела 4-й дивизии народного ополчения.

Пережить тяжелые дни войны Юрию Лукину помогали теплые письма от близких. Первое по времени письмо его жена, Тамара Александровна, направила на 754-ю полевую почту (4-я дивизия народного ополчения) из Йошкар-Олы, где она находилась в эвакуации:

18. VIII. 41. Муженек милый! Сегодня получила твою открыточку от 5.VIII, как необходимо каждое слово твое, мой родной. Вчера отправила тебе откр[ытку]. Пиши мне до востребования, т.к. скоро мы поедem км за 12. Люблю тебя, мой дорогой Юристый, и бесконечно соскучилась. Очень беспокоюсь. Пиши чаще, чаще, хотя бы по одному родному словечку. За меня не беспокойся. Я буду работать воспитательницей в детдоме, который организуется совместно с нашими ребятами. Очень люблю тебя, мое сокровище, грущу так, что и жизни не вижу. Целую тебя, мой милый, умнейшенька родной. Я все помню наше, и всегда ты со мной. Хочу написать жене [Шинберга? неразб.], если они еще не уехали, то пусть едут сюда. Беспокоюсь за тебя и прошу писать чаще. Все, что получила от тебя, читаю много раз. Ты мой такой трогательный муженек... Славнюшенька милый и всегда мой желанный. Навсегда твоя женка Тамара [9].

По приказу Политуправления Резервного фронта группу писателей-ополченцев направили в редакцию газеты «За Советскую Родину» только что сформированной 49-й армии. Второе письмо Ю.Б. Лукин написал после его перевода в редакцию этой газеты. Оно адресовано жене, Тамаре Александровне Лукиной, находившейся в эвакуации в Йошкар-Оле:

22–23 ноября 41 г. Моя Тамарка! Сегодня ровно пять месяцев, как началась та беда, которая разлучила нас с тобой так надолго и так далеко, моя любимая. Сейчас особенно остро это ощущаю в постоянной тревоге за тебя и в связи с тем, что так давно нет писем. Пишу тебе каждый день, мое великое счастье, мое огромное чувство, моя родная девочка... Как тебе живется, бесконечно дорогая моя? Целую твои руки, целую мою славнюшкину. Твой Юра, твой муж [8].

Частично ополченческого периода касаются опубликованные в извлечениях воспоминания Ю.Б. Лукина:

...Накануне моего возвращения в ополченческую дивизию из Москвы в гостинице «Националь» остановился Шолохов, по дороге из своей станицы в очередную командировку на фронт. Разумеется, я нашел его в гостинице. В тот же день навестили Михаила Александровича двое ростовских писателей-ополченцев, также ехавших на фронт...

Война в свое время вырвала каждого из нас из привычного жизненного круга. Но связи с привычками и пристрастиями мирного времени оказались прочнее и активнее, нежели мы могли предполагать и предвидеть. Во всяком случае, со всей очевидностью наступало время для большинства из нас возвращения на круги своя. Этот процесс, как многие другие, таил в себе по-

рой немало не только внезапного, но и причудливого в своей неожиданности. О том, что я оказался в газете «Сталинский сокол», находившейся в Москве, узнало руководство «Комсомольской правды», желавшее создать у себя отдел литературы, искусства и решившее, что я могу справиться с ролью заведующего этим отделом. Тут начались забавные осложнения. В «Сталинском соколе» соглашались откомандировать меня в «Комсомольскую правду», но, естественно, думали, что для этого потребуются демобилизация, поскольку имелся в виду переход на службу гражданскую. Однако сразу выяснилось, что эта сложность отпадает: в сумятице первых недель войны то, что именуется личным приказом о мобилизации того или иного военнослужащего, отдано так и не было. Вроде как я и не служил в армии и на фронте не был. Тогда заартачился я; и в комиссариате вняли моим доводам насчет того, какие трудности я испытаю, объясняя сыновьям и будущим внукам, где же и как провел я первые месяцы войны.

Военные нашли решение, которое показалось мне справедливым при всей своей причудливости: оформили задним числом мою личную мобилизацию с первого дня реального моего пребывания на армейской службе, и с той же даты, когда этот приказ оформлялся, отдали приказ о моей демобилизации. Так вопрос был разрешен, и я начал работу в «Комсомольской правде», в должности заведующего отделом литературы и искусства... [10, с. 54].

В апреле 1943 г. Ю.Б. Лукин назначен заместителем заведующего отделом литературы и искусства газеты «Правда» (в этой должности проработал 32 года, до выхода на пенсию). В апреле и сентябре 1945 г. побывал в частях 3 Белорусского фронта в Кёнигсберге [4, л. 1].

Юрий Борисович Лукин награжден медалью «За оборону Москвы», орденами «Знак Почета» (23.09.1945) и Отечественной войны II степени (приказ Министерства обороны СССР от 06.04.1985).

После окончания войны Юрий Борисович Лукин создал ряд телевизионных передач о творчестве советских писателей. Основные литературоведческие работы посвящены творчеству М.А. Шолохова: книги «О творческом пути Михаила Шолохова» (1950) и «Михаил Шолохов» (1952, 2-е изд. 1962). В 1954 г. опубликовал критико-биографический очерк «А.С. Макаренко». Лукин – автор киносценариев по произведениям Шолохова: «Судьба человека» (1959) и «Поднятая целина» (1960, совместно с Ф. Шамагоновым), киносценария «Русский лес» (1963, по роману Л. Леонова «Русский лес», в соавторстве с В. Петровым) и киносценария о Н. Баумане «Рыцарь Евграфыч» (1963, совместно с Г. Капраловым).

Ю.Б. Лукин скончался 25 апреля 1998 г. в Москве.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Награждение Ю.Б. Лукина орденом Отечественной войны II степени. Приказ Министерства обороны СССР от 06.04.1985 № 72 // ЦАМО. Юбилейная картотека награждений. Шкаф 35. Ящик 5 // pamyat-naroda.ru

Архивные источники. ЦАМО:

2. Военная присяга // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 9.

3. Приказы 4 ДНО о назначении и перемещении личного состава. 7.07 – 02.09.1941 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 1.

Архивные источники. РГАЛИ:

4. Личное дело Лукина Юрия Борисовича, заместителя заведующего отделом литературы и искусства в газете «Правда». Комитет по делам искусства при СНК СССР. Управление кадров // РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 28. Ед. хр. 3003.

5. Лукин Ю.Б. Письма и телеграммы Боброву Н.Н. 22 мая 1940 – 19 декабря 1941 // РГАЛИ. Ф. 2263. Оп. 2. Ед. хр. 82.

6. Лукин Ю.Б. Письмо Гладкову Ф.В. 27 мая 1942 г. // РГАЛИ. Ф. 1052. Оп. 5. Ед. хр. 379.

7. Групповая фотография: Лукин Ю.Б., Тубин А., летчик, бывший воспитанник А.С. Макаренко // РГАЛИ. Ф. 332. Оп. 3. Ед. хр. 98.

Частная коллекция Д.А. Панкратова:

8. Лукин Ю.Б. Письмо жене Лукиной Тамаре Александровне. 22–23 ноября 1941 г.

9. Лукина Т.А. Письмо Ю.Б. Лукину. 18 августа 1941 г.

Литература:

10. Лукин Ю.Б. Из книги «Воспоминания» (Встречи с М.А. Шолоховым) // Шолохов на изломе времени (Шолохов и современность): сб. статей и документальных материалов. – М.: Наследие, 1994.

11. Лукин Ю.Б. Из книги «Воспоминания» // Михаил Шолохов в воспоминаниях, письмах и статьях. Книга 2. 1941–1984. – М.: Наследие, 1984.

12. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020. 544 с.

Некоторые литературоведческие работы Ю.Б. Лукина:

13. Лукин Ю.Б. Окончание «Тихого Дона» // Литературная газета. 1940. 1 марта. С. 5.

14. Лукин Ю.Б. Шолохов // Правда. 1941. 16 марта. С. 1.

15. Лукин Ю.Б. Писатель и народ // Вечерняя Москва. 1941. 17 марта. Л. 2.

16. Лукин Ю.Б. О творческом пути Михаила Шолохова. – М.: Знание. 1950.

17. Лукин Ю.Б. Михаил Шолохов: критико-биограф. очерк. – М.: Сов. писатель, 1952.

18. Лукин Ю.Б. А.С. Макаренко: критико-биограф. очерк. – М.: Советский писатель, 1954.

19. Лукин Ю.Б. Михаил Шолохов: критико-биограф. очерк. 2-е изд., доп., перераб. – М.: Сов. писатель, 1962.

20. Лукин Ю.Б. Два портрета. А.С. Макаренко, М.А. Шолохов: критико-биограф. очерки. М.: Московский рабочий 1975.

Киносценарии Ю.Б. Лукина:

21. Судьба человека (Мосфильм, 1959) – по одноименному рассказу М. Шолохова.

22. Русский лес (Мосфильм, 1963) – по роману Л. Леонова.
23. Поднятая целина (1959–1961) – по повести М. Шолохова.
24. Как вас теперь называть? (Мосфильм, 1965).
25. В лазоревой степи (киноальманах в 3-х ч.) – по ранним рассказам М. Шолохова.
26. Коловерть (1970) (ч. 1).
27. Червоточина (1970) (ч. 2).
28. Продкомиссар (Мосфильм, 1970) (ч. 3).
29. Черный капитан (киностудия им. А. Довженко, 1973).
30. Рыцарь Евграфыч (1963, совм. с Г. Капраловым) – киносценарий о Н. Баймане.

МАТВЕЕВ Георгий Николаевич

Клубный работник, сельский корреспондент, поэт (1901–1999).

Г.Н. Матвеев родился в уникальной семье, про которую не без основания говорили: «поэтическая династия», «древо плодоносящее» – так много было людей талантливых, литературно одаренных, незаурядных.

Его отец, Николай Петрович Матвеев (1865–1941), – российский журналист, писатель, поэт, переводчик-японист, краевед Дальнего Востока, известен также как Николай Матвеев-Амурский. В его семье воспитывалось 12 детей.

Брат ополченца, Зотик Николаевич Матвеев (1889–1938), преподаватель, библиограф, редактор, стал первым библиографом Дальнего Востока и редактором «Дальневосточной энциклопедии» и «Библиографии Дальнего Востока». Преподавал в Государственном дальневосточном университете.

Другой брат – Венедикт Николаевич Матвеев (1896–1937, псевдонимы: Венедикт Март, Венедикт Марьин) – был поэтом-футуристом, писателем, переводчиком китайских и японских поэтов; активно участвовал в неофициальной литературной жизни, дружил с Сергеем Есениным, встречался с Даниилом Хармсом, Анатолием Мариенгофом. Расстрелян в годы ста-

линских репрессий. Его сын – Иван Венедиктович Матвеев (1918–1987) – эмигрировал в США, стал известен как поэт второй волны эмиграции (псевдоним Иван Елагин), переводчик, педагог.

Еще один брат, Николай Николаевич Матвеев (1890–1979, псевдоним Матвеев-Бодрый), был поэтом, писателем, литературоведом и членом Литфонда Союза писателей СССР, а еще и кооператором, лектором, культпросветработником, географом, действительным членом Всесоюзного географического общества, краеведом и знатоком истории Дальнего Востока. Его дочь – Новелла Николаевна Матвеева (1934–2016) – советская и российская поэтесса, прозаик, переводчица, бард, драматург, литературовед. Она приходилась племянницей Георгию Николаевичу; последние годы жила на даче на Сходне.

Будущий ополченец Георгий Николаевича Матвеев родился 23 апреля 1901 г. в г. Владивостоке. Учился в прогимназии М.В. Сибирцевой, некоторое время работал в типографии. Во время Гражданской войны участвовал в Сучанском комсомольском подполье, был партизаном в Уссурийском крае. Его рассказы о партизанской юности печатали приморские газеты. Повесть «С пером и винтовкой в тайге» опубликована в дальневосточном журнале. Входил в литобъединение поэтов Владивостока.

До 1925 г., в течение пяти лет, служил на Тихоокеанском флоте сигнальщиком. После демобилизации жил в Ленинграде, был рабочим, посещал объединения ленинградских поэтов, познакомился с Даниилом Хармсом, записал в его альбом: «Люби поэзию!» В период между 1925 и 1927 гг. Г.Н. Матвеев жил в Москве у брата Венедикта, который познакомил его с Сергеем Есениным. Это была единственная, но запомнившаяся на всю жизнь встреча. Есенин похвалил стихи Георгия Николаевича за «динамику».

В 1920-е гг. Георгий Матвеев сотрудничал во владивостокской газете «Красное знамя», в 1927 г. опубликовал в хабаровском журнале «Рабочий» рассказ о дальневосточных партизанах – «Михайловский бой». Участвовал в организации Приморского отделения Сибирского союза писателей. Выступал с чтением стихов в городах Приморья (Уссурийск, Хабаровск). Работал библиотекарем в Хабаровске.

С 1930-х гг. Г.Н. Матвеев жил в Московской области: в Фирсановке, затем Новоподрезкове, Подрезкове, Джунковке. Был культработником в сельских клубах, избах-читальнях, заведовал сельскими клубами, «поднимал культуру на селе». В 1930-е гг. при избе-читальне в Морщихино организовал драмкружок, участники которого ездили со спектаклями по окрестным деревням. Перед войной работал секретарем Фирсановского сельского совета. Стал членом ВКП(б).

В пос. Джунковка познакомился с Любовью Павловной Матвеевой, ставшей его женой. Годы были тяжелые, карточная система, приходилось много работать. В 1937 г. в Льялово у них родился сын Борис. Дочь Вера появилась на свет в 1945 г.

Ветеран Великой Отечественной войны Г.Н. Матвеев

В 1934 г. в Солнечногорском районе Московской области Матвеев организовал ударные бригады селькоров при газете «Путь Ильича». Писал статьи и заметки об организации колхозов, электрификации деревни, ликвидации неграмотности. Состоял в Ассоциации крестьянских писателей при «Крестьянской газете». Как селькор-ударник был направлен на литературные курсы при Союзе писателей, но началась война и разрушила мирные планы.

Зачислен в народное ополчение Химкинским РВК 06.07.1941, красноармеец. Участвовал в битве под Москвой. Был ранен. Сотрудничал в дивизионной газете «За Родину». После тяжелого ранения в 1944 г. был комиссован, стал инвалидом второй группы. До конца войны поддерживал боевых товарищей письмами. На фронтах Великой Отече-

ственной войны получил от командования 12 благодарностей. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В послевоенные годы был рабочим, селькором, заведовал клубами. Состоял в литературном объединении «Химки». Издавал книжечки стихов, рассказов и воспоминаний. Публиковал стихи в подмосковных газетах и столичном альманахе «Поэзия».

Автор воспоминаний «Записки ополченца».

Георгий Николаевич Матвеев умер 10 августа 1999 г. в Подрезково.

Родственники хранят память об ополченце. Его внучатый племянник, В.П. Евтушенко, включил в свою книгу «Древо плодоносящее: Биография уникальной литературной династии Матвеевых» (2004) биографический очерк о Г.Н. Матвееве – «С пером и винтовкой»; рассказ о нем правнука Василия Синяткина «Мой прадед-ополченец» опубликован в сборнике «Наш памятный полк» (2018).

Дочь, внуки и правнуки Г.Н. Матвеева живут в Подрезково. У дочери – Веры Георгиевны Матвеевой (р. 1945), в замужестве Синяткиной, два сына – Валерий Валентинович (р. 1964) и Игорь Валентинович (р. 1971). У старшего сына трое сыновей – Иван (р. 1989), Георгий (р. 1997), Василий (р. 2000). У младшего Игоря три сына и дочь: Антон (р. 1994), Дмитрий (р. 1997), Анна (р. 2004), Иван (р. 2007).

Личные фонды Г.Н. Матвеева хранятся в Солнечногорском краеведческом музее, Музее лица № 21 (Химки, Сходня), Музее боевой славы РМАТ (Химки, Сходня).

(Воспоминания о войне и стихотворения Г.Н. Матвеева публикуются в разделе II настоящего издания.)

Источники информации

Архивные источники:

1. Именные списки военнообязанных, направленных в народное ополчение // Военный комиссариат городов Химки, Долгопрудный и Лобня Московской обл.

2. Юбилейная картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 37. Ящик 15.

Сборники стихов и рассказов:

3. Матвеев Г.Н., Камшилина Е.Б. Незабываемая встреча с Сергеем Есениным. – М.: Мортехинформреклама, 1993.

4. Матвеев Г.Н. Было время: стихи разных лет. – М.: Литературное объединение «Химки», 1995.

5. Матвеев Г.Н. Ветреные дни. Воспоминания о встречах с известными поэтами: С. Есениным, Д. Хармсом и П. Васильевым. – Химки, 1996.

6. Матвеев Г.Н. Незабываемая встреча с Сергеем Есениным. 2-е изд. – М.: ИспоСервис, 1996.

7. Матвеев Г.Н. Неудачный рейс. Рассказы и стихи о море. – М., 1996.

8. Матвеев Г.Н. Родился я в суровый век. Стихи о войне. – Химки, 1996.

9. Матвеев Г.Н. Боевые ушли времена. Стихи из фронтового блокнота ополченца 110-й Московской дивизии. – М.: Испо-Сервис, 1998.

10. Воспоминания Георгия Матвеева о Данииле Хармсе / публикация А.Л. Дмитриенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 2007–2008 г. СПб., 2010. С. 593–602. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/воспоминания-георгияматвеева-о-данииле-хармсе>

11. Матвеев Г.Н. Записки ополченца. Боевые ушли времена... Стихи из фронтового блокнота ополченца // Книга Памяти. Вспомним всех поименно: история войны через судьбы ополченцев химкинского батальона 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. – М.: Университетская книга, 2021. С. 314–355.

Публикации биографического характера:

11. Афанасьев-Гульский Е.Ф. Поэтическая династия Матвеевых: от Владивостока до Америки. Записки со слов «ровесника века». – М., 1998.

12. Камшилина Е. Ровесник минувшего века // Химкинские новости. 2001. 4 сентября. № 91 (744). Вспомним всех поименно.

13. Евтушенко В.П. С пером и винтовкой // Дерево плодоносящее: Биография уникальной литературной династии Матвеевых. – Владивосток, 2004. С. 84–91.

14. Синяткин В. Мой прадед-ополченец // Наш памятный полк. – М.: Юридический колледж, 2018. С. 35–37.

МЕДВЕДЕВ Борис Петрович

Журналист, редакционный работник (1919–1942).

Родился в 1919 г. в г. Вольск Саратовской области. Литературный работник редакции «Вечерняя Москва». Член ВКП(б), партийный билет № 3411079.

Борис Петрович Медведев в июле 1941 г. был зачислен в народное ополчение военкоматом Куйбышевского района Москвы.

28 августа 1941 г. в «Вечерней Москве» (№ 203, статья «Артиллеристы») была опубликована его первая корреспонденция с пометой «Действующая армия», 10 октября – последняя (№ 240, статья «Народ-герой отомстит!»).

Последнее письмо родственникам написано 16 сентября 1941 г. В нем он сообщал, что исполнял обязанности корреспондента дивизионной газеты.

В дальнейшем связь с ним была потеряна. Медведев значится пропавшим без вести с января 1942 г.

Запросы о розыске Б.П. Медведева подавала мать, С.Ш. Шнегельман. Ей пришли стандартные ответы, что в списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести не значится.

Заключение Отдела по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава: Медведева Бориса Петровича следует считать пропавшим без вести в январе 1942 г.

Источники информации

1. Документы, уточняющие потери // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977522. Д. 63.
2. Воробьев Павел. Штыком и пером. URL: <https://vm.ru/society/932067-shtykom-i-perom>

Составитель: Л.С. Именнова.

МЕНЯ / МАНЯ Анатолий Иванович

Работник издательства «Учпедгиз» Наркомпроса РСФСР (1902–1941).

Родился в 1902 г. в г. Сувалки (ныне Польша, Подляское воеводство, г. Сувалки). Беспартийный.

Вступил в народное ополчение 06.07.1941, направлен Куйбышевским РВК г. Москвы в 4-ю дивизию народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Без звания.

Дальнейшая служба: телефонист 2-й телефонно-кабельной роты 859-го отдельного батальона связи 110-й стрелковой дивизии.

Погиб в бою 1 декабря 1941 г. в районе Волковской Дачи Наро-Фоминского р-на Московской обл. Захоронен в братской могиле при командном

Составитель: Е.Г. Брунова.

пункте 1291-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии, около п. Волковская Дача Наро-Фоминского р-на Московской обл.

Награжден орденом Красного Знамени (1941), посмертно.

Из наградного листа:

Тов. Маня А.И., обслуживая телефонную линию в 1291 сп – во время наступления противника 1.12.41 г., перешел вместе с другими телефонистами на оборону [командного пункта] командира полка.

Храбро и стойко защищаясь, т. Маня А.И. оставался на своем посту до последней возможности и, будучи окружен противником, пал смертью храбрых от вражеской пули [1].

Источники информации

1. Награждение орденом Красного Знамени. Приказ ВС Западного фронта № 422 от 20.12.1941 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 235.

2. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 232. Л. 21.

3. Маня Анатолий Иванович // ЦАМО. Картотека награжденных.

МИЗРУХА Хаскель Аронович

Фотограф, фотокорреспондент (1906 – не ранее 1954).

Родился в 1906 г. в г. Гостомель Киевского уезда Киевской губернии, из семьи кустаря-одиначки (портного). Отец убит в 1912 г.

В г. Киеве окончил экстерном 7 классов средней школы в 1923 г.

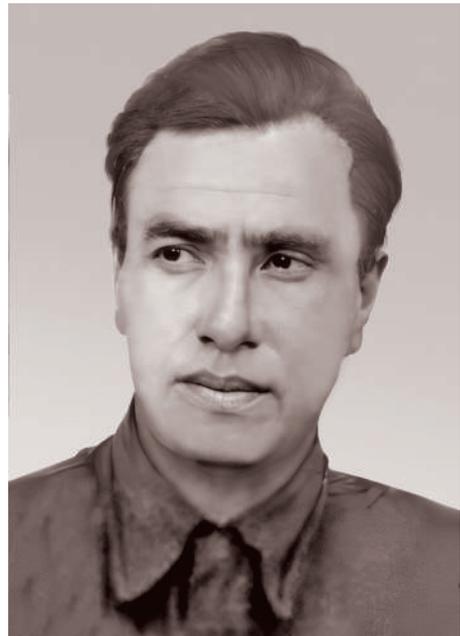
1921–1924 – мальчик, развозчик хлеба, г. Киев.

1924–1931 – ученик, мастер по сборке венских стульев.

1931–1941 – фотокорреспондент редакции газеты «Вечерняя Москва».

Член ВКП(б) с 1942 г. Партбилет № 5023500.

Призван в народное ополчение 06.07.1941 Куйбышевским РВК г. Москвы. Красноармеец, сержант, стрелок 3-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Дальнейшая служба: 1291-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии;

клуб 110-й стрелковой дивизии; клуб 84-й гвардейской стрелковой дивизии.

В архиве Комиссии по истории Великой Отечественной войны имеется комплекс фотографий (более 200) командиров и бойцов 110-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Автором большинства из них является фотокорреспондент Хаскель Аронович Мизруха. Многие из них опубликованы в дивизионной газете «За Родину».

Награжден медалями «За боевые заслуги» (1943), «За оборону Москвы» (1944), орденом Красной Звезды (1944), медалью «За отвагу» (1945).

Гвардии ст. сержант, фотограф клуба 84-й гвардейской стрелковой дивизии, Х.А. Мизруха представлен к награждению медалью «За боевые заслуги», награжден медалью «За отвагу» (приказ 84 гв. сд 7 гв. ск Западного фронта 21/н от 30.04.1943). Из наградного листа:

Тов. Мизруха – доброволец народного ополчения. Неоднократно участвовал в боях с немецкими захватчиками в качестве рядового бойца. В боях на подступах к Москве и за Верею тов. Мизруха показал образцы бесстрашия и мужества.

Работая затем фотографом дивизионного клуба, тов. Мизруха непосредственно на передовой, часто под огнем противника, фотографировал отличившихся бойцов и командиров и запечатлел на пленке множество боевых эпизодов.

Тов. Мизруха за время службы в дивизии заснял свыше 5000 бойцов и командиров для выдачи им партийных документов.

За свою отличную деятельность, способствовавшую боевым успехам дивизии, за отвагу и мужество в боях с немецкими захватчиками тов. Мизруха достоин награждения медалью «За боевые заслуги» [1].

Гвардии ст. сержант Мизруха награжден орденом «Красная Звезда» (приказ 84 гв. сд 11 гв. армии 3 Белорусского фронта № 53/н от 27.07.1944). Из наградного листа:

Гвардии ст. сержант Мизруха служит в дивизии с первого дня ее формирования в должности фотографа. Он в любых условиях и самой сложной боевой обстановке, находясь в частях, фотографирует личный состав, вступающий в ряды партии, и героев боев. При отсутствии элементарных условий он дает фотокарточки хорошего качества и тем самым обеспечивает своевременную выдачу партийных документов. При выполнении заданий политотдела тов. Мизруха неоднократно попадал в тяжелые условия и, несмотря на угрозу для жизни, продолжал выполнять задания [2].

Последняя боевая награда Х.А. Мизрухи – медаль «За отвагу» (приказ 84 гв. сд 11 гв. армии № 99/н от 27.05.1945). Из наградного листа:

Тов. Мизруха на фронте Великой Отечественной войны с июля 1941 года. Ополченец. Находясь на фронте, показал себя смелым и мужественным воином. Как специалист-фоторепортер тов. Мизруха был взят в политотдел, где также показал себя с положительной стороны. В трудных условиях

Минометный расчет на огневой позиции¹. Январь 1942 г.
 Фото А.Х. Мизрухи. (Источник: НА ИРИ РАН)

войны он, пренебрегая опасностью для жизни, бывал в боевых порядках, чтобы запечатлеть на фотопленку лучших героев нашей дивизии, создавая историю пройденного пути соединения. Тов. Мизруха отдавал все свое умение для того, чтобы как можно подробнее показать действительность боя подразделений, сражающихся с немецко-фашистскими захватчиками.

Благодаря самоотверженности тов. Мизрухи, яркие страницы истории нашего соединения будут подтверждаться фотодокументами. Наряду с этой работой тов. Мизруха производил фотографирование бойцов и офицеров, вступающих в партию. Благодаря его умению выдача партийных документов была своевременной в любых условиях боя [3].

Демобилизован.

При обмене в 1954 г. выдан партбилет № 00293275.

Умер не ранее 1954 г.

Источники информации

1. Награждение медалью «За отвагу». Приказ 84 гв. сд 7 гв. ск Западного фронта 21/н от 30.04.1943 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 553.

2. Награждение орденом «Красная Звезда». Приказ 84 гв. сд 11 гв. армии 3 Белорусского фронта № 53/н от 27.07.1944 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3097.

¹ Первый справа – старший лейтенант И.А. Жариков, второй справа – старший лейтенант, командир минометного взвода Г.Т. Кошаков; оба погибли в марте 1942 г. в районе д. Слизнево.

3. Награждение медалью «За отвагу». Приказ 84 гв. сд 11 гв. армии № 99/н от 27.05.1945 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2324.
4. Мизруха Хаскель Аронович // ЦАМО. Картотека награждений. Шкаф 59. Ящик 9.
5. Партийные документы Мизрухи Хаскеля Ароновича // РГАСПИ.

ПАН Яков Соломонович

Прозаик, писатель-фантаст, журналист, популяризатор науки (литературный псевдоним И.Г. Нечаев; 1906–1941).

Родился в Бердичеве в 1906 г. в семье бедного служащего. Помимо Якова в семье было 18 детей, из которых выжили десять. Рано осиротел, воспитывался в детском доме, учился в коммерческом училище. В школе проявил талант к наукам, но не имел возможности его реализовать в провинциальном городе. Благодаря помощи наркома образования А.В. Луначарского в конце 1921 г. был принят в «Дом юношества» Наркомпроса, получил возможность перебраться в Москву.

В 1922 г. экстерном окончил курс рабфака и остался на нем в качестве преподавателя. Поступил на химический факультет МВТУ им. Н.Э. Баумана, по окончании которого стал сотрудником Научно-исследовательского физико-химического института им. Л.Я. Карпова. Начал публиковаться в периодических изданиях: «Знание – сила», «Техника», «Техника – молодежи».

Журналистика стала его основным занятием. Вместе с М.А. Лapidусом он выпускал газету «За индустриализацию», а когда этот проект закрыли, перешел на работу в редакцию журнала «Знание – сила», через некоторое время стал его научным редактором.

К 1928 г. относится одно из первых сохранившихся фантастических произведений Якова Пана – рассказ «Мортонит». Автор опубликовал его в журнале «Мир приключений» под собственным именем, но вскоре взял псевдоним И. Нечаев. Под этим именем выходили агитационные брошюры и научно-популярные очерки, последние легли в основу первой книги

Я.С. Пана – «Рассказы об элементах»; в 1936 г. она выиграла конкурс научно-технической литературы, организованный ЦК ВЛКСМ, и в 1940 г. вышла в издательстве «Детиздат».

К началу войны Яков Пан был уже женатым человеком: жена – Ривка (Раиса) Калмановна Пан, урожденная Коган; сыну Виктору исполнилось 2 года.

Он не подлежал призыву по состоянию здоровья, но рвался на фронт и записался в 4-ю дивизию народного ополчения.

Осенью 1941 г. в звании лейтенанта Я.С. Пан командовал ротой в боях у озера Селигер в Калининской области. Отсюда пришли последние письма, дальнейшие следы его теряются. Мл. лейтенант Яков Соломонович Пан, командир взвода 1289-го стрелкового полка, признан пропавшим без вести в ноябре 1941 г.

После гибели писателя свет увидели многие его произведения, ранее не напечатанные; многократно переизданы «Рассказы об элементах», в том числе за рубежом; в 1957 г. опубликованы главы из неоконченной фантастической повести «Кухня будущего». Рассказ «Белый карлик» вошел в сборник 1962 г. «Капитан звездолета».

Сын ополченца – Виктор Яковлевич Пан – американский математик и ученый в области информатики, почетный профессор Леман-колледж.

(Очерк Я.И. Шура «Яков Пан (И. Нечаев)» из книги «Памяти погибших писателей» публикуется в разделе II настоящего издания).

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Приказ Главного управления кадров Вооруженных Сил СССР об исключении из списков. 19 июня 1946 г. // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 23.

2. Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом. Т. 3. С. 75.

Архивные источники. РГАЛИ:

3. Нечаев [Пан]. Писатели-фронтовики, погибшие в дни Отечественной войны // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 25. Ед. хр. 144.

4. Памяти погибших писателей: сборник очерков. По алфавиту писателей на буквы «Д – П» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 2038. Л. 150–157.

Сочинения Я.С. Пана (И. Нечаева):

5. Пан Я. Мортонит // Мир приключений. 1928. № 3.

6. Нечаев И. Очищайте отработавшие смазочные масла. – М.-Л.: ОГИЗ, 1931. (Серия агитационно-технической литературы «Книжка – ударнику»).

7. Нечаев И. Спасай металл от ржавчины! Борьба с коррозией металлов. – М.-Л.: ОГИЗ, 1931. (Серия агитационно-технической литературы «Книжка – ударнику»).

8. Пан Я. Титаномагнетиты. Новая победа советской науки. – М.-Л.: ОГИЗ, 1931. (Серия агитационно-технической литературы «Книжка – ударнику»).

9. Пан Я. Первый рейс через океан: [О Христофоре Колумбе и его путешествии] // Техника – молодежи. 1934. № 11. С. 39–44.

Посмертное издание книги «Белый карлик» (М.: Детгиз, 1943)
ополченца Я.С. Пана (И. Нечаева)

10. Пан Я. У порога новой энергетической эры: [О новых источниках энергии] // Техника – молодежи. 1935. № 4. С. 43–47.
11. Нечаев И. Газификация угля: [Новые методы в производстве] // Техника – молодежи. 1935. № 11. С. 57–60.
12. Пан Я. Как лягушка совершила переворот в науке : [Открытие гальванического тока] // Техника – молодежи. 1936. № 6. С. 29–32.
13. Пан Я. Огненный воздух: [Открытие кислорода] // Техника – молодежи. 1936. № 7. С. 35–39.
14. Пан Я. Искатель новых элементов: [Открытие натрия и калия] // Техника – молодежи. 1936. № 8. С. 32–35.
15. Пан Я. Разгадка цветных шифров: [История спектрального анализа] // Техника – молодежи. 1936. № 9. С. 42–46.
16. Нечаев И. Три открытия // Знание – сила. 1938. № 6.
17. Нечаев И. Рассказы об элементах: для ст. возраста. – М.-Л.: Детгиздат, 1940.
18. Нечаев И. Одна тысячная грамма: [Об открытии аргона] // Знание – сила. 1940. № 5. С. 21–25.

19. Нечаев И. Высокоскоростная газификация: [История отопления газом] // Техника – молодежи. 1940. № 7–8. С. 67–69.
20. Нечаев И. Запах молнии: статья // Пионер. 1941. № 2. С. 45–51.
21. Нечаев И. Химическое оружие. – М.-Л.: Детгиз, 1942. (Военная библиотека школьника).
22. Нечаев И. Белый карлик // Техника – молодежи. 1943. № 6.
23. Нечаев И., Яковлев А.А. Закон Менделеева. Октановое число. Открытие радиоактивности // Рассказы о науке и ее творцах: Хрестоматия для всех / под общ. ред. акад. А.Е. Ферсмана. – М.-Л.: Детгиз, 1946.
24. Пан Я. Кухня будущего: [Отрывок из неоконченной повести] // Знание – сила. 1957. № 11.
25. Рассказы об элементах. – Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 2013.
26. Nechaev. The Chemical Elements: The Exciting Story of Their Discovery and of the Great Scientists Who Found Them / Translated by Gerald W. Jenkins. – New York: Coward-McCann, 1942. 223 p.; London: Lindsay Drummond, 1944 and 1946; Norfolk: Tarquin, 1997 and 2003.
27. Elementos quimicos la fascinante historia de su descubrimiento y la de los famosos hombres. – Sudamericana, 1944. 215 p.
28. Storia degli elementi chimici. Universale Economica, 1950. 165 p.
29. Le roman des elements. Paris: Belin, 2005. 192 p.

ПЛИСКО Николай Гаврилович

Литературный критик и журналист (1903–1941).

Родился 6(19) декабря 1903 г. в г. Харьков; из семьи рабочего-большевика. Член ВКП(б) с 1924 г. В 1925 г. поступил на литературное отделение этнологического факультета МГУ. Первые публикации относятся к 1926 г. В 1933 г. окончил Институт красной профессуры по литературному отделению и начал активно сотрудничать в газетах и журналах: «Октябрь», «Новый мир», «Литературная учеба», «30 дней», «Красноармеец» и других. Писал о современных поэтах – Д. Бедном, М. Бажане, В. Лебедеве-Кумаче, Н. Асееве, о рабо-

чих-поэтах «Правды», о произведениях И. Эренбурга, В. Катаева, Вс. Иванова, о традициях классиков в современности.

Главной любовью критика, лейтмотивом его творчества была поэзия В. Маяковского, мимо его статей о поэте не пройдет ни один современный исследователь. Одним из первых он высоко оценил творчество начинающего писателя М.А. Шолохова.

С 1937 г. Н.Г. Плиско – член Союза писателей СССР, работал заместителем редактора «Литературной газеты», вел организационно-творческую работу в редакциях журнала «Литературный критик» и «Литературной газеты». Важное значение придавал сотрудничеству в журнале «Красноармеец».

В 1938 г. Н.Г. Плиско написал статью «Российская Федерация» (опубл. под названием «Дружба народов СССР», без указания автора, в качестве редакционной статьи в журнале «Октябрь» № 4). В ней он писал:

Самое замечательное в Российской Федерации – ее народ, его воля к победе, его единство...

И если хоть одна вражеская страна попытается переступить рубежи нашей Родины, она испытает всю сокрушительную силу удара нашей Красной Армии, которая будет громить противника на его собственной территории...

Русский народ – героический народ. В жесточайшей борьбе с врагами он отстаивал свою государственную независимость. Столетиями боролся он за право быть объединенным в самостоятельное независимое государство. Когда на него нападали немецкие рыцари-псы, или польские шляхтичи, или какие-либо другие завоеватели, русский народ поднимался единой стеной и, часто вопреки воле эксплуататоров, давал такие уроки иноземным завоевателям, о которых они помнили столетия.

Русский народ может и должен гордиться своим героическим прошлым... На протяжении огромнейшей исторической жизни русский народ выдвигал талантливейших вождей, военачальников, ученых, художников, музыкантов. Русская литература занимает в мировой литературе почетное, выдающееся место.

Перед советскими писателями стоят большие, исторической важности задачи, ...открывается обширнейшее поле деятельности, неиссякаемый источник тем, образов, сюжетов, ибо ярка, красочна и героична история русского народа.

С началом Великой Отечественной войны, оставив жену, Любовь Васильевну Плиско, и трехлетнего сына Владимира, вступил в 4-ю дивизию народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Приказом по дивизии от 27 августа 1941 г. № 62 боец 2 стрелкового полка 2 батальона 5 роты Н.Г. Плиско был временно прикомандирован к политотделу 4 ДНО; в его обязанности входило принимать сводки Информбюро и распространять их в воинских подразделениях. Назначен политруком роты в 1289-м стрелковом полку 110-й стрелковой дивизии.

В октябре 1941 г. дивизия понесла значительные потери. Николай Гаврилович Плиско пропал без вести 20 октября 1941 г. в районе деревни Мишуково Боровского района Московской области. Как свидетельствуют очевидцы, это произошло при налете фашистских самолетов.

Из публикации Г. Мунблита «О Николае Плиско»:

Мы учились с Николаем Плиско на литературном отделении этнологического факультета МГУ, который помещался тогда на Моховой улице и, в отличие от второго университета, на Девичьем поле, именовался первым. Поступили мы туда в 1925 году.

... Плиско было тогда двадцать два года, он был молчалив, застенчив и не похож на наших сокурсников, по большей части разбитных юнцов и девиц, уже в чем-то причастных к литературе и смело судивших обо всем, полагаясь на свой крошечный, очень недавно приобретенный опыт.

Он был из тех юношей, что раскрываются поздно и медленно, бояливо прячась в свою раковину всякий раз, как им приходится сталкиваться с чуждым им невежеством, грубостью и апломбом. И, в отличие от университетских говорунов, произносивших длинные речи на каждом семинарском занятии, он выступал только тогда, когда ему было что сказать и когда он по-настоящему знал предмет, подвергавшийся обсуждению.

Начав печататься, он писал по преимуществу о стихах и чаще всего о Маяковском, любимом своем поэте, который, как мы теперь знаем, тоже был очень застенчив, но научился громогласно свою застенчивость побеждать.

Большой и вполне заслуженной победой Николая Плиско было полученное им предложение написать предисловие к первому полному собранию сочинений Маяковского. В предисловии к этому изданию, вышедшему в издательстве «Художественная литература» в 1935 году, Плиско, говоря об общественно-политическом значении поэзии Маяковского, с особенным упорством подчеркивал его высокое поэтическое мастерство, что было в ту пору не частым явлением в нашей критике.

В первые дни войны, уже окончив Институт красной профессуры, Плиско ушел на фронт, сначала записавшись в ополчение, а потом перейдя в действующую армию, и там сразу обрел свое место, став политруком роты.

Он погиб в битве за Москву. Погиб, оставив жену и трехлетнего сына, не дожив до сорока лет и не совершив малой доли того, на что был способен [27].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Донесение о безвозвратных потерях за октябрь 1941 г. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 232.
2. Приказ об исключении из списков // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563782. Д. 58.
3. Список рядового и сержантского состава о розыске по заявлениям родственников // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 56782. Д. 58.

4. Список политработников, пропавших без вести // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563782. Д. 58.

Архивные источники. ЦАМО:

5. Приказ по 4-й Куйбышевского района дивизии № 62 от 27 августа 1941 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 1. Л. 64 об.

6. Именной список № 25 безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава по 110 сд за октябрь 1941 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 8. Л. 12 об.

Архивные источники. РГАЛИ:

7. Плиско Н.Г. Российская Федерация. Статья. Автограф. 1938 // РГАЛИ. Ф. 916. Оп. 1. 1486.

8. Личное дело Н.Г. Плиско // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 657.

Публикации Н.Г. Плиско:

9. Плиско Н. Действительность в упор: «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова // Литературная газета. 1932. 29 дек.

10. Плиско Н.Г. Маяковский в Гражданскую войну // Октябрь. 1935. № 2.

11. Плиско Н.Г. Творчество Маяковского. – Киев, 1936 (на укр. яз.).

12. Плиско Н.Г. Эстетика дореволюционного Маяковского // Новый мир. 1936. № 5.

13. Плиско Н.Г. «Неистовый Виссарион» // 30 дней. 1936. № 6.

14. Плиско Н.Г. Пушкин и Маяковский // Литературная учеба. 1937. № 4.

15. Плиско Н.Г. В.И. Лебедев-Кумач // Новый мир. 1938. № 6.

16. Плиско Н.Г. Лермонтов и Маяковский // 30 дней. 1938. № 7.

17. Плиско Н.Г. А.П. Чехов // 30 дней. 1939. № 7.

18. Плиско Н.Г. Две книги для детей о Маяковском. Рассказы о Маяковском // Октябрь. 1941. № 1.

19. Плиско Н.Г. Маяковский: Материалы и исследования: рецензия // Литературное обозрение. 1941. № 2.

20. Плиско Н.Г. Творчество Николая Асеева // Новый мир. 1941. № 4.

21. Плиско Н.Г. Неизданный Хлебников // Октябрь. 1941. № 3.

22. Плиско Н.Г. Маяковский и революционная поэзия 1905 г. // Октябрь. 1941. № 5.

23. Плиско Н.Г. Военные записки Дениса Давыдова // Красноармеец. 1941. № 1.

24. Плиско Н. Писатель-большевик: [К 35-летию со дня рождения М.А. Шолохова] // Красноармеец. 1941. № 3.

Литература о Н.Г. Плиско:

25. Алтаузен Д. За боевой советский стих // Литературная газета. 1937. 15 ноября.

26. Коган А. В общем строю // Вопросы литературы. 1975. № 7.

27. Мунблит Г. О Николае Плиско // Строка, оборванная пулей: Московские писатели, павшие на фронтах Великой Отечественной войны. 2-е изд. – М.: Моск. рабочий, 1985. С. 496–497.

ПРОЩИЦКИЙ Пинхос Соломонович (Павел Семенович)¹

Преподаватель, партийный, государственный деятель, хозяйственный работник (1901–1959).

Мой дед, Прощицкий Пинхос Соломонович, родился 13 декабря (30 ноября по ст. стилю) 1901 г. в г. Минске. Отец деда, мой прадед, работал бухгалтером. В 1942 г. во время немецкой оккупации прадед и прабабушка погибли в минском гетто.

Дед окончил среднюю школу в Минске. Весной 1919 г. вступил в комсомол. Партийный стаж – с ноября 1919 г., принят Минской организацией, партбилет № 0347223.

В годы Гражданской войны мой дед был в группе минских подпольщиков, помогавших Красной Армии (группой руководил В.Г. Кнорин, 1890–1937); его старший брат был связным, координатором подполья; после того, как убили брата, Пинхос Соломонович его заменил – ему было тогда 18 лет.

В семейном архиве хранится копия отношения Центральной комиссии по делам бывших красногвардейцев и партизан при Президиуме ЦИК БССР, в которой удостоверяется, что «...Прощицкий П. совместно с другими товарищами в 1920 г. выполняли в тылу белополяков секретно-военную работу, обслуживая как части Красной Армии, так и партизанское движение, и по роду и характеру выполненных работ должны быть приравнены к красным партизанам... Минск, 21/III-1934 г.» [13].

С 1921 по 1924 г. П.С. Прощицкий учился в Москве в Коммунистическом университета имени Я.М. Свердлова на лекторском факультете (экономическое отделение), специальность – преподаватель. После окончания университета был мобилизован в Красную Армию и назначен преподавателем Военно-политической школы Среднеазиатского военного округа (г. Ташкент).

Осенью 1927 г. командирован Политуправлением Красной Армии на учебу – в аспирантуру Института экономики РАНИОН (г. Москва), специальность – преподаватель и научный работник.

По окончании аспирантуры в 1930 г. направлен на работу в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР. С 1930 по 1933 г. работал на-

¹ Из воспоминаний В.В. Крупецкова, внука ополченца П.С. Прощицкого.

чальником сектора в ВСНХ, затем в Народном комиссариате тяжелой промышленности (Наркомтяжпроме), в Институте промышленно-экономических исследований Наркомтяжпрома СССР. Одновременно в эти же годы вел преподавательскую работу на Курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) и в Высшей пограничной школе НКВД.

Член профсоюза работников искусств с 1934 г.

П.С. Процицкий женился в 1933 г. на Варваре Сергеевне Михайловской (1900–1990), дочери С.А. Михайловского, почетного гражданина г. Твери. В семье были дочь Елена (1930–2017), сын Иосиф (1934–1996). Место жительства: Москва, ул. Горького, д. 27, кв. 9 [11].

Весной 1933 г. отклонил предложение возглавить партаппарат московского НКВД и был назначен ЦК ВКП(б) начальником политотдела совхоза «Искра» Омской области. Вместе с председателем Кривоносовым вывели совхоз из отсталого в передовое хозяйство; организовали школу, МТС, типографию.

Участвовал в выборных органах: был членом бюро райкома партии (Ташкент, 1926–1927; Называевский р-н Омской обл., 1933–1939). Об этом периоде в письме 6 сентября 1980 г. к А.А. Аниксту писала вдова П.С. Процицкого:

В годы культа личности мы были в Сибири. На него был выписан ордер на арест, но этот ордер попал в руки сотрудника Омского НКВД [Кронберга], бывшего в течение нескольких лет заместителем П[авла] С[еменовича] по работе, отозванного на работу в «органы». Этому товарищу, очень любившему П[авла] С[еменовича], удалось уничтожить ордер. Но все равно было исключение из партии на 6 месяцев [12, л. 1 об.].

В нашей семье рассказывали, что Кронберг, идя по коридору НКВД, случайно завернул в соседний отдел и увидел на столе папку «Процицкий П.С.», в ней – ордер на арест. Ордер изъял, папку убрал в самый низ стопки, взял из гаража машину, поехал в совхоз из Омска (150 км в одну сторону по неасфальтированной дороге). Ордер показал моим деду и бабушке, на их глазах бросил в печь, предупредил об опасности.

Я слышал от бабушки, что, учась во ВХУТЕМАСе, она была любимицей художника и руководителя К.Н. Истомина, она писала портрет Сталина, поэтому решила написать ему лично письмо и попросить разобраться в ситуации с П.С. Процицким, которую она считала недоразумением.

В декабре 1939 г. П.С. Процицкий был откомандирован в Москву на работу ответственным инструктором Политуправления Наркомсовхозов СССР. После ликвидации Политуправления в марте 1940 г. назначен начальником сектора школ ГУУЗ'а (Главное управление учебных заведений), а весной 1941 г. – зам. начальника ГУУЗ'а Наркомсовхозов СССР.

В июле 1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение. Информация об этих днях сохранилась в стенограмме беседы П.С. Процицкого с батальонным комиссаром А.Л. Сидоровым:

Я руководил агитколлективом наркомата [Наркомат совхозов]. Очевидно, в связи с этим меня 5-го числа вместе с другими товарищами райком партии вызвал для отбора на политработу в создаваемую дивизию народного ополчения. В результате этого отбора меня назначили инструктором по пропаганде... 1-го полка [15, с. 168].

1 октября 1941 г. П.С. Прощицкий из добровольцев народного ополчения зачислен в кадровый состав армии, его поставили на денежное довольствие по занимаемой должности инструктора по пропаганде и агитации политотдела 110-й стрелковой дивизии [9, л. 67]; приказом по дивизии № 69 от 23.12.1941 назначен старшим инструктором по пропаганде и агитации [8, л. 7 об. – 8].

За участие в боях на подступах к Москве награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС Западного фронта № 103 от 29.01.1942). Из наградного листа:

В боях 1–3 декабря в районе кирпичного завода находился вместе с 38 смелыми бойцами, отстоявшими кирпичный завод от численно превосходящих сил врага. Участвовал в 3-х контратаках. В боях 18–20 декабря участвовал в атаках у деревни Елагино, своим личным примером бесстрашия и храбрости воодушевлял бойцов на битву с фашистами [1].

В семье хранят историю о том, как орден спас П.С. Прощицкого: через неделю после вручения осколок вражеской мины во время боя попал в левый луч звезды, тем самым защитив его обладателя; на ордене с тех пор осталась вмятина и сколота эмаль.

Ополченец Н.С. Вертинский, «историограф дивизии», в записке «Боевой путь нашей дивизии» писал об этих боях:

К этому времени относится и знаменитая в истории нашей дивизии оборона Кирпичного завода, где 38 героев выдержали натиск втрое превосходящих сил противника и уложили много фашистов. В обороне Кирпичного завода участвовали: военком Никита Зайцев, военком Агеев, Прощицкий, Бадаев и др. бойцы, командиры и политработники [14, с. 279].

Активное участие П.С. Прощицкого в боях 1–3 декабря 1941 г. отметил в политдонесении от 4 декабря 1941 г. начальник политотдела 110 стрелковой дивизии батальонный комиссар А.А. Змеул:

Во время этих боев политработники полка обеспечивали подъем и энтузиазм личного состава, сами показывали пример героизма и отваги... Из состава политбюро полка остался [в живых] только один член партбюро, инструктор по пропаганде т. Прощицкий [16, с. 169].

Из приказа по 110 стрелковой дивизии № 70 от 25 декабря 1941 г.:

Тов. Прощицкого Пинхоса Соломоновича – инструктора по пропаганде и агитации 1287 сп – освободить от занимаемой должности и допустить к исполнению обязанностей старшего инструктора по пропаганде и агитации политотдела дивизии с 14.12.1941 г. Старший инструктор по пропаганде и агитации Политотдела дивизии т. Прощицкий Пинхос Соломонович перечисляется из добровольцев народного ополчения в кадровый состав

П.С. Прощицкий, инструктор по пропаганде и агитации политотдела 110-й стрелковой дивизии, зачитывает бойцам приказ о наступлении. Конец ноября 1941 г. Фото А.Х. Мизрухи. (Источник: НА ИРИ РАН)

армии и зачисляется на денежное довольствие по занимаемой должности с 1 октября 1941 года [9, л. 67].

В беседе с зав. отделом истории воинских частей ГЛАВПУРККА (Главного политического управления Красной Армии) П.С. Прощицкий рассказал о боях за г. Верею:

Формально в Верею мы вошли одновременно с 222-й дивизией с разных концов. У нас был сильный бой на подступах к Верее. Потом, когда мы уже вошли в Верею, то оказалось, что немцы оставили город. В самом городе на окраине, левее от нас, мы нашли трупы бойцов неизвестной мне части..., видимо, принадлежали той части, которая пыталась взять Верею штурмом... Вся дивизия принимала участие в боях. Первым вошел 1-й полк... [17, с. 182–183].

Дивизионная газета «За Родину» 23 января 1942 г. поместила информацию о том, что был составлен «Акт о насилии над мирным населением, о повальных грабежах и зверствах немецких фашистов в городе В.»; наряду с председателем райисполкома О. Чубаровой, жительницей города А. Комиссаровой его подписал ст. политрук П. Прощицкий [6, л. 6].

Следующая воинская должность П.С. Прощицкого – зам. начальника политотдела дивизии.

Вяземская трагедия, гибель значительной части армии М.Г. Ефремова в 1942 г. – история, коснувшаяся 110-й стрелковой дивизии: она была задействована в боях, но попытки наступления не дали результата – Вязь-

ма не была освобождена. Политическое и военное руководство дивизии считало освобождение Вязьмы делом воинской чести; к этой идее имел самое прямое и непосредственное отношение мой дед, П.С. Прощицкий; он принимал активное участие как боевой идеолог дивизии.

В июне 1943 г. П.С. Прощицкий приступил к исполнению должности преподавателя 63-го отдельного полка резерва офицерского состава 3-го Белорусского фронта; награжден орденом Отечественной войны II степени (приказ № 644 от 14.06.1945 ВС 3-го Белорусского фронта). Из наградного листа:

Тов. Прощицкий – участник Отечественной войны с июля 1941 года. На фронтах Отечественной войны – с июля 1941 по март 1943 г. С июня 1943 г. по настоящее время тов. Прощицкий работает преподавателем учебной части 63-го отдельного офицерского полка. На всем протяжении своей работы принимает самое активное и горячее участие в партийной жизни полка, в агитационно-пропагандистской работе.

Тов. Прощицкий много сделал в деле политического и воинского воспитания офицерского состава, часто выступая с лекциями и докладами на военные и политические темы, лично проводя занятия, инструктажи и семинары. Тов. Прощицкий оказывает большую помощь парторгам и агитаторам подразделений в их работе. Лекции и доклады майора Прощицкого пользуются заслуженной популярностью. Неоднократно выполнял ряд оперативных заданий по передислокации части в ходе наступательных действий фронта, по организации отправки офицеров на фронт.

Тов. Прощицкий – честный, трудолюбивый, дисциплинированный офицер. Имеет высокую политическую подготовку. Достоин представления к правительственной награде – ордену Отечественной войны I степени [2].

Награды П.С. Прощицкого: ордена Красной Звезды (1942) и Отечественной войны II степени (1945); медали «За оборону Москвы» (1944), «За взятие Кёнигсберга» (1947), «За победу над Германием в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1948).

Воинское звание к концу войны: гв. майор, политсостав.

После демобилизации с октября 1945 г. работал ст. преподавателем основ марксизма-ленинизма в Литературном институте имени Горького, с сентября 1946 г. перешел в Московский институт прикладного и декоративного искусства (кафедра основ марксизма-ленинизма), вел курсы политэкономии и основ марксизма-ленинизма. С 1 сентября 1945 г. одновременно работал редактором, затем ответственным редактором общественно-политических передач во Всесоюзном радиокомитете, состоял членом партбюро.

В служебных характеристиках отмечено:

П.С. Прощицкий проявил себя способным, энергичным, знающим свое дело преподавателем. Лекции и семинары ведет содержательно и на высоком идейно-политическом уровне, увязывая с современными событиями.

Тов. Процицкий П.С. ведет большую общественно-партийную работу в стенах Института: читает лекции и доклады на различные политические темы для студентов и профессорско-преподавательского состава, руководит семинаром для преподавателей по изучению отдельных произведений классиков марксизма-ленинизма, помогает партбюро в руководстве агитаторами, проводит инструктивные доклады. Тов. Процицкий пользуется большим авторитетом среди студентов и всего коллектива Института.

В составе лекторской группы при Ленинградском РК ВКП(б) и по заданию райкома выступал с лекциями в районе.

Варвара Сергеевна, вдова П.С. Процицкого, в письме А.А. Аниксту писала о судьбе мужа:

В годы борьбы с космополитизмом сняли с любимой работы международного радиодавателя – это был очень болезненный удар. В 1953 г. его обвинили в пособничестве контрреволюции; без всякой демократии исключили из партии, и был бы ему капут, если бы не умер Сталин. На другой же день после смерти Сталина делу дали обратный ход, но опять 4 месяца он был вне партии... П.С. всегда трезво анализировал причины всяких пакостей, и никогда он не озлоблялся и не изменял своим убеждениям настоящего коммуниста-ленинца [12, л. 2].

Когда деда выгоняли с работы и из партии в 1953 г., то один из его подчиненных, Всеволод Ружников, впоследствии видный деятель, профессор, убежденно и отчаянно защищал деда. В честь него дед и попросил дочь Лену, мою маму, назвать своего первенца Всеволодом.

П.С. Процицкий умер 24 июля 1959 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В семье ополченца бережно хранят память о нем. Вдова Варвара Сергеевна Процицкая – автор воспоминаний. Я, внук ополченца, Всеволод Владимирович Крупецков, психиатр, психотерапевт, являюсь победителем конкурса «Мой дед сражался за Москву».

(Стенограмма беседы с П.С. Процицким публикуется в разделе II настоящего издания.)

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Приказ ВС Западного фронта № 103 от 29.01.1942. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 268.

2. Приказ № 644 от 14.06.1945 ВС 3-го Белорусского фронта. Награждение орденом Отечественной войны I степени // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5544.

3. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 71. Ящик 13.

4. Галерея «Дорога Памяти».

Архивные источники. ЦАМО:

5. Алфавитная книга учета награжденных 84 гв. сд. 1.8.41 – 31.12.44 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 21. Л. 80.

6. За Родину. Газета 110 сд. 1942 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 1. Д. 293.

7. Именные списки комначсостава частей 110 сд. 1 сентября 1941 – 4 сентября 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13.

8. Книга учета офицерского состава управления и частей дивизии. 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 30.

9. Приказы 110-й сд по личному составу. 15–28 декабря 1941 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 4.

10. Списки военнослужащих дивизии, представленных к правительственным наградам. 6.11.1941–9.4.1942 // ЦАМО. Ф.1238. Оп. 2. Д.14.

Архивные источники. РГАЛИ:

11. Личное дело. Прощицкий Пинхос Соломонович. 21 июля 1948 – 10 апреля 1950. Комитет по делам искусств при СНК СССР. Главное управление учебных заведений // РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 18. Ед. хр. 1412.

12. Прощицкая В.С. Письмо Аниксту А.А. 6 сентября 1980 // РГАЛИ. Ф. 3116. Оп. 1. Ед. хр. 403.

Семейный архив:

13. Отношения Центральной комиссии по делам бывших красногвардейцев и партизан при Президиуме ЦИК БССР в Московскую областную партизанскую комиссию. Минск, 21.03.1934. Копия.

Литература:

14. Вертинский Н.С. Тезисы на тему «Год боевого пути нашей дивизии» // Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в документа. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020. С. 279–281.

15. Народное ополчение Москвы. Воспоминания бывших бойцов и командиров народного ополчения / ред. Г.Д. Костомаров. – М.: Московский рабочий, 1961.

16. Политдонесение начальника политотдела 110-й сд батальонного комиссара А.А. Змеула. 4 декабря 1941 г. // Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в документах. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020. С. 167–171.

17. Стенограмма беседы с Прощицким П.С. 6–10 июля 1942 г. // Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. М.: ИстЛит, 2020. С. 168–183.

РОДЭ Вера Францевна

Хормейстер, дирижер (1907–1975).

Из автобиографии Веры Францевны Родэ:

Я, Родэ Вера Францевна, родилась в 1907 г. 31-го декабря в г. Спасске Дальневосточного края.

Отец, офицер царской армии, поручик, погиб в 1915 г. в Первую мировую войну на фронте.

Мать – домохозяйка, в дальнейшем медсестра, перевезла семью в 1915 г. в г. Тбилиси, на свою родину, где все мы четверо детей учились и окончили среднюю школу. Мать умерла в 1953 г.

В 1924 г. Вера Родэ окончила музыкальный техникум по классу фортепиано; в 1925 г. – среднюю школу-десятилетку.

Работала в Тбилиси:

1925 г. – Стройартель «Марди», машинистка.

1925–1930 гг. – Закэлектроток «Закавказская ГЭС», машинистка-секретарь.

Переехала в Москву, в 1930–1934 гг. работала в ВАО «Интурист», в стройуправлении – секретарь, управделами.

В 1934–1941 гг. – студентка Московской государственной консерватории (отделения: хоровой, дирижерский симфонический), одновременно – хормейстер студии им. К.С. Станиславского и дирижер-ассистент.

Из автобиографии Веры Францевны Родэ:

По окончании средней школы и музыкального училища в г. Тбилиси я переехала в г. Москву и поступила в музыкальное училище при Консерватории, в класс профессора В.П. Мухина, на хормейстерское отделение. Переведена в М[осковскую] Г[осударственную] К[онсерваторию] к профессору Г.А. Дмитриевскому на факультет хорового дирижирования.

С 5-го курса хорового факультета [перевелась] на 1-й курс факультета оперно-симфонического дирижирования в класс профессора Г.А. Столярова, в дальнейшем (после войны) Н.П. Аносова.

В 1941-м году уехала на фронт добровольно и прослужила всю Вторую мировую войну – Великую Отечественную – в рядах действующей советской армии, в должности военного дирижера и начальника ансамбля песни и пляски дивизии, в звании гвардии старшего лейтенанта.

Служила в 110-й стрелковой дивизии – капельмейстер музыкального взвода. Дальнейшая служба: 84-я гвардейская стрелковая дивизия; 5-я гвардейская стрелковая дивизия. Воинские звания: старшина; мл. лейтенант административной службы; лейтенант административной службы, ст. лейтенант административной службы.

Член ВКП(б) с 1942 г., партбилет № 5105721.

Веру Родэ называют первой женщиной – военным дирижером в русской армии, что само по себе делает ее биографию исключительной. Перед

началом войны в 1941 г. перешла на выпускной курс дирижерского отделения Московской консерватории. В планах – управление симфоническим оркестром. Именно этой теме посвящена ее статья, опубликованная в четвертом номере журнала «Советская музыка» за 1941 г., издании Союза советских композиторов.

Знала ли она тогда, что ей уготовила судьба? Через совсем небольшой промежуток времени она будет руководить оркестром, не симфоническим, а военным духовым, на фронте, на передовой и в госпитале под свист пуль и грохот снарядов, крики и стоны, сигналы тревоги и канонаду.

С началом войны Московская консерватория была эвакуирована, основной состав работников и фондов вывезли в Саратов. Вера Родэ, студентка выпускного курса, не поехала в эвакуацию, осталась в Москве и ушла добровольцем в Красную Армию, направлена в 110-ю стрелковую дивизию.

Вскоре старшина Вера Родэ была назначена капельмейстером музыкального взвода 110-й стрелковой дивизии. Неся боевую службу, она все свободное время посвящала репетициям и концертам русской классической и современной музыки, разучивала новые музыкальные произведения. Музыкальный взвод, делясь на группы, выходил на передовые позиции играть для бойцов, заглушая какофонию войны.

Старшина, капельмейстер музыкального взвода В.Ф. Роде награждена медалью «За боевые заслуги» (приказ 110 сд от 13.12.1943). Из наградного листа:

Тов. Родэ во время наступательных боев дивизии возглавляла работу музвзвода по оказанию помощи раненым командирам и бойцам. Спасая жизнь раненым, тов. Родэ без отдыха и сна самоотверженно работала в медпунктах полков и Медсанбате дивизии.

Во время нахождения дивизии в обороне тов. Родэ непосредственно в землянках, на передовой организывает работу ансамбля, создавая культурный отдых бойцам [1].

В.Ф. Родэ награждена орденом Красной Звезды (приказ 34 гв.сд 11 гв. армии 1 Прибалтийского фронта № 16/н от 07.03.1944). Из наградного листа:

Гвардии младший лейтенант Родэ В.Ф. в должности командира музвзвода проделала большую работу по организации и совершенствованию деятельности оркестра дивизии. Ею же проведена большая работа по организации красноармейской самодеятельности. Организованная ею группа красноармейской самодеятельности обслуживала все подразделения дивизии переднего края.

Во время боев В.Ф. Родэ работала в качестве санитаря в ВСБ и самоотверженно, без отдыха оказывала помощь раненым бойцам и офицерам. Под ее руководством музвзвод дивизии во время последних боев хорошо справился с задачей по сбору трофеев на поле боя, собрав одновременно много отечественного вооружения [2].

Дивизионный ансамбль 110-й стрелковой дивизии.
 Дирижер – капельмейстер музыкального взвода В.Ф. Родэ.
 Фото А.Х. Мизрухи. (Источник: НА ИРИ РАН)

Награждена орденом Красной Звезды (1944), медалями «За боевые заслуги» (1943), «За оборону Москвы» (1944), «За взятие Кёнигсберга» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

В.Ф. Родэ закончила службу 02.07.1945 и вернулась к творчеству.

Ей посвящена статья «Женщина за дирижерским пультом. Концерт Веры Родэ в зале им. Чайковского»:

В ноябрьские дни 1941 года молодой дирижер Вера Родэ, воспитанница дирижерского факультета Московской консерватории им. Чайковского, поехала добровольно на фронт. В дивизии народного ополчения Куйбышевского района Москвы ей было поручено организовать военный оркестр дивизии. Так впервые в истории русской военной музыки женщина стала капельмейстером военного оркестра. Одновременно ее назначили и музыкальным руководителем ансамбля песни и пляски дивизии.

Вместе с Куйбышевской дивизией, преобразованной в дальнейшем в гвардейскую дивизию, а затем в другой гвардейской дивизии Вера Родэ прошла боевой путь от Москвы до Кенигсберга.

Работа на фронте первой женщины-капельмейстера была высоко оценена правительством: ее наградили орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации Комитет по делам искусств направил молодого дирижера на гастроли в Ташкент, где она дала несколько симфонических концертов.

На днях в Концертном зале им. Чайковского Вера Родэ дирижировала симфоническим оркестром Московской областной филармонии. В программу концерта, устроенного для учащихся средних и старших классов московских школ, входили финал 5-й симфонии Чайковского, фрагменты из сюиты «Щелкунчик», заключительная сцена из оперы «Евгений Онегин», увертюра к опере «Князь Игорь», половецкие пляски и ария Кончака.

Концерт прошел с большим успехом, который разделили молодой дирижер и участвовавшие в концерте солисты Большого театра Е. Кругликова, Д. Гамрекели и М. Михайлов.

Из автобиографии Веры Францевны Родэ:

После окончания Велик[ой] Отеч[ественной] войны демобилизовалась, в 1945 году сдала государственные экзамены М[осковской] Г[осударственной] К[онсерватории] и получила аттестацию дирижера оперно-симфонического оркестра.

Наряду с концертно-гастрольной деятельностью работала в ряде концертных и гастрольных организаций – в Московском центральном детском театре в должности главного дирижера и зав. музыкальной частью, художественного руководителя (Моск[овская] гос[ударственная] филармония), в Концертном бюро; глав. хормейстер и дирижер Моск[овского] театра оперетты.

В последние годы работаю в системе Росконцерта в должности директора отдела художественно-репертуарного контроля.

Член КПСС с 1942 г.

В 1974 г. вышла на пенсию.

Вера Францевна Родэ умерла 21.02.1975 г., похоронена в Москве.

Материалы к биографии В.Ф. Родэ хранятся в Калининградском областном историко-художественном музее, в Музее 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии средней общеобразовательной школы № 28 города Калининграда.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Награждение медалью «За боевые заслуги». Приказ 110 сд от 13.02.1943 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 741.

2. Награждение орденом Красная Звезда. Приказ 34 гв. сд 11 гв. армии 1 Прибалтийского фронта № 16/н от 07.03.1944 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 314.

3. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 73. Ящик 12.

4. Родэ Вера Францевна // ЦАМО. Учетно-послужная картотека.

Архивные материалы. РГАЛИ:

5. Личные дела творческих работников ГКО РСФСР «Росконцерт». 1931–1990. Родэ Вера Францевна // РГАЛИ. Ф. 3164. Оп. 4. Ед. хр. 762.

Литература:

6. Книга Памяти. Вспомним всех поименно: история войны через судьбы ополченцев химкинского батальона 4-й ДНО Куйбышевского района г. Москвы. – М.: Университетская книга, 2021.

7. Женщина за дирижерским пультом. Концерт Веры Родэ в Зале им. Чайковского. // Вечерняя Москва. 1946. № 87 (6758), 12 апреля.

РОССЕЛЬС Владимир Михайлович

Переводчик, литературовед, литературный критик, военный журналист (литературные псевдонимы: Ю. Еленин, М. Силлабин, Е. Олин; 1914–2000).

Родился 6 октября 1914 г. в г. Павлово-Посаде в семье врача-терапевта Михаила Львовича Россельса. Мать – Мария Ефимовна (урожд. Шрайбер) была домохозяйкой. Сестра Елизавета – детский психиатр, работала в одной из московских поликлиник.

Брат ополченца – Ефим Михайлович Россельс – стал хирургом, ближайшим ассистентом Н.Н. Бурденко, его заместителем в Нейрохирургическом институте. Страстный путешественник, спортсмен-любитель, музыкант, дипло-

мированный режиссер, он участвовал в первой советской экспедиции на Памир, затем возглавлял экспедицию на Алтай, погиб во время авиационной катастрофы в 1938 г., возвращаясь из Арктики. Вдова его – Е.Ю. Розмирович – заведовала архивом А.М. Горького в Институте мировой литературы им. А.М. Горького в Москве.

До 1924 г. семья жила в Павлово-Посаде, затем переехали в Москву, в 1925 г. Владимир Россельс поступил в школу № 13 Баумановского района, сразу в 4-й класс. Окончил школу в 1928 г., пошел на радиотехнические спецкурсы, которые были преобразованы в Радиотехникум Управления связи Московской области; окончил его в 1932 г. со званием техника 1-го разряда.

Проработал полтора года на радиоузле Московского военного завода № 22, состоял в литкружке и печатал стихи в заводской многотиражке; затем перешел на работу в отдел писем «Комсомольской прав-

ды»; с 1933 г. принимал участие в работе бригады молодых поэтов при клубе молодых писателей Оргкомитета ССП СССР. Член ВЛКСМ с 1933 г.

В 1934 г. поступил в Вечерний рабочий литературный университет – ВРЛУ (позднее – Литературный институт ССП). В заявлении написал, что состоял в поэтической бригаде Оргкомитета ССП. В личном деле студента В.М. Россельса сохранилась характеристика, в которой отмечено, что студент «1-го курса отделения поэзии тов. Россельс В.М. по успеваемости является одним из лучших студентов (ударник-отличник) и за время своей учебы в Университете показал большой рост в творческом отношении. Кроме того, тов. Россельс является комсоргом группы и членом Университетской редколлегии» [5, л. 11].

В 1935 г., на втором курсе, Россельс подал заявление в учебную часть ВРЛУ:

Прошу перевести меня на отделение критики. За летний период я начал работать в этой области и зачислен внешним рецензентом в Сектор худ[ожественной] литературы Критико-библиографического института. В октябрьском номере «Художественной литературы» пойдет моя рецензия на книгу М. Тарловского¹. Все это делает для меня необходимым прослушивание ряда критических дисциплин. Поэтому прошу удовлетворить мою просьбу. В. Россельс [5, л. 2].

На заявлении наложена резолюция: «Перевести на отделение критики».

В 1937 г., за три года пройдя четырехгодичный курс, В.М. Россельс окончил университет по отделению критики и получил диплом № 1.

Еще во время учебы, в 1935 г., появились в печати первые рецензии В. Россельса, в 1939 г. вышел первый перевод с украинского – романа С. Скляренко «Путь на Киев».

Одновременно в 1937 г. поступил в аспирантуру Московского института философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ). В течение двух лет сдал кандидатский минимум и начал писать диссертацию, но не защитил ее, поскольку целиком перешел на литературную работу. Член Союза советских писателей с 1941 г.

Жена – Елена Юрьевна Россельс, урожденная Голосовкер (1916 г.), писательница. Сыновья: Всеволод (1937 г.) и Феликс (1941 г.).

Из автобиографии В.М. Россельса:

В 1940 г. ЦК ВЛКСМ направил меня на работу зав. отделом публицистики в журнал «Молодая гвардия». Там я проработал полтора года. Редакторы в журнале часто менялись. С последним из них, Б. Вадецким, я не сработался и вынужден был уйти из редакции накануне войны, в июне 1941 г. Но к этому времени меня пригласили на работу в Институт мировой литературы АН СССР, в отдел нац[иональных] литератур (тогда это была

¹ Марк Ариевич Тарловский – поэт, переводчик; в 1935 г. вышла его книга стихов «Рождение Родины».

часть сектора советской литературы). Оттуда я 6.VII.1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение [7, л. 6].

В течение первого года Великой Отечественной войны воевал рядовым в стрелковой роте 4-й дивизии народного ополчения – 110-й стрелковой дивизии. До этого никакого военного обучения не проходил, даже не находился на военном учете в связи с заиканием и плохим зрением. Затем был в химвзводе полка и, короткое время, – секретарем комиссара. Участвовал в боях.

К этому периоду относится письмо Е.Ю. Россельс, жены писателя, к А.А. Фадееву, секретарю Союза писателей СССР:

Дорогой тов. Фадеев!

Простите за эти письма, но я не знаю, какие из них попадут к Вам и поэтому обращаюсь несколько раз с одной и той же просьбой. Когда Вы были в Чистополе, Вы сказали, что считаете самым целесообразным перевести в армейские газеты, где нуждались в людях, тех, кто уже находится в ополчении и идет бойцом или командиром. Я обращаюсь к Вам с просьбой за мужа Владимира Михайлович Россельса... Вы, наверное, знаете, как ему мешает речь быть командиром взвода, и вот уже 5 месяцев он работает не там, где может принести пользу. Очень, очень прошу перевести Россельса на работу в армейскую газету, ибо там он сможет принести наибольшую пользу. Много работал в газете и хорошо рисует. Он и сам чувствует, что, работая по специальности, он сможет все силы и способности отдать Родине. В армии он вступил в члены ВКП(б) и прошел уже хорошую школу борьбы под Москвой для того, чтобы работать в газете.

Адрес: Действующая армия, полевая почта 754, 1287 сп, к-ру химвзвода В.М. Россельсу.

С приветом и благодарностью,

Елена Россельс [6, л. 2].

В 1942 г. В.М. Россельсу присвоили звание младшего политрука; в июле политотдел армии отозвал его и направил на работу в дивизионную газету – литработником, а затем секретарем.

Ст. лейтенант, ответственный секретарь газеты «Сталинец» 160-й стрелковой дивизии награжден медалью «За боевые заслуги» (приказ 160 сд 33 армии № 33/н от 26.08.1943). Из наградного листа:

Тов. Россельс пришел в действующую армию ополченцем. Будучи рядовым бойцом, неоднократно принимал участие в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками. В рядах Красной Армии тов. Россельс вырос до старшего лейтенанта. Второй год работая в красноармейской газете «Сталинец», он показал себя опытным, инициативным, бесстрашным военным журналистом.

В дни наступательных боев тов. Россельс проделал исключительно большую работу, чтобы сделать газету боевой, оперативной. Все свободное время от выпуска газеты он находился непосредственно на передовых позициях, среди наступающих бойцов и командиров. Непосредственно

в траншеях смелый журналист делал материалы от участников боев и оперативно давал их в газету, прославляя героев наступления, передавая их боевой опыт.

Тов. Россельс, находясь среди наступающих, прямо на поле боя выпускал листовки-молнии о только что совершенных подвигах героев боев. Эти листовки немедленно передавались по цепи наступающих [1].

К этому периоду относятся несколько писем В.М. Россельса к В.М. Бельцовой¹.

Из письма В.М. Россельса:

Дорогая Вера Васильевна!

Знакомство с Вами для меня необычайно ценно. Вы – прежде всего – думающая актриса. И Вы будете мне ах как нужны, поможете разобраться во многом театральном, что до сих пор мне непонятно. И разобраться с тех позиций, на которых стою я сам, т.е. от жизни.

Вы ведь тоже смотрите на искусство от жизни? Иначе чем объяснить появление занимающей Вас больше всего мысли – о «милитаризованном человеческом середняке». Впрочем, это последнее для меня, например, не проблема. Не проблема прежде всего потому, что «середняка», я думаю, вообще не существует. Человек от природы талантлив. Всякий человек рожден, чтобы творить, рожден для свершения деяний. Но каждый (и в этом индивидуальность) рожден для свершения главным образом одного дела. Иные находят свое, предначертанное для них, поле деятельности – и тогда выходят в люди, и талантливость их становится очевидна всем. Другие всю жизнь делают не свое дело и, естественно, не могут делать его более, чем удовлетворительно – таких мы и привыкли звать «посредственностями», «середняком».

На войне свое дело делают немногие. А участвовать в войне поневоле должны все. Но и те, кто не свое дело делает, могут стать героями на войне. Ибо – под смертью и пулемет починить – подвиг, и не уйти из-под огня – подвиг, и приказ выполнить – подвиг же [8, л. 3–4].

Дата окончания службы В.М. Россельса – 17.10.1945.

После окончания войны занимался переводами художественных произведений, прежде всего с украинского языка: «Знаменосцы» Олеся Гончара, «Большая родня» Михаила Стельмаха. Был первым переводчиком на русский язык произведений польского писателя Станислава Ежи Леца. Позднее перевел с украинского произведения Александра Довженко, Панааса Мирного, Натана Рыбака, Василия Стефаника, Леси Украинки, Ивана Франко, Марко Черемшины и других.

Занимался теорией художественного перевода. С конца 1940-х гг. – член секции переводчиков при Союзе писателей, с 1955 г. – один из основателей и член редакционной коллегии альманаха «Мастерство перевода».

¹ Вера Васильевна Бельцова – актриса-чтица, лауреат Лермонтовского конкурса, член бюро секции чтецов Московского отделения ВТО.

21. III. 42

Уважаемая Вера Васильевна!

Очень хотелось написать „дорогая“, как пишут старички хорошим знакомым. Очень уж мы подружничали за ~~те~~ короткие дни Вашего пребывания у нас. После Вашего отъезда попалась нам на глаза оставленная Вами записка „Горюхи хоть изредка писала.“ Горюхи Вы не сказали об этом Витюх? А ведь как хорошо что не сказали! Нам было отчего-то ^{приятно} ~~неоднократно~~ ^{прочесть} эти последние строчки.

Скромные актеры - редки. Актер профессионально акцентирует себя. Тотчас приветлив и доблестен в жизни и бесспорно талантливо работает. А Вы не нашли места вразумительнее для введения этой замечательной записки - написать. Вот Е.С. всегда привнесла всего впускает свою выдумку карточку. Это вовсе не в укор ей. Но по Вашему все таки лучше.

Возвращаясь, Вера Васильевна, пошу-

Письмо В.М. Россельса актрисе В.В. Бельцовой. 21 марта 1942 г.
(Источник: РГЛАЛИ)

В 1956/57 учебном году организовал кафедру художественного перевода Литературного института им. А.М. Горького при Союзе писателей СССР, стал первым заведующим.

Перевел с чешского монографию И. Левого «Искусство перевода». Автор книг «Эстафета слова. Искусство художественного перевода» (1972) и «Сколько весит слово» (1984). Инициатор издания, редактор и автор по-

слесловия собраний сочинений Александра Грина в 1965 и 1980 гг., один из основателей посвященного ему литературно-мемориального музея в Старом Крыму.

В.М. Россельс умер 12 января 2000 г. в Москве.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Награждение медалью «За боевые заслуги». Приказ 160 сд 33 армии № 33/н от 26.08.1943 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 88.

2. Награждение орденом Красной Звезды. Приказ 114 ск № 22/н от 26.07.1944 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 984.

3. Награждение орденом Отечественной войны II степени. Приказ ВС 70 армии 2 Белорусского фронта № 263/н от 12.06.1945 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 109.

4. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 73. Ящик 24.

Архивные источники. РГАЛИ:

5. Личное дело студента Литературного института Россельса Владимира Михайловича за 1934 г. // РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 1. Д. 2147.

6. Военная комиссия ССП. Личное дело Россельса Владимира Михайловича. 1942–1944 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 469.

7. Личное дело. Россельс Владимир Михайлович. Отдел кадров Литературного института им. Горького // РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 4. Ед. хр. 284.

8. Письма Россельса В.М. Бельцовой В.В. 1942–1943 гг. // РГАЛИ. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 134.

Издания произведений В.М. Россельса:

9. Вопросы художественного перевода: сборник статей / сост. Вл. Россельс. – М.: Советский писатель, 1955.

10. Россельс В.М. Эстафета слова. Искусство художественного перевода. – М.: Знание, 1972.

11. Россельс В.М. Сколько весит слово. – М.: Советский писатель, 1984.

Переводы В.М. Россельса:

12. Дольд-Михайлик Ю.П. Степные дали / авториз. пер. с укр. В. и Е. Россельс. – М.: Советский писатель, 1953.

13. Донченко О. Золотая медаль: повесть : [Для старш. возраста] / Авториз. пер. с укр. Е. и В. Россельс. – М.: Детгиз, 1955.

14. Лец Станислав Ежи. Непричесанные мысли / пер. с польского [и послесл.] Вл. Россельса. – М.: Книга, 1991.

15. Рыбак Н.С. Ошибка Оноре де Бальзака / авториз. пер. с укр. В. Россельса. – М.: Худож. лит., 1970.

16. Россельс В.М. Украинские новеллы / сост. Вл., Е. Россельс. – М.: Советский писатель, 1948.

17. Стельмах М. Большая родня: роман-хроника / авториз. пер. с укр. В. Россельса. – М.: Советский писатель, 1950.

18. Стельмах М. Заячья капуста: стихи-шутки : [Для младш. школьного возраста] / пер. с укр. М. Светлова и В. Россельса. – М.: Детгиз, 1954.

19. Стельмах М. Кровь людская – не водица / авториз. пер. с укр. В. Россельса. – М.: Гослитиздат, 1957.
20. Стельмах М. Над Черемошем: Гуцульские мотивы / авториз. пер. с укр. В. Россельса. – М.: Советский писатель, 1954.
21. Стельмах М. Правда и кривда / авториз. пер. с укр. В. Россельса. – М.: Гослитиздат, 1962. Т. 2.
22. Стефаник В.С. Новеллы / пер. с укр. и примеч. В. Россельс. – М.: Наука, 1983.
23. Хоткевич Г.М. Авирон: повесть : [Для старш. возраста] / пер. с укр. В. Россельса. – М.: Дет. лит., 1969.
24. Черемшина М. Избранное / пер. с укр. В. Россельса. – М.: Худож. лит., 1973.

РУДИН Бер Шлемович¹

Художник-график, иллюстратор, плакатист (1909 – ранее 1987).

Родился 26.08.1909 в г. Витебске (ныне Беларусь).

Проживал: г. Москва, Б. Грузинская, 16, кв. 7. Жена – Рудина Вера Федоровна.

Направлен в народное ополчение в июле 1941 г. Куйбышевским РВК г. Москвы. Красноармеец 1-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Дальнейшая служба: 1287-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии. Учен пропавшим без вести 20.10.1941 в районе д. Мишукова, Московская обл., Боровский р-н. Попал

в плен 23.10.1941, содержался в лагерях на ст. Козловка и Красное.

Бежал из плена 23.09.1943, вступил в Отдельный Смоленский партизанский полк особого назначения под командованием И.Ф. Садчикова; до марта 1943 г. полк действовал на территории Смоленской области, затем перебазировался в Белоруссию; далее – Белорусский штаб партизанского движения.

Составитель: Е.Г. Брунова.

¹ В списках и наградных документах военного времени встречается и *Бер Шлемович*, и *Борис Шлема-Лейбович*. В документах периода пребывания в партизанском отряде и основанных на них – *Рудин Борис Сергеевич*.

Борис Рудин в период нахождения в партизанском отряде. 1943–1944 гг.

Награжден орденом Отечественной войны II степени (1944), медалями «Партизану Великой Отечественной войны II степени», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), орденом Красной Звезды (1958), орденом Отечественной войны II степени (1985).

Из наградного листа:

23.9.43 г. – Захватил и сдал в полк важные документы по передвижению продовольственных складов противника.

14.10.43 г. – В боях за м. Лукомля т. Рудин оказал помощь и вынес с поля боя одного раненого партизана с оружием.

10.4 – 10.5.44 г. – Участвуя в боях по прорыву вражеского кольца окружения, вынес с поля боя двух раненых бойцов.

25.6.44 г. – На ж.д. Полоцк – Молодечно взорвал 4 рельсы, за что получена благодарность т. Пономаренко.

Т. Рудин участвовал в восьми крупных боевых операциях по разгрому вражеских гарнизонов и засад, а также в боях при прорыве кольца окружения противника, где убил девять и ранил шесть гитлеровцев.

Боевая характеристика:

За время пребывания в полку т. Рудин проявил себя деятельным и весьма дисциплинированным партизаном-командиром. Принимал участие в 14 боевых операциях. На его боевом счету 9 убитых и 6 раненых гитлеровцев. В боях за м. Лукомля (14.10.43 г.) и при прорыве кольца вражеского окружения в Ушачском районе вынес из-под сильного арт-минометного огня трех тяжелораненых партизан. Его бойцами убито 47 и ранено 54 гитлеровца. На ж.д. Полоцк – Молодечно взорваны 34 рельсы. Он лично взорвал 4 рельсы. Принимал участие в общественной жизни полка – работал

над составлением истории полка и корреспондентом газеты «Народный мститель».

После войны продолжил творческую деятельность. Сотрудничал с издательством «Рекламфильм». Виртуоз фотомонтажного искусства. Автор плакатов к советским кинофильмам, в том числе «Первые радости» (1956), «Девушка без адреса» (1957), «Человек ниоткуда» (1961).

Умер не ранее 1987 г.

Источники информации

1. Рудин Борис Шлема-Лейбович // Партизаны Беларуси. URL: <https://partizany.by/>
2. Рудин Борис Шлема-Лейбович // ЦАМО. Картотека награждений.
3. Рудин Борис Шлема-Лейбович // ЦАМО. Юбилейная картотека.
4. Списки призыва и демобилизации // ВК г. Москвы. Ф. Раменский РВК. Д. 21000204.
5. От Смоленска до Берлина. О боевом пути партизанского полка особого назначения И.Ф. Садчикова. – Минск, 1982. С. 70–71.
6. Art Globe – многофункциональная онлайн-платформа для покупки и продажи произведений искусства через интернет. URL: <https://art-globe.ru>

ФАЛЬКОВИЧ Элья Мордухович

Лингвист, автор учебников и фундаментальных трудов по идишу (1898–1979).

Родился 27.11.1898 г. в г. Гомель Могилевской губернии (ныне Беларусь).

Окончил факультет лингвистики Московского государственного университета. Еще студентом стал преподавать идиш в Коммунистическом университете народов Запада. В 1930-е гг. был преподавателем, доцентом на кафедре еврейского языкознания 2-го Московского университета (ныне – Московский педагогический государственный университет). Автор учебников и фундаментальных трудов по идишу.

Вступил в народное ополчение 06.07.1941, призван Куйбышевским

РВК г. Москвы. Красноармеец, санинструктор 2-го батальона 2-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Присягу принял 06.08.1941 [4]. Дальнейшая служба: 1289-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии; штаб 33-й армии.

Санинструктор 1289-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии награжден орденом Ленина (приказ ВС Западного фронта № 775 от 11.07.1942). Из наградного листа:

Тов. Фалькович в боях под Куприно, Таширово под сильным минометным огнем противника оказывал раненым бойцам на поле боя квалифицированную помощь и вынес с поля боя под Куприно 52 бойца с оружием (октябрь 1941 г.), под Таширово 36 бойцов с оружием (28-29 ноября 1941 г.).

1 декабря 1941 г. фашистские части, прорвав оборону в р-не Таширова, забрали в плен всю санчасть 2-го бат-на 1289 сп, которая находилась в землянке. Оружия в тот момент не было у работников санчасти. Вместе с ранеными попал в плен и т. Фалькович. Пленных фашисты увели в совхоз, находящийся в р-не пионерлагерей и разместили в скотном дворе. Наши части не оставили в покое противника и вели все время по совхозу артогонь. Одна из мин как раз попала в скотный двор. Немецкие части разбежались. Т. Фалькович воспользовался этим, убежал из скотного двора и спрятался в одном из сараев-погребов, находящихся рядом. 2 декабря утром одному из наших подразделений удалось близко подойти к совхозу. Тов. Фалькович, услышав «ура», бросился навстречу нашим бойцам и вместе с ними наступал на совхоз. Еще ранее, находясь на скотном дворе, он ознакомился с расположением противника, вследствие чего оказал командованию подразделения большую помощь при ведении боя и содействовал взятию в плен 37 фашистов [1].

В учетно-послужной картотеке на 05.09.1942 значится как техник-интендант I ранга.

Закончил службу в январе 1944 г. в звании гвардии старшего лейтенанта административной службы.

Кроме ордена Ленина (1942), награжден медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

После войны был назначен на должность главного редактора издательства «Дер эмес». Несмотря на то, что он как деятель еврейской культуры числился в списках Еврейского антифашистского комитета (1943–1948) и занимал ответственную должность в издательстве, в котором выпускались еврейские книги и периодические издания, чудом избежал ареста в рамках печально известного Дела Еврейского антифашистского комитета.

Стал лектором, но лекции читал уже на русском языке. Новый плодотворный этап в его научной деятельности как лингвиста связан с журналом «Советиш геймланд», в котором он опубликовал ряд интересных работ

по языку идиш и циклы уроков по его изучению – «Фар ди, вос лэрнэн идиш» (1974–1978), очерк на эту тему был им напечатан в одной из книг 4-томника «Языки народов СССР».

Умер в 1979 г., захоронен: г. Москва, Донское кладбище.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Награждение орденом Ленина. Приказ ВС Западного фронта № 775 от 11.07.1942 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 313.

2. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 89. Ящик 26.

3. Сведения о личном составе // ЦАМО. Учетно-послужная картотека.

Архивные материалы. ЦАМО:

4. Военная присяга личного состава 1289 сп 110 сд. 06.08–19.09.1941 // ЦАМО. Ф. 6720. Оп. 39787с. Д. 1.

Публикации трудов Э.М. Фальковича:

5. Фалькович Э. Грамматика для взрослых. – М. – Харьков – Минск: Центральное издательство народов СССР, 1930.

6. Фалькович Э. Идиш для взрослых. – М.: Эмес, 1936.

7. Фалькович Э. Идиш. Фонетика, лексика и грамматика. – М., 1940.

8. Русско-еврейский словарь: для нач. школы / ред. Э. Фалькович. – М.: Эмес, 1941.

9. Михоэлс. 1948–1890 / ред. Э. Фалькович. – М.: Дер Эмес, 1948.

10. Фалькович Э.М. Искусство лектора. – М.: Госполитиздат, 1960.

11. Фалькович Э.М. О языке идиш // Русско-еврейский (идиш) словарь. – М.: Русский язык, 1984.

ФОНШТЕЙН Александр Самойлович

Журналист, редакционный работник (1903–1944).

Родился в 1903 г. в городе Баку, в семье капитана торгового флота. Окончил четыре класса гимназии в 1918 г. В 1919–1920 гг. – литературный сотрудник в газете «Набат», корректор (в г. Баку). В 1920–1921 гг. служил в Красной Армии, красноармеец, секретарь военкома; участвовал в Гражданской войне (против Врангеля, десант на Кубани). Член ВКП(б) с марта 1921 г., партийный билет № 1228043. Переехал в Москву; в 1922–1925 гг. – студент Коммунистического университета трудящихся Востока; в 1923–1925 гг. учился в Институте журналистики; в 1934 г. окончил два курса Института красной профессуры.

Был женат, жена – Дагмара Анатольевна Фонштейн; имели двух детей – сына и дочь, адрес: г. Москва, Большой Каретный, д. 19, кв. 10.

Составитель: Л.С. Именнова.

С января 1926 по 1930 г. жил и работал в Смоленске: заместителем редактора газеты «Смоленская деревня», редактором первой полосы газеты «Красноармейская правда», заведующим и главным редактором Радиоцентра. С 1930 г. жил в Москве, работал ответственным редактором «Крестьянской радиогазеты» (1930–1932), ответственным редактором редакции «Последние известия по радио» (1932–1934); в 1934–1935 гг. – во Всесоюзном радиокомитете при СНК СССР, в редакциях «Крестьянской газеты», газеты «За пищевую индустрию». С апреля 1938 по июль 1941 г. – заведующий отделом литературы и искусства газеты «Вечерняя Москва».

До войны выпустил две книги: «Газета без бумаги и расстояния» (1935) –

об организации и редактировании политического радиовещания, и «Ефим Дзиган» (1940) – о знаменитом кинорежиссере, актере, сценаристе, публицисте.

С 06.07.1941 – в 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы.

Полковой комиссар А.А. Змеул вспоминал:

Во время пребывания дивизии в Смоленской области журналисты, научные работники, советские служащие хорошо работали, сооружая земляные укрепления. На земляных работах хорошие показатели давали т. А.С. Фонштейн, т. А.Я. Шинберг, в дальнейшем работники редакции дивизионной газеты [15, с. 98].

Приказом по 4-й дивизии народного ополчения № 47 от 14.08.1941 боец-доброволец 3-го стрелкового полка А.С. Фонштейн откомандирован на службу в политотдел при управлении дивизии для работы в дивизионной газете [8, л. 52]. Приказом по дивизии № 38 от 9.12.1941 из добровольцев народного ополчения зачислен в кадровый состав армии [9, л. 61].

Поскольку в мирной жизни имел опыт журналистской работы, 23 сентября 1941 г. был назначен редактором дивизионной газеты «За Родину»; с 01.12.1941 – ответственный редактор [9, л. 61]. Принимал участие в боях под Москвой, был награжден медалью «За отвагу». В наградном листе отмечено:

Ст. политрук, ответственный редактор дивизионной газеты 110 сд «За Родину», член ВКП(б) с 1921 г. Участвовал в боях под Наро-Фоминском. Тов. Фонштейн А.С. образцово и умело поставил печатную пропаганду в дивизионной газете «За Родину», способствующую сплочению частей дивизии

Коллектив редакции и типографии дивизионной газеты «За Родину». На скамейке сидят А.Я. Шинберг (слева), редактор А.С. Фонштейн (в центре). И.В. Царевич – крайний справа. Лето 1942 г. (Источник: НА ИРИ РАН)

и подъему наступательного порыва у личного состава на выполнение приказов командования. Тов. Фонштейн правильно организовал сбор материала, освещающего опыт боев и героев Отечественной войны. Бывая лично по сбору материала на передовых огневых позициях, тов. Фонштейн неоднократно проявлял мужество и храбрость [1].

22 ноября 1942 г. приказом ВС Западного фронта присвоено воинское звание – майор. В газетах «За Родину» в 1944 г. в качестве ответственного редактора значится уже не А.С. Фонштейн, а Г.Е. Ковязин.

Приказом № 41 от 14.01.1944 гв. майор А.С. Фонштейн переведен в 17-ю гвардейскую стрелковую дивизию – заместителем командира по политчасти 2-го батальона 45-го гвардейского стрелкового полка. Он не только готовил бойцов к предстоящему наступлению, но и принимал участие в боях. Награжден орденом Отечественной войны I степени (приказ ВС 39 А № 500 от 10.07.1944). Из наградного листа:

25.06.44 г. в момент, когда противник в районе деревни Комары лавиной хлынул, атакуя батальон, т. Фонштейн поднял батальон в атаку и в этом бою пал смертью храбрых [2].

А.С. Фонштейн похоронен в братской могиле № 4436 в д. Рудаки Новкинського сельсовета Витебской области Белорусской ССР (первичное захоронение – д. Комары).

Имя А.С. Фонштейна – на мемориальной доске корреспондентам, погибшим во время войны; установлена в редакции газеты «Вечерняя Москва» в 2012 г.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Награждение медалью «За отвагу». Приказ ВС 29 А Западного фронта № 112 от 07.04.1942 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 640.
2. Награждение орденом Отечественной войны I степени. Приказ ВС 39 А № 500 от 10.07.1944 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1756.
3. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 91. Ящик 23.
4. Именной список № 3 безвозвратных потерь офицерского состава 17-й гв. сд с 21.06 по 20.07.1944 г. // ЦАМО. Ф. 12308. Оп. 2. Д. 13.
5. Приказ Главного управления кадров Народного комиссариата обороны об исключении из списков № 02738 от 16.08.1944 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 250.
6. Учетная карточка политработника // Картотека политработников ЦАМО.
7. Страница записи в галерее «Дорога памяти».

Архивные источники. ЦАМО:

8. Приказы 4 ДНО о назначении и перемещении личного состава. 07.07 – 02.09.1941 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 1. Л. 52.
9. Приказы 110-й сд дивизии по личному составу // Ф. 1238. Оп. 2. Д. 3. Л. 61.
10. Именные списки комнатного состава частей 110 сд 1 сентября 1941 – 4 сентября 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13. Л. 4, 64, 83об, 165 об.
11. Список военнослужащих 110 сд, отличившихся в боях с германским фашизмом, представленных к правительственным наградам. 21.01.1942 // ЦАМО, Ф. 1238. Оп. 2. Д. 14. Л. 161 об.
12. Книга учета офицерского состава управления и частей 110 сд. 1942 // Ф. 1238. Оп. 2. Д. 30. Л. 10об – 11.
13. Список военнослужащих дивизии, представленных к правительственным наградам (с описанием боевых подвигов). 27 апреля 1942 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 14. Л. 163 об.

Литература:

14. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020.

Книги А.С. Фонштейна:

15. Фонштейн А.С. Газета без бумаги и расстояния: Организация и редактирование политического радиовещания. – М.: Радиоиздат, 1935.
16. Фонштейн А.С. Ефим Дзиган. – М.: Госкиноиздат, 1940.

ФРУМИН Иссер Меерович¹

Советский и белорусский библиотековед, преподаватель (1907–1992).

Родился 17(30) сентября 1907 г. в г. Полоцке Витебской губернии Российской империи. Отец – рабочий, участник Первой мировой войны, вернулся с фронта инвалидом.

Иссер Фрумин окончил школу в 1924 г., но трудиться начал еще в 1922 г., совмещая работу с учебой. Штатная работа началась в 1925 г., с должности заведующего Полоцкой центральной окружной библиотекой. А с октября 1929 по июль 1930 г. – сотрудник Минского библиотечного коллектора.

В 1930 г. И.М. Фрумин поступил в Московский библиотечный институт (МБИ), на факультет научных библиотек. МБИ был только образован, и это был первый набор студентов по трехгодичной программе обучения. Получив диплом по специальности организатора научных библиотек, Иссер Меерович продолжил обучение в аспирантуре МБИ. Одновременно работал в клубной библиотеке Обкома профсоюзов пищевиков, в Центральной политехнической библиотеке, в Государственной научной библиотеке Наркомтяжпрома. В 1937 г. его пригласили на должность доцента на кафедру библиотековедения, вести курс организации библиотечного дела в Московском библиотечном институте.

Жена – Шелина Елизавета Леонтьевна, дочь Белла; семья жила в Москве по адресу: 5-й Новоостанкинский пр., д. 27, кв. 2.

С началом Великой Отечественной войны Исидор Маркович вступил добровольцем в 4-ю дивизию народного ополчения. В годы войны стал членом ВКП(б).

Красноармеец, стрелок 1287-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии И.М. Фрумин учтен пропавшим без вести 20.10.1941 г. в районе д. Мишуково Боровского района Московской области [1]. На самом деле получил ранение и находился на излечении в эвакуационном госпитале.

Затем воевал на Калининском, 2-м Украинском, 2-м Прибалтийском фронтах. В приказе 613-го артиллерийского полка № 48 от 28.04.1943 определено – наградить медалью «За боевые заслуги»:

Составитель: М.В. Попова.

¹ В большинстве изданий книг И.М. Фрумин значится как Исидор Маркович; так же его называли коллеги в воспоминаниях о нем.

Помощника заместителя командира батареи по полит[ической] части, старшего сержанта Фрумина Иссера Мееровича за то, что он ежедневными полит[ическими] информациями и беседами с личным составом штабной батареи правильно и умело доводит решения партии и правительства, разъясняет хорошо положение на фронтах Отечественной войны, этим самым воодушевляет бойцов и командиров на лучшее выполнение боевых заданий [2].

В феврале 1945 г. получил тяжелое ранение. После излечения в госпитале продолжил службу в рядах Красной Армии до ноября 1945 г. Владеющий иностранными языками (польский, английский, немецкий), ст. сержант Фрумин не только вел военно-политическую пропаганду среди советских солдат, но изучал трофейную документацию противника.

После войны удостоен медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и ордена Отечественной войны 1 степени (06.11.1985).

После демобилизации И.М. Фрумин работал в Центральной политехнической библиотеке и Фундаментальной библиотеке общественных наук Академии наук СССР; кандидат педагогических наук (1948 г.), профессор. С 1948 г. – теоретик и специалист в области библиотековедения в Московском государственном библиотечном институте, автор более 100 научных публикаций. Высокую оценку дали его коллеги:

Блестящий педагогический дар ученого проявился в подготовке научных кадров в области библиотековедения: около 30 его аспирантов защитили кандидатские диссертации и успешно работают в крупных библиотеках и высших учебных заведениях различных регионов [5].

И.М. Фрумин с сотрудниками центральной окружной библиотеки.
Город Полоцк. 3 июля 1927 г. (Источник: Учебно-музейный центр МГИК)

Долгие годы, занимаясь педагогической и научной деятельностью в вузе, Фрумин заслужил широкую известность и признание не только среди отечественных коллег, но и зарубежных. Он стал самым авторитетным в стране специалистом и первым автором учебника по курсу «Организация работы библиотеки», подготовить который ему помог его богатый практический опыт. Этот учебник, выпущенный в 1969 году, через пять лет был переиздан в ГДР [6].

Вспоминают студенты И.М. Фрумина:

Во время лекций Исидор Маркович не занимал статичное положение на кафедре, как многие другие преподаватели, а непрерывно прохаживался по аудитории и смотрел, как мы работаем. Всем приходилось следить за его передвижениями и делать записи, так как в любой момент он мог задать вопрос и спросить любого студента. В его манере чтения и поведения чувствовалось, что он глубоко любит свой предмет, и мы немножко побаивались его и с большим уважением относились и к преподавателю, и к предмету [3].

Исидор Маркович был удивительно скромным человеком, он никогда не пытался претендовать даже на то, что ему было положено по заслугам. У него интересовались, почему он еще не защитил докторскую диссертацию, ведь его достижения были уже всеми признаны, а идеи получили большой резонанс в библиотечной области. Он отвечал, что защита диссертации – дело трудоемкое, требующее больших хлопот и затрат времени, а ему нужно закончить учебник, для подготовки которого требуется новый, свежий взгляд на старые управленческие проблемы. Многие принципиальные положения, изложенные в этом учебнике, который издан в 1980 г., как показало время, и сегодня остаются в силе [7].

Исидор Маркович работал в Московском государственном институте культуры в должности профессора до 1987 г., уволился 2 июля, в конце учебного года. Ему исполнилось 80 лет. В письме от 14 ноября 1987 г. он писал: «16 октября Совет библиотечного факультета чествовал Вашего покорного слугу в связи с моим 80-летием и полувеком работы в институте. Было торжественно, но не казенно: речи, цветы, адреса, телеграммы (свыше 50); итак, пошел 9-й десяток...» [6].

Исидор Маркович Фрумин умер 3 марта 1992 г.

В 1999 г. вышел сборник стихотворений В.И. Терешина «О людях МГИК – МГУКИ»; несколько стихотворений, написанных в 1983 г., автор посвятил профессору Исидору Марковичу Фрумину:

Сливешь ты биббогом и магом.
Идешь в институт, семенишь.
Портфель тебя (полный бумагой)
Сутулит и тянет вниз.

Портфель ли? Твой путь многолетен:
 Наука... Студенты... Война...
 Глубоких житейских отметин
 Оставил тебе он сполна [8].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Донесение о безвозвратных потерях // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 232.
2. Приказ 613 ап № 48 от 28.04.1943. Награждение медалью «За боевые заслуги» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 737.
3. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 92. Ящик 2.
4. Юбилейная картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 59. Ящик 39.

Литература:

5. Дворкина М.Я., Чукаев А.М. Юбилей И.М. Фрумина // Научно-технические библиотеки. ГПНТБ. 1992. № 10. С. 51.
6. Жданова Т.А. Наша история. Больше дискуссий // Научно-технические библиотеки. ГПНТБ. 2002. №12. С. 80–81.
7. Терешин В.И. О людях МГИК–МГУКИ. – М., 1999. С. 11.
8. Архивные материалы из фондов Учебно-музейного центра МГИК.

Работы И.М. Фрумина:

9. Фрумин И.М. Материалы к составлению плана работы технической библиотеки. – М., 1937.
10. Фрумин И.М. Годовой отчет технической библиотеки. – М., 1940. (Серия методических писем и инструкций в помощь работникам технических библиотек / Наркомуголь СССР. Гос. науч. б-ка; вып. 26).
11. Фрумин И.М. Общее библиотековедение: метод. пособие для студентов-заочников. – М., 1959.
12. Фрумин И.М. Организация работы советской библиотеки: учеб.-метод. пособие. – М., 1963; 2-е изд. – 1965.
13. Фрумин И.М. Организация работы советской библиотеки: учебник [Для библиотеч. фак. ин-тов культуры]. – М.: Книга, 1969.
14. Фрумин И.М. Библиотечное дело: Организация и управление [Учеб. для библ. ин-тов культуры и пед. вузов]. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Книга, 1980.
15. Фрумин И.М. Библиотечное дело: Организация и управление [Учеб. для библ. ин-тов культуры и пед. вузов]. – Рига, Звайгзне, 1986.

ЦАРЕВИЧ Иван Викентьевич

Художник, график (1908–1991).

Среди ополченцев были люди разных национальностей. И.В. Царевич – белорус. Он родился 3 декабря 1908 г. в деревне Тростянка (ныне Барановичской области Республики Беларусь). Во время Первой мировой войны его семья с потоком беженцев покинула родные места, и он, еще ребенком, оказался в сибирской деревне.

В 1925–1928 гг. учился в Уральском художественно-промышленном техникуме в Свердловске (ныне – Екатеринбург), затем в Москве с 1928 по 1932 г. во ВХУТЕМАСе – ВХУТЕИНе (Высшие художественно-технические мастерские, преобразованные в Высший ху-

дожественно-технический институт). Его учителями были С. Герасимов, В. Фаворский, М. Родионов, Н. Удальцова, И. Грабарь. С 1932 по 1941 г. И.В. Царевич занимался книжной графикой, работал художником в московских издательствах.

6 июля 1941 г. Иван Викентьевич Царевич вступил в 4-ю дивизию народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. С июня по сентябрь 1941 г. – рядовой боец пулеметной роты 1291-го стрелкового полка; с сентября этого года назначен художником дивизионной газеты «За Родину» 110-й стрелковой дивизии [11, л. 5].

В списке редакции и типографии дивизионной газеты «За Родину» в конце 1941 г. он значится на должности младшего кино-радиотехника с окладом в 650 руб. [11, л. 5]. Из приведенных в этом документе сведений: И.В. Царевич не аттестован, имел высшее образование, был членом ВЛКСМ.

Из Именного списка начальствующего состава редакции и типографии газеты «За Родину» на 4 февраля 1942 г. [13, л. 64] следует, что в редакции И.В. Царевич являлся сверхштатным, входил в начсостав. Семейное положение – женат, имел одного ребенка. Жена, Ремизова Зинаида Захаровна, была в эвакуации с дочерью Мариной, жили в Тюмени на ул. Кирова, д. 23.

В наградном листе к медали «За боевые заслуги» (приказ 110 сд № 8/н от 23.02.1943) значится, что техник-интендант 2 ранга, художник редакции газеты «За Родину» 110 стрелковой дивизии, член ВКП(б) с октября 1942 г.

И.В. Царевич. Город Верея. Собор, в котором гитлеровцы расстреляли
31 раненого красноармейца. Бумага, карандаш. 1942 г.
(Источник: Музей обороны Москвы)

И.В. Царевич. Сожженная деревня Передва. Бумага, карандаш. 21 июля 1942 г.
(Источник: Музей обороны Москвы)

Иван Викентьевич Царевич имел боевые заслуги: зимой 1941–1942 гг. участвовал в сражениях под Москвой – в боях за населенные пункты Могутово, Татарка, Щербинино, в период августовских боев 1942 г. под с. Семеновское. 19.02.1942 награжден Военным советом 33 армии за отличную работу в дивизионной газете в качестве художника-фронтовика ценным подарком (часами). С октября 1942 г. – член ВКП(б). Краткое изложение боевых заслуг:

Находясь по заданию редакции на передовых позициях, в боевой обстановке вел себя мужественно и отважно, часто под огнем врага неуклонно выполнял поставленные ему задачи. В течение полутора лет работы в дивгазете, запечатлевая в многочисленных, ярко патриотических рисунках славные боевые эпизоды, показывая героев дивизии, клеймя в острых зарисовках фашистские зверства, способствовал воспитанию героизма, наступательному порыву и ненависти к врагу у бойцов и младших командиров нашей дивизии [1].

В рисунках ополченца-художника – сценах сражений, картинах военного быта между боями – воспроизведена достоверная и убедительная история боевого пути дивизии, важные, этапные события: освобождение городов Верея, Вязьма, сел и деревень Передва, Смолевичи и др. Выполненные им портреты бойцов и командиров – «Старшина Сафаров Ташмамат», «Знатный снайпер сержант Прохоров Георгий Александрович», «Герой Советского Союза Павел Васильевич Лаптев», «Михаил Никишин», «Красноармеец Миша. Наборщик дивизионной газеты “За Родину”», «Знатный снайпер Д. Гуляев», «Автоматчик Миша» и др. – глубоко индивидуальны, историчны и вместе с тем создают собирательный образ ополченца – защитника Москвы.

В апреле 1943 г. И.В. Царевич получил звание старшего лейтенанта административной службы и переведен в армейскую газету «За правое дело» 33-й армии на должность художника. Приказом по армии № 334 от 27.08.1944 И.В. Царевич награжден орденом Красной Звезды. Из наградного листа:

Художник Царевич много работает над оформлением газеты, проявляет творческую инициативу, изобретательность, дает мобилизующие рисунки, зовущие бойцов на победный бой. Рисунки и зарисовки героев боев, которые он делает, бывая в подразделениях и частях во время наступательных боев, отличаются большой силой воздействия на воинов и хорошим средством украшения газеты. 1 августа во время налета вражеской авиации, не считаясь с опасностью, спасал цинкографское имущество. Будучи контуженным, продолжал выполнять воинский долг [2].

Следующая награда И.В. Царевича – орден Отечественной войны II степени (приказ Военного Совета 33-й армии № 182/н от 18.06.1945). Из наградного листа:

Художник газеты «За правое дело» Царевич И.В. с октября 1941 по апрель 1943 года работал в дивизионной газете. В армейской газете с 1943 года.

И.В. Царевич. Вперед, на Запад. Бумага, тушь. 1943–1944 гг.
(Источник: Музей обороны Москвы)

За весь этот период он неутомимо дни и ночи работал над тем, чтобы как можно лучше и ярче оформить газету, как можно больше и доходчивее показать на ее страницах отважных воинов наступательных боев. Тов. Царевич часто выезжал в действующие подразделения и там работал над созданием военных картин, портретов воинов-героев.

За период Отечественной войны в армейской газете было помещено свыше 800 написанных Царевичем портретов, зарисовок. Он провел огромную работу по организации бесперебойной работы цинкографии [3].

12 декабря 1945 г. в звании гвардии старшего лейтенанта И.В. Царевич завершил военную службу. Награжден орденами Красной Звезды (27.08.1944), Отечественной войны II степени (18.06.1945), Отечественной войны I степени (1985); медалями «За боевые заслуги» (23.02.1943), «За оборону Москвы» (1944), «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

С 1945 г. работал в ведущих издательствах Москвы по художественному оформлению и иллюстрированию книг; отдавал предпочтение белорусским авторам (П. Бровка, М. Лыньков, И. Мележ и др.).

В 1955 г. принят в Союз советских художников. С 1952 по 1959 г. – главный художник издательства «Советский писатель». В 1967 г. избран в партийное бюро графической секции МОСХ (Московская организация Союза художников) РСФСР, где проработал с 1967 по 1978 г., был избран заместителем секретаря партбюро.

С 1973 г. – заместитель председателя художественного совета по уникальной графике Художественного фонда РСФСР, член бюро книжной подсекции графики МОСХ РСФСР. 9 мая 1975 г. награжден почетным знаком «Ветеран 16-й гвардейской армии».

9 мая 1977 г. получил благодарность от Советского комитета ветеранов Великой Отечественной войны за активное участие в работе по героико-патриотическому воспитанию молодежи. Заслуженный художник РСФСР – с 1986 г. С 1930-х гг. – участник многочисленных выставок.

Военная тема не оставляла художника в мирное время. И.В. Царевич прошел с 33-й армией весь путь войны – от Москвы до Берлина – и запечатлел его в своих рисунках – он стал ее летописцем. Он считал своим долгом приложить все возможные усилия для восстановления справедливости в оценке героического подвига 33-й армии. «Ефремовская эпопея» – цикл крупных батальных полотен – стала самым крупным творческим проектом И.В. Царевича в послевоенное время. Эти работы были представлены на выставке «Это было под Вязьмой: Ефремовская эпопея» (1989).

И.В. Царевич умер 10 января 1991 г.

В 2021 г. в Музее обороны Москвы прошла персональная выставка «Они ушли на рассвете. 33-я армия генерала М.Г. Ефремова в работах художника-баталиста И.В. Царевича».

Работы И.В. Царевича хранятся в Государственном историческом музее, Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (Музей Победы), Государственном музее обороны Москвы, Государственном музее В.В. Маяковского, Государственном музейно-выставочном центре «РОСИЗО», Мемориальном музее военного и трудового подвига 1941–1945 годов (г. Саранск); в Оренбургском областном музее изобразительных искусств, Псковской картинной галерее и др.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Наградной лист к приказу 110 сд 33 А Западного фронта № 8/н от 23.02.1943. Награждение И.В. Царевича медалью «За боевые заслуги» // ЦАМО. Ф 33. Оп. 686044. Д. 1113. Л. 116–116 об.

2. Наградной лист к приказу ВС 33 А 3 Белорусского фронта № 334 от 27.08.1944. Награждение И.В. Царевича орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф 33.

Оп. 690155. Д. 1420. Л. 133–133об (техник-интендант 2 ранга, ст. лейтенант административной службы).

3. Наградной лист к приказу ВС 33 А № 182/н от 18.06. 1945 (по газете «За правое дело»). Награждение И.В. Царевича орденом Отечественной войны II степени // ЦАМО. Ф 33. Оп. 686196. Д. 7327. Л. 23–23об.

4. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 7а. Ящик 3.

5. Юбилейная картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 60. Ящик 24.

6. Портал «Дорога памяти» // 1418museum.ru

Архивные источники. ЦАМО:

7. За Родину: дивизионная газета 110 сд. 1941 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 1. Д. 293.

8. За Родину: дивизионная газета 110 сд. 1942 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 1. Д. 294.

9. За Родину: дивизионная газета 110 сд. 1943 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 1. Д. 295.

10. Именной список Управления штаба 4-й Куйбышевского района дивизии // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13. Л. 164 об.–165.

11. Список редакции и типографии дивизионной газеты 110 сд «За Родину». 1941 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д.13. Л. 5.

12. Именной список начальствующего состава по состоянию на 1941 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13. Л. 4–6.

13. Именной список начальствующего состава редакции и типографии газеты «За Родину» на 2 февраля 1942 г. // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13. Л. 64–66.

14. Приказ 110 стрелковой дивизии № 26 от 13 ноября 1941 г. Волковская дача // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 3. Л. 46.

15. Военная присяга личного состава 1289 сп 110 сд // ЦАМО. Ф. 6720. Оп. 39787с. Д. 1.

Литература:

16. Заслуженный художник РСФСР Иван Викентьевич Царевич / сост. Е.О. Шевченко; авт. вступ. ст. Ю.Ф. Дюженко. – М.: Советский художник, 1989.

17. Иван Викентьевич Царевич: выставка произведений «По дорогам войны» / Московская орг. Союза художников РСФСР; сост. кат. В.А. Невельсон. – М.: [б.и.], 1979.

18. Именнова Л.С., Седова А., Шмелева К. Иван Викентьевич Царевич – ополченец и художник // Московский комитет ветеранов войны. 2024. Июль – август.

19. Они ушли на рассвете. 33-я армия генерала М.Г. Ефремова в работах художника-баталиста И.В. Царевича / Аннотация выставки в Музее обороны Москвы. URL: <https://oborona.museum-online.moscow/entity/EXHIBITION/3942743>

Книги, иллюстрированные И.В. Царевичем:

20. Бекстрем Х. Ошибки наблюдателя при отсчитывании по шкалам измерительных приборов / пер. с нем. инженера А.И. Вахрамеева; обл. И. Царевича. М.-Л.: Стандартизация и рационализация, 1934.

21. Бровка П. Когда сливаются реки: роман / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1970.

22. Бродский Н.Л. Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина / худ. оформление И.В. Царевича. – М.: Просвещение, 1964.

23. Збанецкий Ю. Волны. Малиновый звон / внутр. илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1974.
24. Карпов В.Б. Немиги кровавые берега; За годом год: романы / пер. с бел. Владимир Карпов; илл. И. Царевича. – М.: Советский писатель, 1976.
25. Козаченко В.П. Цена жизни. Молния. Горячие руки / илл. И. Царевича. – М.: Советский писатель, 1964.
26. Конищев К. Деревенская повесть / илл. И. Царевича. – М.: Сов. писатель, 1949.
27. Лыньков М. Незабываемые дни: роман: в 2 кн. / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1968.
28. Мартович Л. Подарок Стрибога / илл. И.В. Царевича. – М.: Художественная литература, 1971.
29. Мележ И.П. Дыхание грозы: из полесской хроники: роман / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1967.
30. Мележ И. Люди на болоте; Дыхание грозы: романы из «Полесской хроники» / авториз. пер. с бел.; илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1970.
31. Мехти Гусейн. Апшерон: роман / авториз. пер. с азербайдж.; илл.: И. Царевич. – М.: Советский писатель, 1949.
32. Москвин Н.Я. Снова в пути: повести и рассказы / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1971.
33. Мусрепов Г. Солдат из Казахстана / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1961.
34. Науменко И.Я. Голубиный взлет: рассказы / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1961.
35. Науменко И.Я. Сосна при дороге: роман / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1964.
36. Пташников И. Зерна падают не на камень: повесть и рассказы / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1963.
37. Опильский Ю. Сумерки / илл. И.В. Царевича. – М.: Художественная литература, 1970.
38. Остроглазов Г.И. Новые точки на карте СССР / обл. и шмуцтитул И. Царевича // М.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1933.
39. Смеляков Я. Стихи / худ. оформление И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1950.
40. Чорный К. Третье поколение: роман / илл. И.В. Царевича. – М.: Художественная литература, 1975. (Народная библиотека)
41. Юферов Д. Останемся неизвестными / илл. И.В. Царевича. – М.: Советский писатель, 1967.

ЧАЩАРИН Алексей Степанович

Художник, пейзажист (1910–1956).

Родился в 1910 г. в крестьянской семье в д. Шилово Волоколамского района Московской области.

После окончания средней школы работал статистиком, затем рабочим на заводе, техником-проектировщиком в проектной организации; одновременно посещал студию Ф.И. Рерберга – Государственные курсы живописи и рисунка. Р.Н. Зелинская, соученица Алексея Степановича, вспоминала:

Мы познакомились с ним в студии Федора Ивановича Рерберга в 1929 г., когда он работал на заводе. Он посещал студию или утром, или вечером, в зависимости от того, в какой смене он работал на заводе.

Отличительной чертой того периода – с 29 по 31 год – была страшная жажда знаний. Он хотел знать абсолютно все. Он совершенно свободно обращался с литературой, с историей. Данте был ему знаком, Пушкина он читал наизусть. Великолепно знал музыку. Для того чтобы научиться читать Бальзака в подлиннике, он начал заниматься французским языком. Читал книги по астрономии, математике. Он всем интересовался [6, лл. 23–24].

В 1930 г. А.С. Чащарин начал работать как художник. В 1937 г. поступил в Московский художественный институт им. Сурикова. Учеба давалась ему нелегко, но скоро он стал одним из лучших студентов.

В июле 1941 г. студент 4-го курса А.С. Чащарин вступил в 4-ю дивизию народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Был внештатным сотрудником дивизионной газеты, членом ВКП(б).

Ополченец В.М. Россельс тепло отозвался в письме к В.В. Бельцовой о А.С. Чащарине (21 марта 1942 г.):

Энтузиазм ... и честное, безоговорочное стремление – сделать все как можно лучше, узнать как можно больше, пережить как можно глубже – это качество, ценимое мною более всех других. Художник, так работающий, так ищущий, – найдет, сделает. В жизни своей я не много знал таких людей и всегда искал их. На войне мне посчастливилось найти такого товарища – художника Алексея Чащарина (от него Вам привет) [3, л. 1 об.].

На фронте А.С. Чащарин был тяжело ранен, после излечения демобилизован.

Вернувшись к мирной жизни после госпиталя, восстановился в институте, стал готовить дипломную работу. Работал с упоением. Болела раненая рука, он помогал левой, здоровой рукой. Окончил Московский институт им. В.И. Сурикова в 1948 г. по мастерской художника И.Э. Грабаря, вступил в Московский союз художников.

Это был неутомимый и скромный труженик, никогда не афишировавший свое творчество.

Художник А.С. Чащарин работает над плакатом
«Гитлер – убийца германского народа»

А.С. Чащарин умер 11 июня 1956 г.

Московский областной союз советских художников организовал выставку и провел вечер памяти художника 3 июля 1956 г. Из стенограммы вечера – выступления искусствоведа Э.З. Ганкиной:

Жизнь и творчество Алексея Степановича Чащарина были образцом честности, искренности, требовательности к себе, стремления к знанию и внутреннему совершенствованию, образцом большой человеческой скромности.

Все, кто когда-нибудь сталкивался с Чащариным, говорят о нем как о человеке с большим чувством общественного долга, удивительной добросовестности, как о прекрасном товарище. Ни жизненные, ни материальные трудности не могли отвлечь его от беззаветного служения искусству. В любую погоду, в любое время года он уходил с этюдником в поисках волнующих его тем и мотивов [6, л. 2].

Статью «А.С. Чащарин» для журнала «Искусство» (1956, № 7) написал ополченец Ленинградского района г. Москвы Иван Павлович Рубан:

Основная суть его произведений – в подавляющем большинстве своем пейзажей – это выражение любви к окружающей нас действительности. Этюды его идут от искреннего и глубокого понимания простой и подчас скупой русской природы.

Он их писал всегда с натуры, обычно выхаживая десятки километров в поисках захватывающего мотива. Может быть, поэтому и нет в его работах (а оставил он их значительно больше тысячи) внешней, дешевой красоты... Художник не «доводил» и не причесывал своих работ в мастерской, дорожа в них непосредственной живостью восприятия.

Он всегда оставался гражданином и художником, не выпуская кисти и карандаша из рук ни на фронтах Великой Отечественной войны, ни даже тогда, когда вражеский снаряд изранил его правую руку [4, л. 21, 24, 28].

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Военно-пересыльные пункты и запасные полки // ЦАМО. Ф. Московский ВПП. Оп. 350669. Д. 8.

2. Военно-пересыльные пункты и запасные полки // ЦАМО. Ф. Московский ВПП. Оп. 350676. Д. 2.

Архивные материалы. РГАЛИ:

3. Письмо В.М. Россельса В.М. Бельцовой. 21 марта 1942 г. // ЦАМО. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 134.

4. И. Рубан. «А.С. Чащарин». Авторская рукопись статьи // РГАЛИ. Ф. 2305. Оп. 1. Ед. хр. 123.

5. Каталог выставки работ А.С. Чащарина // РГАЛИ. Ф. 2650. Оп. 2. Ед. хр. 430.

6. Стенограмма вечера памяти художника А.С. Чащарина. 3 июня 1956 г // РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Ед. хр. 1363.

Литература:

7. Рубан И. А.С. Чащарин // Искусство. 1956. № 7.

ШИНБЕРГ Александр Яковлевич

Журналист, военный корреспондент (1900–1971).

Родился 30 сентября 1900 г. в г. Одессе. Образование незаконченное высшее (два курса МГУ). 26 июня 1937 г. зав. отделом редакции газеты «Вечерняя Москва» А.Я. Шинберг был арестован; обвинение – поддерживал связь с троцкистскими элементами. Дело прекращено 21 октября 1937 г. Был женат (жена – Нина Самойловна), имел дочь Ларису и сына

Валерия. Проживали в Москве по адресу: Чухинский пер., д. 15, кв. 16.

Перед войной работал в газете «Вечерняя Москва». Через десять с половиной лет, 18 декабря 1951 г., А.А. Шинберг в письме Всеволоду Николаевичу Аксенову, актеру, мастеру художественного слова, вспоминал последний мирный день 1941 г.:

Дорогой Всеволод Николаевич! Давно собирался Вам написать... И вот неожиданно, совсем недавно, я вслушивался в какую-то передачу, начала которой я не услышал, я узнал голос Ваш... и знакомые мне строфы лермонтовского «Маскарада».

Я не могу забыть спокойный летний вечер в субботу 21 июня 1941 года, когда я вместе еще с 2-мя работниками редак-

ции отдела искусств «Вечерней Москвы» был на общественном просмотре вахтанговского «Маскарада». Это был последний спокойный вечер в моей жизни. Потом началась война... Слушая Вас, я вспомнил всю трагическую и неудачную историю того лермонтовского спектакля за 100 лет его существования, которую Вы, конечно, знаете.

... Вы по-новому прочитали Арбенина, и для Вас (не считайте это комплиментом!) это была новая страница в Вашей творческой жизни. Арбенин открылся мне с какой-то новой стороны. Я раскрыл перед собой как бы снова Лермонтова и прочитал трагедию Арбенина [14, л. 1, 1 об.].

В июле 1941 г. А.А. Шинберг стал ополченцем 4-й дивизии народного ополчения.

23 сентября 1941 г. А.А. Шинберг приказом по дивизии назначен инструктором газеты «За Родину» [7, л. 4, 64, 83 об.]; приказом № 38 от 9 декабря 1941 г. перечислен из добровольцев народного ополчения в кадровый состав армии (с 01.12.1941) [10, л. 61]. Его привлекали к работе Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР («Комиссия Минца» – по руководителю Исааку Израилевичу Минцу, видному историку, академику АН СССР): он участвовал в создании истории 4-й дивизии народного ополчения; сохранилась записанная им стенограмма воспоминаний В.Г. Брагина, подполковника, начальника штаба 110-й стрелковой дивизии.

Один из авторитетных источников по деятельности редакции в первые месяцы войны – воспоминания участника событий, ответственного секретаря дивизионной газеты А.Я. Шинберга (записал Н.С. Вертинский) [16, с. 268–271].

К военкому и начальнику политотдела дивизии были вызваны из 3-го стрелкового полка рядовые бойцы, добровольцы народного ополчения А.С. Фонштейн и А.Я. Шинберг. Им поручили принимать радиосводки Информбюро. Эту работу они выполняли очень тщательно, им удавалось полностью записывать информацию, а это было очень существенно, так как на основе этих сводок проводились политбеседы подразделений.

Второе данное им поручение – разработать план издания дивизионной газеты. 27 августа 1941 г. А.С. Фонштейн и А.Я. Шинберг выехали в Москву для организации полиграфической базы.

Поскольку до войны они были сотрудниками газеты «Вечерняя Москва», ее редакция оказала существенную помощь. Были получены: «американка» (устаревшее название тигельной печатной машины), шрифт, радиоприемник, две пишущие машинки и другое необходимое для издания газеты оборудование. Крупные советские писатели и поэты (В. Лебедев-Кумач, А. Жаров, А. Сурков, В. Гусев и др.) дали свои произведения для будущей дивизионной газеты и пообещали сотрудничество.

Первый номер газеты «За Родину» вышел 18 сентября 1941 г. В дальнейшем редакция выпускала как газету, так и отдельные информационные листы: ночью записывали сводку Информбюро, а в семь-восемь часов утра рассылали ее по частям. 23 сентября 1941 г. политотдел 31-й армии утвердил А.Я. Шинберга инструктором редакции дивизионной газеты «За Родину» [7, л. 4]. В мае 1942 г. принят в ВКП(б) [7, л. 11 об.–12].

А.Я. Шинберг поддерживал творческие связи с ведущими поэтами и писателями; в письме В.И. Лебедеву-Кумачу [август 1941 г.] писал:

Здравствуйте, дорогой Василий Иванович!

Привет Вам из Действующей Армии, где я нахожусь уже больше месяца. Вместе с Фонштейном я пошел добровольцем в народное ополчение. Месяц я был рядовым бойцом, изучал и овладевал военными знаниями и делал многое такое, чего раньше не знал, но что давало мне большое удовлетворение, потому что это была непосредственная работа для обороны нашей Родины.

Сейчас Фонштейна и меня перевели в штаб дивизии, в политотдел для организации дивизионной газеты. Фонштейн будет редактором ее, а я, как Вы знаете, всегда в своей обычной боевой роли.

Вчера около 2 часов дня (23/8) слушал у радиоприемника Ваше выступление. Очень хорошие стихи о Балтфлоте... и о народном ополченце.

Просьба прислать это стихотворение ко мне для помещения в нашей газете. Это стихотворение прямо рассчитано на наших бойцов-ополченцев. Поэтому просим обязательно его прислать, даже если оно уже где-нибудь было напечатано. Если же Вы сумеете написать еще стишок, посвященный ополченцам Куйбышевского района г. Москвы, то это будет просто великолепно.

Прошу учесть, дорогой Василий Иванович, что связь с Москвой у нас осуществляется почтой, по телефону я звонить Вам не имею возможности,

как в Москве, потому надеюсь, что письмо мое будет и просьбой, и напоминанием...

Жду Вашего письма и стихов. Привет и лучшие пожелания. До встречи после победы над Гитлером. С боевым приветом,

А. Шинберг.

PS: Вас сердечно приветствует Фонштейн [11, л. 1–2 об.].

Приказом № 112 от 07.04.1942 Военного Совета 29-й армии Западного фронта А.Я. Шинберг, без воинского звания (не аттестован), кандидат в члены ВКП(б), инструктор редакции дивизионной газеты 110-й стрелковой дивизии «За Родину», награжден медалью «За отвагу». Из наградного листа:

Тов. Шинберг А.Я. принимает самое непосредственное участие в образцовой постановке пропаганды через дивизионную газету «За Родину», умело организует сбор материалов, показывающих героев выполнения боевых приказов командования. Тесно связан с военкоровским активом, систематически ведет с ними работу, благодаря которой актив военкоров значительно вырос. Собирая материал, тов. Шинберг бывает на передовых огневых позициях, проявляя неоднократно при этом храбрость и отвагу (под д. Атепцево, Слизнево, под гор. Веря, под Шанским Заводом и др.) [1].

Сведения о повседневных редакционных буднях содержат письма Шинберга к А.А. Игнатьеву¹, Н.В. Трухановой, А.К. Тарасенкову.

Из письма А.Я. Шинберга от 17 октября 1942 г. Алексею Алексеевичу Игнатьеву с одновременным обращением к Н.В. Трухановой (Игнатьевой):

Дорогие Алексей Алексеевич и Наталья Владимировна!

Не знаю, застанет ли Вас мое письмо в Москве, в которой я уже отсутствую месяцев 15. Недавно в какой-то газете прочитал заметку, что в Центральном доме Красной Армии на вечере, посвященном, кажется, журналу «Красноармеец», выступал Алексей Алексеевич.

Вспомнил, как в 1940–1941 гг. на страницах моей родной «Вечерней Москвы» я имел возможность сообщать всегда, как о литературной сенсации, новое о работе генерала Игнатьева «50 лет в строю». Я вспоминаю всегда весьма приятно о наших встречах у Вас дома и о нашем добром знакомстве и дружбе, о незаконченном труде Наталии Владимировны, который она со мной консультировала и т.д.

За эти 15 месяцев потерял Вас из виду и не знал, где Вы находились это время. Мне было бы интересно узнать, где Вы, что Вы делаете, как Ваше здоровье?

О себе же могу сообщить следующее: когда началась война, я пошел добровольцем в народное ополчение Куйбышевского района г. Москвы рядовым

¹ Алексей Алексеевич Игнатьев (1877–1954) – военный деятель, генерал-лейтенант РККА (1943), дипломат, советник руководителя Народного комиссариата иностранных дел, писатель, автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю» (1941); его жена – Наталья Владимировна Труханова (1885–1956), балерина.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ЗА РОДИНУ

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 64

Среда, 26 ноября 1941 года

После прочтения — списки

НИ ШАГУ НАЗАД!

Враг остервенел. Его озверение, обошедшее, кочевые от холода банды на последних сил рвется к Москве. Их подхлестывает животный страх, чувство бессловесности, оцепенения немощности, предчувствие приближающейся суровой расправы.

Кровавый бандит Гитлер взял иступленный, истерический приказ, в котором не смог скрыть охватывающих фашистских головорезов страха и ярости. Уничтожая важность назревающих событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение армии, призывая в ближайшее время любой ценой раздаться со столицей Московской.

Да, и в гитлеровском гиду, и в гитлеровском событии, не судачке ничего хорошего фашистским насилием и захватчикам.

Под Ростовом, где немцы также напрягли все усилия, стремясь прорваться вперед, по войскам врага уже несутся сильный, грозный удар.

Гитлер хочет — раздала тысяча с Москвой. Раздалась же под Москвой с фашистскими ордями. Надо отбить врага и этим положить начало разгрому гитлеровской армии.

Ни шагу назад!

Уже 10 дней длится „последнее“ немецкое наступление, одна из действительно последних потуг отчаявшегося фашистского зверя. Но если во время октябрьского наступления немцы подчас за такой срок удалось провзбунтоваться больше чем на 100 километров широком фронтом, то теперь они, брося в это наступление больше половины своих танковых дивизий и ступив сюда несколько частей даже из Африки, в ряде мест не смогли сдвинуться вперед ни на шаг.

Опасность, как предупреждал нас товарищ Сталин, не только не ослабла, а, наоборот, еще больше усилилась. Нужно не успокаиваться, а впрячь все наши силы. Но мы ставя за это время сильней, положение наше прочнее. И если мы несли назад оставшийся врага, то теперь должны суметь ответить ему суровыми ударами!

Враг не предпринимает своего сопротивления, он мечется, как раненый зверь, дергает силой, громит, истребляет врага, не давая ему покоя, и его новое наступление закончится, как прежде. Деритесь стойко, мужественно и бесстрашно! Прогнать врага — обязанность каждого из нас!

НЕ ОТДАДИМ МОСКВУ!

„Одно ТАСС“ работы художника И. П. Соколов-Скаля.

ПОД ЗАЛПЫ ОРУДИЙ

НА СТРОЙКЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Всю ночь подразделение настойчиво вело беспрерывный огонь. Через каждые 30 минут врагу, засевшему в деревнях А и Е, посылались очередная порция смертоносной стали.

А в то время, когда наводчики бесновали немцев, другие бойцы старательно сооружали землянки, окопы, доушки для танков, блиндажи и укрытия.

Пример всем показывали на землянках ребята красноармейцы Кун, Муратов, Павлов, Миронин, Курбанов и другие, возмущенные командованием благодарности.

Бот, например, землянка, где поселился командир Бот и его оружейный расчет. Здесь, насколько возможно, созданы все удобства: есть печь, насти для отапливания и сна, есть верховинная лампа и даже полочка для всевозможных вещей. В землянке настолько тепло, что

здесь можно находиться без шинели.

Хорошо благоустроены и другие землянки. В них вполне можно было трудиться и смеяться. Зато результаты этого творчества чувствуют на себе все бойцы подразделения.

С. РОДИМОВ.

ПЕРЕБОИ СВЯЗИ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ

У связистов-артиллеристов

Во время артиллерийского боя связь должна работать бесперебойно. С этой задачей связисты своего подразделения справились неплохо. Лучшие из них — т. Кулаков, Каванин, на днях принявшие в командировку партизан, и другие. Лишь у нас в бою всегда и ночью непрерывно, при чем мы потери в людях несли.

В наиболее опасных местах, там, где местность легко простреливается противником, мы обычно кладем два или три провода, укладываем друг от друга. Таким образом, в случае обрыва на одном из проводов телефонист, не выходя из блиндажа, может включить второй или третий провод.

Командир отделения связи ПОЦАНЦ.

За нашей спиной Москва

Огни горячие и тучные стали Отважных бойцов сердца. По лозу вождя мы под знаменем Встречать ураган свинца. Мы дали отклики своей правоте Огнем подвирения слова.

Вперед! В наступлении! Назаван шаг!

За нашей спиной Москва.

Над русской землей, и в рассветном тумане, Как свечки, горят штыки. Наут москвичи, уральцы, Кавказцы, сибиряки.

В суровых сердцах мы несем стнагу.

Гроза штыком синела.

Вперед! В наступлении! Назаван шаг!

За нашей спиной Москва.

По снежным равнинам, огнем озаренным,

В суровый и грозный год.

Могуч и бесстрашен, стальной ласковым

Этает богатырь — парол.

Вери мы вождю и красному флагу.

В нас гордость отнюд жва.

Вперед! В наступлении! Назаван шаг!

За нашей спиной Москва.

За кровь и окопая, за снег и горе,

Что в сердце нести страна,

Отплати кровавой фашистской своре

Огнем и мечом сволта.

Гони озверелых бандитов вагагу.

Стрелой из каждого рва

Вперед! В наступлении! Назаван шаг!

За нашей спиной Москва.

Алексей СУРЛОВ.

НАШИ ГЕРОИ

Боец Виктор Рожкин. В бою под Дегелем с показавшим храбрости. Порыв бросился в атаку на фашистов. Когда командир подразделения с группой бойцов охваченных во время боя на другом фланге, Рожкин с выстрелом „за Родину“ кинул за собой бомбу и порвался в деревню, захватив немца.

Зарисовка И. Шаровича.

МОЛОДЫЕ БОЛШЕВИКИ

В ПАРТИЮ ВСТУПАЮТ ЛУЧШИЕ ЛЮДИ ЧАСТИ

По снежным равнинам, огнем озаренным, В суровый и грозный год. Могуч и бесстрашен, стальной ласковым Этает богатырь — парол. Вери мы вождю и красному флагу.

В нас гордость отнюд жва.

Вперед! В наступлении! Назаван шаг!

За нашей спиной Москва.

За кровь и окопая, за снег и горе,

Что в сердце нести страна,

Отплати кровавой фашистской своре

Огнем и мечом сволта.

Гони озверелых бандитов вагагу.

Стрелой из каждого рва

Вперед! В наступлении! Назаван шаг!

За нашей спиной Москва.

Алексей СУРЛОВ.

Два друга командира т.т. Шарова и Симоненко до вступления в партию немало поработали в комсомоле. Это также волевые люди, хорошие организаторы. В их подразделениях в течение 5 месяцев не было потерь, а материальная часть всегда в порядке и ни разу еще не ремонтировалась.

В ряде партизан привиты также лучшие новобранцы т.т. Артановский, Жаров и Тарасевский, помощник командира одного из подразделений Малозеров, разведчики И. А. Федоров, Омаргаз Аметов и многие другие.

Все это смелые и решительные люди, показавшие себя в бою.

Вот, например, наводчик Тарасевский. В октябре с ним была такая случай. При отходе на новые позиции под одной лунной провалился мост. Немедленно же остановился и орудие Тарасевского, чтобы притти на вырвучку товарищам. Сделав выстрелы открыл огонь по наседавшему противнику и стрелял до тех пор, пока вытаскивал застрявшую пушку. Отход был благополучным, союзники — в полном порядке и без потерь.

За счет лучших людей нашей партизанщины за короткий срок значительно выросла и продолжает расти и крепнуть в бою против фашизма.

ОМАСОВ.

«За Родину». Газета 110-й стрелковой дивизии. 26 ноября 1941 г.

бойцом, несмотря на то что был аттестован как начсостав запаса. Народное ополчение образовалось 6 июля 1941 г., 12 июля мы уехали из Москвы

и с 15 июля прошлого года я на фронте. Рядовым бойцом я был недолго. Через месяц, в августе, меня вызвали в политотдел нашего соединения и поручили мне и еще одному товарищу (тоже из «Вечерней Москвы») организовать печатную газету. Мы достали типографию, сформировали штат редакции и типографии и вот выходим уже больше года. У нас в редакции работают в основном столичные журналисты, и приказом Военного Совета наша газета признана «ведущей». Вашему покорному слуге многократно приходилось бывать на передовых, собирая материал для газеты.

Темы иные, чем бывали у меня когда-то, в те времена, когда я интересовался вопросами литературы и искусств.

Военный Совет наградил меня именными часами. В мае получил и правит[ельственную] награду – медаль «За отвагу».

Был бы рад получить от Вас, дорогие Алексей Алексеевич и Наталия Владимировна, письмецо. На фронте весточка от друзей всегда приятна. Вообще буду рад наладить с Вами переписку.

Обнимаю Вас и целую, дорогие Алексей Алексеевич и Наталия Владимировна. А. Шинберг [12, л. 1–2 об.].

Из письма А.Я. Шинберга от 15 февраля 1942 г. к Анатолию Кузьмичу Тарасенкову (1909–1956), поэту, литературоведу, редактору, библиофилу:

Я нахожусь на Зап[адном] фронте уже 7 месяцев, работаю в дивизионной газете б[ывшей] дивизии народного ополчения Куйбышевского района Москвы. Редактором нашей газеты является Фоништейн. В нашей дивизии хорошо проявили себя товарищи, Вам известные, – Россельс и Аникст. Оба они вступили в партию...

Мой адрес: Действ[ующая] армия, полевая почта 754, редакция газеты «За Родину» [13, л. 1].

Из письма А.Я. Шинберга к А.А. Тарасенкову от 14 марта 1942 г.:

Дорогой т. Тарасенков! Получил Вашу приятную открытку. Рад Вашим успехам и, в частности, на поэтическом фронте. Приветы Ваши передал Аниксту и Россельсу. Они, очевидно, Вам напишут. Наша газета «За Родину» выпустила первую свою книжку о рядовых бойцах-героях. Готовим еще 2 книжечки. Военный Совет нашей армии в спец. приказе по войскам объявил, что наша газета является ведущей среди дивизий в нашей армии. Военный Совет объявил нам благодарность и наградил ценными подарками – часами. Двигаемся вперед на Запад! ...Пишите. Привет. А. Шинберг [12, л. 2].

Из письма А.Я. Шинберга к А.А. Тарасенкову от 15 мая 1942 г.:

Дорогой товарищ Тарасенков!

Получил Ваше письмо от 4 апреля и книжечку... Скажу, что и мы выпустили несколько книжечек: «Бойцы – герои нашего соединения», «Наши боевые товарищи» и сборник фронтового юмора.

У нас, кроме известных Вам Аникста и Россельса, из литераторов находятся еще Шаморинов из «Октября». Он сейчас командир батареи.

Недавно я получил сообщение, что еще 3 апреля я и Фоништейн награждены медалями «За отвагу».

Редакция дивизионной газеты «За Родину». 1942 г.

Сидят: А.С. Фонштейн, редактор газеты (слева); Н.М. Шахова, 1-й секретарь Куйбышевского РК ВКП(б); А.Я. Шинберг, инструктор редакции; над Н.М. Шаховой стоит И.В. Царевич, художник. (Источник: Музей Москвы)

Рад от Вас получать весточки. Пишите. Передайте горячий привет Всеволоду Витальевичу.

Крепко жму руку. А. Шинберг. Вам привет от Фонштейна [13, л. 3].

Из письма А.Я. Шинберга к А.А. Тарасенкову от 27 июня 1942 г.:

Здравствуйте, дорогой т. Тарасенков! Приехал из Москвы, где пробыл в командировке около 3 недель по хозяйственно-издательским делам нашей газеты, и здесь ждала меня Ваша открытка...

Скоро год, как мы уже на войне. Много, много впечатлений от встреч с яркими людьми. Надо что-то писать, да нет времени. Газета занимает все время. Пишите. Привет от Фонштейна. Благодарю за поздравления и добрые пожелания. А. Шинберг [13, л. 4].

Открытка от 16 июля 1942 г.

Здравствуй, дорогой Тарасенков! Получил Вашу открытку от 5 июля.

... Сейчас я и Фонштейн работаем над книжкой (условное название) «Дневник секретаря комсомольской организации полка». Мы нашли одного очень интересного человека, работающего на передовой линии, и хотим, чтобы книжка о нем удалась.

Рассказал Аниксту, что получил от Вас открытку. Он просил передать привет. Привет Вам и от Фонштейна. Крепко жму руку. А. Шинберг.

Кому: Ладожская Военная Флотилия, Военно-морская почта 1115, Почтовый ящик 5. Тов. А. Тарасенкову.

Адрес отправителя: 754 полевая почта, редакция газеты «За Родину. От Шинберга А. Я. [13, л. 5–5 об.].

В конце 1942 г. А.Я. Фонштейн был переведен на должность старшего инструктора по печати отделения агитации и пропаганды политотдела 33-й армии. О своей новой должности он писал В.И. Лебедеву-Кумачу от 5 января 1943 г.:

Я уже не работаю в газете того соединения, куда я пошел, как Вы знаете, добровольцем народного ополчения. Меня перевели в политотдел армии, тоже по линии печати, но я очень скучаю по настоящей газетной работе, и, если Вы, Василий Иванович, могли бы помочь, я очень Вам был бы благодарен (по линии Баева). Разыскать меня нетрудно. Нахожусь я на том же фронте, где и был (там, где выходит «Красноармейская правда»), а искать меня нужно в «хозяйстве» Вишневецкого (нач. политотдела армии). Я понимаю, что задачу Вам я задаю трудную, и я не буду к Вам ни в какой претензии, если Вы ничего не сделаете. Но если Вам удастся чем-нибудь помочь мне для использования меня по прямой специальности журналиста (в военной газете или журнале), то я буду Вам весьма благодарен.

Затем у меня к Вам вторая просьба, уже как к депутату Верховного Совета: прошу заступиться за сестру одного красноармейца, которую обидели во Фрунзенском районе Москвы. Об этом я пишу Вам в офиц[иальном] письме, при сем прилагаемом. Прошу дать ход этому возмутительному делу.

Независимо от этих двух дел, очень был бы рад получить от Вас какую-либо весточку.

Сердечный привет всем Вашим. Обнимаю и целую Вас, мой хороший и старый друг. А. Шинберг [11, л. 1–2 об.].

Заслуги А.Я. Шинберга зафиксированы в наградном листе представления к ордену Красной Звезды (приказ ВС 33 А № 275 от 10.07.1944):

Гв. майор Шинберг лично оказывает практическую помощь армейским дивизионным газетам в деле обеспечения выполнения боевых приказов командования. Под его личным руководством газеты 144, 42, 199 стрелковых дивизий из отсталых вышли в число передовых. Тов. Шинберг оказывает практическую помощь газетам, выезжая непосредственно в дивизии, добивается коренного перелома в работе редакции, учит практически, как нужно выпускать газету; будучи в частях дивизии, лично учит работников редакции, как нужно готовить материал. Будучи квалифицированным газетным политработником, он в то же время оказывает непосредственную помощь агитаторам полков по организации работы с редакторами боевых листов и военкорами. Большую работу тов. Шинберг проводит по идейно-теоретическому воспитанию и учебе редакторов и работников редакции. Регулярно и систематически проводит семинары различных категорий газетных работников, где непосредственно сам делает основные доклады и тем самым передает свой опыт работникам газеты [2].

Орденом Отечественной войны I степени А.Я. Шинберг был награжден за боевые заслуги (приказ ВС 33 А № 65/н от 16.03.1945). Из наградного листа:

Майор тов. Шинберг с 9 по 12 февраля 1945 года по заданию Военного Совета Армии выехал в 339 сд и в период вражеских контратак находился в боевых порядках 1037 сп, обеспечивая в то же время на переправе подвозку боеприпасов и перевоз раненых. С 25 января по 2 февраля с.г. находился в 64 сд – участвовал в политическом обеспечении боя при взятии города Цуллихау, вел агитационную работу среди бойцов непосредственно в боевых порядках, поднимая наступательный дух войск. Как старший инструктор по печати, в период подготовки к наступательной операции провел большую работу по подготовке агитаторов газет к боям, а 13 января накануне начала боев и 14 января – в первый день боев – лично побывал во всех редакциях газет наступающих дивизий (339, 323, 382, 49 сд). Проинструктировал редакторов. 14 января организовал выпуски 323 печатных листовок о бойцах штурмующего батальона Климова, прорвавших оборону противника на западном берегу р. Висла [3].

Орденом Отечественной войны II степени А.Я Шинберг награжден приказом ВС 33 А № 160/н от 05.06.1945. Из наградного листа:

На фронте с июля 1941 г., доброволец народного ополчения г. Москвы. Сначала в 110 сд, а затем с 1942 г. в ПОАРМЕ.

Во время наступления за западным берегом Одера у Франкфурта-на-Одере и при прорыве обороны немцев на Берлинском направлении провел большую организационную работу по выпуску листовок о героях, путем выезда в 89, 383, 362 и 95 сд. Особенно большая работа была проделана в 89 сд, где т. Шинберг организовал выпуск печатных листовок о героях, одновременно на русском и армянском языках.

Всего в период наступления и прорыва обороны выпущено было 60 листовок. Провел большую работу по обобщению опыта лучших газет. Энергично, инициативно выполняет задания командования [4].

За годы Великой Отечественной войны награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы» (01.05.1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945) [6].

Войну окончил в звании майора и должности старшего инструктора политотдела 33 Армии.

А.Я. Шинберг умер в 1971 г. в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Источники информации

Интернет-портал «Память народа»:

1. Приказ № 112 от 07.04.1942 ВС 29 А Западного фронта. Награждение медалью «За отвагу» // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 640.
2. Приказ № 275 от 10.07.1944 ВС 33 А. Награждение орденом Красной Звезды // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2753.
3. Список личного состава Полевого Управления и армейских частей 33 армии, принимавшего участие в обороне города Москвы, достойных награжде-

ния медалью «За оборону города Москвы». 23.07.1944 // ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8769. Д. 377.

4. Приказ № 65/н от 16.03.1945 ВС 33 А. Награждение орденом Отечественной войны I степени // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2356.

5. Приказ № 160/н от 05.06.1945 ВС 33 А. Награждение орденом Отечественной войны II степени // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5289.

6. Картотека награждений // ЦАМО. Шкаф 98. Ящик 2.

Архивные материалы. ЦАМО:

7. Именные списки комнатногосостава частей 110 сд. 1 сентября 1941 – 4 сентября 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 13.

8. Списки военнослужащих 110 сд, представленных к правительственным наградам. 06.11. 1941 – 09.04.1942 // Ф. 1238. Оп. 2. Д. 14. Л. 61.

9. Книга учета офицерского состава управления и частей дивизии. 1942 // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 30.

10. Приказы дивизии по личному составу // ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 2. Д. 3.

Архивные материалы. РГАЛИ:

11. Письма Шинберга Александра Яковлевича Лебедеву-Кумачу Василию Ивановичу. 5 января 1952 и б.д. // РГАЛИ. Ф. 1104. Оп. 1. Ед. хр. 252.

12. Письмо Шинберга Александра Яковлевича Игнатьеву А.А. с одновременным обращением к Трухановой (Игнатьевой) Наталье Владимировне. 17 октября 1942 г. // РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 697.

13. Письма Шинберга Александра Яковлевича Тарасенкову А.К. 15 февраля – 16 июля 1942 г. // РГАЛИ. Ф. 2587. Оп.1 Ед. хр. 759.

14. Письмо Шинберга А.А. Аксену В.Н. 18 декабря 1951 г. // РГАЛИ. Ф. 2403. Оп. 1. Ед. хр. 289.

Литература:

15. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020.

16. Шинберг А.Я. Из воспоминаний инструктора редакции дивизионной газеты «За Родину» // Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в воспоминаниях, дневниках, интервью. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020. С. 268–271.

ЭНДЕЛЬМАН Григорий Наумович

Старший научный сотрудник, репортер, корреспондент, журналист.

Родился 15 мая 1902 г. в Москве, в большой и дружной семье врача: три старших сестры и он, самый младший. Работал с 17 лет: был счетоводом, делопроизводителем, военно-транспортным аген-

том РККА (1919–1920), помощником заведующего агитпунктом в РОСТе (1921). Параллельно учился в Советской трудовой школе № 35 2-й ступени.

Один год учился на Голицынских сельскохозяйственных курсах; перешел на биологический факультет 1-го Московского государственного университета (ныне МГУ им. М.В. Ломоносова), по окончании учебы (1923–1927) выпущен геологом-ботаником.

Работу не прерывал, но она приобрела журналистский характер: был репортером «Известий ВЦИК», корреспондентом журналов и газет «Красный спорт», «Известия физкультуры», «Спартак».

По окончании учебы Григория Наумовича приняли лаборантом в Центральную торфяную станцию (позже – Всесоюзный институт торфа), где он дослужился до старшего научного сотрудника. Сохранились дневники и фотографии его экспедиций на болота Московской, Вятской областей и Урала.

С 1934 г. работал редактором: сначала во ВНИИ морского рыбного хозяйства, затем в журнале «Рыбное хозяйство» (с 1938).

К началу войны ему было 39 лет, и по возрасту он мобилизации не подлежал. Но в июле 1941 г. он вступил в 4-ю дивизию народного ополчения, был красноармейцем пулеметной роты, затем роты химзащиты.

По воспоминаниям сослуживцев, Григорий Наумович был глубоко порядочным и принципиальным, заботливым к однополчанам, за что заслуженно пользовался их любовью и уважением.

Внуки бережно хранят военную корреспонденцию деда-ополченца.

(Письма Г.Н. Эндельмана публикуются в разделе II настоящего издания).

Единственное сохранившееся в семье воспоминание деда о войне, возможно, имеет отношение к этому эпизоду. Он рассказывал, что как-то им было приказано разделиться на два отряда и идти к месту встречи разными путями. Выжила только группа, где был дед.

В 1944 г. Г.Н. Эйдельман, помощник начальника ОПС интендантского отдела армии, награжден медалью «За оборону Москвы» [2].

В конце войны Г.Н. Эйдельман, помощник командира по материальному обеспечению отдельного самоходного артиллерийского дивизиона 33 армии, член ВКП(б), награжден орденом Красной Звезды (приказ ВС 33 А № 37/н от 12.05.1945). Из наградного листа:

Ст. лейтенант инт. службы Эндельман Г.Н., работая пом. командира дивизиона по мат. обеспечению, за время службы в дивизионе показал себя дисциплинированным, исполнительным офицером, требовательным к себе и подчиненным. За время боевых операций от Одера до Эльбы, несмотря на трудности боевой обстановки и отрыв от баз снабжения, обеспечил бесперебойное снабжение личного состава дивизиона продовольствием и горячей пищей, инициативно используя местные ресурсы и лично доставляя под огнем горячую пищу боевым экипажам, чем обеспечивал проведение боевого задания [3].

Награжден также медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За Победу над Германием в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Дата окончания военной службы – 15.08.1946.

Источники информации

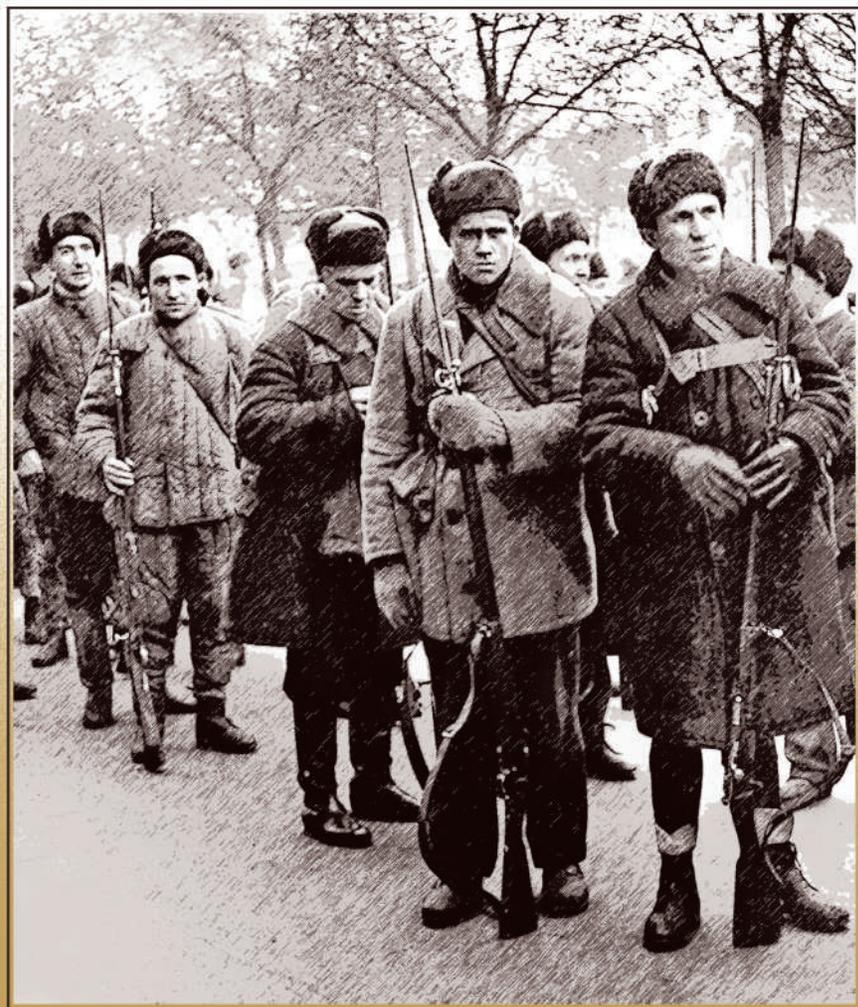
1. Эндельман Григорий Наумович // Бессмертный полк. URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/endelman-grigoriy-naumovich>
Интернет-портал «Память народа»:
2. Награждение медалью «За оборону Москвы». Приказ 33 А № 1 от 26.08.1944 // ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8769. Д. 379.
3. Награждение орденом Красной Звезды. Приказ ВС 33 А № 37/н от 12.05.1945 // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 817.
4. Карточка награждений // ЦАМО. Шкаф 100. Ящик 15.

II

Раздел

ОПОЛЧЕНЦЫ ОБ ОПОЛЧЕНИИ

Краткие заметки по истории 1289-го стрелкового полка ополченца Н.С. Вертинского

<...> Была большая прослойка людей, имевших большой практический стаж работы на ответственных должностях, но формально не имевших законченного высшего или среднего образования.

В первое время это обстоятельство внесло некоторые нотки гражданской обстановки в обращении бойцов с комсоставом, но это же создало крепкую спайку полка в единый, довольно дружественный коллектив и помогло в дальнейшей работе полка во время выполнения им целого ряда боевых заданий командования.

9–10 июля из полка были отобраны в истребительные отряды наиболее молодые, имеющие боевой опыт товарищи. Всего было отобрано около 200 человек.

12.7.41 г. весь полк был обмундирован: были выданы шаровары, гимнастерки, ботинки, пилотки, портянки, белье. Теплое обмундирование, в частности шинели, были выданы после.

В этот же день ночью полк был отправлен на автомашинах на Западный фронт.

Первое боевое крещение полк получил ночью с 13 на 14 июля в окрестностях г. Вязьма, где неприятельские самолеты сбросили бомбы; потерь полк не имел.

<...>

Во второй половине августа полк был переброшен в район озера Селигер, и там впервые он имел боевые стычки с фашистами.

В районе озера Селигер полк пробыл до конца месяца. В октябре (1-й декаде) полк был переброшен в район г. Ржев, из р-на Ржева в Селижарово, где был погружен в вагоны и направлен через Москву (12 октября) в гор. Боровск и его окрестности.

С 13 октября 1941 года началась боевая деятельность полка, которая продолжается до сего дня.

В этот период полк прошел боевой путь, накопил богатый боевой опыт, из его среды выдвинулось много славных боевых командиров и красноармейцев. Многие из них проделали путь от красноармейца до старшего комсостава, многие отдали жизнь за счастье и благо нашей Ро-

дины, за дело Ленина – Сталина. Люди крепили, закалялись в боях, учились овладевать боевой техникой, новыми видами вооружения, научились разгадывать уловки врага, стали требовательными к себе.

За период с 13 октября полк проделал большой путь. Начав свое продвижение со ст. Башкино, он участвовал в боях в районе г. Боровска (в самом городе), д. Федотово, Башкардово, Ильино, Митяево, Редькино, Куприно, Козельск, Колодкино, Ермолино, Коряково, Котово. Это был период, когда враг, имея преимущество в технике и живой силе, давил на наш полк. Полк вынужден был отступить. Враг стремительно рвался к Москве – сердцу страны. Тов. Сталин бросил клич: «Ни шагу назад». Полк воспринял этот приказ Родины. Все бойцы прониклись сознанием, что дальше отступать нельзя. Деревни Коряково и Котово были последними пунктами отступления полка. Дальнейший путь полка, вся дальнейшая его боевая деятельность складывалась иногда неудачно для полка. Полк терпел лишения, по нескольку дней оказывался во вражеском окружении, но он не отступал от занятых рубежей и крепко удерживал их, закаляясь в боях, накапливал опыт и снова шел в наступление. Шаг за шагом отвоевывал, освобождал территории, захваченные врагом до октября 1941 года.

В Коряково для полка создалась тяжелая обстановка. Это было 20 октября. Потеряв связь с дивизией, с другими частями, полк оказался отрезанным со всех сторон. Оставался один путь: идти на соединение с частями Красной Армии, пройти через кольцо врага, прорвать это кольцо. Продовольствия не было, полк решил идти на соединение. В ночь с 20 на 21 октября, под покровом ночи, не зная ни расположения Красной Армии, ни расположения противника, полк двинулся на соединение, готовый лечь костями, но не сдать врагу.

Сохраняя полную тишину, временами вытаскивая на себе орудия, застревавшие в непроходимой грязи, полк шел всю ночь и наутро вышел к д. Котово. Люди выбились из сил. Военком полка, старший политрук Терентьев¹, решил дать отдохнуть бойцам, установить связь с частями Красной Армии. Некоторые из командиров (комбат 3-го – ст. лейтенант Притыков, начальник штаба полка полковник Булгаков² и др.) указывали на необходимость продолжать путь до соединения с частями Красной Армии, на рискованность оставаться в Котово без предварительного выяснения обстановки, но военный отдел отдал приказ, и полк остановился в деревне Котово.

Эта остановка обошлась полку дорого. Через несколько часов фашисты окружили Котово, полк оказался в затруднительном положении. Не имея

¹ Терентьев Александр Матвеевич (1899 – ?) – военный комиссар 2-го / 1289-го стрелкового полка. (Здесь и далее *Примеч. ред.*)

² Булгаков Агзам Юнусович (1905 – ?) – начальник штаба 1289-го стрелкового полка.

достаточно оружия, боеприпасов, не зная местности, полк понес большие потери в личном составе и отступил к Наро-Фоминску.

В этом бою пропал без вести военком полка т. Терентьев и ряд др. товарищей. Командир полка – подполковник Галаган¹ – перед выходом из Коряково ушел с небольшим отрядом отдельно от полка, и с тех пор точных сведений о его судьбе не имеется. Полк отошел к Наро-Фоминску.

В Наро-Фоминске был назначен новый командир полка – майор тов. Беззубов², исп. обязанности военкома – т. Гринштейн, и полк был передан в оперативное подчинение 1-й Гвардейской дивизии.

За период нахождения в оперативном подчинении 1-й Гвардейской дивизии полк вел бои и занимал оборону в военном городке, дача Коноплевка, лагерь Академии им. Фрунзе, Подсобное хозяйство, Таширово, МТС, Красная Турейка.

Особенно большую выдержку показал полк 1 декабря, когда противник прорвал оборонительную линию на стыке между 2-м батальоном нашего полка и 222-й сд.

Несмотря на тяжелое положение и значительные потери, полк не сдал основных позиций и держался до тех пор, пока враг под сильным напором не стал отступать.

Наши люди в эти дни показали, что они достойны находиться в рядах 1-й Гвардейской дивизии. Не раз они шли в наступление на более сильного и более многочисленного врага, засевшего в Подсобном хозяйстве. Будучи ранеными, красноармейцы, командиры продолжали оставаться в строю и героически дрались. Младшие командиры успешно заменяли средних командиров, выбывших из строя.

В этот период 2 декабря была взята в плен группа фашистов в 60 чел., освобождено из плена 29 красноармейцев.

В первой декаде декабря командир полка майор т. Беззубов был назначен командиром 110-й дивизии, т.е. той самой дивизии, в состав которой входил до октября месяца полк.

<...>

Лица, получившие награды, в основном получали награды за подвиги, совершенные в период ноябрь – декабрь – январь месяцы. Награждены были два командира полка (Беззубов, Потапов³), начальник штаба Булгаков, командир взвода разведчиков тов. Худяков и др. Комиссар полка тов. Саркисов.

Условия, в которых находился полк в ноябре и декабре месяцах, были таковы, что многие из тех, кто был достоин награды, ушел, не получив

¹ Галаган Илья Александрович – подполковник, командир 2-го / 1289-го стрелкового полка (06.07.1941 – 20.10.1941).

² Беззубов Николай Александрович (1902–1943) – командир 1289-го стрелкового полка, позже 110-й стрелковой дивизии.

³ Потапов Андриян Яковлевич (1886–1942) – командир 1289-го стрелкового полка.

таковой. Следует теперь, когда полк проводит годовщину, вспомнить об этих товарищах и почтить их память, ибо немало сил и энергии было потрачено ими на поднятие боеспособности полка, улучшение работы на отдельных участках, сплочение коллектива в единое целое.

К таким товарищам относятся:

1. Притыко Павел Алексеевич – командир 3-го батальона. Командовал батальоном с момента его сформирования до 2 декабря 1941 года, когда он был смертельно ранен. 3-й батальон был одним из самых боеспособных. Тов. Притыко обладал большой выдержкой, хладнокровием. В бою под деревней Федотово, когда на деревню наседали значительные силы противника, батальон в течение нескольких часов отбивал атаки противника, и только тогда, когда выяснилось, что поддержки не будет, что батальон окружен и отрезан от остальных сил полка, была оставлена деревня и совершен организованный отход. Тов. Притыко один из последних оставил поле боя, собрал батальон в укрытое место, и красноармейцы уверенно ждали до тех пор, пока обстановка выяснилась и стало возможным выбраться из кольца и соединиться с полком.

2. Волков Сергей Анисимович – начальник связи полка, сильный боевой командир, который немало сил потратил на организацию связи в полку. Его ученики до сих пор еще работают в полку (Гловацкий¹, Брицын), и 2-й полк с момента организации всегда имел надежную связь, и это есть, пожалуй, результат проделанной тов. Волковым работы. Он не оставлял безнаказанным ни одной ошибки, не успокаивался до тех пор, пока не убеждался в том, что связь организована «хорошо». Тов. Волков пользовался авторитетом у красноармейцев, ибо все знали, что тов. Волков строгий и справедливый командир.

1 декабря, когда враг начал наступление и когда он окружил командный пункт, тов. Волков храбро сражался, пока вражеская пуля не сразила его. За смерть командира было крепко отомщено. Много офицеров сложили свои головы в Подсобном хозяйстве.

3. Степенко Егор Петрович – адъютант, старший 1-го батальона, молодой, энергичный командир. 1 декабря был ранен командир батальона, командованием было возложено на него исполнение обязанностей командира батальона. 2 декабря ему было приказано идти в наступление на Подсобное хозяйство, находящееся у пионерских лагерей. Противник засел в Подсобном хозяйстве и вел сильный пулеметный и ружейный огонь. Тов. Степенко с группой храбрецов проник в расположение противника, противник начал панически отступать из домов, находящихся в Подсобном хозяйстве. Тов. Степенко воспользовался паникой и захватил в плен 38 фашистов, что составило больше того, что находилось в его группе. В этой стычке он был ранен, но поле боя не оставил. Только тогда, ког-

¹ Гловацкий Василий Акимович (1909 – ?) – ст. лейтенант, командир роты связи 1289-го стрелкового полка.

да все Подсобное хозяйство было занято полком, он был доставлен в санчасть полка и оттуда эвакуирован.

4. Исаев Павел Алексеевич – красноармеец, а впоследствии командир взвода, убит 22.9.41 г. в районе озера Селигер, энтузиаст разведки. Ни одна разведка не проходила без его участия. Все силы и способности он вкладывал в дело разработки планов разведки. Не раз он часами пролеживал в укрытии, чтобы проследить за движением противника.

5. Шерстобитов Константин Иванович – старший сержант, командир роты, ранен 2.12.41 г. Этот человек не знал чувства страха. Опасность была его стихией. В октябрьские дни, когда полк испытывал, казалось, непреодолимые трудности, когда в полку не было транспорта, пища доставлялась с перебоями, тов. Шерстобитов смело, уверенно вел в бой свою роту под д. Таширово, МТС, захватывал бойцов своей смелостью и жизнерадостностью. Среди бойцов пользовался большим авторитетом.

6. Дурасов Дмитрий Михайлович – один из многих добровольцев народного ополчения, отдавших жизнь за благо Родины. С первых дней он был выдвинут на должность старшины 3-й пульроты. Всегда заботясь о бойцах, он неустанно работал над вопросами улучшения питания, вел большую работу среди бойцов за сохранение в чистоте матчасти, обмундирования. 3-я пульрота всегда была в этих делах впереди остальных подразделений полка. Наряду с этим он старательно изучал военное дело. Он один из первых был принят кандидатом в члены ВКП(б). В первом бою под дер. Федотово он был сражен пулей врага. Жизнь его безвременно закончилась. Этот человек смог бы многое дать для полка, для армии.

7. Власов Борис Прохорович – один из тех молодых бойцов, прибывших из Можайского района. С первых же дней он стал настойчиво добиваться перевода его в пулеметную или минометную роту. Надо было посмотреть, с какой любовью он ухаживал за минометом. Для него это было живое существо. Его миномет всегда был в образцовом порядке. Во время учебной стрельбы он давал лучшие показатели. Он полюбил военное дело и отдавался ему целиком. Часто он говорил, что давно мечтает стать пулеметчиком, но миномет ему нравится еще лучше. К сожалению, он не успел полностью развернуться. Вражеская пуля оборвала его жизнь, он был убит под д. Федотово 15.10.41 г.

8. Зайцев Петр Алексеевич – член ВКП(б), инженер, имеющий большой опыт работы. Одним из первых записался в добровольцы народного ополчения и до последнего дня энергично занимался изучением военного дела и требовал настойчиво этого от других. Будучи назначен командиром взвода 7-й стрелковой роты, он все силы и энергию отдавал на то, чтобы его взвод был в первых рядах. И это ему удалось. Став командиром роты, он еще больше стал работать над собой. Этот командир чувствовал ответственность за доверенных ему людей, и он стремился изучать так военное дело, чтобы уметь, когда потребуется, с малой кровью добиться больших результатов. Среди бойцов и командиров пользовался большим автори-

тетом и вскоре был избран секретарем парторганизации 3-го батальона полка. В бою под д. Федотово он был ранен в ногу, но поле боя не оставил и продолжал руководить боем. Но пуля вторично настигла его тогда, когда уже дан был приказ отступать из деревни.

9. Варваров Александр Николаевич – военфельдшер, веселый, жизнерадостный человек. В самые тяжелые дни, 1–5 декабря 1941 года, когда полк находился в окружении врагов, когда в медпункт беспрерывно поступали раненые, когда у некоторых опускались руки и прокрадывался червь сомнения: «Удержимся ли?» – Варваров заражал всех своею бодростью. Для каждого раненого он находил успокоительные слова, шутки. Он продолжал делать свое дело, как будто оперируя где-то вдали, в спокойной, мирной обстановке. Бойцы знали его, любили его и доверяли ему. Вот почему 15.1.42 г. под дер. Клин, когда засевший враг вел губительный огонь из домов, превращенных в ДОТы, и противником был выведен из строя комбат, военфельдшер Варваров с криком: «Санитары, бойцы, за мной!» – увлек бойцов вперед. Стремительной атакой часть деревни была занята. В этом бою он был ранен. Но и будучи раненым, он не растерялся и не пал духом. Он не оставил своего поста, не оставил тяжело раненных бойцов под огнем противника, оказывая им помощь. До последнего патрона он отстреливался от наседавших врагов. Фашисты зло отомстили за потери, нанесенные им Варваровым, они подожгли сарай, в котором находился тяжело раненный Варваров, но и тогда Варваров не сдался, а погиб смертью героя, предпочтя смерть сдаче врагу.

10. Потапов Андрей Яковлевич – полковник, командир 1289-го сп (декабрь – январь), член ВКП(б). Руководил операциями во время наступательных боев. Под его личным руководством были в жестоких боях заняты деревни Таширово, Красная Турейка, Порядино, Клин и др. Это бесстрашный волевой, талантливый командир, преданный Родине патриот. Погиб в боях на подступах к г. Веряя, ведя наблюдение за противником. Его излюбленный метод – глубокий обход и внезапный удар по врагу с тыла, что неизменно обеспечивало успех боевых операций малой кровью, но ценой тяжелых потерь врагу.

11. Саркисов Сергей Георгиевич – комиссар полка. Бесстрашный, спокойный, с железной волей большевистский комиссар, с большой культурой человек. Своей неукротимой энергией способствовал сплочению всего личного состава полка, воспитывал в бойцах и командирах волю к победе над заклятым врагом, воспитывал в них преданность и любовь к Родине. Все это обеспечивало полку успех в его боевых делах, его любили бойцы, командиры, коммунисты и непартийные большевики. Он не знал компромиссов с врагами Родины. В бою на подступах к г. Веряя (д. Загрязское) 17 января он был ранен. Позднее погиб в бою, будучи комиссаром штаба одной из дивизий.

12. Макаров Василий Илларионович – старший лейтенант, командир 6-й стрелковой роты 2-го батальона, по специальности летчик. 1 декабря

1941 года во время прорыва нашей обороны превосходящими силами и танками противника в районе д. Таширово (под Наро-Фоминском), отражая атаки противника, будучи отрезанным, тов. Макаров с боем пробился со своей ротой к основным силам нашего полка и занял оборону. 2 декабря 1941 года со взводом задержал атаку фашистов, напавших на расположение полка с тыла. Затем минометным огнем наших минометчиков фашисты были рассеяны по лесу, оставив на поле боя более 53 лотков с минами, части минометов, противотанковую пушку с 75 снарядами. Полк избавлен был от тяжелых последствий, если не от полного разгрома.

Тов. Макаров действовал смело, решительно, подавал личный пример отваги своим бойцам. Этим только можно объяснить, что никто из этой горстки людей под сильным напором врага не дрогнул. Погиб в бою за Таширово.

13. Сошнев Георгий Кузьмич – старший политрук, военком 2-го батальона. Прибыл в полк в октябрьские дни. Это один из первых комиссаров батальонов полка, отдавший много сил и энергии на сколачивание боевых рядов 2-го батальона. При наступлении на МТС 27 ноября 1941 г. большевик Сошнев личным примером увлек бойцов и командиров вперед против засевших в МТС превосходящих сил противника. МТС была занята, но комиссар пал смертью храбрых. Бойцы отомстили врагу за своего комиссара.

Немало товарищей еще до сих пор находятся в полку, и занимают командные должности, и являют собой пример роста людей за год существования полка.

Для примера можно привести командира минометного батальона тов. Ковалева Леонида Яковлевича. Прибыв в полк 19.8.41 г. в качестве мл. командира, он вскоре был назначен командиром взвода минометной роты. Его храбрость, умение ориентироваться в боевой обстановке, хладнокровие, инициатива в бою, выдержка, природная смекалка быстро выдвинули его на следующую ступень. Когда командир роты Валиев был ранен, тов. Ковалева назначили на должность командира роты, а затем на должность командира батальона. Не имея звания среднего командира, он в настоящее время имеет звание старшего лейтенанта. Среди красноармейцев пользуется большим авторитетом. Участник всех боевых операций полка. Награжден орденом Красной Звезды.

Минометное подразделение полка выдвинуло ряд товарищей из рядов красноармейцев, которые положили немало сил и энергии на создание боевого сплоченного коллектива. Из этих товарищей следует отметить:

1. Каманина Василия Федоровича – выросшего из рядовых до старшины роты, а затем командира взвода и присвоения звания мл. лейтенанта. В бою под дер. Ледники был ранен и умер от ран.

2. Казакова Александра Федоровича – старшину роты, а затем командира взвода. Энергичный командир. Был ранен в районе Наро-Фоминска и умер от ран.

В стрелковых ротах также выросли за этот год люди, ставшие командирами, пользующиеся авторитетом и бесстрашно ведущие роты в бой. К таким товарищам могут быть отнесены: Бобрецов, бывший красноармеец, а ныне младший лейтенант, и др.

3. Черников Иван Дмитриевич – старший лейтенант, командир 2-го батальона. До войны работник Управления Комитета по делам искусств, в начале войны был начальником штаба 1289-го сп. В трудные декабрьские дни показал себя одним из отважных и вдумчивых командиров. В эти дни он неутомимо работал по организации обороны полка, являлся правой рукой командира полка майора Беззубова. Бесстрашно водил в атаки свой батальон. За боевые заслуги правительство наградило его орденом Красного Знамени. В бою за д. Таширово ранен и выбыл в госпиталь. Как отличившийся и преданный Родине патриот, тов. Черников принят в ряды ВКП(б).

4. Сигналов Дмитрий Григорьевич – батальонный комиссар, первый отсекр партбюро полка, народный ополченец, с первых дней принимал активное участие в формировании полка. Неустанно воспитывал партийную и комсомольскую организации в духе беззаветной преданности партии Ленина – Сталина и социалистической Родине. Когда еще не было комиссаров в батальонах, тов. Сигналов обеспечивал политическое руководство боевых операций. Так, например, 15 октября 1941 года тов. Сигналов вместе с 3-м батальоном участвовал в наступлении на деревню Башкардово, участвовал в бою за деревню Федотово, воодушевлял бойцов и командиров на подвиг. Батальон был отрезан от полка. В эти тяжелые минуты тов. Сигналов был там, где было наиболее опасно. Вместе с комбатом Притыко собирал разрозненные силы батальона, готовя их с боем прорваться к основным силам полка. После боя в Федотово 3-й батальон был выведен из окружения без потерь. За проявленный героизм под Наро-Фоминском тов. Сигналов награжден орденом Красной Звезды.

5. Валиев Хаджи Мурат – лейтенант, командир и организатор 3-й минроты, которая прославилась в боях и положила начало минометному батальону нашего полка. Туркмен. По образованию инженер-текстильщик. Участник войны с белофиннами, где он командовал отдельным минометным взводом. Энергичный, смелый и преданный Родине командир. Много труда положил на сколачивание роты и обучение минометному делу бойцов и командиров. Требовательный к бойцам и к себе командир. Пользовался заслуженной любовью у бойцов и командиров. Участник ряда боев. Ранен в ноги осколком снаряда в бою за Наро-Фоминск. В бою всегда лично вел наблюдение и корректировал минометный огонь по противнику. Это преданный Родине, любивший свое дело, смелый командир.

Дни, когда полк наряду с другими частями Красной Армии начал наступление на фашистов в районе пионерлагерей, ознаменовались за-

хватом у противника большого количества трофеев. Нередки были случаи в декабрьские и январские дни, когда полк бил врага захваченным у него оружием. И тут в первых рядах шла минрота полка с ее командиром тов. Ковалевым.

За время существования полка захвачено у противника:

Пушек ПТР	– 17
Полевых орудий	– 6
Пулеметов станковых	– 26
Минометов батальонных	– 3
Минометов ротных	– 9
Винтовок	– 498
Снарядов	– 1700
Мин 82 мм	– 280
Мин 49 мм	– 900
Гранат ручных	– 1200
Патронов винтовочных	– 43200
Порох	– 1 вагон
Автоматов	– 12
Ружей ПТР	– 7
Танков средних	– 2
Тягочей	– 1
Автомашин	– 8
Мотоциклов	– 1
Велосипедов	– 7
Кухонь походных	– 5
Лошадей	– 7
Снарядов разных	– 27
Телефонных аппаратов	– 6
Проводов телефонных	– 6 км
Бочек железных	– 74
Бачков бензиновых	– 108
Патронов противотанковых	– 400
Ракет разных	– 1000

В перечисленные трофеи не включен целый ряд предметов, собранных нашей трофейной командой на пути отступления противника. Трофейное имущество большей частью сдано на армейские склады, частично оставалось в полку.

Красноармейцы, командиры и политработники полка изучили захваченное у противника оружие и научились метко стрелять из него в противника.

Кроме материальной части, были взяты пленные в количестве 60 человек. Взятие пленных сопровождалось иногда интересными боевыми эпизодами, так, например, после взятия МТС в районе Наро-Фоминска красноармейцы расположились в одном из разрушенных домов и мирно вели

беседы, делясь впечатлениями боя. Послышался шорох в печке. Красноармейцы насторожились. Подойдя к печке, они обнаружили спящих там двух немцев. Как потом выяснилось из допроса, они залезли в печку, чтобы согреться, и заснули там.

В подсобном хозяйстве, когда лейтенант Степенко с группой храбрцов ворвался туда, фашисты, как крысы с тонущего корабля, стали убежать из домов. Первое время наши бойцы их расстреливали, а потом стали на ходу перехватывать и укладывать на землю лицом вниз. Всех их набралось 38 человек.

С 1 декабря 1941 года полком освобождены следующие населенные пункты:

1. Подсобное хозяйство военного городка
2. Академия им. Фрунзе (район пионерлагерей)
3. МТС (район Наро-Фоминска)
4. Таширово
5. Красная Турейка
6. Котово
7. Кузьминка
8. Порядино (совместно с 1291-м сп)
9. Митяево
10. Тишинка
11. Ступино
12. Гуляева-Гора
13. Клин
14. Самородово (совместно с 1287-м и 1291-м сп)
15. Волчёлки (совместно с 1287-м и 1291-м сп)
16. Ковригино (совместно с 1287-м и 1291-м сп)
17. Загряжское (совместно с 1287-м и 1291-м сп)
18. Выплавка
19. Верея
20. Кузово
21. Юсово
22. Терехово
23. Некрасово
24. Марьино
25. Игумново (совместно с 1291-м сп)
26. Лосинки
27. Тулизово (совместно с 1287-м сп)

Источник: ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1, Оп. 27. Д. 49.

Тезисы на тему «Год боевого пути нашей дивизии» ополченца Н.С. Вертинского

Дивизия на обороне подступов к Москве

Обороняемый нашей дивизией рубеж в р-не Наро-Фоминска был тем рубежом, который не могли преодолеть фашисты. В боях 1.12.41 г. они повели крупное наступление на этот рубеж, ценой больших потерь в живой силе и технике оттеснили наши части на 7–8 км вглубь нашей обороны и вынуждены были откатиться обратно на исходные позиции, потеряв свыше 2000 чел. Эти бои под Могутово и Волковская Дача показали устойчивость наших войск, преданность делу Ленина – Сталина. К этому же времени относится и знаменитая в истории нашей дивизии оборона Кирпичного завода, где 38 героев выдержали натиск втрое превосходящих сил противника и уничтожили много фашистов. В обороне Кирпичного завода участвовали: военком Никита Зайцев, военком Агеев, Прощицкий, Бадаев и др. бойцы, командиры и политработники.

Бои дивизии на подступах к Москве имеют историческое значение, так как они задержали продвижение немцев, нанеся значительные потери 267-й и 163-й фашистским дивизиям, остановили их дальнейшее продвижение, дали нашему командованию возможность подвести новые силы, в частности 1-ю Московскую гвардейскую мотострелковую дивизию. Таким образом, в р-не Наро-Фоминска было сосредоточено большое количество войск, чтобы не дать противнику возможности продвигаться дальше на восток.

Дивизия в наступлении

Заняв рубеж обороны в р-не Атепцево – Слизнево и по берегу реки Нара до Чичково, наша дивизия с этого рубежа перешла в наступление, участвуя в разгроме немцев под Москвой в составе 33-й армии.

В ночь с 27 на 28.12.41 г. ударом с тыла дивизия разбила сильно укрепленный вражеский узел сопротивления, освободив от фашистских захватчиков деревни: Атепцево, Новая Жизнь, Ерюхино, Елагино.

7.1.42 г., овладев в тылу противника д. Каурцево, дивизия сломала узел неприятельской обороны, освободив от фашистов Котово, Щекутино, Башкино, Татарку, и в непрерывных боях за каждый населенный пункт преследовала отступающих на запад немцев. С 15.1.42 г. по 19.1.42 г. дивизия вела бои, выбивая противника из населенных пунктов на подступах к гор. Верее, и 19.1.42 г. вошла с боями в г. Верея с юго-восточной стороны совместно с частями 222-й дивизии, входящей в г. Верея с северо-востока.

Фашисты, произведя в городе большие разрушения, поджигая и взрывая дома, начали поспешно отходить на запад под натиском наших войск.

С 19.1 по 23.1.42 г. дивизия находилась в армейском резерве в г. Верея, приводила себя после боев в порядок. 24.1 дивизия вышла из г. Верея и к 27.1 достигла р-на Шанского завода, проделав тяжелый марш при 40-градусном морозе, ведя бои с отступающим противником. В дальнейшем дивизия освободила от оккупантов в р-не Шанского завода Шевнево, Прудищи, Кузово, Юсово, Терехово и др. населенные пункты и к февралю вышла к рубежу Мочальники и Пронькино, продолжая наступление и освобождая от фашистов Игумново, Ивищи и др. населенные пункты.

Всего за время наступления дивизией освобождено до 70 населенных пунктов, из них около 40 было сожжено немцами при отступлении. В каждом селе, в каждой деревне и в городе Верее дивизия находила следы фашистских зверств, которые вселяли в сердца наших бойцов, командиров и политработников непримиримую священную ненависть к врагу. За период декабрьско-январского наступления дивизия захватила значительные трофеи: орудий разного калибра – 28, снарядов – 7212, винтовок – 2119, пулеметов – 73, минометов – 8, автоматов – 47, ружей ПТ – 9, патронов винтовочных – 887400, мин – 7055, гранат – 3887, патронов для автоматов – 65200, танков и танкеток – 11, автомашин – 81, мотоциклов – 42, велосипедов – 231 и много др. военного имущества.

К своей годовщине дивизия имеет 575 бойцов, командиров и политработников, получивших правительственные награды. Например, Чухряев, Прохоров, Гребенков, Бушков, Корякин, Аксентьев и др.

Источник: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 27. Д. 49. Л. 19–20.

Из воспоминаний инструктора редакции дивизионной газеты «За Родину» А.Я. Шинберга

Формирование 4-й дивизии народного ополчения

В июле месяце 1941 года в Политотделе работали писатели тов. Бобров и тов. Лукин, но они были отозваны в газету 31-й армии. В Политотделе они принимали сводки Информбюро с тем, чтобы срочно распространить их по частям и по подразделениям дивизии, так как газеты приходили обычно только на 3-й день.

После ухода этих товарищей из Политотдела к военному дивизию и к начальнику Политотдела были вызваны из 3-го стрелкового полка рядовые бойцы, добровольцы народного ополчения товарищи Фонштейн и Шинберг.

Военком и начальник Политотдела поручили им принимать по радио сводки Информбюро и разработать план издания дивизионной газеты.

Эту работу товарищи выполняли весьма тщательно, им удавалось полностью записывать сводки Информбюро, а это было весьма существенно, так как на основе этих сводок проводились политбеседы подразделений.

27 августа [19]41 года товарищи Фонштейн и Шинберг выехали в Москву для организации полиграфической базы.

Во время их отсутствия в Политотделе сводки Информбюро принимал литературный критик Н.Г. Плиско¹, который после возвращения товарищей Фонштейна и Шинберга был назначен политруком в поле и в середине октября при налете фашистских самолетов погиб геройской смертью. Он был добровольцем народного ополчения, в прошлом – редактор «Литературной газеты».

Приехав в Москву, Фонштейн и Шинберг получили все необходимое для организации полиграфической базы, причем в этом деле существенную помощь оказала редакция газеты «Вечерняя Москва» (товарищи Фонштейн и Шинберг ранее были сотрудниками этой газеты). Для дивизии были получены «американка»², шрифт, радиоприемник, две пишущие машинки и др. необходимое для издания газеты оборудование.

Крупные советские писатели и поэты дали ряд своих произведений для будущей дивизионной газеты и пообещали редакции давать в дальнейшем свои произведения.

Редакция имела стихотворения, полученные от Лебедева-Кумача, Жарова, Суркова, Гусева и других поэтов. Писатели Алексей Толстой, Эренбург, Всеволод Иванов обещали сотрудничать в газете.

Товарищи Фонштейн и Шинберг 18 сентября возвратились в дивизию, 23 сентября было получено сообщение из Политотдела 31-й армии об утверждении Фонштейна ответственным редактором газеты, а Шинберга – инструктором редакции.

Редакция приступила к учету издательских, полиграфических и литературных кадров, причем оказалось, что в дивизии имеется 270 журналистов, литераторов, полиграфических и издательских работников.

Это большое количество специалистов в области журнально-издательской работы объясняется тем, что в дивизию народного ополчения вошли многие работники учреждений Куйбышевского района, а в Куйбышевском районе находится комбинат «Московский большевик», объединяю-

¹ Плиско Николай Гаврилович (1906–20.10.1941), литературовед, журналист, заместитель редактора «Литературной газеты». (Здесь и далее *Примеч. ред.*)

² «Американка» – тигельная печатная машина.

щий три газеты («Московский большевик», «Вечерняя Москва», «Московский комсомолец»); в этом же районе имеются издательства специальных газет, Госиздат, Детиздат, издательство «Молодая гвардия».

Состав редакции был из добровольцев, наборщики – из типографии «Московский большевик».

1-й номер газеты вышел 18 сентября, причем в дальнейшем номера выходили вперемешку с выпуском отдельных информационных, и редакция ночью записывала сводку Информбюро, а в 7–8 часов утра могла уже разослать ее по частям.

Первые номера газеты состояли из описания боевых эпизодов на озере Селигер и материалов, полученных из Москвы, газета еще не имела своего лица, выходила редко, но редакция проявляла большую оперативность, давая своевременно политинформацию подразделениям дивизии. Во время марша к Ржеву редакция ехала вслед за колоннами дивизии, останавливаясь в деревнях, принимала по радио сводку Информбюро, срочно ее печатала и раздавала по полкам на привалах.

Таким образом, и во время марша дивизия была обеспечена своевременной политинформацией.

Из Селижарово редакция была направлена через Москву по направлению к Звенигороду. 10–11 октября происходил этот переезд. Дивизия срочно была переброшена по направлению к Боровску, и машина редакции была направлена в этот район, но части дивизии под напором превосходящих сил противника уже отходили от Боровска, редакция узнала, что в Боровске и в деревне Митяево уже немцы.

В этих условиях машину редакции трудно было вывезти, так как дорога была в связи с осенним временем весьма грязной.

Для более точного выяснения положения редакция провела разведку в ближайшие деревни и после разведки поехала в деревню Татарка, но данное направление оказалось неверным, и редакция соединилась с Политотделом дивизии в деревне Инютино, эта деревня подвергалась обстрелу, наши части отходили, редакция под огнем противника печатала последние сводки Информбюро и получила приказ срочно собраться и ехать в Добрино. Работники редакции пытались поднять машину, но безуспешно, однако в дальнейшем в этом деле им помогли красноармейцы и саперы.

Утром было прислано распоряжение прибыть в Добрино и выпустить несколько сводок. 19 октября редакция из Добрино была переброшена в Иклинское, по дороге мост был сломан, пришлось ехать окружным путем, и здесь редакции помог старик-колхозник, хорошо знающий местность. Колхозник рассказал работникам редакции, что кругом уже имеются немцы, и окольными путями вывел машину на новую дорогу. Это было 20 октября. По дороге попадались отдельные машины, наши части отходили, редакция осталась одна перед линией фронта, и машина попала под обстрел. Редакция приняла решение взорвать машину, были

подожжены бензиновые баки, погибло все имущество, первые номера и оттиски последнего номера, и работники редакции продолжали путь пешком, по пути собирая винтовки, полуавтоматы, и подобрали одного раненого.

Работники редакции пришли в село Каменское и доложили комиссару дивизии о том, что его приказ выполнен, машина взорвана и личный состав явился в распоряжение командования. Работникам редакции поручили держать оборону около церкви, вооружили их, и до 3 часов утра 21 октября товарищи пробыли в обороне, а потом по распоряжению Горбачевского¹ и по приказу начальника штаба дивизии товарища Юрина² были переведены для охраны штаба дивизии, и это задание выполняли до 2 часов дня. В 2 часа дня по приказу военкома работники редакции были отправлены в Москву с тем, чтобы получить новую типографию. Им были выданы маршрут и мандат, и они пришли в Москву 25 октября. По дороге работники редакции сколачивали группы отставших и направляли их обратно, к передовым позициям.

В Москве работники редакции были встречены с большим вниманием: заместитель Председателя СНК СССР товарищ Косыгин³ дал распоряжение Моссовету выделить автобус на ходу. Председатель Моссовета дал соответствующее распоряжение, и для редакции был выделен автобус, снятый с линии «Б».

По распоряжению заместителя управления делами СНК товарища Хломова⁴ из типографии СНК были выделены «американка» и шрифты в достаточном количестве. Издательство «Молодая гвардия» снабдило редакцию пишущими машинками, редакция газеты «Вечерняя Москва» предоставила дивизионной газете радиоприемник и другое оборудование.

Прибыв на фронт 14 ноября, редакция остановилась в деревне Шеломово и заново должна была установить связи, так как военкоровского актива не было. Приходилось, по сути дела, заново строить газету. С 1 декабря 1941 года редакция решила создать в газете отдел героев нашего соединения, вести хронику героических дел и дневник отличий и поощрений.

К концу декабря редакция имела уже достаточный актив военкоров и смогла ярко показать политработу в подразделениях нашей дивизии и лучших людей нашей дивизии. В этот период редакция открывает раз-

¹ Горбачевский Павел Иванович (1895–1942) – ст. лейтенант, помощник начальника 1-го отделения штаба 110-й стрелковой дивизии; с начала января 1942 г., будучи капитаном, командовал 1291-м стрелковым полком.

² Юрин Алексей Николаевич (1905–1944) – в описываемый период начальник штаба 110-й стрелковой дивизии.

³ Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) – в описываемый период заместитель председателя Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии.

⁴ Хломов Михаил Дмитриевич (1905–1945) – в описываемый период начальник Хозяйственного управления Совнаркома СССР.

дел «Счет народной мести» и подробно знакомит бойцов, командиров и политработников с отдельными боевыми успехами дивизии.

Для укрепления связи с военкорами газета выпускает блокнот военкора, инструкцию, о чем надо писать, и к этому времени имеет уже до 90 человек активных корреспондентов.

Со слов товарища Шинберга записал товарищ Вертинский.
27 июля 1942 года.

Источник: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 27. Д. 10. Л. 83–88.

Стенограмма беседы с Н.Н. Ивашовым, майором медицинской службы

Тов. Ивашов Николай Николаевич

1900 г. рождения. В 1916 г. окончил среднюю школу, подал заявление в университет на медфакультет. Но тут шла Гражданская война, и я пошел добровольцем в Красную Армию. Сначала был в тяжелой дивизионной артиллерии телефонистом. Но ввиду того, что у меня было среднее образование, окончил что-то вроде курсов при дивизии, был орудийным начальником, а последнее время работал старшим инструктором связи артразведки. Вместе с дивизионом был на северо-западном фронте.

В 1922 г., когда демобилизовался, поступил в университет. В этот момент стал сильно болеть. В 1928 г. окончил университет и работал в клиниках. Потом работал в области профсоюзной гигиены. Последнее время работал в Московском музее охраны труда, руководил отделом Ученого совета Московского института охраны труда. В партию вступил теперь, на фронте, в марте месяце.

Я был освобожден от военной службы по состоянию здоровья. В первые дни войны подал заявление, чтобы меня взяли в армию, но по состоянию здоровья отказали, сказали, что врачей хватит. Примерно 3-4 числа я подал заявление в формирующуюся ополченческую часть. Пришел туда, там врачей не было совершенно, так что сразу пришлось организовывать эту работу в полку. Попал я во 2-й полк. Стал искать медработников, чтобы организовать санитарную службу. Опыта в этой области совершенно не было, потому что как военный врач я никогда не работал. На первых порах это была обычная лечебная работа.

Сразу все пришедшие в ополчение были разбиты по батальонам, в батальонах по ротам, и более знакомых с военной работой выделили командирами рот, взводов, отделений. С первого же дня началась учеба. Выдали небольшое количество винтовок, проходили оружейные приемы.

Среди пришедших в ополчение оказалось большое количество людей, совершенно не пригодных к военной службе. Пришлось организовать приемочную комиссию для того, чтобы их отсеять. Буквально с утра до позднего вечера приходилось сидеть. До 11 июля продолжалось формирование. С 11-го на 12-е ночью мы вышли всей дивизией. Дивизия формировалась из рабочих и служащих Куйбышевского района. Командиром 2-го полка был подполковник Галаган¹, а комиссаром полка был Терентьев². Галаган – кадровый подполковник, участник финских боев и награжден за них орденом Красного Знамени. Он пришел к нам раненым. Командиром дивизии был полковник Борисов³, а комиссаром А.И. Бормотов⁴.

Люди были размещены в ряде школ. 2-й полк находился в Армянском переулке в школе. Одели дивизию перед самым отъездом на фронт в серые гимнастерки и серые брюки, выдали обмотки и пилотки. Дали очень небольшое количество винтовок для несения караульной службы. Позднее в Смоленской области нам привезли французские винтовки Лебеля. Предполагалось, что дивизия выйдет под Москву, километров на 30–40, будет там заниматься учебой и окончательно формироваться. Числа 11-го был получен приказ, в котором указывалось, что едем несколько дальше. Причем никто не знал, куда мы едем. Но смотря по тому, что нам дали машины, а не отправили пешим порядком, как предполагалось раньше, можно было заключить, что едем мы довольно далеко. Всех на машины посадили, а нас было тысячи две.

За несколько дней до нашего отъезда к нам в полк пришла РОККовская дружина⁵ из Наркомвнешторга, которая потом прекрасно себя зарекомендовала.

Выехали, сказали всем, чтобы лишние вещи оставить, едем ненадолго и вернемся обратно в Москву. В 11 часов ночи погрузились на машины. Я узнал довольно поздно об отъезде – проводил санитарную подготовку полка, и даже некоторые были в бане, их срочно вернули.

¹ Галаган Илья Александрович – подполковник, командир 2-го / 1289-го стрелкового полка (06.07.1941 – 20.10.1941). (*Здесь и далее Примеч. ред.*)

² Терентьев Александр Матвеевич (1899 – ?) – военный комиссар 2-го / 1289-го стрелкового полка.

³ Борисов Александр Дмитриевич (1893 – ?) – полковник, начальник штаба (2 июля – 9 июля 1941 г.), командир дивизии (9 июля – 24 августа 1941 г.), начальник штаба (25 августа – 13 сентября 1941 г.) 4-й дивизии народного ополчения / 110-й стрелковой дивизии.

⁴ Бормотов Александр Иванович (1903–1942) – военный комиссар (5 июля – 24 октября 1941 г.) 4-й дивизии народного ополчения / 110-й стрелковой дивизии.

⁵ РОККовская дружина – дружина Российской общества Красного Креста.

Проехали Можайск, Вязьму. В Вязьме получили первое боевое крещение. Ночью вылетели самолеты противника. Я ехал в одной легкой гимнастерке. Хорошо, что со мной ехали два кадровых командира, которые дали мне шинель. Дрожали все, ночь была дико холодная. Я ехал как раз с командиром нынешнего минометного дивизиона Тененбаумом¹.

После Вязьмы мы остановились в районе совхоза Дугино, в дер. Подберезье, в 35 км от Ново-Дугино. Сначала нас перемахнули по ошибке почти под самый Смоленск, а потом вернули в район Подберезья. Начали проводить фортификационные работы. Люди совершенно не привыкли к лопате и первое время принимали ее как оскорбление. Потом эти же самые люди участвовали в соцсоревновании, выполняя нормы, и делали эти фортификационные работы совершенно блестяще.

Я ехал на фронт изначально начальником санитарной службы полка. За меня схватились зубами, потому что врачей не было, а в первые же дни начались обмороки, потому что старички пришли. Мы их постарались отсортировать и сейчас же отпустить домой.

Под Смоленском мы пробыли до начала сентября, а в сентябре нас срочно перебросили в Калининскую область под озеро Селигер. Мой полк там и получил боевое крещение. Он занял позицию на озере Селигер, вправо от Осташкова. Мы стояли в Заплавье, Заозерье. В дер. Краснуха находился штаб и санитарная служба полка. Ввиду того, что медико-санитарный батальон работал еще слабенько, до госпиталей было далеко, у меня прямо медсанбат был. В Смоленске вообще госпиталей не было. Нам не сказали, куда эвакуировать. Правда, у нас раненых не было, больные. Врачи только в августе пришли ко мне.

Под Селигером был бой, и я лично принимал участие в бою под Новосельем. Наши армии, которые попали в окружение, на нашем участке частично выходили. Тут наши части прекрасно дрались. До боев люди не могли найти себя. Они не думали, что им придется заниматься физической работой. Но такое настроение продолжалось очень недолго, и потом стали работать великолепно.

Командиры были кадровые, в большинстве случаев молодые лейтенанты, которые тоже не знали, как себя держать с этим контингентом. Все по возрасту годились им в отцы, причем многие с высшим образованием. Некоторые несколько грубо себя держали, забывая, с кем имеют дело. Подполковник тогда их обрывал, говоря, что строгость необходима, но «имейте в виду, что они на несколько голов выше вас».

В основном велись разведывательные бои, и потом были оборонительные, когда немцы наступали в дер. Новоселье. Там бился один наш батальон. Потом подошли казачьи части, которые поддерживали нас.

¹ Тененбаум Борис Игнатьевич (1902–1944) – старший политрук 1289-го стрелкового полка, в 1942 г. – командир 484-го отдельного минометного дивизиона 110-й стрелковой дивизии.

Я, помню, приехал на место боя. Вижу, фельдшер растерялся. Человек никогда не был в бою. Вся эта трескотня, минометный огонь так подействовали, что он не знал, что делать. У него дрожали руки, несмотря на то, что он был человеком пожилым. Пришлось тут же засучить рукава и заняться перевязкой.

Немцы шли пьяные во весь рост в так наз[азываемую] психическую атаку, кричали: «Рус, сдавайся!» – и тут их косили пулеметами вовсю. Наши части крепко дрались. Потом они обошли в ложине, и, когда стали выходить в тыл, мы получили приказ выходить на Новоселье. Отошли туда и закрепились. Наш рубеж мы передали 28-й армии.

У нас уже было неплохое вооружение. Незадолго перед отъездом нам дали русские винтовки, автоматы, полуавтоматы, станковые пулеметы, ручные. Интересно было, когда миной ударило по щиту тяжелого пулемета. Щит разбило в кусочки и не поранило стрелявшего бойца.

В августе месяце ко мне пришли молодые врачи. Один из них назначался командиром санитарной роты, а второй – младшим врачом. Это была совсем зеленая молодежь, хороший народ.

Потом получили приказ немедленно выехать навстречу наступавшим немецким частям, под Нару. Второй наш батальон дрался под Боровском, потом под Редькином, Куприном. Потери были очень большие, но дрались крепко. У нас было мало снарядов и умения не было.

Под Редькином я получил сведения, что в Редькине лежат раненые, а за Редькином и Куприном идет бой. Туда выехал санитарный транспорт. Взяли две повозки и две девушки-дружинницы. Шел снежок, уже паршивая погода была, холодно. Мне как-то не по себе, только, думаю, не нарвались бы они на немцев. Сел на лошадь Зорьку, нагнал их.

Подъезжаем с задов к Редькину. Тихо, слегка постреливают. Подъехали к одному из сараев, вдруг жесточайшая стрельба и из-под Редькина отходит 8-я рота, а немцы бьют по ней. Те стреляют, и эти стреляют, а мы посреди. Смотрю на своих, нет, ничего, сидят спокойно, кони стоят. Санитар Петин верхом был. Говорю ему:

– Все-таки надо попытаться узнать, нет ли в деревне раненых, может быть, успеем их забрать.

– Сейчас, – говорит, – я быстро проскочу.

А немцы уже на окраине стоят. Он быстро проскакал, у каждой избы остановился, спросил, прискакал обратно, говорит, что раненых уже нет, всех эвакуировали. Я говорю:

– Ну что же, товарищи, надо отодвигаться. Отойдем в ближайшее селение.

Только отошли от сарая, немцы нас увидели, стали класть мины. Въехали в лес, там стали. Мины, когда стоишь за прикрытием, не так страшны, но приятного мало. <...>

В период боев под Москвой у нас перевязочный материал, медикаменты были, а в период работы под Смоленском они появились только во второй половине. <...>

Наши части вначале дрались на рубеже Редькино – Куприно – Отрепьево, потом отошли на дер. Козельское. Тут наши части сильно поредели, были измотаны в боях. Часть из них с отдельными помощниками начальников штабов или с самим начальником штаба вышла в район Наро-Фоминска, а командир полка был в Корякове. Там же был весь штаб, обозы, санитарная служба полка; и я как начальник санитарной службы получил приказание двигаться в Деденево. Туда уже отошел и обоз 2-го полка. В Деденево я почувствовал, что дело пахнет гарью, нужно организовывать оборону. Запретил людям раздеваться, раскладываться. Из Корякова я отправил, используя весь наличный транспорт, 42 повозки с ранеными. Там раненых, которых удалось эвакуировать с поля боя, я отправил всех. Назначил санитаров на каждое звено и отправил их в госпиталь.

Первое время до августа у нас было четыре санитаров и одна фельдшерница на полковом пункте, а в батальонах были командиры санитарных взводов, женщины-фельдшерицы, а в одном – мужчина-фельдшер. Из женщин была одна ополченка, одна мобилизованная и фельдшер-ополченец. При некоторых из них была 1-2 сандружинницы. Уже потом постепенно начали они оформляться в том виде, какой должен быть в полку. Санитарные роты как следует формировались в полку уже в августе месяце. Тогда санитаров было столько, сколько нужно. Получили транспорт в конце августа.

В Деденево неожиданно нас атаковали немецкие передовые части, которые обошли нас. Вдруг они подняли шумиху. Я поставил на оборону и санитарную роту с таким расчетом, чтобы выйти на зады деревни. Мне удалось вывести через середину деревни всех без потерь. Люди были дисциплинированные, вывели все обозы, все медикаменты, транспорт. По ложине отошли на грунтовую дорогу. Шли некоторое время по этой дороге. Потом углубились в лес, где шла наша артиллерия, отходящая на Слизнево. Причем не было директивы, куда отходить. Посоветовавшись с командиром артчасти, который имел твердое указание отходить на Слизнево, я тоже принял решение отойти туда и там задержаться. Шли мы Деденевским лесом, и перед нами предстало тяжелое зрелище: жгли все, что нельзя было вывезти. Какой-то повозочный везет ящики. Вижу, он распрягает коней. Спрашиваю:

– Что ты делаешь?

– Да вот, на что они теперь мне, все равно не могут везти.

Я ему категорически запретил бросать коней. Поехал. Через полчаса этот повозочный догоняет нас. Вид у него залихватский, по-видимому, выпил. Он был обвязан огромными кусками сала вокруг груди, спереди и сзади и перетянулся кушаком. К седлу у него тоже было привязано два куска шпика. В руках у него был огромный нож, и он желающим товарищам отрезал куски сала. Подъехал к одной из фельдшерниц, Власовой, и предложил ей кусок сала. Она посмеялась с ним, поговорила, и он отрезал ей кусок сала. Потом подъехал ко мне, говорит:

– Что же, командир, а ты не хочешь? Смотри, потом пожалеешь.

Он подъехал ко мне, отрезал кусок сала. Я взял его, и оно очень пригодилось, потому что с питанием у нас было не очень хорошо. По дороге подобрали ящик с концентратами. Этого бойца, обвязанного салом, как средневековыми доспехами, я никогда не забуду.

Оттуда вышли к Слизневу. Моста не было. Уже вечерело. Стали перебираться вброд. Часть переехала на повозках, часть верхами. А на той стороне был почти отвесный берег. У нас было около 25 повозок. Их пришлось поднимать буквально на руках. Ввиду того что не было видно, куда двигаться, было уже темно, один из товарищей встал с керосиновой лампой. С этой лампой люди поднимали повозки. Потом я подивился их выдержке и героизму своеобразному, потому что устали дико, измотаны, очень долго шли.

Вытащили таким образом весь обоз к Слизневу. Оно было забито отходящими частями. Поспали там часа 3-4 и на рассвете вышли в направлении к штабу дивизии, нашли его. Это было в Каменском. Оттуда получили указания о дальнейшем движении. Через некоторое время у меня связь с дивизией была потеряна, поскольку мы отошли на пару километров. Телефонов не было никаких. Потом послали туда. Оказалось, там штаба дивизии уже нет. Это было в октябре.

Все время я был в километрах 5–6–8–10 от дивизии. Придет один товарищ из дивизии, говорит: двигайтесь в направлении, скажем, Мачихино, там много обозов. Пришли в Мачихино, там никого нет. В конце концов я решил пойти в Руднево.

Люди устали, измучились, хлеба не было, но народ был дисциплинированный. Приходишь один, организуешь круговую оборону для того, чтобы не попасться к немцам.

В одно из моих пребываний в деревне неожиданно для себя поймал шпиона. Это было очень любопытно. Привели одного, стали его допрашивать. Он несколько путался в ответах. В конце концов оказалось, что он не немецкий шпион. Сознался он полностью, указав, что ему передан был пароль. Юзик его фамилия. Отправили его в штаб дивизии. Штаба дивизии не нашли, передали его заградительному отряду. Потом я узнал, что он все-таки попал в штаб дивизии. Там в особом отделе его допросили и отправили в штаб армии.

Собрали большое количество оружия. Когда я пришел на боевой рубеж, привез с собой две большие телеги с оружием: 2 пулемета, 2 ППШ, один исправный.

В Рудневе я узнаю, что где-то недалеко штаб армии. Обрадовался, думаю, что сейчас узнаю, где находится штаб дивизии. Приезжаю туда. Бунин, начальник отдела кадров, встретил меня в штыки. Я говорю:

– Надо сначала спросить, у меня часть полностью цела. Я хочу знать, где находится дивизия, чтобы в конце концов ликвидировать это неопределенное положение.

У меня было разослано три связных, которые искали дивизию. Мне сказали, что дивизия находится на Волковской Даче, а вечером приезжает связной, привозит мой рапорт с надписью командира дивизии, который предлагает прибыть на Волковскую Дачу. Организовали там что-то вроде медсанбата. Но все сидят без перевязочного материала. А тут бой идет, раненые. Стали мы в Могутове и с места в карьер занялись оказанием помощи.

4 ноября я из санотдела армии получил приказ принять санитарную службу дивизии.

У меня было тяжелое время боев под Атепцевом. Я пропускал через медико-санитарный батальон до 700 человек. Это были латышские части, 338-ю к нам присоединили, так что мы буквально задыхались. Здесь многих товарищей я представил к правительственным наградам. Некоторые работники по несколько суток не ложились спать.

Среди врачей москвичей мало, а девушек-добровольцев много. Прекрасно работала одна сестра 2-го батальона под Боровском. Там она под огнем, когда наши части отошли, шли остатки, ухитрилась в этот момент эвакуировать до 80 раненых без всякого заполнения документации, просто составляла список. Там у меня был хороший эпизод в связи с работой одного санитаря. Был бой под Куприном, и был ранен лейтенант Попков, Вызвался его вытащить санитар Розов. Я ему говорю:

– Давай попробуем как-нибудь вытащить его оттуда.

– Ну что же, давайте вытащим. Я пойду, – и пошел за несколько километров к самой деревне.

Мы, правда, подтащили повозку к самой опушке, и Розов вытащил его прекрасно.

Источник: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 27. Д. 1. Л. 33–41.

«Пулеметчики народного ополчения»

Очерк ополченца Я.Б. Гринвальда

Они пришли на сборный пункт Куйбышевского района Московского народного ополчения, движимые одним желанием: с оружием в руках защитить свою страну, свою Москву, своих близких от предательского удара напавшего на нас коварного и хитрого врага. Люди самых различных возрастов, начиная с 60-летних стариков и кончая юношами-допризывниками, они по первому зову правительства и партии записались добро-

вольцами, чтобы грудью своей противостоять напору озверевшего фашизма, чтобы отдать свои силы и, если нужно будет, – жизнь за Родину, за Сталина.

Было это 6-го июля. В одной из московских школ собралась группа ополченцев, назначенная в 1 пулеметную роту N-го стрелкового полка. В подавляющем своем большинстве группа оказалась состоящей из представителей советской трудовой интеллигенции, поднявшейся вместе со всем народом на защиту страны социализма. Локоть к локтю встали в строй агроном Первов, инженер-технолог Веденский, зоотехник Абрамов, журналисты Котельников¹, Россельс², Фонштейн³, профессор русской литературы, кандидат филологических наук Гречишников, фотолаборант Голубец, научный работник – археолог Низиков, кандидат экономических наук Воловик, учитель Романовский, бухгалтеры Викентьев и Николаев, инженер Горелов, экономист Шибаев и десятки других работников культуры, науки, техники, сменивших свой мирный труд на дело войны в грозный час великого испытания, переживаемого нашей Родиной.

Группа добровольцев, назначенная в пулеметную роту, разделенная на взводы и отделения, одетая в красноармейскую форму, через день превратилась в сформировавшуюся воинскую часть.

Нелегко было людям мирного труда, многие из которых никогда не служили в армии и возраст которых далеко перевалил за тридцать, перестроиться на военный лад, привыкнуть к воинской дисциплине, к строгому, размеренному распорядку военного быта, к быстроте, подвижности, четкости. Но час за часом менялась психология вчерашних советских служащих, кабинетных работников. Движимые великим желанием как можно скорее завоевать право получить оружие, освоить его и, освоив, выступить на фронт для борьбы с врагом, люди сами перевоспитывали себя, своих товарищей, освобождаясь от старых привычек и приобретая новые, необходимые бойцу-красноармейцу навыки.

В ночь на 12 июля дивизия Куйбышевского района выступила из Москвы. В прифронтовой полосе, в лесу, где полки дивизии расположились лагерями, пулеметная рота N-го полка, получившая уже к этому времени вооружение, приняла воинскую присягу. Торжественно повторяли слова священной клятвы пулеметчики, обещая в совершенстве овладеть оружием, быть готовыми в любую минуту бить врага, до последней капли крови бороться за свободу, независимость и честь своего народа.

Прошли недели. Дивизия Куйбышевского района влилась в ряды действующей армии. Стоящая пока в резерве, дивизия упорно готовится

¹ Котельников Борис Борисович (1913 – ?) – писатель, редакционный работник, военный журналист. (*Здесь и далее Примеч. ред.*)

² Россельс Владимир Михайлович (1914–2000) – переводчик, литературовед, литературный критик, военный журналист.

³ Фонштейн Александр Самойлович (1903–1944) – журналист, редакционный работник.

Пулеметчики 110-й стрелковой дивизии готовятся к боям. Лето 1942 г.
(Источник: НА ИРИ РАН)

к будущим встречам с врагом. С самого раннего утра до позднего вечера во всех частях и подразделениях дивизии идут занятия – строевые, по освоению материальной части оружия, по стрельбам и тактике. Не теряя ни одной минуты, настойчиво, энергично осваивают курс военных знаний и пулеметчики – представители московской трудовой интеллигенции, ушедшие на фронт добровольцами.

Замечательных успехов добились пулеметчики народного ополчения за короткие дни своей учебы, этой генеральной репетиции грядущих боев с фашистскими ордами.

Отличными младшими командирами стали за эти дни бухгалтер Викентьев, получивший под свое командование сначала отделение, а потом взвод, редактор журнала «На суше и на море» Котельников, по праву считающийся одним из лучших командиров отделений в роте, техник Стаканов и другие.

Прекрасно овладели материальной частью пулемета почти все бойцы роты. На днях в роте состоялось интересное соревнование на скорость разборки и сборки пулемета. Рекорд поставил наводчик пулемета, инженер Веденский, собравший и разобравший свой пулемет в течение 80 секунд.

Хороших показателей добились пулеметчики и по стрельбе; благодарности за меткую стрельбу успели уже удостоиться несколько бойцов и младших командиров роты: наводчик пулемета, кандидат экономических наук Воловик, один из пулеметных «номеров» комсомолец Макаров,

командир отделения, зав. производственным отделом одного из предприятий Москвы Лаврентьев, давшие из пулемета 100 процентов попадания в цель, боец агроном Первов, показавший такие же результаты при стрельбе из винтовки, и многие другие.

С подлинным интересом занимаются пулеметчики тактикой. Пулеметное отделение в обороне и наступлении; форсирование реки под перекрестным огнем неприятеля; ведение разведки боем – все эти и другие темы тактических занятий благодаря общей увлеченности, с которой бойцы пулеметной роты проводят «условные» бои, развиваются в живые наглядные уроки, воспитывающие и тренирующие опыт, волю, выдержку, выносливость, необходимые для будущих настоящих боев.

Наряду с боевой учебой пулеметчики народного ополчения старательно повышают и свою политическую подготовку, которая ведется в роте в тесной связи со всеми текущими событиями.

Днем и ночью пулеметная рота, вместе с другими частями своего полка, своей дивизии несет охрану района. Она выставляет караулы, посты, полевые дозоры. Зорко вглядываются вдаль пулеметчики, несущие наряды по сторожевой службе, охраняющие спокойствие своих товарищей, готовые ко всяким неожиданностям и способные дать отпор врагу, если бы он внезапно появился.

Дни боевой учебы пулеметчиков народного ополчения приближаются к концу. Пройдет еще немного времени, и командир пулеметной роты лейтенант Рагозин и политрук Винокуров отрапортуют командованию – пулеметная рота к бою с фашистами готова.

Яков Гринвальд

Действующая армия

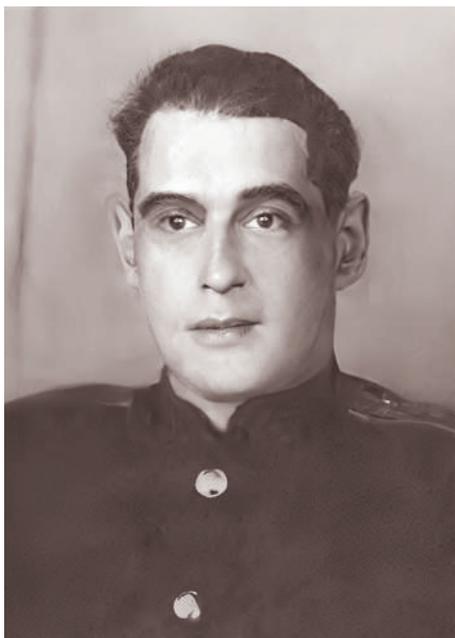
Август <1941 г.>

Мой адрес: Полевая почта 754. 3 стрелковый полк, 1 пулеметная рота, мне.

Источник: ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 27.

Д. 23. Очерки об ополченцах. Л. 7–13.

Автобиография и письма с фронта ополченца А.А. Аникста

Писатель, ученый, литературовед, шекспировед, педагог, историк театра, театральный критик (1910–1988).

В июле 1941 г. А.А. Аникст, преподаватель Московского государственного педагогического института иностранных языков, стал ополченцем 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. С лета 1941 до 9 ноября 1943 г. А.А. Аникст в составе 110-й стрелковой дивизии: красноармеец химзвода, в резерве политинструкторов, агитатор, лектор, начальник библиотеки дивизионного клуба; рядовой, мл. политрук, гв. капитан.

В 1944 г. А.А. Аникст был отозван в Москву в Военный институт иностранных языков, где организовал и возглавил кафедру всеобщей и национальной литературы.

А.А. Аникст – заслуженный деятель искусств РСФСР (1987), председатель Шекспировской комиссии, заместитель председателя Гётевской комиссии АН СССР. В 1974 г. был удостоен степени почетного доктора Бирмингемского университета; был членом Международной шекспировской ассоциации, Международной ассоциации театральных критиков. Его статьи публиковали в зарубежной научной периодике.

Правительственные награды А.А. Аникста: медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; орден Дружбы народов (15.07.1980), орден Отечественной войны 2-й степени (06.04.1985).

24 декабря 1988 г. А.А. Аникст скончался на своей даче в подмосковном поселке Переделкино. Похоронен на Ваганьковском кладбище Москвы.

Автобиография А.А. Аникста

Я, Александр Абрамович Аникст, родился 16 июля 1910 г. в Цюрихе, Швейцария, в семье политэмигрантов из России. В 1917 г., когда мне было 7 лет, семья вернулась в Россию. Отец и мать участвовали в Великой Октябрьской социалистической революции, были на ответствен-

ной государственной работе до 1937 г. Отец умер в 1938 г. Мать умерла в 1959 г.

Я окончил семилетку в Москве, здесь же учился на рабфаке и в 1930 г. поступил в Моск[овский] гос[ударственный] педагогич[еский] институт (ныне имени Ленина) на факультет русск[ого] языка и литературы, который окончил в 1933 г., и был принят в аспирантуру того же института по кафедре всеобщей литературы. Окончил аспирантуру в 1936 г.

В 1936 стал преподавателем зарубежной литературы в Литературном институте Союза писателей, в 1936 г. – в Моск[овском] гос[осударственном] пед[агогическом] институте иностр[анных] языков (ныне им. М. Тореза). В июле 1941 г. ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях Вел[икой] Отеч[ественной] войны на Западном фронте, в октябре 1943 г. был контужен, вскоре после чего отозван в Москву в Воен[ный] институт иностр[анных] языков, где организовал и возглавил кафедру всеобщей и национальной литературы. В 1949 г. демобилизовался, два года читал лекции в ГИТИС им. Луначарского. В 1952–55 гг. работал по договорам с издательствами. Вступил в Союз писателей (1954).

В декабре 1955 г. был принят старшим научным сотрудником в Институт истории искусств (ныне ВНИИ искусствознания), где работаю до сих пор.

Г.Н. Бояджиев, А.К. Дживелегов, А.А. Аникст (справа),
коллеги по Институту истории искусств. 1940-е гг. (Источник: РГАЛИ)

Ученые степени и звания: кандидат филологических наук – 1940, доцент – 1945, старший научный сотрудник – 1946, доктор искусствоведения – 1963.

В декабре 1941 г. был принят кандидатом в члены КПСС на фронте под Москвой. В апреле 1942 г. принят в члены КПСС.

Имею правительственные награды – орден Дружбы народов и медали за участие в Отечественной войне и службу в Советской армии.

В 1974 г. по представлению Шекспировского института Великобритании Бирмингемский университет присвоил мне почетную степень доктора литературы.

Являюсь председателем Шекспировской комиссии и заместителем председателя Гётевской комиссии Научного совета по истории мировой культуры АН СССР, членом которого я также состою.

4 октября 1984 г.

А. Аникст

Источник: РГАЛИ. Ф. 3116. Оп. 1. Д. 502. Л. 1.

Письма с фронта ополченца А.А. Аникста

*Письмо А.К. Дживелегову¹.
6 марта 1942 г.*

Дорогой Алексей Карпович!

Из двух источников я знаю, что Вы мне написали письмо, которое, вероятно, на днях дойдет. Пишу Вам, не дожидаясь его. <...> Чувствую себя, вообще говоря, очень хорошо. Только две вещи заставляют екать сердце.

Первое – отсутствие вестей от Миши² с октября 1941 г. – уже 5 месяцев. Правда, я не теряю надежды, но самый факт молчания говорит о том, что мой дорогой друг попал в какую-то беду. Хочу, однако, верить, что самого худшего не произошло. Кроме моих личных чувств к нему, испытываю боль и за нашу науку, в которой он был одним из самых солидных молодых работников.

Второе, терзающее меня, – планы всевозможных работ.

19 октября, еще когда мы отступали, моя рота попала в тяжелый переплет. Мы были в лесу, окруженные с одной стороны танками, с другой – автоматчиками. Положение казалось безвыходным. Некоторые уже прощались друг с другом и с жизнью. Ко мне подошел один бывалый че-

¹ Алексей Карпович (Карапетович) Дживелегов (1875–1952) – русский и советский историк, политический деятель, советский историк и искусствовед, доктор искусствоведения, переводчик. (*Здесь и далее Примеч. ред.*)

² Заблудовский Михаил Давидович – литературовед, ополченец 17-й дивизии народного ополчения. Погиб в 1941 г.

ловец, участник войны 14–18 года, и трясущимися губами произнес: «Пропали!».

А я не верил этому. Я лежал под деревом на опавших осенних листьях, сжимая в руках приклад винтовки и слушая свист пуль над головой, спокойно думал о повести, которую замышлял написать, о незаконченном учебнике истории английской литературы, о монографии, посвященной Шекспиру, и еще об одной, я бы сказал, литературно-патриотической работе. Хотите верить, хотите – нет, но я был абсолютно спокоен, мысли мои текли ровно, систематически.

Как Вы знаете, ничего катастрофического в тот раз не произошло. Мысли о моей любимой работе всегда со мной и не покидают меня, чем бы я ни занимался. Меня очень увлекает агитпропробота¹, но, конечно, не настолько, чтобы заслонить мои самые задушевные литературно-критические интересы. У меня почти нет здесь книг, которые хотелось бы иметь, но пока хватает переварить и того, что есть в памяти. <...>

Простите, что пишу Вам такое сугубо «штатское» письмо. Под военной шинелью все-таки сидит еще штатский человек.

Жду от Вас, чтобы Вы меня приятно расстроили новостями о Вашей и других товарищей научной работе. Как замечательно и как показательно для нашей страны, что даже война не может остановить нашего культурного и научного развития. Искренне любящий Вас А. Аникст.

P.S. Ради бога, не давайте моего письма в стенгазету, а то как напишу кому-нибудь, так тискают в стенгазету. А.А.

*Письмо А.К. Дживелегову.
27 сентября 1942 г.*

Дорогой Алексей Карпович!

Многие мне пишут о Вас, и по описаниям моих друзей я вижу, что Вы все тот же бодрый и жизнерадостный гуманист, каким я Вас знал в дни мира. <...>

Думаю, что мы, литературоведы, зря скептически подтруниваем над сентиментализмом. В суровой обстановке войны, содержащей в себе столько человекоубийства и разрушения, я с особенно большой силой почувствовал ценность таких чувств, как любовь и дружба. Каждый день приходится видеть столько жестокости, бесчеловечности, низости, что бывают моменты, когда понимаешь мнение Свифта о роде человеческом. Но это – только моменты, и понять это я могу лишь абстрактно. Потому что над всеми ужасами войны господствует ясно видимый мне идеал гуманности.

Я чувствую себя солдатом армии, которая сражается за все лучшее и истинно человеческое. <...> Идеал гуманности я называю зримым, ибо

¹ Агитпропробота – агитационно-пропагандистская работа.

вижу его каждый день проявляющимся в поведении наших людей. Если бы Вы только знали, как легко и быстро возникает дружба в нашей среде! Дружба – настоящая, не останавливающаяся перед высшим самопожертвованием. Люди, внешне кажущиеся грубоватыми, на деле проявляют самые нежные чувства по отношению к своим товарищам. Я мог бы рассказать Вам не об одном десятке людей, которые в разные моменты протекшего года сделали для меня то, что делают только для близких и дорогих людей. Не раз случалось, что человек, с которым я был знаком всего только неделю, спасал меня от смертельной опасности тогда, когда ничто не мешало ему спокойно пройти мимо меня и отвернуться от моей судьбы.

Хочу, чтобы Вы мне поверили, что лучшие, самые человеческие люди на фронте – коммунисты. <...>

Война потребовала от людей, чтобы они выявили свою сущность, ибо она отвергла громкие слова и потребовала дел. В пламени грозных событий войны все нестойкое расплавилось, а подлинная человечность закалилась. И вот я заметил на фронте, что в партию идут люди, способные на возвышенное самопожертвование. Им подчас не хватает не только знаний, а элементарной грамоты, они не всегда уверены в том, кто у нас председатель Совнаркома и кто – нарком по иностранным делам. Но все они твердо знают, что нельзя допустить, чтобы свободные люди превратились в рабов, они хотят избавить от страданий незащищенных женщин, стариков и детей, их сердца загораются гневом, когда они видят доказательства попрания врагом элементарной человечности. Они никогда не слышали о Петрарке, Фачино, Эразме и Море, они едва ли когда-нибудь узнают о них, но разве это им мешает быть – и главное действовать! – подлинными гуманистами? У нас бывает обычно так, что всякий проникшийся до глубины души сознанием того, что нельзя давать в обиду человека, стремится в партию, чтобы наиболее активно бороться за этот простейший и возвышеннейший идеал.

Гуманность фронтовых коммунистов не имеет ничего общего с мягкотелой слабостью, она мужественна и действенна. Коммунист – это тот, кто не отступит, сколько бы врагов против него ни шло. Коммунист – это тот, кто первым поднимается в атаку. Коммунист – это тот, кто с наибольшей беспощадностью уничтожает фашистское зверье, стремящееся убить человечность.

<...>

Дорогой Алексей Карпович! Вас не удивит, что я выкинул из своей маловместительной походной сумки кое-какое барахло, чтобы было где хранить и всегда иметь с собой «Короля Лира», «Прикованного Прометея», томик Пушкина и книжечку английских баллад. «Гамлет» у меня миниатюрный, карманный, и с ним я ни на миг не расстаюсь, т.к. раздеваться приходится очень-очень редко. Бывают такие паузы в нашей походной жизни, когда можно почитать.

Недавно я собрал вокруг себя несколько комсомольцев и прочитал им трагедию Эсхила. Конечно, они никогда не слышали этого имени, не знали ничего не только о Прометее, но и об античности вообще. Я коротенько рассказал им об Элладе (отнюдь не напоирая на то, что там был рабовладельческий строй), а затем стал читать трагедию. Знаете, они были так захвачены, что не разрешали пауз для того, чтобы я мог покурить. Они горячо сочувствовали Прометею, которого они восприняли как-то очень по-современному. Зевс им явно представлялся как олимпийский Гитлер, а его приспешники – фашистами. В Прометее они верно почуяли героя, не покоряющегося олимпийскому фашисту, продолжающего борьбу, несмотря на всю трудность своего положения. Видите, как актуален оказался Эсхил (между прочим, они так и не поверили мне до конца, что вещь была создана 2,5 тысячи лет тому назад).

Разве этот маленький факт не многозначителен? Мне он ясно говорит о том, что мы боремся не только за нашу землю, за наш народ, за нашу культуру, но и за всю мировую культуру. Да, в войне, которую мы ведем, Эсхил и Данте, Сервантес и Шекспир, Гете и Байрон также с нами и за нас, как Пушкин и Толстой. Между прочим, среди многого, что я лучше понял на войне, – «Божественная комедия». <...> Жестокая борьба, активным участником которой я являюсь, родила в моей душе такой же размах чувств – от ненависти, не знающей границ, до беспредельной любви. <...>

Многое у нас будет иначе и лучше по окончании войны, чем было до нее. В том числе и литературная критика. <...> Мы будем учить понимать литературу по-человечески. Тогда у нас появятся и свои Белинские и Добролюбовы. А пока – ради того, чтобы так стало, – надо сражаться с фашистами.

Я почти подошел к середине своего жизненного пути – мне 32. Не знаю, суждено ли мне будет пройти его до конца. Но теперь я вступаю в тот период зрелости, когда мне, среднему москвичу, как некогда великому флорентийцу, хочется окинуть взглядом весь мир, землю и небо, прошлое, настоящее и будущее. Я горд своим участием в великой битве, которая завершится победой человечности. В сердце моем живут ненависть и любовь, и, как у Данте, – надо всем господствует любовь, которую хочется доказать и выразить тем, к кому она обращена. <...>

Шлю Вам свой самый горячий, сердечный привет.

Желаю Вам бодрости, сил и здоровья.

Ваш Аникст

*Письмо А.К. Дживелегову.
7 апреля 1943.*

Дорогой Алексей Карпович!

Вы не должны сердиться на меня, что я редко пишу Вам. Ведь наши отношения не измеряются интенсивностью переписки. <...>

После месяца бурных боев, завершившихся большими победами, наступило временное затишье. В часы досуга, а такие бывают и на фронте, я – в зависимости от настроения – то скриплю пером, делая наброски людей и событий, то предаюсь мыслям о той работе, в которой мы были и будем еще рядом.

Я замыслил книгу о том, что увидел на войне. Не все еще мне ясно в ней, но главное я твердо решил для себя: хочу написать правду. А это, вероятно, самое трудное. Не так уж сложно сплести красивые словесные узоры о чем бы то ни было. А вот написать правду, – ох, как трудно, даже когда знаешь, какая она и в чем она. <...>

Хочется поговорить с людьми о том, с чего война сорвала покровы, о жизни нашей, о человеческих ценностях, об истине и справедливости. <...> Я не то и не о том хочу сказать, о чем писал флорентиец. Здесь нет и не может быть сравнения ни в каком отношении, кроме одного. Мне хочется быть таким же дерзко смелым, таким же беспощадным в осуждении того, что недостойно человека, и таким же категоричным в описании величия человеческого. <...>

Но критик отнюдь не умер. Наоборот, тоже хочет творить. Я прочел самому себе несколько лекций: о Данте, Шекспире, Вольтере, Руссо, Стерне, Бальзаке, Стендале, Диккенсе, Теккерее, Толстом, Горьком. Скажу Вам по секрету, таких лекций Вы никогда не слыхали. Они очень субъективные. Но лекции эти – просто от души. <...> Кроме того единственного слушателя, которого эти лекции пока имели, я надеюсь организовать и более широкую аудиторию для них. И хотя они совсем не академичны, но на беду какого-нибудь декана и зав. кафедрой, они будут обязательно прочтены мною с кафедры. <...>

Как видите, я настроен воинственно. Я не преувеличиваю своих сил и возможностей. Но я сделаю все, что будет в моих силах, и больше того, чем будут позволять возможности.

Жестокость, тупость, хамство, глупость, лицемерие, ложь, коварство, измена – сколько их, этих врагов рода человеческого! Я счастлив, что завоевал право говорить: я сражался против них с мечом в руке. Но я хочу повоевать с ними и пером. К тому же они ведь обитают не только в чужих краях и у других народов. <...>

Сердечный привет.

Ваш А. Аникст

7. 4. 1943.

Дорогой Алексей Карнович!

Вы не должны сердиться на меня, что я редко пишу Вам. Ведь наши отношения не измеряются интенсивностью переписки. Вы общий знакомый Вам должно быть известно о моей благополучии, и я не вижу нужды напоминать Вам слишком часто о самом факте моего существования. Так же и мне сообщают о Вас регулярно.

Но вот сегодня возникла потребность написать Вам, мой дорогой. Вытисни, ибо переутомленное и переуслованное мною за последние несколько дней как-то особенно интимно связано у меня с Вами.

Теме месяца бурных боев, завершившихся большим победным наступлением временное затишье. В часы досуга, - а такие бывают и на фронте, - я в зависимости от настроения - то скривлю пером, делаю наброски идей и соображений, прошедших близко от меня, то предаюсь мыслям о той работе, в которой мы были и будем еще рядом.

Я закончил книгу о том, что ~~увидел~~ на войне.

Письмо А.К. Дживелегову.
24 ноября 1943 г.

Дорогой Алексей Карпович!

<...> Я теперь работаю в редакции газеты при одной части. Работа увлекательная, и газета у нас выходит неплохая. Условия работы, конечно, обычные – фронтовые, и этим все сказано.

Мои старые интересы не покидают меня. И хотя <...> хлопоты Академии, в которых Вы приняли участие, окончились ничем, я думаю, что ничто не может оторвать меня от мыслей о научной работе.

Последнее время стал увлекаться философией, жалко только, что мало свободного времени и еще меньше – книг. В частности, меня заинтересовал вопрос о влиянии Платона на итальянское Возрождение. Знаю, что оно было велико.

<...> Вопросом о платонизме я начал заниматься перед самой войной и собирался поразить всех моих друзей кое-какими открытиями по этой части. Вообще война прервала многие начатые мной работы, но я не теряю надежды вернуться к ним по окончании грозных событий. Теперь конец войны уже виден. Надо, однако, сказать, что никогда раньше бои не были столь ожесточенными, как теперь. Тем больше цены имеют наши успехи, значение которых, кстати, не всегда измеряется величиной того населенного пункта, за который идет бой.

Кажется, Институт мировой литературы начинает оживать и работать по-настоящему. Рад этому. Над чем работаете теперь Вы? Что пишете?

Буду рад получить письмо от Вас.

Сердечный привет. Ваш Аникст.

Источник: РГАЛИ. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 207.

Стенограмма беседы с П.С. Прощицким (8–10 июля 1942 г.)

Беседу проводит зав. отделом истории войсковых частей, прикомандированный от ГЛАВПУРККА батальонный комиссар тов. А.Л. Сидоров. Запись ведет стенографистка А.И. Шамина.

Тов. Прощицкий Пинхос Соломонович, 1901 г. рождения, член партии с 1919 г. Учился в Ком[мунистическом] университете. Окончил аспирантуру Института экономики, РАНИОН. Учился с 1927 по 1930 г. Работал

в Наркомтяжпроме и 7 лет начальником политотдела совхоза. Преподавал на курсах марксизма в Москве, в Высшей пограничной школе и последний год перед войной сперва работал в политуправлении Наркомата совхозов и затем заместителем начальника Главного управления учебных заведений.

Я руководил агитколлективом наркомата. Очевидно, в связи с этим меня 5-го¹ вместе с другими товарищами райком партии вызвал для отбора на политработу в создаваемую дивизию народного ополчения. В результате этого отбора меня назначили инструктором по пропаганде <...> 1-го полка. Приняла нас Шахова² как председатель Чрезвычайной тройки³. Очень активное участие принял второй секретарь Каплан. Им помогали уже к тому времени выделенный МК⁴ военком дивизии Бормотов⁵, тогда заместитель командира по политчасти, его заместитель Змеул⁶, который впоследствии стал начальником политотдела. Активное участие принял Митрофанов⁷, выделенный МК на работу в 1-й полк. Это тоже ополченцы, но так как вначале МК набрал руководящую группу политруков на должности заместителя командира по политчасти, военкомов полков, то они приняли участие 5-го числа в отборе кадров старшего и среднего звена.

Все политруки дивизии были народные ополченцы, а комсостав – в большинстве кадровый состав, направленный к нам МВО, в том числе и командир дивизии, старый боевой командир, участник финской кампании, полковник Гладышев⁸, теперь гвардии полковник 29-й гвардейской дивизии. На должности начальников штабов как дивизии, так и полков была направлена группа слушателей военной академии с последнего курса, в частности, теперешний начальник штаба Юрин⁹, Брагин¹⁰ – начальник штаба 3-го полка, начальник штаба 1-го полка капитан

¹ 5 июля 1941 г.; далее речь об июле 1941 г. (*Здесь и далее Примеч. ред.*)

² Шахова Надежда Михайловна – секретаря Куйбышевского РК ВКП(б).

³ Чрезвычайная тройка – орган, отвечающий за формирование дивизии народного ополчения в Куйбышевском районе; состоял из секретаря Куйбышевского РК ВКП(б) Н.М. Шаховой, председателя райисполкома Н.С. Юрченкова и районного военного комиссара Сысоева.

⁴ МК – МК ВКП(б), Московский комитет ВКП(б).

⁵ Бормотов Александр Иванович (1903–1942) – военный комиссар дивизии.

⁶ Змеул Афанасий Андреевич (1904–1972) – начальник политотдела дивизии, полковой комиссар.

⁷ Митрофанов Сергей Викторович (1895–?) – военный комиссар 1-го (1287-го) стрелкового полка, позже заместитель начальника политотдела дивизии.

⁸ Гладышев Степан Трофимович (1902–1988) – полковник, командир 1-го стрелкового полка, позже командир 110-й стрелковой дивизии.

⁹ Юрин Алексей Николаевич (1905–1944) – начальник штаба, позже командир 110-й стрелковой дивизии; Герой Советского Союза (1944).

¹⁰ Брагин Василий Георгиевич (1909–1975) – капитан, начальник штаба 3-го стрелкового полка, затем начальник штаба дивизии.

Изыксон¹, погибший во время боев на р. Нара. Даже и средний комсостав, командиры батальонов, рот были в значительной своей части кадровыми людьми, а в некоторой части были командиры запаса. Например, в нашем 1-м полку командиром 1-го батальона был майор Лев², командир запаса, не порывавший с военной работой. Он работал в каком-то вузе военруком. Командиром нашего полка был в самом начале Гладышев, а командиром дивизии два дня был генерал-лейтенант³, но через два дня его отозвали, и в течение нескольких недель, до середины августа, командиром дивизии был полковник Борисов⁴, назначенный вначале начальником штаба. В середине августа его отозвали на другую работу, и командиром дивизии был назначен командир 1-го полка тов. Гладышев.

6-е число было днем сбора всех ополченцев. Наш полк был расположен в Сверчковом переулке, кажется, дом 33, в здании школы. В Москве мы пробыли до 12-го числа, в течение этих шести дней проводилась организационная работа, когда народные ополченцы, во-первых, снимали свою гражданскую одежду и одевали военную. Мы имели только незначительную часть нового обмундирования. Предполагалось, что мы первое время будем вести оборонительную работу, поэтому основную массу бойцов одели в старое летнее обмундирование, довольно неприглядное с виду.

В течение этих шести дней происходило выделение политруков, командиров отделений. Дали нам очень небольшое количество винтовок самых разнообразных. Тут были и нашего образца, и польские винтовки, немножко немецких винтовок. Большинство не знали военного дела, не были в армии, занимались строевой подготовкой. Наконец 12-го числа нас вооружили лопатами, посадили на машины и автобусы, и мы выехали под Вязьму. Как потом обнаружилось, никто, в том числе и руководящий состав дивизии, точно не знал, какое мы получили задание, потому что все-таки ввели в заблуждение весь состав тем, что сказали, что мы выезжаем на очень короткий срок и не очень далеко, будем вести оборонительные работы, поэтому личные вещи с собой не брать. <...>

1-й полк имел компактную группу наркомсовхозовцев, значительную группу работников Центросоюза, некоторую часть работников Наркомвнешторга, Наркомфина. Таким образом, здесь была довольно большая

¹ Изыксон Семен Григорьевич (1909–25.11.1941) – капитан, начальник штаба, затем командир 1-го стрелкового полка. Погиб в районе Волковской Дачи Наро-Фоминского района Московской области.

² Лев Леонид Ефимович – ополченец (1890–22.10.1941), майор, командир 1-го батальона 1-го стрелкового полка, погиб в районе деревни Алексеевна.

³ Сидельников Андрей Никанорович (1895–1983) – генерал-майор, со 2 по 8 июля 1941 г. – командир 4-й дивизии народного ополчения.

⁴ Борисов Александр Дмитриевич (1893–?), 2 июля 1941 г. назначен начальником штаба 4-й дивизии народного ополчения, 9 июля 1941 г. принял командование над ней.

группа наркоматовских работников, служащих, в том числе и финансовых работников. В целом, подавляющая часть была служащих, некоторая часть людей интеллигентного труда, умственного труда. Но в этом полку один батальон – 2-й – был сформирован из колхозников, рабочих и служащих Лопасненского района. Этот батальон резко отличался по всему, в том числе и по возрастному составу. В 1-м и 3-м батальонах, состоящих из москвичей, преобладал средний возраст и даже была группа свыше 45–50 лет, которых мы потом откомандировали. Среди лопасненцев была группа большая зеленой молодежи. Тех, кто не имел 18 лет, отправили. Была значительная группа 1922, 1923, 1924 гг. рождения, которая осталась в дивизии.

Комиссаром полка был Митрофанов. Он впоследствии работал заместителем начальника политотдела и месяца полтора тому назад откомандирован в распоряжение политуправления фронта. Ополченец, участник Гражданской войны, почти бессменный член бюро московских райкомов. До ополчения он работал на почтамте начальником какого-то отдела по состоянию здоровья.

Комиссары батальонов и политруки были выдвинуты нами же в самом полку, отобранные из ополченцев часто квалифицированные политработники, имеющие, правда, тот недостаток, что значительная часть из них не имела военной подготовки, но очень сильные партийные работники.

Командир 1-го батальона, майор Лев, оказался потом очень храбрым командиром, теоретически подготовленным, но он был очень мало в курсе последних тактических знаний. Я помню, когда мы проводили с ним первые бои, у всех осталось такое впечатление, что этот человек пытался руководить боем, как мы руководили во время Гражданской войны. <...>

Командир 2-го батальона – майор Адамчик¹. Он оказался исключительно способным организатором и командиром, достаточно грамотным и наиболее сильным. Все операции, которые имели успешные результаты, были делом рук Адамчика. Нам удалось первое время несколько потеснить немцев. Эти операции проводил Адамчик и его батальон, когда отходил, но отходил более организованно, чем другие батальоны. Адамчик погиб под Нарой.

Командир 3-го батальона, командир запаса капитан Латышев², спортсмен, руководитель автомобильной секции Автодора. Он тоже оказался очень способным командиром, и потому мы его выдвинули начальником штаба полка, и им он был долгое время, до своего ранения.

Была у нас группа женщин, медработников. Наш медсанбат был организован из девушек-добровольцев Наркомата внешней торговли. Они до

¹ Адамчик Александр Иванович (1897–20.10.1941) – майор, командир 2-го батальона 1-го стрелкового полка.

² Латышев Степан Андреевич (1897–?) – капитан, командир 3-го батальона, позже начальник штаба 1287-го полка.

сих пор в значительной части остались в дивизии. На других работах девушек не было.

Эти шесть дней немножко учились боевой подготовке, больше знакомились друг с другом. В полку проводились беседы с бойцами, но регулярной работы не было.

Отсекром¹ полка был Сидоров², ответственный работник Наркомвнешторга, председатель объединения Разноэкспорт. В августе он ушел на работу военкома артполка и 1 декабря погиб в бою. Несомненно, квалифицированный партийный работник.

Мы 12-го числа выехали на автобусах из Москвы, 13-го были в Вязьме, и там произошел первый боевой инцидент. Мы попали во время налета немецких самолетов на Вязьму. Наши бойцы, малоопытные еще, по приказу командиров рассыпались по редкому кустарнику. Жертв не было.

Затем 15-го числа мы из Вязьмы переехали в село Андреевское, названное по имени секретаря ЦК А.А. Андреева, где он родился. Там дислоцировалась одна сибирская дивизия. Нас встретили командир и комиссар этой дивизии, говорят: «Хорошо, что вы прибыли», – и уверили нас в том, что имеют указание о прикомандировании нас к их дивизии. А дивизия была в действующей армии. И действительно, один день мы вели оборонительные работы по заданию этой дивизии. <...> Но потом выяснилось, что это является недоразумением, и мы остались как самостоятельная дивизия, имеющая свой участок обороны.

Во второй половине июля и в течение августа вся дивизия, в том числе и наш полк, выполняла оборонительные работы. Первые дни нас держали долго на одном рубеже. До 18-го числа мы были в Андреевском, нас перебросили километров за 30 в Днепрово, 20-го нас частично на машинах, частично пешком перебрасывают в Сычевку. В Сычевке пробыли до 24-го, и нас снова перебрасывают в Андреевский, в дер. Нероново.

В Сычевке наш полк принял активное участие в тушении пожара 22-го числа во время налета немецких самолетов, когда немцы сбросили свыше 100 зажигательных бомб. Наш полк был расположен в лесочке рядом с городом и немедленно бросился с лопатами на помощь. И население городка проявило стойкость, дисциплинированность, и в течение часа пожар был ликвидирован. В результате сгорел только один дом и один сарай. Несколько бойцов самоотверженно тушили бомбы, за что им командованием полка была объявлена благодарность.

Главным образом, мы делали противотанковые рвы, в некоторой части эскарпы³, немножко надолбов и очень мало окопов. Эта работа пред-

¹ Отсекр – ответственный секретарь партийного бюро.

² Сидоров Михаил Максимович (1899–01.12.1941) – ответственный секретарь партийной организации 1-го стрелкового полка, позже военный комиссар артполка.

³ Эскарп – противотанковое препятствие в виде отвесной крутой стенки на скате, склоне обороняемой местности.

ставляла большую трудность, а люди никогда не работали физически. Они работали очень напряженно и успешно и через несколько дней стали не только выполнять обычные задания, а стали их перевыполнять. Все работали, понятно, мозоли. <...> Соревнование было очень широко организовано: доска показателей, учет, боевые листки – это была стихия знакомая. Тут еще не пахло войной.

В конце июля числа 29-го к нам заехал Щаденко¹. Он тогда руководил оборонительными работами. Побеседовал с бойцами, был в дивизии и дал положительную оценку проделанной работе, объяснил важность этой работы, сказал: «Ваша дивизия эту работу хорошо выполняет, но сейчас перед нами стоит другая задача – это получить оружие и им овладеть».

4 августа нас перебросили в район дер. Задняя Пустошка, Медведки, Княжино, и в этом месте мы простояли месяц. Там мы уже освоили свои рубежи и проделали огромную работу. У ополченцев было глубокое неудовлетворение тем, что нам не дали оружия. У нас было некоторое количество винтовок, причем главным образом польских, французских, немецких, почти не было пулеметов. Мы требовали, чтобы народу выдали оружие. Несколько инцидентов у нас было, когда приехал с обследованием из Поарма 24² один полковой комиссар и удивился, что мы чего-то требуем от этой армии. По собственной инициативе, может быть, в порядке нарушения уставов, поехала делегация в Москву к Микояну³ жаловаться. Поехали Сидоров, Змеул через голову армии.

Тов. Микоян очень внимательно отнесся к этому вопросу, позвонил в МВО⁴. <...> Тов. Микоян распорядился дать оружие дивизии. Когда он узнал, что мы не имеем даже противогазов, говорят, по телефону ругал кого-то из МВО: «У вас все московские барышни ходят с противогазами, и они им одно место набивают, а люди поехали на фронт, и нет противогазов».

Через несколько дней к нам приехала комиссия из МВО, один генерал, обследовал положение. <...> Мы получили уже оружие, с помощью которого можно было и проводить учебу, и в случае необходимости боевые операции. Начинается период активной учебы. 4 часа в день мы работали на оборонительных работах и 6–8 часов проводили учебу. Люди занимались с упоением. Большая часть этих людей никогда не держала в руках винтовки. Надо было пройти элементарные вещи. Наш военком полка рассказывал, как его рассмешил ополченец Аникст⁵. Он стоял на часах

¹ Щаденко Ефим Афанасьевич (1885–1951) – заместитель наркома обороны, армейский комиссар I ранга.

² Поарм 24 – политический отдел 24-й армии.

³ Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – министр внешней торговли, председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии.

⁴ МВО – Московский военный округ.

⁵ Аникст Александр Абрамович (1910–1988) – красноармеец химвзвода, агитатор, лектор, начальник библиотеки дивизионного клуба.

и, говорят, держит винтовку затвором к себе. Видно было, что человек никогда не владел винтовкой. Поэтому учеба проводилась очень интенсивно, люди с большим упоением овладевали материальной частью, проводили строевые занятия.

7 августа вся дивизия была приведена к присяге, и одновременно с этим было вручено дивизии знамя Куйбышевского района. Это был очень торжественный момент, когда все люди почувствовали, что они в армии. На поляне построили весь полк, приехал командир дивизии полковник Борисов, поставили столик, покрытый скатертью, и командир дивизии принимал присягу у старшего командного и политического состава в присутствии всех бойцов. Люди выходили, каждый из них читал присягу. На другой день принимало присягу у средних командиров и бойцов командование полка.

Таким образом, мы учились и вели оборонительную работу до 10 сентября на этом рубеже. За этот месяц нас успели передать в другую армию. Раньше мы были в 24-й армии, затем передали в 31-ю Резервного фронта. 10 сентября по приказу командования Резервного фронта нашу дивизию направили на Калининский фронт. Нас, очевидно, посылали в связи с тем, что на северном участке озера Селигер выходило из окружения несколько наших дивизий и надо было занять новый рубеж, потому что не было уверенности, что удастся сразу выходящим из окружения дивизиям остановиться. Имелось в виду силами нашей дивизии этот рубеж занять, дать возможность этим дивизиям выйти из окружения и в нашем тылу переформироваться.

Доехали мы поездом до ст. Кувшиново и оттуда совершили марш пешком более 100 км. Это было некоторым испытанием для наших ополченцев. Раньше они не умели копать, а тут надо показать, что они умеют и ходить. Шли мы несколько дней. Пришли в район озера Селигер. Очень много тогда было переживаний и недоумений у бойцов в связи с группой, которая выходила. Люди не понимали, что это за окруженцы, впервые с ними столкнулись. Спрашивали, почему они там не дрались, почему бросили материальную часть. Люди выходили деморализованные, напуганные немцами. <...> Чувствовалось такое настроение, [что] надо их переформировать, и пускать их с оружием дальше нельзя.

Надо сказать, что противник на этом участке не вел активных операций, поэтому наша дивизия и полк, в котором я был, имела возможность спокойно вести оборонительные работы, продолжать учебу. Но эту разведку мы производили не совсем грамотно.

Первый эпизод, который закончился трагически для командира этой разведки, прекрасного товарища, лейтенанта Платонова показал некоторую нашу неопытность. Разведка, состоящая из 7 бойцов во главе с лейтенантом Платоновым, выйдя на другую сторону озера Селигер, обнаружила продвижение немецких велосипедистов. По численности эта группа была больше, чем наша разведка, человек около 20, но наши разведчи-

ки были в выгодном положении, потому что они могли устроить засаду и косить их. Но они не сумели выбрать хорошего места, поспешили, дали, очевидно, прежде времени залп, а велосипедисты перехитрили нашу разведку.

Платонова убили таким образом: как только раздался залп, то передний упал и притворился убитым. Очевидно, что несколько человек они все же убили, но не всех. Остальные сразу по кюветам залегли, стали стрелять. Платонов, считая, что он скосил первого, стал во весь рост и начал строчить из автомата. Два якобы убитых немца перевернулись со спины на живот и из автомата его убили. Таким образом, во время разведки был убит лейтенант Платонов, ранено два бойца и остальные убежали.

Наш полк там не проводил еще боевых операций, но 2-й и 3-й полки были на таком участке, где было больше активности. <...> Там даже была целая населенная полоса, где не было наших войск и куда немцы не проникали по каким-то причинам.

Мы сперва были в районе дер. Сухая Нива, затем нас перебросили южнее, в гор. Осташков, и наш полк там дислоцировался в районе деревни Острицы. На этом рубеже мы прожили сравнительно спокойно, производя только разведку, продолжая оборонительные работы и учебу до 10 октября.

Тут вначале мы получили одно сообщение, которое нас очень огорчило, что дивизия уезжает из этого района и из этой армии, а наш полк остается и переходит в другую дивизию. Мы не хотели терять связи с нашей дивизией. Однако через два дня нам сообщили, что это распоряжение отменено. 10 числа выехали вслед за дивизией в район Боровска. Пробирались мы с большими трудностями, потому что в это время фронт был прорван и все эшелоны шли разными путями. Ехали по железной дороге.

К 15-му числу весь наш эшелон добрался до ст. Башкино и Балабаново. Когда мы приехали в этот район, то не были правильно ориентированы. <...> Во-первых, нам говорили, что это не фронт, а тут действует какой-то немецкий десант. Как потом оказалось, это все же был фронт. Через семь дней нам сказали, что тут имеются просочившиеся группы, что фронт около Сухиничей, около Брянска, а в это время Малоярославец был уже занят¹.

Мы получили задание по уничтожению десанта. Наш полк, придя в Башкино, совершил марш до дер. Ильино. Оказалось, что в Ильино крупных сил немецких нет, но немецкая разведка посещает эту деревню. Когда полк подошел к деревне, там была эта разведка. Произошла перестрелка, и разведка эта убралась.

Нам это показалось большой победой, но когда мы попробовали продвинуться несколько дальше от Ильино на дер. Башкардово, Митяево, то оказалось, что там у немцев довольно сильная оборона. Вместо того что-

¹ Малоярославец был захвачен фашистами 18 октября 1941 г.

бы произвести необходимую предварительную разведку, узнать пути подхода, мы вышли всем полком на опушку леса и увидели перед собой большую поляну. Справа был лес. Мы прошли эту поляну рассыпанным строем, цепями, а немцы пристреляли ее минометным огнем. Первые потери, довольно чувствительные, мы понесли при форсировании этой поляны. А когда поляну форсировали, вышли в лес, немцев там не обнаружили, и справа никого нет. Можно было пройти этот лес без потерь.

Лес был в 500 метрах. Когда мы его прошли, до деревни оставалось еще 500 метров. Немцы нас встретили сильным заградительным огнем, и мы не могли пройти. До 20-го числа наш полк произвел несколько безуспешных атак на дер. Митяево и Башкардово, неся довольно большие потери. Артиллерия наша очень мало стреляла, атаки ничем не подготавливались. Ночью мы не ходили, ходили рано утром и поздно вечером. Потери несли чувствительные.

20 октября немцы перешли в наступление на этом участке фронта. Сперва был минометный налет, артиллерийский, просачивание автоматчиков, демонстрация окружения, и дивизия покатила. 20-го числа дивизия отходила с боями, но уже 21-го получилось некоторое расстройство, нарушилась связь между полками. Немцам на стыках удалось просочиться. Этим они создали окружение, и 21-го дивизия стала в некотором беспорядке откатываться на рубеж р. Нара, где она держалась до декабря.

Причина отхода? Я все же думаю, что у немцев там были и превосходящие силы. Нет оснований говорить, что наши люди дрейфили, но сказались неопытность наших бойцов и даже средних командиров. С большими трудностями нам уже потом – 23, 24, 25 октября – удалось собрать остатки полков. Вначале они даже назывались отрядами, а не полками. 1-й полк, который собрал начальник штаба, назывался отрядом Изыксона.

На наше счастье, очевидно, немцы выдохлись к этому времени и, дойдя к р. Наре, встретив там отпор, который им дала 1-я гвардейская дивизия, не проявляли активности южнее гор. Наро-Фоминска, где дислоцировалась наша дивизия, и мы получили несколько дней для приведения себя в порядок. Нам сразу подбросили тогда маршевую роту. Отряды пополнились и снова превратились в полки, правда, один полк, 2-й, кажется, так и остался у гвардейцев, и только уже в декабре он снова присоединился к нам.

Дивизия имела в своем составе в это время 1-й полк, 3-й и минометный дивизион, была неполноценной дивизией. Надо сказать, что этот период с 25 октября и по момент перехода в наступление, к середине декабря, очень содержателен и знаменателен в истории нашей дивизии. Она стала за этот период лесной дивизией, накопила большой опыт лесных боев. Дивизия занимала оборону в густых лесах по берегу р. Нара. Бойцы все время жили в лесу, бои мы вели лесные.

Поскольку немцы там первое время не проявляли активности, то с конца октября начали мы проявлять активность и в течение всего

ноября вели контрнаступательные действия. Они, понятно, противника изматывали, но это направление было вспомогательным для немцев, второстепенным. Они на Москву шли с севера на юг, а тут мы сковывали их силы, создавали впечатление наступления. Мы если и не имели задачи серьезно задуманного наступления, то должны были проводить бои местного значения.

Дивизия два месяца дралась за Атепцево. Там было несколько деревень: Елагино, Атепцево, Ерохино, Слизнево – и мы никак эти пункты взять не могли. Пробовали наступать и целым полком, и мелкими группами. Оказалось, что у них этот рубеж был сильно укреплен. Когда мы прорывали потом эту оборону, нам это стоило больших усилий и жертв.

1 декабря немцы попытались реализовать свой последний план прорыва к Москве через Наро-Фоминское направление. Наш отход 1–3 декабря происходил все же в других условиях, чем октябрьский отход. Тут уже сказалась боевая выучка дивизии.

Отходили с боями. 1 декабря 1-й полк до вечера удерживал рубеж. Немцы наступали, несомненно, превосходящими силами, причем ворваться в лес им удалось только после пятой атаки. Одна атака была психической, когда они шли во весь рост.

Единственно, где они имели успех, – это в районе дер. Горчухино, которая была плохо расположена. Она лежала в низинке и прекрасно просматривалась со стороны Елагино, которая была на высоте со стороны Атепцево, прекрасно простреливалась. Может быть, там и не имело смысла держать гарнизон, а нужно было иметь боевое охранение, но мы дорожили все-таки деревней, все время знали и боялись, что к ней очень легко секретно подойти со стороны Атепцево.

Действительно, немцы секретно подошли в этой деревне со стороны Атепцево и окружили гарнизон. Он был истреблен немцами. Там было две роты. <...> Только нескольким бойцам удалось оттуда вырваться, в том числе и бойцу Коваленко, впоследствии награжденному. Он забрался на чердак и вместе со случайно забредшим в деревню одним разведчиком гвардейской дивизии спрятался там. Он потом рассказывал, что горчухинский гарнизон вел себя очень хорошо. Там была 3-я рота 1-го полка. Немцы захватили группу пленных и расстреляли их. Они пробыли пять суток на чердаке без воды, без питания, а потом, когда немцы вышли из деревни, зажгли ее, деревня горела – дело было перед вечером – они поползли с этим разведчиком из дома. В деревне осталось несколько автоматчиков-поджигателей. Уползли в кусты. Там мы их нашли в очень тяжелом состоянии, с обмороженными ногами, истощенными.

1 декабря имел место один эпизод, который прославил нашу дивизию. Участники этого эпизода получили благодарность от командующего армией, и по его предложению они были представлены к правительственной награде. Это – оборона Кирпичного завода, который расположен на стыке

нашей и 1-й гвардейской дивизий. 1 декабря прекрасно вела себя 1-я гвардейская дивизия. Ее положение было очень трудным.

Немцы прорвались севернее гвардейской дивизии на Апрелевку, потеснили нашу дивизию километров на пять слева. Наконец, они выбросили по шоссе, где были коммуникации 1-й гвардейской дивизии, сильную группу автоматчиков и семь дней контролировали дорогу. 1, 2 и 3 декабря была такая ситуация, что мы не смогли отеснить оттуда автоматчиков.

Дивизия была в полуокружении, и коммуникации, связывающие ее с тылами, были прерваны. Если бы немцы заняли Кирпичный завод, они получили бы возможность ударить во фланг 1-й дивизии. 38 бойцов с небольшой группой командиров и политработников не отошли. Это был единственный пункт, где немцам не удалось нас потеснить. Первым броском они вытеснили гарнизон из Кирпичного завода, но через два часа гарнизон выбил немцев, и они даже не успели убрать свой транспорт.

До 5 декабря наш гарнизон отстаивал Кирпичный завод, хотя немцы лезли довольно яростно. Этим гарнизоном руководил комиссар 1-го полка, который случайно остался там. Когда утром началась артиллерийская канонада и когда мы увидели, что производится наступление, тогда командир полка ушел во 2-й батальон, а комиссар полка со мною вместе – в 1-й батальон в Горчухино. Но туда нам не удалось пробраться. Немец уже окружил его, причем комиссар чуть не погиб.

Когда он обнаружил эту ситуацию, послал меня на КП 1-го батальона позвонить командиру полка, майору Присяжнюку¹. Когда я от него уходил, меня уже обстреливали немцы. А когда он ушел с пятью бойцами, ему дорогу преградила группа немцев. Они открыли стрельбу. Немцы залегли. Наши уползли в кусты. Трое было убито и двое ранено. Потом они приползли, трое остались лежать. Таким образом, немцы отрезали 1-й батальон от остальных двух батальонов полка. Комиссар попал на Кирпичный завод. Его присутствие сыграло огромную роль. Это был исключительно смелый, отважный товарищ, погиб на следующий день.

Большую роль сыграл командир 1-го батальона Никита Зайцев², очень боевой товарищ. Надо сказать, что когда происходила первая контратака против немцев, то Зайцев поднял группу в штыки, и немцы убежали с завода. Дивизия тогда была отеснена не очень сильно. Немцам удалось проникнуть километров на пять. Кирпичный завод, Волковскую дачу и дер. Савеловка, где стояла наша артиллерия, немцы не заняли. Тогда погиб комиссар артполка. 2 декабря им удалось нас отеснить из дер. Савеловка и Ивановка <...>. Немцы заняли Волковскую дачу, Савеловку, Афанасьевку и Ивановку, Горчухино. Здесь они держались несколько дней,

¹ Присяжнюк Яков Захарович (1901–1942) – подполковник, командир 1287-го стрелкового полка.

² Зайцев Никита Филиппович (1905–1994) – военный комиссар 1-го батальона 1-го (1287-го) стрелкового полка.

причем мы их опять-таки беспокоили активной контрразведкой, а затем они без боя убежали. Нам это было сперва непонятно, но через несколько дней мы узнали, что их разбили под Апрелевкой. Таким образом, все их замыслы сорвались, и этот прорыв на южном фланге не мог сыграть решающей роли.

Поскольку основной прорыв оказался неудачным, они понесли, видимо, огромнейшие потери, поэтому отошли на прежний рубеж. Без боя мы заняли свой старый рубеж 5 декабря, включая дер. Горчухино. Нашли очень много трупов, в частности, труп секретаря партийного бюро 1-го полка Кузьмина Я.И.¹ Я не был с ним вместе, он был во втором батальоне. Потом, когда мы с комиссаром пришли в расположение КП 1-го полка в дер. Афанасьевку 2 декабря и я узнал, что Кузьмин не вышел, стали искать товарищей, которые с ним были до последнего момента. Нашелся боец. Он рассказал, что вместе с Кузьминым они были на КП в лесу, близко от переднего края. Когда немцам удалось ворваться в лес, КП оказался в окружении, Кузьмин был легко ранен пулей. Он обратился к бойцам: «Я ранен, помогите мне пробраться на КП полка». Боец говорит: «Я взял его под руку – он был ранен в ногу, не мог ходить, и повел. Кузьмин, видно, совершил ту ошибку, что вышел на просеку, а в конце этой просеки стояли немецкие автоматчики, открыли стрельбу. Боец говорит: “Я успел отскочить, а Кузьмин был тяжело ранен”. Не было никакой возможности выбраться на просеку и подобрать Кузьмина. Потом услышал, что слева и справа раздаются крики немцев – обошли».

<...> Когда мы снова пришли на этот пункт, нашли его труп. Его не раздели, оружие было при нем, все документы были целы, партийный билет. Поза, в которой он лежал, показывала, что он сильно мучился.

<...> Ощущали мы, понятно, трудности с боеприпасами. Наша артиллерия не могла действовать, поскольку она была лимитирована, очень ограниченный запас снарядов был. Много растеряли оружия при отходе, и потом на нарском рубеже были некоторые потери, но несущественные. В оружии мы ощущали недостаток. Почти не было автоматического оружия, не хватало пулеметов.

Роты все время были недоукомплектованы. Очень большие потери были в командном, политическом составе, и потом нас за это ругали. В 1-м полку, где я был, за короткое время погибло два ответственных секретаря партийного бюро, Кузьмин и Михалевский², комиссар полка Агеев³.

Комиссары батальонов выходили из строя несколько раз, и в течение этого месяца во 2-м батальоне сменилось пять комиссаров батальонов.

¹ Кузьмин Яков Иванович (1895–1941) – ответственный секретарь партийной организации 1-го (1287-го) стрелкового полка.

² Михалевский Николай Дмитриевич (1903–1941), ответственный секретарь партийной организации 1287-го стрелкового полка.

³ Агеев Андрей Александрович (1901–1941), военный комиссар 1287-го стрелкового полка.

Часть комиссаров была ранена. А если говорить о политруках рот, то тут люди выходили еще чаще. Причиной этому является, во-первых, то, что люди не всегда правильно понимали свою роль.

Политруки в момент боя оказывались, как правило, всегда впереди, например, отсекр партбюро Михалевский. Его труп был найден у самой деревни, где мы не нашли ни одного бойца, т.е. он вырвался вперед, оторвался от роты больше чем на 100 метров. В связи с этими потерями мы получили менее квалифицированные кадры, выдвиженцев из нашей среды, и это сказалось на уровне партийно-политической работы.

Пополнение мы получили. Правда, оно не полностью компенсировало потери. Пополнение было самое разнообразное. Были и бывшие раненые из госпиталей, и окруженцы, частично мобилизованные пожилых возрастов, еще не обстрелянные и не участвовавшие в боях. Командно-политического состава приходило мало, главным образом из своей среды мы брали резервы.

Речь Сталина от 6 ноября сыграла огромную роль. Время было тяжелое, и эту речь мы восприняли как речь, дающую нам перспективы. Люди поняли, в чем наша сила. Немцы не были активны, но один раз они активность проявили. Речь Сталина приняли по радио гвардейцы. Мы ее получили и 7-го числа до получения газет ознакомили с ней всех бойцов. 8-го числа немцы произвели вылазку. Свыше 100 человек ворвались в Горчухино. Заминка была очень незначительной, продолжалась не больше часа. Им удалось занять несколько домов. Когда позвонили на КП полка, мы подбросили одну роту и с треском их вышибли. Эта контратака 3-й роты произошла под влиянием настроения бодрости, вызванной речью Сталина.

Мы перешли в наступление несколько позднее, чем другие участки фронта, – 18 декабря, и с 18 по 27 декабря был исключительно напряженный период кровопролитных боев, когда немцы отчаянно обороняли этот рубеж. Я 14 декабря стал инструктором подива¹, но эти бои провел со своим полком. <...>

Сперва полк должен был занять Елагино, а когда к нам на помощь пришла Латышская дивизия², была задача занять Слизнево. Мы стали атаковать рубеж Атепцево – Елагино – Ерюхино – Слизнево, южнее Нары. Потом через несколько дней к нам пришла на помощь Латышская дивизия, и вся она попала на Елагино. Мы видели, как латыши дрались. Это изумительная дивизия. <...> Мы заняли этот рубеж 27-го числа без того, чтобы занимать его в лоб. Было достаточно в одном месте прорвать оборону противника, как он не выдержал и оставил весь этот рубеж. Когда наши части прорвались в Ерюхино, очевидно, он оставил его, потому что был измотан вконец. <...>

¹ Подив – политический отдел дивизии.

² 201-я стрелковая Латышская дивизия.

Мы сразу нарушили воздействие его огня. Атепцево лежит несколько ниже. Самое Атепцево противнику было бы трудно защищать, если бы не было Елагино и Ерюхино. Когда я посмотрел на наше поле, понял, как сильны были у него позиции.

Все же они отошли не очень далеко, километров на пять. И вот начался бой за следующий рубеж: Котово – Щекутино – Рождество. На этом рубеже мы тоже стояли с 27 декабря до 10 января и опять не могли его сразу взять, несли колоссальные потери. <...>

Мы создали подвижной отряд, небольшой, в сто человек с лишним, дали туда специального комиссара с задачей прорваться в тыл противника и занять Каурцево, которое было у них сзади. И отряд выполнил очень хорошо эту операцию. Они шли лесными тропами и совершенно неожиданно ударили на Каурцево. Немцы через семь часов бросили без боя линию Щекутино – Рождество и стали откатываться.

С 10 января двигались довольно быстро вперед. 19-го заняли Верею. Расстояние было километров 40. Атепцево взяли 27 декабря. <...> Сильный бой был на рубеже Метенино – Тишинка. На рубеже Клин было очень сильное сопротивление, не доходя до Вереи.

Во время этих активных боевых операций все работники политотдела были в частях. Я весь период провел с 1-м полком, потом с 3-м полком. Таким образом, в каждом полку был какой-нибудь инструктор политотдела. За весь этот период нам удалось один раз собраться, когда заняли Клин, для того чтобы обменяться мнениями и получить дополнительный инструктаж от начальника политотдела Королева. Он приехал к нам на работу с середины декабря. Работники политотдела помогали комиссарам полков, отсекам, инструкторам пропаганды в подготовке каждой боевой операции и в налаживании политработы. Надо сказать, что тогда был исключительный подъем у людей и было легко и приятно вести политическую работу. <...>

Верея. Большую роль во взятии Вереи сыграла 222-я дивизия. Формально в Верею мы вошли одновременно с 222-й дивизией с разных концов. В той части города, куда вступил наш полк, там 222-й не было. Непосредственно мы не вели уличных боев. У нас был сильный бой на подступах к Верее. Потом, когда уже мы вошли в Верею, то оказалось, что немцы оставили город.

В самом городе на окраине, левее от нас, мы нашли трупы бойцов не известной мне части. Во всяком случае, бойцы эти погибли не при штурме. Вообще так и не получилось штурма Вереи. Наиболее упорный бой у нас был 17-18-го числа непосредственно в самом городе. Надо полагать, что противник оставил Верею, во-первых, потому что он понес очень большие потери в Верее, хотя попытка непосредственно ворваться в город и вышибить его из города атакой была неудачной. Трупы, которые мы нашли, видимо, принадлежали той части, которая пыталась взять Верею штурмом.

В общем, немцы удрали из Вереи в силу того, что некоторым частям удалось просочиться и обтекать Верею. <...> Вся дивизия принимала участие в боях. Первым вошел, правда, 1-й полк, но 3-й полк имел задачу с 18-го на 19-е обойти Верею слева. Они полностью не реализовали своей задачи, потому что противник уже в ночь с 18-го на 19-е удрал из Вереи, но, во всяком случае, они просочились ему во фланг, и противник, видимо, был осведомлен об этом. <...>

Источник: НА ИРИ РАН. Ф 2. Раздел 1. Оп. 27. Д. 10.

Письма ополченца Г.Н. Эндельмана родным

За время войны Г.Н. Эндельман написал жене, Ольге Петровне Коган, более 50 писем и открыток, из которых сохранилось только 19. В письмах 1941 г. – тревога за родных и знакомых из-за отсутствия информации: то адрес неизвестен, то военные части передвигались быстро, и почта не успевала, к тому же родные были в эвакуации в Астрахани. Только в декабре получен ответ, о чем писал Григорий Наумович:

Из издательства мне написали, что деньги они тебе переводят, но я знаю наши порядки, и, кроме того, что они тебе переводят? Я очень смутно себе представляю материальные возможности вашего существования на мое жалованье, и еще более смутно возможности твоих приработков. Есть в Астрахани детсад наркомата и можно ли туда устроить Лешу? Я напишу сегодня просьбу посодействовать тебе в отношении получения работы и устройства Леши в детсад.

Приводим фрагменты других писем:

Получила ли ты доверенность на деньги?

Сейчас таких, как ты, миллионы, и рассчитывать особо на хорошее не приходится, но хочется надеяться, что лучшее впереди все же еще будет, а пока надо бороться за детей и за себя.

Я знаю, моя родная, что тебе должно быть нелегко, но что же сейчас делаешь? Война есть война. Словом, надо быть цепкой, как лапки попугая, и не падать духом, как бы тяжело тебе ни приходилось, утешай себя тем, что границ плохому нет... и что могло быть еще хуже.

Кстати сказать, деньги мне здесь совсем не нужны, и я постараюсь при первом случае переправить их тебе. У меня уже скопилось около сотни рублей, но никак не удается попасть на почту.

К тревоге добавлялась тоска по родным, по мирной жизни. Дома остались близкие, которых так не хватало. Любая свободная от тягот военной жизни минута заполнялась мыслями и воспоминаниями о доме, жене и четырехлетнем сыне:

Я многое бы отдал за возможность увидеть его хоть бы во сне, а еще более за возможность почувствовать в руках тяжесть его тела и услышать просьбу укутать его как куколку. К сожалению, все это только мечты, осуществление которых весьма проблематично...

Как теперь выглядит Леша, что он говорит, помнит ли еще меня? К сожалению, мне не представляется никакой возможности убажить его чем-нибудь. Если у тебя есть какая-нибудь возможность, подкинь ему что-нибудь и от моего имени. Я очень жалею, что не захватил с собой Лешинной карточки. Моя зрительная память почему-то именно в отношении Лешки стала мне изменять. Тебя и Нину я представляю очень живо, а вот Лешу никак. В чем дело, не знаю.

Ходили на болото. Клюквы на нем оказалось неисчерпаемое количество, да такой крупной и красной, какой в Москве никогда не бывает. Попивая ... чаек с клюквой, я вспоминал наши с тобой клюквенные чаи. Вернутся ли они когда-нибудь вновь?

Я все же еще хочу верить, что мы снова соберемся вместе и мирно и тихо скоротаем свой теперь уже недолгий век. Если же это не выйдет, будь мужественной и не забывай повторять Леше, что его папка хотел отстоять лучшую, чем у него, жизнь для своего сына, но не его вина, что вышло иначе. Но мы еще поборемся, хотя нам тоже сейчас не очень сладко и рассчитывать на то, что вскоре будет сладко, нельзя. Зима длинна и сурова, а мы преимущественно все же горожане, а не лесные люди.

Почти в каждом письме – «жив и здоров», «волноваться причины нет» и описание окружающей обстановки, насколько позволяла цензура. И нет-нет, да и проглянет в этих строках геоботаник с университетским образованием.

По странной иронии судьбы последние дни мне пришлось побывать в местах, знакомых еще с 1927 года. Здесь, как говорится, на заре далекой юности, я был вместе с Марком и другими сотрудниками Торфяной станции в геоботанической экскурсии. Болото, на котором мы тогда были, стало уже частично разрабатываться, выстроены бараки для рабочих, болото осушено и т.д. В одном из новых барачков мы и провели несколько дней.

Сейчас мы уже на новых квартирах. Нам не сидится подолгу на одном месте. Благодаря хлопотам нашего командира мы и на этот раз разместились в деревне, причем даже в каменном доме. Избенка небольшая, но чистенькая. Хозяева ее давно выехали, и мы [раз]местились в доме сами: настелили на пол соломы, расставили свои палатки, затопили печку. Натопили на совесть, градусов эдак на 25. Получилось по поговорке: [в тес]ноте, да не в обиде.

Местность, где мы сейчас расположены, довольно неприглядная: леса, болота, озера, холмы с крупными камнями. Кроме редких полосок картофеля да ржи тут ничего не сеют. Ландшафт типично моренный. Пусть Нина попробует догадаться, где мы находимся.

Весьма возможно, что я скоро вынужден буду сообщить тебе о перемене своего адреса: возможно, что группу бойцов, имеющих высшее образование, переведут в другую часть. Надо надеяться, что это будет к лучшему. Хотя мне не [на] что жаловаться и сейчас. По сравнению с пулеметной ротой здесь я буквально как в [раю]: немного работаем и неплохо едим. Что еще надо рядовому бойцу?

Очередное письмо пишу тебе, сидя на охалке душистого сена в сарае, где мы сегодня ночевали после 30 км похода. Мы считали, что к 20-21 попадем в Москву, но это так и не вышло, и когда выйдет, неизвестно.

Что касается нашей жизни, то она протекает в тех же местах, на лоне природы, и состоит из изучения военного дела, земляных работ, к счастью, не ежедневных, и переходов из одного места в другое.

Я жив, здоров, сбросил лишний жирок, загорел, обветрил. Никакой непосредственной опасности мы не подвергаемся, так что беспокоиться обо мне нет никаких оснований.

Переводом своим в другую роту я очень доволен. Здесь гораздо интересней, более свойский народ, и как-то кстати приходится университетская закваска. Я жив и здоров, и если бы ты писала чаще о себе и детях, то было бы совсем отлично. Мы по-прежнему живем на лоне природы, едим как слоны (аппетит все время превосходный) и учимся своему делу. Встаем и ложимся как куры: стемнело – спать, светает – встаем.

На всякий случай повторяю, что я жив и здоров, сейчас нахожусь в другой роте, где условия работы, учения и быта лучше, чем в пулеметной, в которой я пробыв до 25 августа 1941. Кормят нас сытно, одевают и обувают также как надо.

Сегодня получили, я в числе других, трогательные посылки из Москвы от сотр[удников] Верх[овного] суда. На мою долю попали перчатки, носки, портянки, печенье, табак и прочие весьма приятные в наших условиях предметы.

<...>

Вот уже скоро месяц как мы, застряв в одном месте, несем охранную службу круглые сутки и буквально не хватает времени на личные дела. Живем мы в землянках, писать в которых невозможно (темно), а все остальное время, которое проводим вне землянки, уходит или на стояние на посту, или на приготовление пищи. А [дни] становятся все короче и короче.

Нас одели в ватные костюмы, дали ушанки, варежки. Из посылок, присланных нам к праздникам, я ухватил шерстяные носки и варежки. ... Так что мы одеты тепло, но несколько громоздко, я в частности, так как все вещи мне велики, и со стороны у меня, наверное, довольно комичный вид.

Кормят нас довольно сытно: два, иногда три раза в день, но у нас неизменный аппетит, и мы все можем есть, кажется, круглые сутки. Хлеба

нам дают вдоволь (900 г), а в последнее время стали снабжать и водкой (по 100 г в день). На завтрак нам дают обычно суп или кашу, в обед обычно суп или кашу (суп с мясом), вечером, если успеваем, кипятим чай и пьем его с хлебом или сухарями. Бывают, впрочем, дни, когда не удается поесть вообще, но это редко.

<...>

Если же меня вам дождаться не удастся, то постарайтесь скорее забыть меня. Так будет лучше. Надеюсь, что мои родственники помогут поставить Лешечку на ноги. По крайней мере, Женя обещала мне это. А может быть, нам с тобой и не придется ни о чем и никого просить. Будем надеяться!

<...>

Я, правда, все еще жив, но это по существу случайность, а что будет завтра никто не скажет. Береги, но не балуй Лешу, постарайся вырастить из него человека.

<...>

Мне пришлось тут побывать в одной переделке длительностью около 10 дней, из которой я уже не чаял выйти живым, но все обошлось, как видишь. ... Хочется надеяться, что мы еще увидимся друг с другом. В глаза смерти я уже смотрел несколько раз, и теперь окончательно стал фаталистом, чему быть – того не миновать.

Составлено по материалам, опубликованным потомками ополченца:
Эндельман Григорий Наумович // Бессмертный полк.
URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/endelman-grigoriy-naumovich>

«Яков Пан (И. Нечаев)»

Очерк Я.И. Шура для книги «Памяти погибших писателей»

...В комнату старшей сестры вбежал четырнадцатилетний мальчик и, раскрасневшись от волнения, показал ей только что полученное письмо: – Вот... смотри... Луначарский вызывает меня в Москву!..

Сестра сначала рассмеялась – над незатейливой детской шуткой, но, почитав письмо, убедилась: Детский дом имени Луначарского предлагал Пану Якову Соломоновичу приехать в Москву.

Было это в 1920 году. Трудно жилось тогда малышу: родители умерли еще до Октября, два брата воевали на фронтах, и на попечении старшей сестры осталось четверо ребят.

Впрочем, Яков привык сам заботиться о себе, стойко переносил голод и другие лишения, кроме одного: скудная бердичевская библиотека не могла удовлетворить его ненасытных запросов. А больше всего угнетало сознание, что он, в сущности уже взрослый человек, не помогает сестре.

И тайком от нее он написал Луначарскому, что хорошо учится в школе, твердо решил посвятить жизнь науке, но очень уж трудно добиться этого без книг: «Возьмите меня в Москву, Анатолий Васильевич, и я все свои силы отдам на пользу народу», – закончил он свое горячее послание наркомому.

Когда мечта эта сбылась, Яков с нетерпеливой жадностью к знаниям поглощал книгу за книгой. Он странствовал с Фламарионом по межзвездным просторам и с капитаном Немо в подводных глубинах. Вместе с Тимирязевым он открывал тайну хлорофилла, с Менделеевым наводил порядок среди химическим элементов, с Мечниковым разгадывал секрет иммунитета.

Все науки увлекали его, но чем больше он читал, тем сильнее убеждался, что перед ним расстилается все еще неведомый и необъятный мир, полный заманчивых загадок, которым нет числа. Книги не утоляли, а еще больше распалили жажду и приводили к печальному раздумью: никак нельзя познать все на свете.

Труднее всего было ограничить свои интересы, но он все же отдал предпочтение менделеевской науке и, закончив рабфак, без колебаний решил самый трудный для молодежи вопрос: кем быть?

Пан поступил на химический факультет Высшего технического училища, потом стал работать в Институте имени Карпова, и вдруг – крутой поворот: способный химик неожиданно отказывается от научной деятельности ради журналистики.

Редакторская работа в газетах «Техника» и «За индустриализацию» захватила его всецело, словно этот человек долго искал свое место в жизни и, найдя его, радостно отдавал любимому делу все свои знания и способности. Нередко рассвет заставал его в редакции, но он находил еще время для того, чтобы писать книжки в помощь ударникам.

Если не считать многочисленных очерков, это были его первые литературные опыты, но он лучше других авторов знал своего читателя. С неутомимым терпением он добивался предельной простоты и доступности изложения самых сложных технических вопросов.

О чем бы ни писал Пан – об угольном комбайне или советском алюминии, об уральских титаномагнетитах, доменной шихте, борьбе с ржавчиной, – все его брошюры не ограничивались узко-прикладными задачами. Это были своеобразные, насыщенные интересными фактами технические рассказы, которые обогащали читателя научными знаниями, прививали ему вкус к изобретательству, будили рационализаторскую мысль. А в работе над этими небольшими книжками оттачивалось литератур-

ное дарование автора, позже с таким художественным мастерством сказавшееся в лучших его книгах – «Рассказы об элементах» и «Химическое оружие».

Он гордился превосходными отзывами в печати и благодарными письмами читателей как высшей наградой. Но когда ему объявляли благодарность или награждали премиями за образцовую работу в газете, Пан смущенно протирал свои большие роговые очки и краснел, как юноша. Эта застенчивость сочеталась в его характере со строгой требовательностью к себе.

Когда Пан задумал свою первую детскую книгу – об открытии и завоевании Америки (вероятно, это было данью неудовлетворенной мальчишеской мечты о путешествиях в дальние страны), – он вовсе не намеревался рассказывать в тысячу первый раз о Колумбе и его продолжателях по материалам из вторых и третьих рук.

Он задумал острый художественно-исторический памфлет, он изучил итальянский язык, чтобы познакомиться с материалами о Колумбе в оригинале, рылся в старых книгах на английском и немецком языках, которыми также овладел самоучкой.

Первая книга – самое капризное детище, молодой автор долго трудился над рукописью и очень огорчился, когда получил не вполне благоприятный отзыв. Редактор указывал на недостатки отдельных глав и композиции книги, отмечал кое-какие стилистические погрешности и просил зайти для личной беседы.

– Он слишком придирчив, этот редактор, от него ускользнули достоинства книги, он просто не знает, что исторические документы о Колумбе скудны и на редкость противоречивы, и не оценил по заслугам новый материал, – решил Пан и стал перечитывать рукопись для того, чтобы по пунктам ответить редактору. Он даже начал писать ответ, но редактор не получил письма, да разве можно было посылать его?

Сделав красным карандашом пометки в своей рукописи, Яков Соломонович написал очень резкую... авторецензию, в которой поучал самого себя с такой язвительной неделикатностью, на какую способен не всякий критик: «Для ученика шестого класса это, пожалуй, неплохо... Нечего подменять витиеватыми фразами и прочими литературными красотами отсутствие яркого образа – это неуважение к читателю. Надо писать проще...»

Он умел быть беспощадным к себе и свою рецензию закончил суровым приговором: «Нет, видно, Колумб – не моя тема, надо заняться родной химией».

Напрасно редактор снова пригласил его зайти для переговоров о книге, Пан ответил коротко: «Автор решил временно воздержаться от издания этой работы». К сожалению, он не временно, а совсем отказался от дальнейшей работы над этой рукописью. У него зародился замысел новой детской книги о химии, но не скоро смог он приступить к ней: жизнь осложнилась неожиданной неприятностью.

Пан никогда не обращался к врачам и даже в домах отдыха под благовидным предлогом уклонялся от медицинских осмотров. Но в 1933 году, уже незадолго до конца отпуска, слишком настойчивый врач почти насильно увел его с волейбольной площадки в кабинет, внимательно выслушал и, подозрительно покачав головой, направил на рентген. Подозрения врача оправдались: фотоснимок обнаружил глубокую каверну в левом легком.

В Москве Якову Соломоновичу наложили пневмоторакс и предложили строго соблюдать режим. Он неохотно подчинялся предписаниям врача и нередко нарушал их. «Я и не знал, – совсем серьезно оправдывался он, – какое это трудное занятие – дорожить своим здоровьем».

Газета не баловала его излишками свободного времени, а задуманная книга требовала напряженной работы. Казалось бы, химику, обладающему литературным дарованием, совсем нетрудно рассказать о том, как были открыты элементы, но эту книгу Яков Соломонович считал самым строгим экзаменом в своей жизни. Для каждой главы он на всех знакомых ему языках изучал столько первоисточников, что их с избытком хватило бы для нескольких книг.

Он стремился увлечь юного читателя романтикой любимой науки, показать, что открытия новых химических элементов были плодом столь же терпеливых и настойчивых исканий, как великие географические открытия. И он достиг своей цели, создав живые образы колумбов химии – от скромного аптекарского ученика Шееле до пламенно влюбленных в науку Марии и Пьера Кюри.

Изумительно просто и доходчиво раскрывает писатель величие научного подвига Менделеева, решившего одну из самых таинственных загадок науки и озарившего светом гениального своего открытия новые пути для неутомимых искателей: «Теперь благодаря Менделееву, – писал Пан-Нечаев, – химик почувствовал себя так же уверенно в мире элементов, как чувствует себя современный географ на морях и материках земного шара».

«“Рассказы об элементах” впервые познакомили меня с химией, – писал один взрослый читатель, – и так заинтересовали, что я теперь прямо увлечен этой всеобъемлющей наукой!» Немало таких писем, полученных Детгизом, подтверждали мысль Якова Соломоновича о том, что хорошая детская книга может заинтересовать читателей всех возрастов. А десятки хвалебных отзывов в журналах и газетах превзошли самые смелые надежды скромного автора – такого успеха он не ожидал.

Яков Соломонович задумал новую книгу – о белке, химии и жизни. Он уже начал ее писать в то время, когда фашистские варвары праздновали свои первые легкие победы. Иной раз, сидя по вечерам над своей рукописью, он для отдыха включал радиоприемник и после этого уже не мог работать. Короткие сообщения о военных действиях волновали его, вселяли тревожные предчувствия грозных событий для Европы, для всего мира.

– Мир не так уж велик, – говорил он с горькой усмешкой, – раз существует советская власть, фашизму нет места на нашей планете.

Писательское чутье подсказывало ему, что в эти дни книга должна быть оружием. С огромным трудом, насилуя себя, продолжал он работу над рукописью и однажды не выдержал, пришел в редакцию и заявил: «Не могу, не буду сейчас писать книгу о белке; теперь нужно писать не о химии жизни, а о том, как химия помогает защищать жизнь».

Так родился замысел книги «Химическое оружие», которую Пан начал писать в конце 1940 года. Никогда еще он не работал с таким азартом, заметки в его записной книжке посвящены неотвратимо надвигающейся войне. Он был твердо убежден, что сроки мирной жизни исчисляются уже не месяцами и неделями, а днями. Ему не нужно было перестраиваться на военный лад, он ненавидел фашистов как советский человек, он презирал их как подлинный гуманист, он готов был в любую минуту сменить перо на винтовку.

И когда на всю страну прозвучали простые слова сталинского призыва: «К вам обращаюсь я, друзья мои!» – Яков Соломонович тотчас же записался в народное ополчение.

На вопрос «Как Ваше здоровье?» он скороговоркой ответил: «Вполне здоров, – и, чтобы перевести разговор на другую тему, добавил: Я год служил в Красной Армии, и близорукость у меня совсем небольшая». Он и здесь присочинил – очки он стал носить еще в детстве.

Назначенный командиром роты ополченцев (в 4-й Куйбышевской дивизии), Пан с первого дня был поглощен хлопотами о снабжении и обучении своих бойцов. Ежедневно навещала его жена с сынишкой, которому едва исполнилось полтора года, но только один раз удалось ему провести недолгое время с небольшой своей семьей. Лежа на траве под тенистым деревом, он забавлял мальчика, заразительно, как ребенок, смеялся сам:

– Милый ты мой Витюшка, совсем хорошо было бы нам с тобой, если бы не война...

И вдруг, словно вспомнив о самом важном, нахмурился и замолчал.

– О чем ты задумался? – спросила жена.

– Сейчас не надо вспоминать о прошлом, эти мысли только расслабляют. Трудные дни предстоят нам, Рая, очень трудные и суровые. Жизнь от каждого потребует великого мужества. Береги силы для него, – он крепко прижал сынишку к груди, и снова радостная улыбка разгладила морщины на его посуровевшем лице.

Жена с тревогой посмотрела на него. Будничные заботы о насущных мелочах заставили ее забыть об угрозе, нависшей над страной, а после его слов страх за судьбу самого близкого человека охватил все ее существо.

– Как ты осунулся за последние дни, – проговорила она, – наверно, болезнь снова обострилась. Я непременно достану справку из диспансера...

– Нет, я чувствую себя очень хорошо, просто не выспался. И, пожалуйста, ни о каких справках и не думай, – он снова взволновался, – это совершенно ни к чему.

– Ну, хорошо, – поспешила она успокоить его, – но об одном прошу тебя, ради моего спокойствия, разреши мне просить медицинскую комиссию освидетельствовать тебя.

Но и эта женская хитрость не удалась, и еще больше рассердила его.

– Ни в коем случае, – сказал он таким настойчивым, повелительным тоном, каким никогда не говорил с нею, и, сразу смягчившись, добавил, глядя прямо в глаза, – ты должна дать мне клятву, что не сделаешь этого.

* * *

В темную июльскую ночь по шоссе на запад от Москвы, мимо притихших сел и деревень, где не видно было ни единого огонька, один за другим мчались грузовики, увозившие ополченцев под Вязьму. Выбравшись из машин, люди еще не успели расположиться на отдых, как над городом появились вражеские бомбардировщики. «Сразу из Москвы въехали в войну», – острили ополченцы. К счастью, никто из них не пострадал, а на следующий день они были переведены в район Сычевки.

Здесь предстояло создать сложную сеть противотанковых рвов, чтобы остановить или задержать наступление врага. Ополченцы трудились по 14–16 часов в сутки, и на военное обучение, как и на сон, оставалось по три часа. Работать приходилось в тридцатиградусную жару под палящими лучами солнца, а среди ополченцев немало было людей, совсем непривычных к тяжелому физическому труду.

Яков Соломонович как командир был освобожден от этой работы; и без того забот у него было столько, что неизвестно, когда удавалось ему отдыхать. Но лишь только выдавалась свободная минутка, он спешил к своим «землекопам» и помогал наиболее уставшим. Слабосильных он старался при удобном случае перевести на другую работу или назначал «водоносами». Воду для питья часто приходилось доставлять за полтора-два километра, но притащить ведро воды гораздо легче, чем копать вязкий глинистый грунт.

Во время долгих 35-километровых пеших переходов Пан, с трудом перенося томительный зной и нестерпимую жару, забывал о себе и с трогательным вниманием заботился о своих бойцах. Но это не мешало ему быть суровым и требовательным командиром, умеющим и резким словом и взысканием воспитывать строгую дисциплину у ополченцев, еще не успевших привыкнуть к военному строю жизни.

Даже самые близкие товарищи не слышали от него жалоб. Напротив, он умел всех окружающих заражать своей непоколебимой бодростью. Помнится, во время перерыва на военных занятиях один из ополченцев уныло процедил:

– Цельный день то рвы копай, то гранаты метай. Очень уже большая у нас нагрузка, товарищ командир.

– А вы можете облегчить ее, – сказал Яков Соломонович.

– Каким образом? – обрадовался «жалобщик».

– Совсем просто. Когда очень уж трудно становится, вы не жалуйтесь ни другим, ни самому себе, а попробуйте... гордиться: вот, мол, какой я сильный и выносливый, пожалуй, в Москве и не поверят, если узнают. – И под дружный смех всех бойцов закончил: Ведь мы готовимся не к физкультурпарадам, и еще хорошо, что у нас есть время тренировать свою волю и чувства.

Таким же бодрым духом оптимизма преисполнены его письма к жене, в которых он старался успокоить ее: «Я многому научился в армии. Можно жить очень просто, спать на земле, есть все, что дают. Война – отличная школа, и ее уроки убедили меня, что я совершенно здоровый человек с крепкими нервами и волей. Надеюсь, не в таком уже далеком будущем отпраздновать победу. Мы все здесь уверены в ней, несмотря ни на что».

После первых боев он писал: «Был за это время во всяких переделках, но, как видишь, жив и вполне здоров. Верю, что ведешь себя мужественно и не поддаешься тревогам, ведь мы с тобой храбрые, не правда ли?! О тебе и Витюшке помню всегда и люблю вас больше жизни. Все трудности и лишения кажутся мне неважными, когда подумаю о грядущей нашей радостной встрече. В тяжелые минуты и ты заглядывай в наше счастливое будущее: уверенность в нем дает силу и храбрость».

Это было последнее письмо – от 17 ноября 1941 года. Через два дня Яков Соломонович был ранен, направлен в медсанбат и больше никаких сведений о нем неизвестно.

Не пришлось ему увидеть своей новой книги «Химическое оружие», американского издания «Рассказов об элементах» и второго ее издания на русском языке. Только в 1943 году был опубликован в журнале «Знание – сила», а затем в библиотечке Детгиза «Белый карлик». В этом фантастическом рассказе, написанном еще в 1933 году, Яков Соломонович совершенно оригинально и остроумно предвосхитил изобретение атомной бомбы. В его рукописях сохранились материалы к задуманному им «Советскому Плутарху» – сборнику новелл о сильных людях, прославленных подвигами труда и мужества. Незаконченной осталась и книга «2017» – о технике и быте в эпоху коммунизма.

Высшей радостью для него были книги. В них он видел могучее орудие не только познания, а и преобразования мира. Но книги никогда не заслоняли от него живой жизни: как личной удаче радовался он каждому успеху родной страны. Всей своей чуткой душой верил в победу коммунизма и во имя торжества его отдал свою молодую жизнь.

Источник: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Ед. хр. 2038. Л. 150–157.

«Мат в два хода»

Очерк Б.Б. Котельникова об ополченце Льве Гугеле

Погожим воскресным утром по заданию «Правды» я отправился с колонной Московского туристского автоклуба на один из бывших старых рубежей обороны столицы. Надо было написать репортаж к слету участников походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Широкое Киевское шоссе привело нас к Наро-Фоминску. В первую военную зиму тут создалось, пожалуй, одно из самых опасных для Москвы положений.

Город на Наре. Здесь, в 70 километрах от Москвы, был враг! Та часть города, где высятся сейчас новые многоэтажные дома, оказалась в руках гитлеровцев. Полгорода, до Нары, – у них, полгорода – у нас.

Район Наро-Фоминска обороняла 33-я армия. На ее левом фланге сражались две ополченческие дивизии. В «Истории Великой Отечественной войны» они увековечены следующими строками: «Под Наро-Фоминском с кадровыми соединениями Красной Армии стойко сражались 4-я дивизия народного ополчения Куйбышевского района (110-я стрелковая дивизия) и 5-я дивизия Фрунзенского района (113-я стрелковая дивизия) Москвы. Они сыграли важную роль в обороне рубежа на реке Наре и в ликвидации прорыва немецко-фашистских войск на этом направлении».

Такая стыковка кадровых и ополченческих дивизий символизировала дух и суть войны, которую вела наша Родина. Шла «война народная, священная война». Отличившаяся затем при взятии Вязьмы 110-я дивизия удостоилась наименования 84-й гвардейской.

...Машины медленно идут вдоль левого берега Нары. Проезжаем Горчухино, Атепцево, Слизнево. Небольшие деревни, каких сотни в Подмосковье. Но их вид волнует ветеранов 84-й гвардейской дивизии, участвующих в нашем походе. Им есть что вспомнить.

Туристы слушают ветеранов-гвардейцев, задают вопросы, уточняют. Они не замечают безоблачного неба над головой, не чувствуют вспаханного поля под ногами, позабыли про плавно текущую под откосом Нару. Юноши и девушки перенесли в студеную зиму сорок первого. Они идут фронтовыми дорогами отцов и старших братьев. Я иду рядом и молчу. Она знакома мне, эта дорога.

...Повзводно, строим шагаем мы по притихшей, тревожной Москве, распевая:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Песню про Катюшу затем пели мы близ станции Сычевка, в совхозе Дугино, на Валдае. Пели, идя навстречу войне, навстречу судьбе.

В начале июля сорок первого столичная партийная организация формировала дивизии народного ополчения. В их ряды вступали добровольцы. Брали только тех, кто по каким-либо причинам не состоял на воинском учете. Командный состав прислали военные академии и училища. Райвоенкоматы выделяли запасников – младших командиров. Наша дивизия формировалась в Куйбышевском районе. На его территории преобладали наркоматы и другие учреждения. Много было издательств, редакций. В ту пору я редактировал журнал «На суше и на море», выходивший в издательстве «Физкультура и спорт». Размещалось оно в Большом Черкасском переулке. Около нас, близ станции метро Дзержинская, располагались издательства Художественной литературы, «Молодая гвардия», Детской книги и ряд других. И все они дали бойцов 4-й дивизии народного ополчения.

К фронту выехали вечером 13 июля, едва успев сменить гражданскую одежду на старенькое армейское обмундирование. Вооружение – лопаты. На Смоленщине рыли противотанковый ров. Потом получили вооружение. И стали мы воинами 110-й стрелковой дивизии.

У меня сохранилась от того времени небольшая потрепанная записная книжка. На одной из страничек – список бойцов нашего отделения первой пулеметной роты 3-го стрелкового полка (потом 1291-й). Самому старшему – 56 лет. Воевал еще в Гражданскую. Слесарь. Снят с воинского учета рядового состава по возрасту. Самому молодому только-только сравнялось 18, в армию его еще не призывали. Остальным – от 26 до 30 лет. Об одном из них, моем друге и сослуживце Льве Гугеле, я и расскажу.

В мирной жизни мы были «безбилетниками» из-за слабого зрения. В пулеметной роте оба стали подносчиками патронов. Походная жизнь Льве давалась трудно. У меня за плечами туристские походы, альпинистские восхождения, хоккейные баталии. Мой же приятель – представитель самого тихого, так сказать, настольного вида спорта – шахмат. Мало того, и среди шахматистов он не боец: в списках участников чемпионатов и турниров его фамилии не сыщешь. Он был мастером шахматной композиции. Причем буквально со школьной скамьи. В конце 1927 года, когда Льве минуло 13 лет, «Пионерская правда» опубликовала его первую двухходовую задачу. Последующие двухходовки привлекли внимание любителей шахматного искусства новизной тематики, смелостью мысли. Через год – полтора Гугель занял видное место среди молодых проблемистов. Он становится участником конкурсов на лучшие двухходовые задачи не только в стране, но и за рубежом и неизменно занимает призовые места.

Лев Гугель успел опубликовать без малого 200 двухходовых задач. Несколько десятков из них вошли в золотой фонд шахматного искусства. Они и ныне восхищают любителей древней игры, публикуются в сборниках и учебных пособиях по шахматной композиции.

Гугелю принадлежит приоритет открытия и разработки идеи продолженной защиты в двухходовой задаче. Он показал, какими богатыми возможностями обладает эта идея, чтобы дать черным мат в два хода.

В числе не вернувшихся с фронта был писатель, военный корреспондент С.С. Левман. Свою литературную деятельность он увлеченно сочетал с шахматной композицией. Семен Семенович завоевал на международных и всесоюзных конкурсах свыше 70 призов, из них около 30 – первые. В 20-х годах Левман выпустил двухтомник «Современные шахматные задачи», вел шахматные отделы в «Правде» и «Труде». В 1939 году журнал «Шахматы в СССР» напечатал его статью о Л.Н. Гугеле. Ветеран советского шахматного искусства писал:

«Л. Гугель пришел в шахматную композицию не только с самобытными идеями, но и с установившимися художественными вкусами и симпатиями. Он является одним из немногих наших проблемистов, придающих огромное значение художественной форме задачи. Для самых трудных и сложных замыслов он находит легкое, экономичное построение. Он обладает редким умением создавать живописный рисунок задачи. Именно в силу того, что в лучших задачах Гугеля мы находим сочетание глубокой идеи и прекрасной формы, эти произведения заняли по праву видное место в сокровищнице шахматной композиции».

Далее автор статьи отмечал, что по инициативе Льва Николаевича проводились первые массовые конкурсы решений, которые привлекали тысячи участников. Руководя отделами в «Пионерской правде», «Смене» и других изданиях, Гугель воспитал большую группу способных проблемистов.

Недавно при встрече с председателем Центральной комиссии по шахматной композиции, доктором технических наук, профессором Б.А. Сахаровым я упомянул Гугеля.

– Очень даже хорошо его знал! – воскликнул ученый. – Он-то и «совратил» меня на путь шахматных проблемистов.

Познакомились они в начале 30-х годов на шахматной базе Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького. Юноши-одногодки одинаково горячо увлекались шахматами, но в разных направлениях: один – игрой, другой – композицией. Однажды Борис Сахаров пожаловался товарищу, что нигде не может купить шахматной литературы.

– Поищи-ка на развале у Китайгородской стены, – посоветовал Лева. – Там все, что хочешь, найти можно.

И действительно, у одного из многочисленных продавцов старой и подержанной книги Сахарову попался восьмой выпуск «Задач и этюдов». В сборнике публиковались результаты 7-го Всесоюзного конкурса двухходовок. Каково же было изумление юноши, когда он прочитал под одной из задач: «Первое место, Л. Гугель»!

На бурную радость Бориса Гугель ответил:

– Попробуй и ты заняться композицией. Чертовски увлекательное дело! И в игре помогает как лучшее лекарство от шаблонного мышления. Не нравятся задачи – займись этюдами.

Борис Сахаров «попробовал» и... увлекся этюдами.

Некоторое время спустя Лева Гугель разыскал Бориса:

– Вот, специально для тебя, – протянул он газету «Труд», в которой был объявлен конкурс на лучший шахматный этюд. – Выбери что-нибудь из своих этюдов и отошли на конкурс. Укажи, что ты начинающий.

Борис выбрал. Отослал. И забыл, ведь результаты конкурса подводились почти через год. Только Лева не забыл. Он никогда не забывал начатого дела. Раньше других он поздравил удивленного Бориса, который на конкурсе «Труда» завоевал первый приз по разделу начинающих композиторов.

– Так я и стал шахматным проблемистом. Этюды – мое пожизненное увлечение, – закончил Борис Андреевич. Помолчав, с горечью добавил:

– Если бы Гугель не погиб, он был бы сейчас выдающимся, с мировым именем мастером. Поверьте, для такого вывода у меня есть основания. Как вице-президенту Международной комиссии по шахматной композиции мне приходится встречаться с видными международными проблемистами – и ветеранами, и молодыми. Я внимательно слежу за их творчеством.

В 1929 году, окончив московскую школу-семилетку № 57, Гугель поступил в дорожно-строительный техникум, но вскоре перешел в областной газетный техникум. Получив диплом, Лева Гугель стал работать в солнечной районной газете «Путь Ильича». Был заведующим отделом, ответственным секретарем, заместителем редактора. Позже стал литературным сотрудником «Лесной промышленности». Потом перешел в шахматную газету «64». Заведовал отделом. Тогда-то мы и познакомились.

Несколько лет меня избирали секретарем комсомольской организации издательства «Физкультура и спорт». Комсомольская работа нас особенно сблизила. Я убедился, что этот немногословный юноша очень серьезно относится и к работе, и к любому поручению. И когда в 1938 году в журнале «Физкультура и спорт» потребовался заместитель редактора, по предложению комсомольцев на эту должность назначили Леву Гугеля. Перед самой войной ему пришлось исполнять обязанности редактора.

В ту пору при райкомах ВЛКСМ были созданы общественные военно-физкультурные комиссии. Куйбышевский райком поручил возглавить такую комиссию мне. Естественно, к работе я привлек и Леву. Мы организовали массовую сдачу норм комплекса ГТО, проводили лыжные кроссы и пешие походы в противогозах. В канун войны ЦК ВЛКСМ наградил Л. Гугеля значком «Активист комсомольского кросса 1941 года».

Со Смоленщины нашу дивизию перебросили на Селигер. Как ни тяжело были походы по горбатым лесным дорогам Валдая, как ни пробирал сырой холод в окопах возле прославленного озера, Лева Гугель переносил невзгоды мужественно. Мы ни разу не слышали от него даже намека на жалобу. Его письма домой, которые мне довелось прочитать уже после войны, полны оптимизма, уверенности в нашей победе.

– Белые всегда побеждают черных. Мат в два хода! – сказал Лева, когда мы на марше узнали о контрударе советских войск под Ельней.

Это было, пожалуй, его единственное на фронте упоминание вслух о шахматах. В ту осень Леву, как и всех нас, заботило другое: как выстоять перед лютым и сильным врагом, ответить на его удары еще более мощными ударами.

Первый бой мы вели у поселка совхоза «Коммуна», расположенного на возвышенности. Совместно с остатками кадровой части, отошедшей сюда с границы, мы обороняли перешеек между Селигером и другим озером, севернее его. Вся же дивизия развернулась вдоль восточного берега Селигера: напротив местность была в руках противника. В ночь на 27 сентября 1941 года на траншеи, занятые стрелками, и поселок, где в ячейках скрыто стояли наши «максимы», гитлеровцы обрушили огонь минометных батарей. В небе повисли немецкие осветительные ракеты. На вражеских позициях замелькали фигуры начавших перебежку солдат.

Гитлеровцы не могли не заметить подошедшей новой дивизии. Потому они и повели разведку боем. Естественно, их интересовали огневые точки. Мы не должны выдавать расположения станковых пулеметов. Поэтому врагу отвечали только стрелки из траншей.

Гугеля и меня в ту ночь оставили связными при командире взвода, лейтенанте Тинтулове. Как только начался бой, он скомандовал:

– Котельников, бегом в первое и второе отделения... Гугель – в остальные. Передайте приказ: без команды огня не открывать!

«Остальные» – это два «максима», установленные не в поселке, а на берегу Селигера, в топкой местности.

Немецкие минометы усилили обстрел. Противник понимал, что высота с переднего края не может быть без гарнизона. И он вызывал его на ответный огонь...

До моих пулеметов было рукой подать, и я быстро вернулся с докладом к командиру. А вот Левы долго нет. Вдруг, потеряв очки, сбился с пути? Или мина зацепила? Но вот и он.

– Товарищ лейтенант, задание выполнено!

... В разгар осеннего наступления фашистских войск на Москву, когда Гитлер раструбил на весь мир, что 7 ноября будет на Красной площади принимать парад победы, 110-ю стрелковую дивизию спешно перебросили к Боровску. Батальоны выгружались на станции Балабаново и с ходу вводились в дело.

Утром 20 октября у деревни Инютино подразделения 1291-го стрелкового полка неожиданно были атакованы противником. Вчерашние финансисты и журналисты, плановики и торговые работники смело приняли бой. Но силы были неравными.

Теря друзей-товарищей, ополченцы медленно отходили...

Неделю, целых семь суток, понадобилось кадровым частям гитлеровцев, чтобы преодолеть от Боровска 30 километров и выйти к берегам Нары. Дальше оккупанты не прошли!

... Боец очнулся от боли, застонал, он лежал на кровати, втиснутый в закуток за печкой. Качнулась цветная занавеска, появилась женщина.

– Лежите тихо, – сказала она и, предупреждая вопросы, добавила: – Вы ранены. Я сейчас...

Вернулась с кружкой:

– Попейте вот молочка...

Потом заглянул бородатый, средних лет мужчина.

– Полегче? – спросил он. – Значит, перевязку вроде сделали справную.

– Кто вы?

– Колхозники мы. Инютинские. А тебя как звать-то?

– Лева.

Утром бородатый пришел угрюмый. Помолчав, не глядя на раненого, сказал:

– Беда, Лева. Проклятые собираются наших раненых увозить в Боровск. Если есть документы или еще что, давай спрячу.

– У меня только комсомольский билет. Только я его не оставлю.

– Дело это святое. Тебе и решать, – согласился колхозник.

– Просьба у меня к вам. Когда придут наши, напишите моему отцу. Вот адрес...

– Не беспокойся, сообщу, – проговорил колхозник, пряча в карман листок с адресом.

В избу ввалились немецкие солдаты. Когда Леву клали на крестьянскую подводку, хозяин шепнул:

– Вещевой мешок твой у нас. Схороним до времени.

В боровской больнице, превращенной в госпиталь, немцы выделили один корпус для раненых советских бойцов. Ни медикаментов, ни продуктов для них не было. Русский врач и медицинские сестры добывали все это у населения. Лева Гугель лежал рядом с тяжело раненым бойцом Николаем Жидяевым. За ними ухаживала 16-летняя школьница Клава Грибова. Она делала все, чтобы облегчить страдания раненых, помочь им встать на ноги.

– Лев Николаевич, я вас порадую, – сказала как-то Клава. – Доктор говорит, что осколок у вас из спины должен сам выйти. Скоро. Значит, на поправку идете.

– Спасибо, Клава, – приподнялся на локте Гугель. – Раз о моей поправке заговорили, то нужно и о другом подумать. Ты сможешь мне?

– Постараюсь...

– Раздобудь для меня лыжи, – зашептал Гугель. – И парнишку найди, чтобы местность хорошо знал. Только никому ни слова...

Клава не приходила в госпиталь несколько дней, а когда появилась, Левы уже не было. Его перевели в Юхнов, в лагерь для военнопленных.

– А я ему хорошие лыжи добыла, – горестно поделилась девушка с матерью, больничной поварихой.

Случилось так, что после разгрома гитлеровцев под Москвой мне в составе 133-й сибирской стрелковой дивизии (впоследствии 18-й гвардейской) привелось участвовать в освобождении Юхнова. Произошло это 5 марта 1942 года. Город был в руинах. При въезде, около Варшавского шоссе, мы увидели большое кладбище погибших в лагере военнопленных. Один из спасшихся узников рассказал, что из лагерного госпиталя, кажется, в январе 1942 года, бежал на лыжах ополченец, но где-то у линии фронта его настигла пуля немецкого часового. Вероятно, это был Лева Гугель.

...В последние годы большой жилой район Москвы вырос вдоль Хорошевского шоссе на месте нескольких деревень. Многие новые улицы здесь носят имена героев Великой Отечественной войны. Одна названа улицей Народного ополчения. Недалеко от нее, на Карамышевской набережной, живет сестра Левы.

Пожилая женщина показывает дорогие реликвии – письма Левы с фронта, его фотографии, различные документы, письма Клавы из Боровска. А вот и мои три письма к отцу Левы. Будучи в Юхнове, я пытался выяснить судьбу друга.

– Когда пришло письмо из освобожденного Инютина, – вспоминает Ревекка Николаевна, – отец сразу же туда отправился. Встретился с колхозником, который подобрал раненого брата. Отец все надеялся Леву живым отыскать. Был он мужественный человек, коммунист с 1919 года, участвовал в разгроме Колчака. А вот гибель Левы его подкосила. Еще раньше умерла мама...

Мы перечитываем письма Левы, и кажется нам, что слышим его голос, наказ родным: «Займитесь воспитанием дочки. Нашей Олюшке придется жить и работать в то время, когда уже не будет проклятого Гитлера, фашистов, войн. Надо, значит, воспитать из нее очень хорошего человека, достойного такого замечательного времени».

Это из последнего письма с фронта. Оно датировано 2 октября 1941 года.

– Брат очень любил мою дочку, – говорит хозяйка. – Охотно играл с ней, брал на прогулки.

– А где она сейчас?

– Здесь. Оля, иди к нам.

В комнату входит невысокая худенькая женщина. Вот какой стала Олюшка! Она, как и мать, выбрала профессию геолога. Искала нефть в Азербайджане, Казахстане, Иркутской области. Из-за двери появляется малыш. За веревочку он тянет желтую машину с красной ракетой. Оля Виноградова говорит:

– Вот такой была и я, когда дядя Лева уходил на фронт...

Публикуется по книге: «В редакцию не вернулся...»: сб. статей. Кн. 3. – М.: Политиздат, 1970. С. 85–93.

«Дорогами подвига»

Воспоминания ополченца В.Н. Кузьмина

Воспитатель, боец, гражданин – эти слова по праву характеризуют ветерана Московского городского Дворца пионеров и школьников, ветерана Великой Отечественной войны Валериана Николаевича Кузьмина.

В.Н. Кузьмин одним из первых пришел в 1935 году на работу в Дом пионеров и октябрят г. Москвы в переулке Стопани, где проработал до 1962 года, когда Дом пионеров переехал на Ленинские горы. Здесь в Московском городском Дворце пионеров и школьников он успешно трудился в отделах туристско-краеведческой и оборонно-массовой работы до 1990 года.

Работу во Дворце пионеров В.Н. Кузьмин прерывал только один раз, когда 6 июля 1941 года он добровольцем ушел на фронт и в рядах 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы как боец-артиллерист воевал в районе озера Селигер, под Боровском и Наро-Фоминском, где 18 декабря 1941 г. был ранен.

В.Н. Кузьмин всегда горячо верил в победу нашего народа в Великой Отечественной войне. В послевоенные годы В.Н. Кузьмин вместе со своими воспитанниками вел большую поисковую и исследовательскую работу по истории Московской битвы, анализируя вклад в победу под Москвой дивизий народного ополчения. Большое место в его работе занимали судьбы юных защитников Москвы, увековечивание памяти о них. Валериан Николаевич был одним из инициаторов сооружения памятника школьникам-героям Подмосковья, установленного в с. Осташево Волоколамского района Московской области на средства, собранные пионерами и школьниками столицы и области.

Долгие годы связывают В.Н. Кузьмина с жителями Подмосковья. Эту телеграмму Валериан Николаевич получил от Евдокии Степановны Шумовой – матери юного героя Отечественной войны Анатолия Шумова в 1967 году:

«Уважаемый Валериан Николаевич! Поздравляю Вас лично и весь коллектив работников Дворца пионеров с праздником Первого Мая! Праздником весны и труда! Желаю Вам большого успеха в благородном тру-

де: воспитании молодого поколения, радости и счастья в личной жизни, крепкого здоровья на долгие годы.

Большое Вам спасибо за все, что Вы сделали в Осташево, заслуги Дворца пионеров вечно останутся в памяти матерей.

С уважением к Вам, Шумова».

В архиве Валериана Николаевича, в его памяти хранились многие факты героических дней обороны Москвы. Встречи на местах боев, в городском Дворце пионеров в памятные дни помогли ему собрать ценный исторический материал, который войдет в фонды истории нашего Дворца.

Ниже приводим воспоминания В.Н. Кузьмина.

Так было всегда в истории нашего Отечества. Когда над ним сгущались тучи и враг вторгался в его пределы, народ, вставая на защиту Родины, создавал народное ополчение. Об этом напоминает нам прекрасный памятник Минину и Пожарскому на Красной площади Москвы.

Так было и в начале июля 1941 г., когда во многих учреждениях и институтах Москвы проходили короткие митинги и собрания с одним вопросом – создание ополчения. Многие шли прямо в военкоматы, с одним желанием вступить в ополчение.

Десятки тысяч москвичей по зову сердца добровольно вступили в ряды формирующихся дивизий. В Москве было сформировано 16 дивизий народного ополчения.

В нашу 4-ю дивизию народного ополчения Куйбышевского района Москвы вошли 550 сотрудников Наркомвнешторга, 430 – Наркомфина, 350 – Центросоюза, сотрудники Московского городского Дома пионеров: Бабушкин, Ботман Г.Н., Воронин В.А., Гуськов, Иванов В.С., Константиновский В.С, Павлов П.С., Ральф Ю.П., Цейтлин Н.Е. и много людей из других учреждений.

Сборы были недолги, время торопило. В ночь с 12 на 13 июля дивизия на сотнях грузовых полупорок выехала из Москвы. К утру прибыли в Вязьму. Город горел, эвакуировались тыловые учреждения, войсковые части, госпитали, гражданское население, отовсюду раздавался плач детей и женщин. В воздухе время от времени появлялись фашистские самолеты, которые наугад сбрасывали бомбы, сея панику.

Так для нас начиналась война.

Потом наша дивизия была переброшена в район озера Селигер, где она являлась заслоном для врага, стремившегося переправиться с западного на восточный берег.

Когда же под угрозой оказалась Москва, мы были переброшены в ночь с 12 на 13 октября 1941 г. в район западнее Наро-Фоминска.

К. Симонов об обстановке того времени писал: «Под Боровском, закрыв прорыв, вступила в бой 4-я Московская дивизия. Люди в ней были недостаточно обучены, мало было современного оружия, но дрались самоотверженно.

Если они оставляли какой-либо населенный пункт или кусок земли, то в ту пору это значило, что ни одного живого защитника там не осталось».

Г.К. Жуков, который не был щедер на похвалы, писал в 1969 г. о нашей дивизии в своей книге «Воспоминания и размышления»: «Под стенами старинного города Боровска прославили свои боевые знамена солдаты и командиры 110-й стрелковой дивизии».

* * *

16 октября 1941 г. наша батарея 1287 полка занимала боевой рубеж на опушке леса между селами Мишуково и Ильино под Наро-Фоминском. Было солнечное утро, вдруг в небе появился двухфюзеляжный самолет-разведчик, он на небольшой высоте пролетел над полем, надо думать, засекая наше место нахождения, и скрылся, но мы поняли, что от этого визита добра не будет. Спустя несколько минут из-за леса появились немецкие бомбардировщики, их было около двадцати. Они летели низко, чуть не задевая верхушки деревьев, сбрасывая бомбы разных калибров, вплоть до тонны. Для воздействия на нашу психику они включили сирены.

Взрывом пятисоткилограммовой бомбы опрокинуло пушку и засыпало расчет. Когда мы их откопали, они были уже мертвы.

Когда закончилась бомбардировка, первое, что мы услышали: «Убили комиссара». Мы подбежали к комиссару, он был смертельно ранен. Один из нас снял с себя плащ-палатку и прикрыв ею комиссара. Мы хотели отнести его на санитарную повозку, которая была в глубине леса, но буквально через несколько шагов увидели, что он умер. Это был прекрасный человек, работник Министерства просвещения Федор Степанович Гайворонский.

* * *

Шел бой, к вечеру он поутих. Обходя поле боя с целью убедиться, что там не осталось раненых, медсестра Валя увидела лежащего комиссара противотанкового дивизиона. Он был тяжело ранен в голову, грудь и бедро. Валя быстро перевязала раненого, затем расстелила на двух больших ветках плащ-палатку, положила на нее раненого и волоком по очень глубокому снегу потащила его к медсанбату. Она уже теряла силы, когда ее заметили из медсанбата и поспешили на помощь. Врач, осмотревший раны, поинтересовался, кто так умело сделал перевязку? Ему ответили, что это медсестра Валя Рева. Вскоре, не меняя повязок, комиссара отправили в прифронтовой госпиталь.

Через тридцать лет они встретились на сборе ветеранов 4-й дивизии народного ополчения, и комиссар сказал: «Валя, я обязан тебе жизнью». Это был Беляев Федор Макарович. Их дружба продолжалась долгие годы.

* * *

В концертном зале Московского городского Дворца пионеров и школьников проходила встреча участников Великой Отечественной войны. Трое ветеранов, рассказывая о различных эпизодах войны, вспомнили, как под Кенигсбергом, буквально у них на глазах погибла комсомолка, медсестра Молоднова. Но вот из зала в президиум была направлена записка, когда председательствующий получил ее, он извинился перед выступающими и сказал, обращаясь к залу: «Я прочту вам, что здесь написано. Комсомолка Молоднова, о которой говорили, что она погибла, присутствует в зале». Председательствующий попросил ее подняться на сцену и рассказать, как все было. На сцену поднялась средних лет женщина. Зал затих. Вот ее рассказ. Полк шел в атаку, когда возле нее разорвался снаряд и засыпал ее землей. Товарищи по полку все это видели и решили, что она погибла. Но после боя ее подобрал санитары и отправили на лечение в госпиталь. Как это бывало в военное время, ее часто переводили из госпиталя в госпиталь, поэтому она потеряла следы полка...

Наша 4-я дивизия народного ополчения, в дальнейшем 110-я стрелковая дивизия, 84-я Гвардейская Карачаевская Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия прошла с боями от стен Москвы до Кенигсберга, одержав десятки побед на своем боевом пути. К сожалению, до Дня Победы не всем довелось уцелеть, многие остались на поле боя.

Публикуется по материалам: Дорогами подвига. По воспоминаниям В.Н. Кузьмина и материалам архива Московского городского Дворца творчества детей и юношества. – М.: МГДТДиЮ, 1995.

Стенограмма беседы с командиром взвода 1289-го полка 110-й стрелковой дивизии 33-й армии В.Г. Компанийцем (Москва, 21 февраля 1947 г.)

*Сектор истории Великой Отечественной войны
Института истории Академии наук СССР.
Беседу проводит научный сотрудник Е.М. Грицевская.
Записывает О.А. Рослякова.
Москва. Секретариат. 21 февраля 1947 г.*

С момента рождения жил в г. Днепропетровске до 1929 года. Отец был рабочий-стрелочник на станции Днепропетровск. В 1925 году окончил школу-семилетку. В школе вступил в комсомол в том же 1925 году. До этого был пионером, тогда мы назывались «юные спартаковцы».

С 1925 по 1927 год там же, в Днепропетровске, работал в котельном цеху паровозоремонтного завода нагревальщиком заклепок. Затем работал непродолжительное время молотобойцем, потом сварщиком. С 1927 по 1929 год работал слесарем в железнодорожном депо.

В 1929 году Днепропетровский окружком комсомола меня послал за счет первой комсомольской тысячи на учебу в педагогический вуз. Сдал экзамен в Московский индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта и был зачислен студентом литературного факультета. Но окончил я не институт К. Либкнехта, а институт [А.С.] Бубнова, теперь им. Ленина. Наше литературное отделение было переведено в этот институт.

В 1932 году я институт окончил, и культпропом ЦК партии был направлен на работу в издательство «Молодая гвардия» на должность редактора детской литературы младшего возраста. В 1932 году решением ЦК комсомола был назначен заместителем ответственного редактора молодежного журнала «Фабзавученик» и с тех пор так и остался на редакционной работе. Правда, были небольшие отступления, например, в 1935 году я заведовал районным отделом народного образования в Муравлянском районе Московской области, теперь, кажется, это Рязанская область. В 1937 году я был заместителем зав. отделом учащихся высшей и средней школы Московского областного комитета комсомола.

С 1937 года работаю ответственным редактором журнала детской художественной самодеятельности ЦК комсомола «Затейник». До войны я его редактировал, во время войны он не выходил. В 1941 году он был прикрыт в связи с уходом редакции на фронт. После моего возвращения по демобилизации из Красной Армии в 1946 году журнал начал выходить, и я опять редактирую этот журнал.

В армию ушел в 1941 году 6 июля вместе с работниками издательства «Детская литература». Тогда журнал входил в состав этого издательства.

В 1941 году 21 июня я получил очередной отпуск, отпускные деньги, – это была суббота, – и выехал в Перловку на дачу в расчете на то, что в воскресенье пробуду с семьей, а в понедельник выеду в дом отдыха. Путевка была в кармане.

В воскресенье утром, занимаясь всякими хозяйственными делами, забрал сынишку, бидон для керосина и пошел купить керосин. Это было часов в одиннадцать дня.

Стою в очереди. Вдруг по очереди пошел слух (а в очереди за керосином стояло человек пятнадцать – двадцать), что объявлена война. <...> Три-четыре женщины начали перешептываться: война, война, немцы воюют. Вдруг с криком подбегает к очереди еще одна женщина, плачет, говорит, что немцы пошли войной, сейчас выступал Молотов по радио. Еще один мужчина прибегает за своей женой: «Хватит тебе керосина, иди домой, я сейчас еду на завод».

Я забрал свой бидон и тоже пошел домой. С женой собрались и поехали в Москву.

Прихожу в свою партийную организацию. <...> Нас, членов партии, проинформировали, что мы не должны далеко никуда отлучаться, всяко может быть. В понедельник я поехал опять в Москву, сдал свою путевку. Отпуска так и не бывало, и опять приступил к работе.

После выступления товарища Сталина по радио о народном ополчении мне партийная организация поручила по редакциям журналов провести запись в народное ополчение. Мы в то время помещались не в основном здании издательства, а на Чертопольском переулке (ул. Кропоткина). Там были журналы: «Затейник», «Мурзилка», «Знание – сила», «Дружные ребята» и другие журналы.

Я выполнил это поручение. Записались все мужчины без исключения, правда, мужчин не так много было. Но все дело в том, что из записавшихся ни один мужчина до того никогда не служил в армии, и я никогда не был в армии. До поступления в институт мой год еще не призывался, когда был студентом, я получал отсрочки, а когда кончил институт, мой год отпризывался, и меня не призвали. В таком положении примерно были все товарищи, которые записывались в ополчение.

Списки переданы были в партийную организацию, откуда они пошли в райком. Пятого июля, вечером в субботу, мне было предложено объявить всем записавшимся в ополчение в воскресенье в четыре часа прибыть к зданию детского издательства в М. Черкасском переулке.

В воскресенье у здания «Молодая гвардия» мы все собрались. Это было [в] четыре часа утра. Очень хорошее было утро, солнечное, кое-кто пришел из провожающих членов семей ополченцев. Сотрудники издательства собрались почти все.

Короткий митинг, после которого мы, ополченцы двух издательств – «Молодая гвардия» и «Детская литература», выстроились, все как полагается.

Одеты мы были разношерстно, потому что многие товарищи, когда шли в ополчение, еще не представляли себе, что это такое будет. Большинство было убеждено в том, что ополченцам будет поручена оборона Москвы и, собственно, не столько оборона, сколько наведение порядка и охраны Москвы. Многие пришли без головных уборов, кое-кто пришел в белых панاماх. Как мы обычно ходили на работу, так мы и пришли в этот день, чтобы вступить в народное ополчение.

Когда мы выстроились и пошли, надо сказать, что вид у нас был очень интересный, как у плохо организованных туристов. У одного за спиной была цветная наволочка вместо вещевого мешка, у другого авоська, у третьего два чемодана – кто как мог себе представить и, собственно, не столько как себе мог представить сам ополченец, сколько представляла его семья. Жена решила дать ему два чемодана, и он брал с собою два чемодана, другая решила дать авоську, и вот он шел с авоськой, и т.д. Мне было поручено вести эту группу. В группе было человек до двадцати пяти – тридцати пяти.

Двинулись мы от издательства по улице Кирова к зданию райкома. Надо сказать, что в это время по улице Кирова двигалось много таких же организованных групп в том же направлении. У здания райкома на Садовой в районе Красных Ворот народу было очень много.

В райкоме была какая-то специальная комиссия, которая должна была, очевидно, определить, кому быть в ополчении, кому не быть. Настроение было такое, что каждый из тех, кто пришел, и слышать не хотел, чтобы ему не быть в ополчении. Нас направили в Армянский переулок в школу.

Просидели мы в этой школе полдня, ничего точно не знали. Потом вдруг нам сказали: «Давайте, товарищи, распределяться по взводам». Начали сами распределять по взводам.

Начальников мы никаких не видали, мы все сами начальники. Здесь прежде всего выступил на первый план принцип товарищества и дружбы: вот это наш отдел, наша бухгалтерия, мы записываемся в один взвод. У нас так было: взвод бухгалтеров, взвод редакторов.

Пробыли здесь в Армянском несколько дней, точно не помню, до какого числа. Дня через три-четыре к нам прибыли наши командиры взводов. Это были молодые лейтенанты в возрасте 18–19 лет, может быть, немного старше, которые должны были учиться еще год, но их досрочно выпустили. Они приняли командование над нашими подразделениями. Тут же началась наспех боевая подготовка. Командование, очевидно, было, но мы никого не видели, <...> кроме тех лейтенантов, которые к нам пришли.

Когда началась учеба, тут же стали предъявлять требования чисто дисциплинарного порядка, потому что до этого все решалось демократично: идти или не идти. Когда появились эти лейтенанты, уже стала подаваться команда «Строиться!», и мы выходили строиться. Выстроились, начинается учеба в движении.

Вообще зрелище было очень интересное. Возьмем нашу первую шеренгу – на мне была белая рубашка с вышитым отложным воротником, белые туфли, рядом со мной товарищ из Министерства внешней торговли, на нем была серая шляпа, костюм, рядом товарищ шел в косоворотке с крученым поясом. И такая пестрота в каждом ряду. Когда мы ходили по Покровскому бульвару и маршировали – это была картинка... Песни разучивали на ходу.

Затем вдруг ночью, сколько было времени, не помню, уже кое-кто спал, команда: «Выходи строиться, забирай все свои вещи» и т.д. Сразу шум: как строиться, куда строиться!..

Мы к этому времени привыкли уже команду слушать. Быстренько все подхватили. Если бы такая команда последовала в первые два дня, то большой суеты не было бы, потому что вещевые мешки, которые мы взяли, были не так громоздки. Но после того как мы четыре денька прожили в этом Армянском переулке, семьи натащили ополченцам всяких вещей, вплоть до перин, потому что спали на полу. <...> И когда последовала команда: «Начинай строиться и забирай все», тут началась паника. Когда мы вытащили весь свой скарб на улицу – это было страшное зрелище.

Выстроили целую колонну. Тут были еще какие-то подразделения. Весь Армянский переулок был забит людьми, нагруженными тюками, корзинами, чемоданами.

Вдруг команда: «Шагом марш!» Быстрым маршем пошли. Народ разный был. Со мною шел бухгалтер из Детгиза, это человек в возрасте пятидесяти пяти лет, такой грузный мужчина, одышка. У него подушка из вещевого мешка, чемодан, плащ и еще какой-то сверток. Попробуйте! Жалко его. А я уже был назначен командиром отделения, и он у меня в отделении. Я не могу потерпеть, чтобы у меня в отделении кто-нибудь отстал. Мы отстали, потом побежали вперед бегом, потом остановились, потом опять бегом. До Лапковского переулка, там расстояние может быть 500 метров, двигались всю ночь, причем бежали, садились, опять бежали, опять садились.

Важно, что настроение у людей было самое ретивое. Когда нас держат день, мы говорим, почему мы сидим день, мы что-то должны делать, раз записались, значит, какое-то дело должно быть!

На Лапковском в угловой школе пробыли два дня. Получили лопатки. На другой день нам говорят, что нужно быть готовыми к выступлению. Куда? Да, говорят, здесь недалеко. Думаем, очевидно, маневры или какие-то тактические занятия.

– А что с собою брать?

– Ничего брать с собою, конечно, не надо.

Часов в пять дня подали машины. «По машинам садись». Нам сказали ничего не брать, мы так все и оставили, даже и пищу оставили. Как раз жена была, говорит:

– Может быть, тебе взять батон?

– Зачем же, говорят, что вечером вернемся. Сейчас покушаю, и хватит.

Сели в машины. Все улицы были запружены машинами. Сели и с песнями поехали. Уже Москва начала погружаться в сумерки, когда выезжали из Москвы. Едем час. Остановились, машины проверили, поехали дальше. Начинается у людей тревога, кто-то кушать захотел, кто-то очень настороженно смотрит, куда везут. Едем два часа. Это еще под Москвой. Едем

шесть часов – это уже дальше за Москвой. Утром в Можайске покушали. Очень недолго постояли, там опять машины проверили и поехали дальше. На следующий день приехали в Вязьму.

Лето было очень жаркое, дороги были страшно размяты, на дорогах лежала примерно на четверть пыль, как пудра. Машины, идущие впереди, поднимали страшную пыль, так что в последних машинах весь народ буквально был залеплен пылью, тем не менее мы пели, и у нас на зубах скрипел песок и пыль.

В Вязьме остановились ночевать. Помылись там немного, и, собственно, в Вязьме мы и приобщились к войне.

Если 12 июля выехали из Москвы, то числа 14-го были в Вязьме. На Вязьму в этот день был налет. Бомбы упали на окраину Вязьмы, не помню, какая это окраина: северная, южная. По кустам, посадочкам, канавкам, бугоркам. Машины наши замаскировали, а мы – кто где. Бомбили не нас, а город. Естественно, народ еще не обучен ничему, опять поднялась неразбериха. После того как немец отбомбил и разбросал листовки, мы быстро всех собрали, сели на машины и поехали дальше.

От Вязьмы наш путь был на Сычевку, на Ржев. Из Ржева поехали на Селижарово – Осташково. Проехали Черный Дор, станцию и в районе Черного Дора свернули на запад. От Черного Дора въехали в разветвленную сеть озер.

Здесь мы занимались боевой подготовкой, а главным образом нас использовали на строительстве оборонительных рубежей. Мы рыли противотанковые рвы. Помимо этого, во время движения на работу занимались боевой подготовкой. Специальных часов на боевую подготовку у нас в это время не было, потому что срочно надо было готовить эти рубежи, и дано указание на боевую подготовку тратить время передвижения от места расположения до места работ – два-три километра. На этом расстоянии во время движения занимаемся построениями, перебежками, переползанием.

К этому времени получили и оружие. Это были какие-то французские ружья, некоторые из них были трехзарядные. Длина этого ружья четверти на полторы длиннее нашей винтовки, а штык – аршин длиной, круглый. Патронов к этим винтовкам не было. Нам сказали, что это для того, чтобы мы втягивались, чтобы мы привыкали.

Сейчас смешно, в то время мы относились к этому делу совершенно серьезно и ни у кого не было никакого скепсиса. Нам дали винтовку, значит, винтовка, я к ней и отношусь как к винтовке; дали штык – значит, это штык, причем этот штык надо было носить в чехле на поясе, но так как он, подлый, очень длинный, он отклоняется, как треножка, вперед, и на него натыкаешься.

Немец нас гонял во время работы по этим рвам. Он в это время очень нагло себя вел. Нашей авиации мы тогда почти не видели. Время от времени У-2 пролетали над нами – наши связные. Немец просто безобразничал, снижался до телеграфных столбов и рассматривал, что мы делаем, причем

обстрела, например, нашего подразделения, никогда не было. Мы даже привыкли, работаем, он нас не трогает, а нам его нечем тронуть.

К этому времени одно из наших подразделений нашего полка, кажется, 1-й батальон, был выдвинут в непосредственное соприкосновение с противником. Когда мы об этом услышали, страшно завидовали этому батальону. Так как народ был немолодой и было довольно много культурных товарищей, поэтому разговоры вели очень откровенные друг с другом. Все завидовали этому батальону, тем не менее, когда так себе-ремся, каждый не стесняясь сознавался, что у него щемит душу и сердце: вот война пришла, мы еще войны не видели. Война – как-то в сознании не укладывается. Война, а мы здесь с лопатами в поле, это еще не война. Вот, говорят, 1-й батальон пошел воевать, что это за война, которая и нам предстоит.

Через некоторое время и до нас очередь дошла. В районе д. Загозье мы вынуждены были войти в соприкосновение с противником. Батальон наш размещался у д. Лучки. В направлении противника лежала д. Загозье, которая никем не занималась, а за д. Загозье была деревня Боровское, там были немцы.

Нас вывели в район д. Лучки и поставили перед нами задачу – обязательно поймать пленного. Разведчики мы все плохие, стрелять мы еще не стреляли.

К этому времени мы получили пулеметы, винтовки, но мы еще не стреляли. Обмундирование получили на неделю раньше.

Все мы жители города, и каждого человека, приехавшего из города в лес, достаточно три раза перекрутить, и он уже не знает, куда ему идти. Так и с нами было. В Москве мы пользовались светофорами, теперь нам надо было в лесу ориентироваться. Я очень долгое время не мог привыкнуть ориентироваться. Если выйду на бугор и вижу деревню, так я на нее и пойду, если не дай бог спущусь в какую-нибудь рощу или ложбину, я уже растерялся, вправо или влево обязательно отклонюсь.

И вдруг этому человеку нужно идти в разведку. И первое время мы много товарищей теряли в разведке. В разведку все охотно идут, не было случая, чтобы кто-нибудь отказывался, поэтому командованию приходилось просто назначать. Назначает командир не потому, что никто не хочет идти, а потому что командир знает, кто больше способен на такое дело. Если я спрошу, кто хочет, – все хотят, а в разведку нужно выбрать такого, который бы не пропал зазря, и тем не менее многие товарищи пропадали.

Здесь мы начали стрелять не в порядке учебном, а в порядке боевом по живой цели. Живая цель была от нас очень далеко. Несмотря на то что немцы очень нагло себя вели, но показывались они на довольно почтительном расстоянии.

Несмотря на мелкие стычки с врагом, мы это еще не называли войной. Мы были все уверены, что война – это не то, что-то должно быть сложное, страшное, тяжелое.

Через некоторое время нас перебросили в том же районе в другое место. Сейчас не помню название этого населенного пункта. Мы там заняли оборону.

Несмотря на то, что мы долго, очень долго и много занимались земляными работами, тем не менее наш народ не обучился вырыть себе, предположим, ячейку. Мы в основном рыли противотанковые рвы. Это большая трудоемкая земляная работа, а здесь нужно вырыть себе ячейку, чего он еще не умеет. По существу, наши ополченцы рыли себе не огневую ячейку, а приходили и копали себе яму. Влезет в эту яму, но из этой ямы не вылезти, не проползти.

К этому времени в расположение нашего батальона приехали оренбургские казаки, целый полк. Они, очевидно, приехали к нам для совместных действий или для того, чтобы принять от нас участок обороны. Они должны были познакомиться с расположением противника.

К этому времени я уже командовал взводом. Так как мы стояли дней десять, я очень часто ходил в разведку и неплохо знал местность. В тот же день, когда к нам прибыли казаки, меня вызывает командир батальона и говорит:

– Вот что, тов. Компаниец, иди с этими товарищами.

Я вижу, что у него какие-то новые товарищи, казаки.

– Пойдешь с ними в разведку. Они тебе дадут коня, и ты будешь с ними.

Кавалерист из меня плохой. Я до этого времени до лошади в жизни не дотрагивался. Подводят ко мне здоровнейшего конягу. С трудом меня на него посадили. Я им говорю:

– Может быть, пешком, пешком лучше, не так заметно, легче проскочить.

Для них это оскорбительно: казаки – пешком! «Поехали на верхах!» Немец от нас был километрах в двух, разделял нас лес. Мы по окраине одного населенного пункта заняли оборону, а немец занимал деревню. Нас поехало одиннадцать человек верхами.

Тут надо сказать вам одну важную деталь, которая характеризовала состояние нашей бдительности. Еще в то время, когда мы рыли окопы. Было хорошее утро, и со стороны немцев к нам из лесу вышел человек в маскировочном халате. Я до этого маскировочных халатов не видел, я слышал, что есть маскировочные халаты, но что это за халаты, я не знал.

Мы занялись как раз подготовкой своего оборонительного рубежа. Вышел человек и идет. Я послал одного из товарищей:

– Поди его задержи, узнай, что за человек.

Привели его ко мне. Русский. Судя по короткому разговору, который я с ним имел, культурный человек, причем ведет себя очень нагло. Этот человек говорит, что выходит из окружения. В то время шло много народа из окружения. Кончив с ним разговор, я ему говорю, что никуда не пойдете, мы вас отведем к начальнику, там поговорите.

Командир роты, увидев, что кого-то конвоируют, подозвал его к себе. Так как командир роты ходил и осматривал рубежи, он идет по рубежу и ведет за собой этого гражданина. Он с ним прошел по всему нашему краю обороны. Там они встретили где-то командира батальона, гуляющего по нашей обороне, еще с командиром батальона походил этот гражданин. Конечно, рассказывал всякие небылицы, как трудно воевать. В общем, его отпустили. Смотрим, минут через тридцать он идет обратно по этому же пути.

– Что вы хотите?

– Да вот, – говорит, – выхожу на дорогу к себе.

И опять ни к чему. Вышел на дорогу, и не знаю, куда он делся.

Итак, я попал к этим казакам, сели на коней и поехали. Надо полагать, что немец был буквально рядышком на опушке леса, ожидал только команды для наступления на нас. Когда мы были в лесу, мы даже речь немецкую слышали. Мы остановили коней, повернули стороной, так близко он нас были немцы. Все затихло. Проехали с километр. Немец нас обстрелял. Мы шарахнулись в сторону. И в это время мы услышали страшный шум сзади нас. Немец перешел в наступление. Немец не хотел с нами связываться, не хотел поднимать шума, и поэтому, когда мы ехали, он раздвинулся и нас пропустил спокойно, потому что, если бы мы на него наткнулись, поднялась бы ружейная стрельба, паника, и наши части насторожились бы.

Это был самый страшный бой для нашего батальона, бой был очень длительный. Обратно к себе мы пробивались в течение целого дня и не смогли пробраться, потому что как только подходим к линии фронта, попадаем под обстрел наших товарищей. Долго искали выхода, покамест выскочили из этой петли. Через два дня мы вышли.

Когда вышли к своему взводу, я узнал страшно трагическую весть: больше половины не только моего взвода, а больше половины батальона погибло. Это был первый и последний бой с такими большими потерями. Погибло процентов семьдесят из тех товарищей, с которыми я пришел в ополчение.

Причиной этому являются такие факторы: умение в то время немца, пользуясь нашей нерасторопностью, неожиданно набрасываться. Это один фактор, который играл решающую роль. Второй фактор – неумение нашими ополченцами правильно выстроить позиции и вести оборонительный бой.

И третий фактор – несмотря на неумение воевать, нежелание уходить с позиций наших ополченцев. Каждый из нас знал, что мы ни на шаг не отойдем, тем более что это были в абсолютном большинстве члены партии, а беспартийные, которые с нами были, – это были изумительные патриоты. Трудно было предположить, что в этом человеке может быть столько самоотверженности. Он вырыл себе яму – окоп так называемый – и сидит. Ему кричишь:

– Выходи, хватит!

Не выходит. Некоторых буквально приходилось за воротник вытаскивать, потому что у него голова не работает в том направлении, чтобы уйти. Эти три фактора очень тяжело сказались на наших ополченских делах.

Это был сентябрь месяц. С боями отошли очень немного, километров шесть, и нас вывели. После этого вскоре мы получили команду двигаться в направлении на Селижарово. По пути узнали, что мы идем на Ржев, что немцы прорвались южнее нас и очень далеко прошли на восток и что всей нашей дивизии приказано быстро перебрасываться. Мы не дошли до Ржева, наверное, километров сорок, нас вернули обратно в Селижарово, потому что оказалось, что через Ржев пройти нельзя.

Это было уже новое пополнение. Мы получили большую группу рабочих с Коломенского завода, но в основном все-таки мы считались ополченцами, потому что и рабочие с этого завода были тоже ополченцами.

Когда мы вернулись от Ржева в Селижарово, нас погрузили на машины и перебросили в район Наро-Фоминска, 18 октября мы выгрузились в Наро-Фоминске, и 18 же октября уже один взвод нашего батальона был брошен против какой-то группы немцев. Мы уже знали, что немец находится непосредственно под Наро-Фоминском.

Тут начинается для нашего подразделения новый этап. Здесь уже больше стройности, больше организованности, но еще достаточно много нестройности и неорганизованности, и очень часто наши подразделения действовали несогласовано.

<...> Батальоном командовал Наумецкий¹. Помню по названию населенные пункты: Порядино – Башкино – Башкардово. В районе Порядино – Башкардово наш батальон попал под большой натиск немцев. Здесь, по существу, весь наш полк был очень крепко потрепан, и мы начали отходить к Наро-Фоминску после очень упорных и тяжелых боев, причем отходили на железную дорогу, станцию Коряково. В это Коряково отошел весь полк во главе с командиром полка Галаганом². Здесь же был комиссар полка³, фамилии не помню, товарищ очень хороший. Когда возле этой деревни появились немецкие танки, мы отсюда начали отходить. Командир полка приказал выходить из деревни небольшими группами.

Я повел группу человек в сто, вслед за мною повел группу комиссар полка. По дороге нас немцы обстреляли. Получили сведения, что комиссар полка погиб, о командире полка равным счетом никто ничего не знал. Впоследствии оказалось, что он был в этом районе, попал в плен, из немецкого лагеря удрал, долго партизанил и в 1944 году опять вошел в состав 33-й армии и был опять в чине подполковника.

¹ Наумецкий Кирилл Яковлевич (1890–?) – командир 2-го батальона 3-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии. (*Здесь и далее Примеч. ред.*)

² Галаган Илья Александрович – подполковник, командир 2-го (1289-го) стрелкового полка (06.07.1941 – 20.10.1941).

³ Терентьев Александр Матвеевич – комиссар 2-го (1289-го) стрелкового полка.

Из Корякова пошли на Башкино, из Башкина на Наро-Фоминск. В Наро-Фоминске мы узнали, что наш полк и всю нашу дивизию, как тогда говорили, «немец разбил» и что сейчас от штаба дивизии и от штаба армии выехали в Наро-Фоминск люди для того, чтобы собирать блуждающие отряды.

Я со своей группой пошел в Наро-Фоминск, где встретил Мехлиса¹. В это время Мехлис был послан в Наро-Фоминск для того, чтобы здесь организовать оборону. Я шел со своим взводом, примерно человек 30 было у меня – и мои солдаты, и не мои, которые ко мне присоединились во время пути. Меня окликнул один майор. Он меня повел к Мехлису. Мехлис приказал мне занять оборону. Я говорю:

– Товарищ Мехлис, у меня нет ни патронов, ни еды, есть только винтовки у солдат.

– Мы вам все это пришлем. Вы видите, положение какое! Мы вас даже без патронов вынуждены здесь оставить. Посидите, подержитесь немного, пришлем вам солдат.

Мы так посидели дня три. <...> Противник подошел к Кузьминке, занял лес и дальше не двинулся. Он, очевидно, выглянул из леса, видит, что тут кто-то есть, решил подтягивать свои тылы. За это время наши успели подбросить войска и заняли крепкую оборону.

Отсюда наш батальон был переброшен в район Каменского.

Здесь знаменитая деревушка Слизнево; <...> атаковали по пять, по шесть раз в день, и все безрезультатно, никак ничего не могли сделать.

У нас уже были артиллерия и минометы. Короче говоря, мы приобрели вид военной организации, даже забыли о том, что мы ополченцы, перестали вспоминать о том, что мы ополченцы. Даже самые не приспособленные к такой походной жизни уже не жаловались буквально ни на что. Это была настоящая организованная воинская часть. Мне трудно судить о всей дивизии, а по своему батальону и по своему полку должен сказать следующую вещь.

Полк наш формировался как воинская единица в боях с июля по октябрь 1941 года. Завершено это формирование было в районе Наро-Фоминска, когда заняли твердую оборону, когда мы стали настоящей воинской частью, в которой в достаточной степени крепко жили и воинская дисциплина, и воинский долг. Все это, объединившись, создавало прочную часть. В то время мы вошли в состав 33-й армии. <...>

На этом заканчивается мое участие в составе 110-й дивизии.

Я из-под Каменского поехал на курсы, а через четыре месяца немец перешел в наступление. Курсы наши воевали все время в составе 33-й армии и на том же самом участке, помогали 222-й дивизии.

Источник: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 1. Оп. 27. Д. 60.

¹ Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – заместитель народного комиссара обороны.

Записки ополченца 4-й Куйбышевской дивизии Г.Н. Матвеева

Нет крепостей, которых я не брал.
Мать родила меня для битвы грозной.
Но я чужих земель не попирал.
Я чист пред солнцем и пред небом звездным.

Химки. Москва

Химки. Сходня

Наступил 1941-й год. Над Советской страной разразилась гроза. Наш народ подвергся жестокому террору. Фашистские самолеты разрушали города, села. Всюду смерть – на полях, на тротуарах городских улиц, кровь, разрушенные здания.

Помню второй день войны. Город Химки, встревоженное население. Я вошел в военкомат. Возбужденные лица. Раздалась команда: «Становись!»

Мы стали в ряд. Человек в гимнастерке обратился к нам, добровольцам, с призывными словами:

– Советская страна в опасности! Надо мобилизовать все силы, все имеющиеся человеческие резервы. Время не ждет. Нашу землю топчут варвары, но мы не из тех, кто встречает врага на коленях. Мы, когда надо, умеем и воевать. Русские всегда побеждали. Об этом говорит история. Били и «псов-рыцарей», свергали татарское иго, шведов, победили Наполеона, в годы Гражданской войны разорвали кольцо 14 капиталистических государств, «разгромили атаманов, разогнали всех господ». Судьба того, кто поднял меч на нашу страну, – быть битым. Нелегко нам дается победа, но мы знаем, уверены в том, что будут разбиты и фашисты.

Агитатор замолк, затем призвал: «Кто изъявит желание вступить в ряды ополчения, отойдите к двери!» Большинство – у двери. В стороне стояли несколько человек.

Площадь перед военкоматом была полна народа. Тут были и жители Сходни – мои старые знакомые: Перфильев [1], Шувалов [2], Кольцов [3], Петров [4], Кондратьев [5], Гаврилин [6], Данилин [7], Ларионов [8], братья Ильины [9], Клеметьев [10], Климов [11], Кузнецов [12], два брата: председатель колхоза и бухгалтер из колхоза Машкина, Ивановы [13], Семенов (впоследствии Герой Советского Союза) [14]. Некоторые – из Солнечногорского района, Матвеюк из г. Химки [15].

В каждом взоре светилась гордость от сознания, что они с этого дня стали солдатами – защитниками Советской страны и скоро возьмут в руки оружие для борьбы с ненавистными врагами.

Я – ополченец

3-го июля утром дул легкий ветерок. Перед окном сосна, качались широкие лохматые ветви. Я собирался в поход. Все необходимое в саквояже. Попрощался с женой, малышом, и в путь-дорогу. Начиналась солдатская жизнь. От Джунковки до Сходни не более трех километров. Пошел к школе № 1, где формировались части ополченцев из жителей Химкинского и Солнечногорского районов.

Двухэтажное кирпичное здание школы оживило. Мы получили матрасы, одеяла. Мимо меня прошел столяр из сходненской деревообрабатывающей артели Кондратьев [5]. Он улыбнулся. Я любил этого человека за то, что в глазах его, словно в зеркале, отражалась его добрая, чуткая душа. Следом за ним шел грузный Федор Князев [16], так же, как и Кондратьев, житель Сходни. Повернув в нашу сторону свое веселое лицо с крупными чертами, он поднял над головой кулак.

– Таким кулаком только чертей глушить в ненастную погоду! – сказал Илья Калашников, мой сосед из Джунковки.

– Правильно говоришь! – ответил Князев, – я своим кулаком буду долбить да глушить врагов.

Князев славился своей большой силой.

Вечером, сидя на койке, вспомнил я Гражданскую войну, Владивосток – мою родину, сопки, тайгу, партизанские засады на японцев и каппелевцев.

С тех пор прошло немало лет, но память о товарищах и друзьях – Пименове, Докукине, Хрустицком, Онопке, Умурваеве, Апрелькине – почему-то возвратила меня к тем славным дням, когда мы вместе защищали советскую власть на Дальнем Востоке.

В школе

Сидим в школе на полу. В окна струятся светлые лучи солнца. Бывший председатель местного колхоза Иван Иванов [17] слегка хриплым голосом говорит:

– Вот грянула война, и заботы в сторону, уборочная побоку, все колхозные дела насмарку... А ведь нужны сейчас рабочие руки!

В разговор вмешался Василий Бабурин [18], крепыш из деревни Пикино.

– Да, цветет, братцы, гречиха, теперь самая пора ей – июльская.

– А ловко фашисты нас подсекли... – тяжело вздохнув, добавил Дементьев [19].

– Вот теперь и собирай урожай, враги его затопчут, – вторит ему Михаил Кондратьев.

– Ну чего горевать, коли нечего надевать! Знай – наряжайся. Живы будем – не померем! – успокоительно произнес скуластый, высоколобый, плечистый ополченец Максимов [20].

В коридоре показался командир.

– Поднимайся! – раздался властный голос.

Мигом все на ногах. Строимся. Идет переключка. В ответ слышны бодрые голоса: Моисеев [21], Ольшин [22], Смирнов [23], Гладков [24], Гуров [25], Морозов [26], Кольцов [3], Петров [4], Ильин [9], Кузнецов [12], Калашников [16], Хмель [27], Князев [16], Кондратьев [5], Слезкин [28], Данилин [7], Шведов [29], Коньков [30], Салазухин [31], Шварц [32], Деметьев [19], Парфенов [33].

Геройский поступок

Июль 1941 года. У станции Сходня в эфире звучит голос Левитана. Группа жителей жадно слушает передачу. Сумрачные лица. Все молчат.

Наш ополченческий батальон шел из школы. Маршируем по улицам поселка. Занятия закончили, вошли в школьный двор. Команда – разойдись!

Вскоре взводный командир Федор Князев, бывший милиционер, кричит:

– Выходи строиться!

Построились в две шеренги. Слышится команда:

– Поднять правую руку!

Мы недоумевали – зачем? Стоявший рядом со мной сутулый худощавый ополченец руку не поднял.

– Руки не поднимаешь, а еще идешь воевать, – с укором произнес Князев.

Чернявый заговорил:

– Братцы вы мои, что ж сделаешь, стал я инвалидом. Сцепщиком, значит, я работал, руку повредил. С вами на фронт уйду.

– Не уйдешь, – решительно произнес Князев.

– Буду разведчиком, – настаивал чернявый.

– Я тебе говорю – иди домой, – приказывает взводный.

Нехотя бывший сцепщик вышел из строя, озираясь, зашагал по пыльной дороге.

Приближался вечер. Долго беседовали ополченцы. Слышался голос Иванова [13]:

– Ну, братцы, удивил нас чернявый. Надо же, инвалид, а ведь не захотел в тылу остаться. Патриот, что и говорить!

Ополченцы умолкли. В классе мы лежали на матрацах. Подошел легкой походкой круглолицый крепыш, командир пулеметной команды лейтенант Бычеловский.

– Сегодняшний случай для нас показательный. Инвалид, любящий свою Родину, изъявил желание идти в ополчение. Он совершил подвиг...

Учеба

Началась учеба. Князеву дали взвод. Он шел, командуя зычным голосом:

– Раз-два, раз-два...

– Три танкиста, три веселых друга... – пели, шагая по пыльной дороге.

Многие еще не сбрили бороды, усы. Выпячивали грудь, бодрость вливалась в тело. Вспоминал молодость. Рядом с нами шагало подразделение черноглазого лейтенанта. Слышались веселые голоса. Партизанский гимн «По долинам и по взгорьям» гулко звучал на улице.

– Этих дней не смолкнет слава! – пели ополченцы.

А позади нас шагала ватага сорванцов, наши спутники – шаловливые мальчуганы. Шел гордой походкой веснушчатый паренек, одетый в буденовку и рваный отцовский мундир, на боку «командира» болталась деревянная сабля.

Ребята весело переговаривались, завистливо поглядывали на ополченцев и в душе завидовали взрослым, тем, кто в скором времени должен уйти на фронт.

В Армянском переулке [34]

Короткая военная учеба подошла к концу. На станции Сходня погрузились в вагоны. Миновали ст. Подрезково, Планерная, Химки.

Москва, Армянский переулок. Наши части размещены в просторной светлой школе. Ночью я лежал в коридоре со скуластым Ильиным [9], но днем помещение освободили, а сюда влилась новая партия ополченцев. Поток пошла молодежь. Почти у всех к ремням прикреплены саперные лопатки.

В 4-ю дивизию Куйбышевского района вливались москвичи, среди них инженеры, учителя, научные работники.

Под Вязьмой. Июль – август 1941

Федор Князев

Июль – август 1941 г. Мы под Вязьмой.

– Как хочется жить! – взглянув в небо, произнес Князев. – Небо, братцы, синее! Казалось бы, жить мирно, ан нет! Словно земли мало: тесно фашистам. Прут на нашу землю. Гитлер обещал своим солдатам по 100 гектаров, а уж многие авансом получили по два метра – могильную норму. План у гансов сорвался.

Он говорит, а в его больших серых глазах чувствовалась безграничная ненависть к непрошенным гостям.

Я, как и все, внимательно слушаю взводного. С ним я подружился, живя под Москвой в поселке Сходня. Он был всегда жизнерадостный, но теперь в нем бушует гнев. Помню, в военкомате в городе Химки, когда нас спросили, кто пойдет добровольцем, Федор одним из первых вышел из шеренги, сжал кулак и заговорил:

– Бить будем! Спуску не дадим! Винтовку в руки! А выстрелим метко! Нет, я непременно пойду воевать!

За ним уже вышли все остальные, и на месте остались стоять всего лишь несколько человек.

Федор молчал. Мы сидели, курили. Каждый был погружен в воспоминания о доме, детях, родителях, о Родине, а иные думали о возлюбленной. Впереди качалась от ветра тучная рожь.

Я думал о Князеве. Силен, ох как силен! Недаром односельчане о нем говорили: «Медвежья сила, согнет любого!»

Погибнет урожай

Август 1941 года. Мы стоим в деревне Дугино [35].

Идем копать пулеметные гнезда, рядом шагает маленький, юркий Королев. Восхищенный видом поля, он обращается к ополченцам:

– Рожь! Какая рожь красавица! Да, урожай будет небывалый!

Королев [36] замолкает. Мы идем и топчем ногами красавицу-рожь.

– Ее бы надуть собрать, да недосуг. Видать, в драке волос не жалеют, – говорит сердито Кондратьев. – Думаю, фашисты неподалеку уже от Вязьмы. Да, погибнет урожай.

Роем окопы

Неуемный ветер роется в стоге. Колышется желтое море несжатой ржи. На небе чернеют тяжелые тучи. У меня на сердце бесконечная грусть. Эх, домой бы! Как там живут в тылу, под Москвой?

На меня оглянулся взводный и, улыбаясь, проговорил:

– Жми, не стой! Рот не разевай, жми, как на кашу!

– Да, жми, жми! – добавляет Петров [4].

– Давайте, ребята, шевелитесь, – подбадривает долговязый, словно жердь, Голубев [37]. – Это не как в песне – «наш скорбный труд». Чем больше выкопаем окопов, рвов, тем легче будет удержать врага.

Через каждые пятьдесят минут отдыхаем. На лицах выступает пот, рубахи хоть выжимай.

На берегах Селигера [38]

В дороге

Солнце жарит вовсю. Наши машины поднимают облака пыли, оставляют за собой желтые шлейфы. Пыль хрустит на зубах. И так до самой ночи. Спали в машинах. Я долго не мог уснуть, вспоминал Москву, почему-то Арбат, большой поток людей, поселок Джунковку, откуда я ушел ополченцем.

Второй день в пути, по дорогам, где что ни шаг, то ухабы. Куда везут – военная тайна. Урчали машины. Рядом со мной сидели Перфильев и Королев. Кольцов, обращаясь к нам, говорил:

– Фашисты топчут нашу землю, а как же, хлопцы, прекрасен мир! Взгляните на рябины – красота!

По сторонам фиолетовые вязы, легкий ветер шевелил пурпурные кисти черемухи, одиноко стоявшей на опушке.

– Да, все это мы видим: и синее небо, и лес в осеннем наряде, – произнес, улыбнувшись тонкими губами, Голубев. – Но все это не для нас! Вот ведь поговорка пошла фронтовая: спрашиваешь о судьбе Ваньки – услышишь в Наркомздраве, это ясно – угодил в госпиталь. Бывает хуже: узнаешь, что Гаврила в Наркомземе – значит, нет его в живых.

– Да, лежит боец и больше никогда не встанет, не глянет на небо, на землю, на родных и друзей, – тихо проговорил Терентьев [39].

Но не унывал всегда жизнерадостный Бычков [40]. Он рассказывал очередной анекдот:

– Плыл один пассажир на пароходе с Кавказа. Качка в море была, его, беднягу, укачало. Он высочил из кубрика и шумит: «Капитан, капитан, держи по ровным дорогам!»

Мы от души смеемся, хотя и трясло нас основательно, и положение наше было не лучше, чем на бурных волнах моря. Но мы были во власти шоферов, да и судьба наша была в их руках.

Первые стычки с врагом

Красуха – деревня у озера Селигер. Здесь впервые произошли стычки – сближение лицом к лицу с фашистами.

Стою в блиндаже вблизи озера. Томительно тянется время. В амбразуру блиндажа дует ветер и льет холодный осенний дождь. Впереди виднеется неприятельский берег. В небе реют фашистские стервятники.

Сегодня мы побывали у трясины, куда упал наш самолет, потом возвратились в деревню Красуха. Я и Бычков вошли в просторную избу. Неистовый ветер дул в расшатанные рамы.

– На земле наши бойцы бьются, а в воздухе тоже не сладкий мед, – сказал с глубоким сочувствием к солдатикам колхозник – хозяин избы. – Вы на посту были, вам, поди, только озеро видно, а небо не видать. А тут два наших самолета за двумя фашистскими гоняются. Мы ждали, собьют немчуру, а получилось иное – подстрелили враги нашего. Смотрим, летчик пошел на снижение да и врезался в трясины. Поди, видали?

Село Красуха. На противоположном берегу возле города Осташково слышится стрельба. Наблюдаем за нашим лихим пилотом. В полдень бывший председатель колхоза шлет нам «депешу»: «Приезжайте! Летчик перебил стадо, чтобы коровы не достались врагам». Ранним утром мы прича-

лили на лодках к противоположному берегу озера и торопливо подобрали убитых коров. Вечером получили добавочный паек.

Словно мать родная

Наступил дождливый сентябрь. Сидим в избе. Терентьев чистит дуло винтовки. Бычков курит возле окна. Ливень хлещет в окна.

– Ну, зарядил, проклятый! – шамкает беззубым ртом старуха, ставя на стол горшок с картошкой – угощает нас.

– Ешьте, дитятки! – в ее выцветших глазах тоска; по сморщенной щеке скользнула слеза. – Ну, ешьте же, ешьте. Может, вас и не станет, убьют окаянные!

– Нет, этому не бывать, – решительно произнес Бычков. – Не отчаивайся, бабушка, мы еще потягаемся. Не на то ж мы родились, чтобы с ходу умереть!

В разговор вмешивается Терентьев:

– Мы, бабуся, план свой имеем: на каждого приходится десяток фашистов отправить на тот свет.

– Эх, дитятки, план-то планом, а вот мой сынок-то тоже говорил: «Не сдамся!», а пуля-дура его и нагнала. И лежит он, бедненький, теперь где-нибудь под березой. Ну, ешьте, ешьте, дитятки, на здоровье!

– Да, бабушка, ты права! – произнес с грустью Бычков. – Чему быть, того не миновать! Ну, а раньше времени все же нас в гроб не вопрешь.

– И то правда. Вишь, вон, вы-то не унываете, – одобрительно проговорила старуха.

– Да, чего унывать, коли нечего одевать! Знай лишь наряжайся! – шутит Бычков.

– Русская душа! До чего ж ты хороша, – думал я о бабушке.

На печи ворочался старик. Он балагур и, сев на краю печки, свесил ноги, вмешался в наш разговор. На его старческом лице пробежала улыбка:

– Жить бы вам, солдатики, да поживать, ан нет, пришли окаянные! Я-то при царе Николае у Брусилова был. Но война войне, видать, рознь. У нас тогда было братание. А теперь не подойдешь к врагу – голову оторвет.

Дед закашлялся.

– Видать, конец света! – и он, кряхтя, слез с печки.

Ветер бился в раму. Я вынул блокнот и стал записывать впечатления за пройденный день.

Взвод Бычеловского на рубеже

Сегодня ушел вперед со своим взводом лейтенант Бычеловский. Мы полюбили его как сына. Среди нас было немало ополченцев постарше его в два раза. Он наш командир, а иной раз стеснялся и скромно говорил:

– Нелегко мне приказывать отцам!

Но дисциплина распространяется на все возрасты. Он с нами с момента формирования на Сходне, из Московской военной школы вместе с лейтенантом Соколовским. В Красухе мне не пришлось быть у Бычеловского: часть наших бойцов: Веритнева, Бычкова, Королева, Перфильева – перевели, как и меня, в особый отряд, и мы уже были в составе взвода лейтенанта Семкина.

Я на посту. Без Бычеловского мне грустно. Я привык к лейтенанту. Он научил нас штыковому бою: кололи чучело – мешок с соломой. «С этим в бою не пропадешь!» – говорили ополченцы. Но на деле разлука с лейтенантом Бычеловским была короткой.

Нескончаемые разговоры. Ополченцы впервые побывали на рубежах и получили боевое крещение. Словом, дивизия вступила в соприкосновение с фашистами.

– Стояли мы, – рассказывает Ларионов, – возле деревни, названия не знаю, а с фланга виднелся ветхий сарай. Озеро поблизости. На противоположный берег послали разведку. Ждали, ждали – заждались. Начали уже тревожиться, а разведка словно сгорела.

– Видать, попали в капкан! – говорили ополченцы.

– Гляньте: на том берегу – разведка!

– Нет! Едва ли! – проговорил, глядя в бинокль, Бычеловский.

Видим, как с нашего берега отчалила лодка. Скоро привезли военных, среди них капитан и несколько бойцов – они выбрались из окружения.

– А разведка? – поинтересовался я, – наверное, погибла?

– Нет, нет, – ответил Чернышов [41], – вернулась целехонька!

Идут дни за днями. По утрам становится прохладно, с озера веет сыростью. Славная местность для охоты и рыбной ловли, но ныне здесь охота иного характера, на другого зверя, нарушившего покой советского народа.

Мы еще стоим на Селигере.

– Вот ведь, судьба! Вы наш воспитатель! При встрече с Вами вспоминаю, как Вы организовали драмкружок, теперь поете, – говорит Ларионов, обращаясь ко мне.

Значит, моя работа оставила след в воспоминаниях Ларионова и его друга Чернышова. Это хорошо! Влияние школы и работы избы-читальни сказалось, и довольно сильно.

Мы вспоминаем Морщихино, гастроли нашего драмкружка по соседним деревням и селам. Вот когда была весенняя пора! С какой охотой и энтузиазмом мы выступали тогда на сцене. Вспомнил я братьев Крыловых – Мишу, Виктора, Алексея [42], а также Кузнецова [12].

– Слушайте, я хочу поделиться с Вами наблюдениями, – предложил Ларионов.

– Какими? – заинтересовался я.

– Ведь я не верил армейским газетам. Не раз писали в них, что фашистские летчики гонялись во время налетов даже за одним красноармейцем,

а вот недавно удостоверился. И в правдоподобность сообщения газеты я поверил, когда стояли на высотке возле озера. Мы сидели в одиночных окопах, видим, как над озером появился «мессершмитт», выкрашенный в желтый и голубые цвета. Наш связист попал в переplet: вьется самолет, норовит его уничтожить, а тот на лодке гребет к берегу изо всех сил. Фашист открыл огонь. Мы шумим, волнуемся в окопах, советуем:

– Беги в сарай!

Услышал нас связист, подогнал лодку к берегу, бросил весла да и скрылся в сарае. Стервятник и тут не успокоился, бьет по сараю. Связист не усидел да и в дверь. Крылов надрывается:

– Милок, – кричит, – беги к нам!

Связист побежал, а пули возле него свистят. Он то упадет, то снова на ногах, то по-пластунски ползет. Добежал до окопа, едва отдышался, держится за грудь.

– Ну, – говорит, – сердце того и гляди выскочит!

– Теперь уже ничего, – успокаивает его Королев. – Теперь ты, братец, хоть не снаружи. Вот фашистская морда, одного и то гоняет, как козу.

– Ишь додумался. Ясно! Морально издевается даже над одним, – сказал лейтенант Бычаловский.

Ларионов с досадой продолжал:

– А ведь как обидно, что нет зенитки, а то от самолета остались бы одни воспоминания!

Мы все внимательно и с тревогой следим за самолетом-стервятником. Так и хочется нажать курок, да нет команды. Приказ – не выдавать места расположения окопов, и вот мы сидим словно зрители. Обидно, но так надо.

Ополченцы слушали, затаив дыхание, комсомольца. Но вот он провел пятерней по упрямым волосам, надел пилотку и закончил свой рассказ словами:

– Но стервятник все же нас разнюхал и дал очередь. Мы к брустверу жмемся. Хлоп на дно! У фашиста, как видно, иссякли патроны, самолет взвился. Но мы увидели, как он погрозил кулаком и улетел, подлюга.

Вывезли рожь

Сегодня я и Бычков получили благодарность от командования дивизии. Чувствовалось, что скоро мы покинем Селигер. Меня и Бычкова вчера с утра послали в одну из ближайших деревень, которую наши уже оставили, и через какой-нибудь час-полтора сюда могли войти фашисты. А ведь здесь находилось немало ржи, затаренной в мешки.

Как и всегда, Бычков был нетерпелив:

– Давай, милоч, собирайся!

– Куда? – спросил я.

– В разведку.

– Что ж, готов, как штык, – ответил я.

– Ну, тогда трогаемся.

В пути Бычков рассказал, что мы получили боевую задачу: в деревушке кулачье, чувствуя, что в скором времени войдут фашисты, разогнали лошадей да попрятали сбрую; наша задача – в двадцать минут нажать на изменников, вывезти хлеб на территорию, занятую нашей дивизией.

– Конечно, задача нелегкая, – подумал я, – но приказ есть приказ, и наша святая обязанность – выполнить задание любой ценой.

Мы шли по берегу озера, повернули в глубь леса, миновали просеку и вскоре очутились на поляне. Подвывал осенний ветер. На сырую землю падала порыжелая листва.

Я иду следом за худощавым Бычковым. Он шагает широкими шагами и говорит:

– Ушко держи остро. Следы, как бы немецкая разведка не вынырнула в пути.

Увидели несколько касок – наши солдаты. Миновали окопы, еще недавно оставленные ополченцами. Попалась на пути огромная воронка.

– Ничего себе ямища! – заметил Бычков. – А кровяца – видишь?

Я заглянул в воронку: действительно, крови было много.

– От бойцов ничего не осталось, – угрюмо проговорил Бычков.

– А кто здесь был, брат, не разберешь. Напишут родным: «Пропал без вести». Эх, и жисть-то наша солдатская! Сегодня жив, завтра – лапти кверху, – грустно размышлял Бычков.

Миновали кострище. Бычков приостановился. Вынул красный ситцевый кисет и ловко завернул сигарку. Помолчал и проговорил:

– Война! А вот бы кончилась, ей-богу. Удочку взял бы, земляных червей накопал, окуня или язя ловить пошел бы.

Он тяжело вздохнул, махнул с досадой костлявой рукой и проговорил:

– Рыбок, видать, нам удить не придется, где-нибудь похоронят нас под березой.

– Не унывай! Живы будем – не умрем, – подбодрил я своего дружка.

Так с разговорами мы незаметно подошли к деревне.

Действительно, на окраине возле накренившейся набок избы стояли заполненные рожью мешки. Нам навстречу вышел мужик, большеголовый, рыжебородый, с жестким выражением в злобных глазах, и вместе с ним высокий, словно жердь, худой второй мужик; трое стояли у обочины дороги.

Мы остро чувствовали неприязнь в их суровых глазах.

– Ну что ж, где сбруя? – взметнув жесткий взгляд на рыжебородого, строго спросил Бычков.

Мы стояли, держа винтовки наперевес.

– Лошадей, сбрую предоставьте через десять минут, – скомандовал Бычков. – Не доставите, мы вас, как куропаток, перехлопаем.

Мужики, с опаской оглядываясь, исчезли на соседней улице, ведущей на окраину деревни, где шумели дубы.

Минут через десять верхами подъехали крестьяне. Неизвестно откуда появились мальчуганы, выносили из изб припрятанные чересседельники, вожжи; женщины принесли хомуты, дуги.

– Давай! Жми, мужики! Да не мешкай! Живей! – кричал Бычков.

Мужики торопливо запрягали лошадей. Один разноглазый вяло поворачивался. Видно, не торопился.

Бычков скомандовал:

– А ну, припужнем!

Мы взяли винтовки наперевес. Штык Бычкова приблизился к животу разноглазого, тот вначале застыл, но потом засуетился.

– Ишь, какой пряткий, – отметил Бычков. – А ведь видать – предатель!

Разноглазый воровато оглянулся.

Вскоре мы шагали за растянувшимся вдоль дороги обозом. Было радостно.

– Ишь, из-под носа у немчуры рожь-то вывезли, – радовался Бычков.

На передовой

Ветер колышет деревья. Начался листопад. На темно-зеленой листве краснеют ягоды рябины.

Возвращаются из окопов в деревню Красуху ополченцы. Лица осунулись, глаза провалились. У некоторых каски, служившие котелками, черные, в саже: варили в них суп, кипятили воду для чая. У двух ополченцев шинели с обгорелыми полами, видать, сожжены у костра во время сна.

– Да, вид у них невоинственный! – думаю я.

Теперь наш взвод занял высоту. Слышен шелест листьев да звенящий свист ветра. Ночь темная. Сажу в окопе. В темноте не видно даже рядом сидящего Бычкова. Я окликнул его:

– Ну, как самочувствие?

– Ничего. Только спать до смерти хочется.

– Ты уж того... смотри не дремли!

– Да, нет, я не сплю. Я подумываю о Балабанове... Жену там оставил.

Разговор оборвал взводный:

– Ну, хлопцы, потише, чай, не дома на печке.

Нас отделяло от фашистов лишь картофельное поле. Враг не дремал. У фашистов, как у нас, нервы натянуты как струны, по всей вероятности.

У меня ныла нога. Еще днем я ползал три раза по оврагам к картофельному полю. Удачно приволок добавочного пайка – целый мешок картошки. Да вот в пути упал и крепко зашиб колено.

Отделенный поручил мне следить за флангом, будить того, кто задремлет. Он был уверен во мне. Знал, что я всегда начеку.

Один из ополченцев храпит довольно громко. Я подошел к нему.

– Эй, браток, хватит спать! Ты так храпишь, что тебя фашисты услышат. Наденут мешок на голову да и уволокуют к себе.

Браток недовольно цедит сквозь зубы:

– Отстань! На кой ляд будишь меня?

– Буди, буди соную, – приказывает Королев и обращается к нему. – Слышь, рябой, ты проспишь царствие небесное, да и угодишь у фрицам в лапы.

Я снова в окопе. Время тянется томительно долго. Наконец прошла ка-завшаяся вечностью ночь. Враги и не пытались наступать. Рассвело.

– Бычков, есть хочешь? – спросил я.

– Чертовски, аж живот к спине прирос.

Но нас перебил Веритнев:

– Хлопцы, котелки на линию огня.

Было понятно, что с тыла по-пластунски волокут к нам термо-сы с питанием. Передаем друг другу котелки. Взводный ставит их возле березы.

– Поедим, значит! Ну, разевай рот пошире, – крикнул Бычков.

Но неожиданно прогремел сильный взрыв мины, и от нашего аппети-та не осталось и следа. Заговорил пулемет неприятеля. Я нырнул в глубь окопа и через минуту вновь высунулся. В соседнем окопе, возле Быčkова, стоял, разинув рот, Байков, живший в мирное время на станции Крюково. Он недоуменно спросил:

– Разве стреляют?

– Глухая тетеря, – прокричал Бычков, – ныряй в окоп!

После сильной стрельбы наступило затишье.

– Котелки утрахали!

– Что ты городишь? – встревожились ополченцы.

– Котелки в лепешку!

– Беда! – сокрушается Тверитиев. – А в чем есть будем?

Что-то хотел еще сказать, но новый взрыв возле самых окопов заглу-шил его слова.

Я выстрелил. Вокруг заработали затворами, началась беспорядочная стрельба.

– Березу, того... подранили, – сказал Бычков с жалостью. И сказал так, словно о живом существе. Действительно, береза разбита, остался голый ствол.

– Бедняжка! – думал я. – Окончательно ты стала инвалидкой.

Минометный огонь утих.

– В чем есть-то будем? – недоумевал Байков.

Слева из глубокого окопа кричит отделенный:

– Растяпы! А где солдатская смекалка? Снимайте каски!

Мы передали друг другу каски, и вот уже едим довольно жидкий суп. Готова и солдатская оценка ему: суп жидок, крупинка за крупинкой гоня-ется с дубинкой.

– Ешь, какой дают. Разбираться нечего, чай, не у тещи на блинах, – ус-мехається Бычков.

Каски пустеют. И снова наполняется наша своеобразная посуда, но теперь уже кашей. Вкусна еда на воздухе! Да и аппетит нагуляли зверский.

Началась бомбежка.

– Надеть каски! – приказал отделенный.

Остаток каши я быстро съел, и каска уже на голове. Рядом рябой тоже надел второпях каску, и оставшаяся в ней каша потекла по его голове, щеке, носу.

Где-то в стороне падают бомбы, на озере столбы дыма, а думы невольно о мирной жизни. Сейчас бы пойти в лес, побродить, послушать, как шепчутся деревья, поохотиться бы... Нет, не скоро будем жить спокойно.

С левого фланга бежал рослый ополченец и тревожно кричал:

– Братцы, досидитесь, немцы вас захлопнут!

– Чего городишь? – рассердился отделенный.

Наши отошли, а он бежит вдоль оврага. И тут же приказал мне:

– Матвеев, за мной!

Я выполз из окопа. Пошли в разведку. Миновали заросший кустарником ров, под ногами шуршит стылая листва. Вот и деревня. Глухо. Не видно ни души. У обочины дороги лежит убитая лошадь, повозка опрокинута. Ясно, наши отступили. Тут же валяются вожжи.

– Бери, – командует отделенный.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Пригодятся! – твердо произносит он.

У землянки штаба

Шум листопада. Я стою возле землянки. Здесь штаб батальона. Слева из-за туч прорвался луч солнца и исчез. Я стою и наблюдаю за осыпью золотого дождя. Тихо к ногам падают березовые листья.

Осень. Невольно вспомнил родину – бухту Золотой Рог. Но наша приморская осень была иной: небо синее, прибой волн, зеленые медузы, распластанные на берегу водоросли, морские звезды. Все это осталось в памяти. Невольно душа рвется к берегам Амурского залива. Как хотелось бы сейчас очутиться возле скал, чтобы волны – величавые и дикие – бились бы у ног.

Мечты прервались. В штабе шел оживленный разговор. Чувствовалось, что мы скоро покинем Селигер, а куда судьба нас закинет – неизвестно.

В пути

Утром шли мимо девушек. Их более сотни. Они усиленно копают противотанковые рвы. Высокая смуглая девушка откинула назад тяжелую косу, рядом хрупкая; увидели нас и машут руками.

Мы идем мимо. Невольно в каждом из нас просыпается воспоминание о покинутых семьях, детях, любимых.

Мы уходим. Вдали видны косынки и упрямо роющие землю девушки. «Судьба многих, – думаю я, – быть может, не дожить до победы».

Над вершинами деревьев реют стервятники. Мы ложимся. Думаем: заметят девушек, бросят бомбу, и на этом месте останется только кровь и трупы. На душе нелегко. Горечь. Где же моя белокурая жена?

Лихославль

Дивизия шла, растянувшись по дороге. Подходили к городу Лихославль [43]. Настроение тяжелое, чувствуется, что фашисты распоясались.

Встречаем в пути людей: рабочих, колхозников. Сплошной хаос. Все торопливо уходят к Москве.

Враг силен и коварен. Он идет на разные хитрости. Ходит слух: город Калинин в руках фашистов, наши части отступили.

Фашисты сбросили десант. Наши не сразу сообразили, что это были не солдаты германской армии, а начиненные опилками чучела.

Уходим по дорогам.

Торжок

Обилие церковок. Идем по городу, кругом руины. Здесь несколько дней свирепствовали неприятельские самолеты. Идем мимо двора: видим разбитый шкаф, разбросанное белье. Над убитым стариком низко склонилась худощавая женщина. Черные волосы распустились по ее костлявым плечам. У обочины лежит мужчина, у него снарядом оторваны руки, лицо в крови.

Мы идем по дороге, а рядом колонны отступающих. Беженцы покидают деревни, везут на повозках жен, детей. Тяжело ступают лошади. Над землей низко плывут облака.

Идем по улице мимо какого-то здания, видимо, в нем размещалось учреждение. Вдруг подул ветер, и навстречу нам полетели деньги. Мы их подхватываем. Один шустрый ополченец набил ими полный котелок.

– Ну к чему ему это богатство? – смеется Ларионов. – Он в гроб что ли их с собой унесет?

– На том свете в ресторане гулять будет! – шутит Бычков.

Мы движемся в бесконечном людском водовороте. Нет конца бредущим беженцам. Шагают старухи, старики с мрачными лицами, у детей землистые лица, худоба, нездоровый блеск глаз. Женщины несут узлы. Двигутся подводы, нагруженные домашним скарбом. На небе свинцовые тучи.

В битве под Москвой

Под Боровском

Нашу дивизию перебросили на Киевскую дорогу, за Наро-Фоминск. Это были напряженные дни. События развертывались под городом Боровском.

Части нашей дивизии заняли деревню Мятлево. Под вечер началось наступление. Шли на мост. Ополченцы разглядывали автомашины, поверх которых был натянута брезент, предположили, что везут понтонные мосты. Но зачем? Ведь здесь был мост через реку.

Было тихо. Один из ополченцев из взвода Бычеловского попросил лейтенанта отпустить его в город к семье. Через час он вернулся и делился радостью с товарищами:

– Ну, братцы, видел свою бабу, ребят.

Ополченцы завистливо поглядывали на жителя Боровска.

Играют «гитары»

Под Боровском впервые были применены «гитары» – так называли орудие, наводящее панику на фашистов [44]. Били наши термитными снарядами. Командование дало распоряжение: усилить огонь по Боровску; предполагали, что здесь засели автоматчики.

– Ну, «гитара» заиграла, – шутил Богословский.

Орудие подняло настроение ополченцев. Пальба продолжалась и на следующий день, до самого вечера.

Ополченцы отошли от Боровска. Противник наступал. Отдельные подразделения нашей дивизии на время оказывались окруженными. Батальон, в котором находился взвод Бочаловского, занял круговую оборону. Фашисты освещали местность ракетами. Канонада не утихала. Было много раненых.

В дозоре стоял комсомолец Чернышов. Ветер дул в лицо, принес незнакомую речь. Ополченцы напрягли слух. Было ясно: к дозору приближались всадники.

Чернышов все же окликнул:

– Стой! Кто такие?

Фашистские кавалеристы повернули назад. И снова были слышны лишь вздохи ветра и видны ракеты, поднимавшиеся к небу и освещавшие темноту.

Ополченцы ослабли от недоедания: продовольствия не подвозили, трудно было что-то найти на грядках, в огородах осталось лишь немного капусты и свеклы.

К окруженцам пробрался капитан из штаба армии. Это повысило настроение бойцов. Вскоре после прибытия капитан вывел ополченцев из окру-

жения. Часть отступила удачно; позади слышалась стрельба: это отставших обозников обстрелял неприятель. Фашисты отсекли часть обоза систематическим пулеметным огнем, затем открыли по ним огонь из автоматов.

Командиром нашей роты был назначен капитан Синицын, из пограничников. На рассвете он вывел роту в большое село. Только расположились на отдых, как уже прозвучала команда: «В ружье!» Капитан из штаба дал распоряжение отступать. Пехота шла за артиллеристами, ополченцы везли пулеметы. Прикрывали отход комсомольцы батальона – Чернышов и Ларионов. В сарае установили пулемет.

Фашисты вели огонь из церкви. Чернышов был первым номером – бил из пулемета по церкви. Пулеметчикам приходилось менять огневую позицию, чтобы не попасть под огонь противника. Казалось, что враг вот-вот засечет и выведет из строя двух наших героев.

Когда наш батальон удалился на достаточное расстояние, пришла пора отойти Ларионову и Чернышову. Вывести пулемет было невозможно: враг наступал, да и пулеметчики ослабели. Чернышев отстегнул с винтовки СВГ нож и вонзил в кожух, вырвал замок. Вырванные части они бросили в навозную кучу и после этого отступили. Но в пути, со стороны насыпи, пулеметчиков настиг огонь.

Батальон остановился в лесу. Фашисты не унимались, били минометным огнем по ополченцам. Отступили к реке Нара. Жители указали, где находится мост, некоторым бойцам удалось уйти в Наро-Фоминск.

Часть батальона была направлена к деревне Атепцево. Была сформирована рота автоматчиков. Направленная в Атепцево разведка боем взяла деревню, с помощью местного жителя, колхозника, захватили в плен пьяного фашиста. Его извлекли из печи, он был без сознания.

Утром пришлось отступить под натиском фашистских танков. В пути попытались вызвать пленного на разговор, но он упорно молчал, удивленно оглядывался, словно не веря, что находится в плену. Языка доставили в штаб дивизии.

Юрий Чернышов и Александр Ларионов

Юрий Чернышов и Александр Ларионов росли в дер. Морщирино Солнечногорского района. Юрий был пониже ростом, плотный крепыш. Александр сухощавый, длинноногий. Они дружили, вместе ходили в школу. Иногда между ними возникали несогласия, в драке почти всегда победителем был суровый Юрий. Учились они в Сходне в школе № 1, что находилась на улице Горького. Шли годы, они стали юношами, повзрослели. Когда на нашу землю напали гитлеровцы, комсомольцы вступили в ополченцы 4-й Куйбышевской дивизии, были переброшены под Вязму в Ново-Дугино.

Каждый день в руках юношей были лопаты, они усердно рыли противотанковые рвы, окопы, пулеметные гнезда. В конце августа Вязма оста-

лась позади, дивизия была переброшена в Калининскую область. Александр и Юрий побывали на передовой, месяц на Селигере и снова в путь – дивизия переброшена под город Боровск, здесь разворачивались бои грандиозной битвы за Москву. Ополченцы из последних сил сдерживали натиск. 6 дней шли жаркие бои, нужно было выиграть время, чтобы подошло подкрепление.

Батальон, в котором были Юрий и Александр, выходил из окружения. Комсомольцы вызвались прикрыть отступающих товарищей. Они заняли выгодную позицию, открыли огонь из пулемета. Фашисты не решались продвигаться под пулеметным огнем, залегли, отстреливались. Когда кончились патроны, Юрий и Александр зарыли в навоз пулемет, а сами отступили – последними.

Позади осталась давно прошедшая война. Чернышов и Ларионов вернулись с фронта на родину. По-прежнему живет Юрий в Морщихине, он водит поезда, Александр работает на мебельной фабрике в г. Сходня.

Ноябрь 1941 года

Наш взвод стоит в деревне Савеловка [45]. Маленькая деревушка в несколько домов. Мы живем на окраине, в избе, возле которой вырыт неглубокий ров, уходящий в лес.

Избы расположены в ряд по одной стороне улицы, на другой – невысокие заборы, овощехранилище, скотный двор. Со всех сторон лес, много берез.

Дорога, идущая через Савеловку, уходит в Наро-Фоминск, на Волковскую Дачу, в деревню Могутово. Отсюда можно попасть в Атепцево, Слизнево. Недалеко от Наро-Фоминска расположена деревня Ивановка.

За деревней стоят легкие пушки. Стреляют редко. «Берегут снаряды», – говорит стоящий рядом со мной на улице Солдаткин. Действительно, прогремит над нами оружейный выстрел, и снова длительная тишина. Так ежедневно наши артиллеристы экономят снаряды.

Думаю часто: как же будут воевать с немцами? Плохо с оружием, снарядами не хватает. Немцы своей техникой нас задавят, у нас в руках – винтовки, немцы вооружены до зубов.

Стычка

У продовольственного склада шумит лейтенант Семкин:

– Приготовить вещевые мешки!

Мы разгружаем склад. До отказа заполнили наши вещевые мешки и тронулись в путь. Ноги вязнут в липкой грязи.

– С таким грузом далеко не уйдешь. Лямки плечи сотрут, – переговариваются ополченцы.

Резко прозвучала команда:

– Снять мешки! Выбрасывай все лишнее! Оставить белье и патроны!

Мы с быстротой и ловкостью выбрасываем на ходу все, топчем консервные банки, большие куски сала, сельдь.

Как из-под земли появились фашисты, открыли огонь.

– Ложись! – командует Семкин.

Грохнулись прямо в грязь.

– Матвеев, командуй!

Я поднял взвод в атаку. Наступаем, часто передергиваем затворы. Вокруг свинцовый ливень. Фашисты дрогнули, исчезли в чаще леса.

Продолжаем путь в Савеловке.

– Гад! Продажная шкура, – слышен голос Семкина. – Удрал гад к фашистам.

– Кто? – интересуюсь я.

– Горох.

Я вспоминаю паникера, который нередко цедил: «Батюшки, Гитлер весь мир завоюет!»

Ясно, что Горох продал нас, выдал расположение наших частей.

* * *

Мы по-прежнему стоим в Савеловке. Занимаем рубеж обороны – крайнюю избу. В остальных избах расквартированы артиллеристы. Наши орудия отвечают на вражеский обстрел через промежуточные интервалы – сказывается недостаток снарядов. Фашисты часто бьют из минометов. Ходить по улицам приходится с опаской.

Длинными становятся ночи. Поднимешься, выйдешь наружу подышать свежим воздухом и вновь в избу. Бычков и Солдаткин вышли и направились ко рву, где каждый день, да и ночью, несем дежурство. Фашисты располагаются невдалеке.

Я думаю почему-то о весне. Наступит она, радостная, зазвенят в голубой вышине жаворонки. Жить бы! Ан нет, может, придется лежать у березы, и не услышишь дыхания весны. Во сне часто вижу седые волны Амурского залива и большеглазую сестру Пашу. Она стоит в церкви, зажигает свечи и... сквернословит. Седой поп шипит:

– Изыди, сатана!

Пришло время идти на боевое дежурство. На улице бушевал неумный ветер. Где-то в стороне Наро-Фоминска трещали пулеметы.

Бойцы из Прибалтики

Два месяца держим оборону. Наше отделение по-прежнему стоит на окраине деревни. Мы пропускаем бойцов, идущих со стороны Прибалтики, отбираем оружие, отправляем в тыл – в формировочные пункты.

Сегодня пришли трое: высокий, молодой рязанец, суровый тамбовец в рваном пиджаке и третий – в женском пальто.

– Вот маскарад! – улыбается Виктор [46].

Тот, что в женском пальто, с обветренным лицом, заговорил простуженным голосом, и его безбородое, бледноватое узкое лицо оживилось:

– Понимаете, братцы, маскарад нужен – шли через кордоны, уходили из Прибалтики, отдавали шинели, да и солдатское обмундирование, и наряжались во что придется. Вот я, например, нарядился в бабье пальто. Надо было уйти. Ежели подойдешь в солдатском, фашисты схватят и пуస్తят в расход.

Его перебил рязанец:

– Натерпелись! Генерал Павлов [47] перед самой войной всю технику, почитай, подогнал в Прибалтику, все добро немчуре досталось, 500 самолетов в воздух не поднялись, вместо горючего зарядили аэропланы водой!

Заговорил и тамбовец. Лицо его точно пергаментное, по щекам глубокие морщины. Он открыл беззубый рот:

– Да, жизни в Эстонии нам дали, как и в Латвии и Литве, фашисты уничтожают наших, а богачи да холуи бьют нас с чердаков, из-за угла, да откуда только не стегают. Многих поубивали. Полковник Воронов вышел с боем из Прибалтики.

На Волковской Даче. Встреча с командующим армией

День выдался пасмурный. Осенний ветер срывал последние листья с деревьев. Я и Бычков шли лесом на склад за продуктами. Уныло каркали вороны. Под ногами хлюпали лужи, местами затянутые тонкими льдинками: по утрам начались заморозки.

– Тишь, и зверя не видать! Двунogie звери пришли, – зло произнес Бычков. Приостановившись, он воскликнул:

– Косой!

Заяц застыл на месте. Бычков взял на прицел и недовольно произнес:

– Заяц был бы в сумке, да беда наша – стрелять нельзя: фашисты очень близко.

– Пальнешь, – проговорил я, – да в штаб не попадешь, команду оставишь без продуктов.

Мы снова в пути. Падала листва. Ветер дул с севера. Пройдя несколько километров, мы дошли до Волковской Дачи. У штаба суетились ополченцы.

– Бачишь?

– Что? – отозвался я.

– У дверей – командующий!

– Кто? – заинтересовался я.

– Ефремов [48].

Я впервые видел командующего армией. Он стоял скромный и ничем особенно не отличался от окружающих. Простое русское лицо с усами.

На нем была солдатская шинель. Он оживленно беседовал с черноглазым штабником.

– Вот простота! – проговорил Бычков.

Я невольно почувствовал симпатию к Ефремову. Постояли минут десять, разглядывая командующего, и пошли на склад за продуктами.

В Савеловке. Вести из Наро-Фоминска

Из Наро-Фоминска слышна усиленная пулеметно-винтовочная стрельба. Слышались сильные взрывы. Фашистская авиация кружила над городом.

Наро-Фоминск разделен Нарой на две части: одну заняли фашисты, на противоположной стороне – наши. Идут разговоры: фашисты берут наших в плен, ломают винтовки, надсмехаются: у них вооружение намного лучше.

– Ничего, смеяться будут последние.

В избе шла оживленная беседа, главная тема – где фашисты ударят.

– С запада начнут наступать! – сообщил нам пришедший из Могутова связной Максимов [20]. Я с ним долго беседовал еще до войны в Джунковке – поселке, где жили наши семьи. В наш разговор вмешался Бычков и твердо произнес:

– Нара, братцы, выручает! Гитлеровцам нелегко приходится!

Я слушал и думал: «Техника хромает, да к тому же фашисты готовились к войне долгие годы, а мы овладеваем военной техникой на ходу».

Открываю счет

Первые дни декабря. По деревне весь день особенно яростно бьют фашистские минометы. Видим: со стороны деревень Ивановка и Афанасовка отступают бойцы. Во взглядах растерянность. Я останавливаюсь. Задерживаю с десятков бойцов и командую им: «За мной!»

Мы засели в хлеву. Приказываю не высовывать далеко дула в окошечках. Впереди в нескольких шагах фрицы. Изо рва в нашу сторону смотрит мордастый фашист. Я мечу в центр каски, передергиваю затвор – и враг убит. Второй повернулся к нам спиной, не разобрав сразу, откуда был выстрел. Даем залп – падает второй. У меня уже азарт: есть, есть фриц на моем счету! Боец около меня просит:

– Одолжи патронов!

Взглянув на паренька, говорю с укором:

– Патроны береги пуще хлеба! – но все же даю ему десяток патронов.

В овраге скапливаются фашисты. Мы выходим из хлева. Наши артиллеристы отступают в овраг, пересекающий деревню. Я беру из вещевой сумки гранату и лезу на чердак крайней избы: хочу бросить гранату в слуховое окно. Похороню фашистов! Но меня с лестницы бойцы тянут за полу шинели вниз, кричат: «Слезай! Избу окружают фашисты!»

Я быстро слезаю. Немцы усилили стрельбу, трещат трещотки: ими создают видимость множества пулеметов, рассчитывая подавить нашу психику. Мы уходим, отстреливаясь. Все больше и больше немцев выходит из оврага.

Деревня горит, занялись стога. Бушует огонь. Слышен винтовочный треск. Я со сформированным отделением отступаю короткими перебежками, отстреливаемся на ходу. Немцы пытаются догнать нас. Мы дали залп. В ответ свинцовый ливень – мы залегли.

Я часто передергиваю затвор. Немцы тоже залегли, не решаются подняться. Кричу:

– Хлопцы, позади нас лес! Отступаем в порядке! Не поддавайтесь панике! Отстреливаемся... отступаем...

Так продержался я с десятью ополченцами 1 декабря 1941 года в деревне Савеловка, в крайней избе. Пока держались артиллеристы, пока они после приказа об отступлении запрягали лошадей, мы сдерживали врага. Отступили только тогда, когда они выехали по оврагу из деревни. Мы с бойцами сформированного отряда, отстреливаясь, отступали к лесу. Вдруг неожиданно услышал голос с кавказским акцентом:

– Душа, спаси!

Мы увидели лежащего грузина, колени его были перебиты пулями.

– Возьмите меня! Спасите!

Я дал команду расстелить плащ-палатку, осторожно положили на нее раненого и поволокли. Мы были удобной мишенью.

– Да нас всех перебьют, – опасливо переговаривались ополченцы, но все-таки дотянули до амбара.

– Ползи в амбар, да побыстрее, – подгоняли мы грузина.

Он пополз по-пластунски и исчез в амбаре, зарылся в соломе.

3 декабря мы с боем вернулись в Савеловку. Узнали об участии кавказца. Немцы вошли в сарай, расположились на соломе попить чай. Опрокинули чайник, ошпарили лицо кавказца, но так и не обнаружили его. После ухода немцев грузин в горячке высунул из соломы ноги и обморозил обе ступни. Ноги ему ампутировали.

Вновь в Савеловке

Вытеснили фашистов. Снова стоим в Савеловке, в небольшом амбаре. Рядом слышен непонятный разговор латышей возле Бычкова. Чуть позже они заснули сидя.

А меня одолевают воспоминания. Куда только не забрасывала меня судьба! Владивосток, Советская Гавань, Ленинград, Евпатория.

За плечами Гражданская война. Теперь вторично на фронте. Чего только не пережили во фронтовой обстановке! Приходилось пробиваться через снежные заносы. Не раз мы с моим напарником Бычковым устраивались под открытым небом на ночлег так: клали одну шинель под себя,

второй покрывались, спали, грелись, прижавшись друг к другу, а над нами шумел ветер. Мимо проходили танки, поднимались и мы, шагали по глубокому снегу, тонули в сугробах уставшие ноги.

Я лежу и думаю: первого декабря в Савеловке у меня был экзамен на стойкость. Со своим отрядом, организованным из бегущих со стороны Ивановки ополченцев, в крайней избе колхозника Данилкина сумели задержать фашистов, выиграла время. Артиллеристы во время перестрелки моего отряда сумели отступить, уйти через ров, пересекающий деревню. В этот же день артиллеристы дали бой уже на новых позициях.

В наступлении. Мертвая аллея

Мы шли по глубоким сугробам. Позади меня шагал Бычков, как всегда, весело шутил:

– Братцы, ждем! Бегут фрицы! Только пятки сверкают, не догонишь! – и он замолчал.

Наш взвод приостановился. Возле вздрагивающей от ветра березы, на снежной опушке лежали убитые, замерзшие в разных позах. На душе у нас было грустно. Среди убитых мы узнавали своих товарищей. Возле ложбинки я и Бычков нашли комиссара батальона Фадеева. Он лежал грузный, вытянувшийся в своем белом полушубке.

– Закрылись добрые глаза! – подумал я.

Сомкнуты крепкие посиневшие губы. Не услышим мы теперь от него беседу, вселяющую в нас уверенность в победе. Последний раз Фадеев был у нас во взводе в деревне Савеловка перед разгромом врага в наступательной операции. Комиссар говорил о дисциплине. «Враг коварен, будь начеку» – как памятно его железные слова.

Снова продолжается марш. Метет поземка.

Финн в подвале

Я бежал по деревне вместе с Гуревым. Вошли в избу. Хозяйка с изможденным лицом, острым и бледным, стояла молча у печки и рукой указывала на пол.

– Ясно, кто-нибудь в подвале, – проговорил Гурев.

Мы подошли к подполу, подняли крышку, и оттуда вдруг вынырнул финн, выставив рыжую шапку волос. Удар прикладом, и финн обмяк, повалился.

Сидя на широкой скамейке, крестьянка рассказала:

– Я молчала: финн мне пригрозил, что если я выдам его, он меня убьет...

Мы покинули избу и быстро продвигались вперед, преследуя врага.

Вспоминая молодость

У нас теплое стеганое обмундирование, нам мороз нипочем! Невольно я вспоминаю Гражданскую войну: козы папахи, старые шинельки, а под ними – нижнее белье. Спасала молодость. А бегать приходилось не раз. Засада; выведем из строя каппелевцев, а потом отступаем; в последующие дни нас уж не догонишь, мы на сотни километров ушли в глубь тайги звериными тропами. Прошло 20 лет, а все прошлое как будто бы было не так давно. О, мой Приморский край, увижу ли я тебя?

Война. Многих из нас не станет. По бескрайним просторам Родины немало могил. Ветер воет и, кажется, оплакивает тех, кто погиб от рук фашистов. Многие солдаты пропали без вести, некоторые разорваны на части.

Враг идет по фронтовым дорогам. Немало и вражеских солдат покоится под березовыми крестами.

Мертвый пост

Метель. Резкий ветер жжет лицо. Я и боец Петров торопливо сматываем телефонный кабель. Идем упрямо вперед. Ноги тонут в глубоких сугробах. Откуда-то доносится трупный запах. Что бы это значило? Прошли еще немного и остановились у края глубокой ямы. Она была завалена трупами бойцов. Прибавляем шаг.

– Петров!

– Ась?

– Видишь?

На крутом берегу неприятельский пост.

– Вперед! – команду я.

Ползем.

– Заходи слева, а я с правой стороны. Рванем! – предлагает Петров.

Я замахваюсь гранатой. Что за чертовщина!

– Петров, подожди!

Мы присматриваемся. Около дерева фигура, не двигается, словно приросла к стволу; второй стоит на коленях. Мы подползаем ближе. Видим: это не фашисты, а мертвые наши солдаты, в шинелях; видимо стояли на посту; один приткнул к дереву, второй без шапки, на коленях.

Якуты

Мела поземка. Мимо нашей роты проходили широкоскулые якуты. На собачьих упряжках везли пулеметы.

– Не иначе китайцы, – шутили бойцы. – Теперича Германии каюк, задавим. Народу в Китае уймища.

– Якуты – это не китайцы, – проговорил Бычков. – Стрелки они отличные, белке в глаз попадают.

Прошло несколько дней, и мы узнали, что якуты попали в оборот, в самое пекло, под горячий минометный огонь. Якутов обуял страх, страховое настроение, спрячем-де голову и спасемся. В результате некоторые были ранены пониже спины.

Вызвали комбата. Якут виновато улыбался. Наше командование предложило использовать якутов в одиночку: охотники они, дайте снайперские винтовки. И пошла слава по дивизии: немало они уложили немцев: не попадайся, враг, в прицел, а коли попался, то прощайся с жизнью, со светом.

Телефон

Наша дивизия двигалась вперед. Танки... Орудия... Тягачи... Колонны бойцов... Разгром фашистской армии начался.

– Гоним гадов.

– Стронулись, – слышны радостные голоса бойцов.

На окраине деревни меня и Бычкова окликнул лейтенант Семкин.

– А ну, хлопцы, немедленно в подвалы. Проверьте, может быть, там спрятались гады.

Я бегу вслед за Бычковым, ветер метет поземку. Впереди проезжают сани, везут раненых.

– Давай шуровать живей, – шумит всегда живой и верткий Бычков; бойцы не зря прозвали его Чапаевым.

Вбегаем во двор заметенной сугробами избы, быстро спускаемся в подвал, крепко сжимаем винтовки. Полутемно. Я штыком кольнул в перину, Бычков разбросал одеяла.

– Жили немцы с комфортом, – с усмешкой замечает он.

Вокруг мягкие перины, разбросанные подушки, окурки папирос, разбитый стол, сделанный немцами из березы. Под ногами валяются консервные банки, сапоги с широкими голенищами, помятая каска, простреленная насквозь – видимо, владелец убит. Я выхватываю из угла газету с портретом Гитлера. Жирным шрифтом подпись: «Heil Hitler!» Я бросил газету с портретом, оглянулся по сторонам. Бычкова нет, он поднялся по лестнице. Осторожно открыл ящик, в нем женские платья, простыни. «Награбили», – подумал я.

Вдруг зазвонил телефон. Я вздрогнул от неожиданности и вскинул винтовку. Притаился. Прислушался. Вдруг снова продолжительный звонок. Что за чертовщина! Я бросился к перине, шарю в углу, отбрасываю одеяла. Вижу телефон. Торопливо снял трубку. Прислушиваюсь – слышу только завывание ветра на улице. Вдруг слышу отчетливо нерусскую речь:

– Хайль Гитлер! Русс капут – одно и то же твердит остолоп.

Я подумал и отбросил трубку. Быстро поднялся наверх. С тревогой огляделся: Бычкова нет. Где же он? Попал в плен? Убит? Я заметался по двору. А вдруг здесь фашисты? Распахнул дверь уборной – и шарахнулся в сторону. Приостановился.

- Чапаев! Ты ли это?
- Ясно, я. Хочешь, пощупай, коль не веришь.
- Щупать некогда, немцы, не иначе, где-нибудь прячутся.
- Что ты?

– Я слышал в подвале: «Хайль Гитлер!»

Бычков весело расхохотался, блестели острые глаза.

– Да ты, право, уморил. Поди, со страха умер.

Он берет меня за рукав.

– Пошли!

– Куда?

– В уборную.

– Зачем?

– Увидишь!

– Что?

– Телефон! Вот в него я и тебя на бога брал¹, хотел малость припугнуть, заговорил по-немецки, а слов мало знаю.

Мы рассматриваем надежно прикрепленный к стене телефон.

– Что ты, брат, должно быть, крепко сдрейфил?

– Да и ты, поди, тоже перепугался бы, поджилки затряслись бы, если был бы на моем месте, – ответил я.

Мы вышли наружу.

– Жили фашисты, как у тещи, – смеется Бычков. – Телефоны, перины.

Мы идем в соседний двор. Шарим, но безрезультатно. Встречаемся у воронки, кругом трупы, каски, бинты.

– Ну, давай, ты беги в крайнюю избу, а я вот в ветхую нырну.

Я спустился в подвал. Пахло плесенью. На перине лежала пристреленная овчарка. Прислушался: тихо. Делать здесь нечего, поднялся наверх, и услышал выстрел в подвале соседней избы. Бросился на двор, к подвалу. Навстречу вышел Бычков.

– Ты что это канонаду затеял? – спрашиваю.

– Да видишь, малость струсил. У страха глаза велики. Вхожу я в подвал, все осмотрел. Глянул: одеяло к потолку прикреплено, и ноги видны. Затвор передергиваю. Ну, думаю, резану. А немец и не думает падать, ни с места. Я не выдержал, подошел ближе, отдернул одеяло в сторону, а там сапоги стоят – и никого. Вот какие чудеса бывают.

Мы вышли наружу. Ветер жег лицо.

С пакетом в штаб

После обследования подвалов мы немного отдохнули на картонной фабрике у реки Нара. Лежали на полу, прижавшись друг к другу. Я не заснул ни минуты. Слышу, шумит дневальный:

¹ Брать/взять на бога кого-либо (сиб.) – спровоцировать кого-либо.

– Матвеев, на линию огня!

Подойдя ко мне поближе, он передал мне пакет и сказал:

– Перемахнешь через Нару, пакет сдашь в штаб.

Выхожу наружу. Фашисты усиливают минометный огонь. С треском рвутся немецкие мины. Я лавирую. Взрыв совсем рядом, падаю, вновь встаю, бегу. С берега спускаюсь на лед, иду по реке. Мины рвутся, лед раскалывается, столбами взмывает вода, обдает меня брызгами. Под ногами проваливается льдина, я перескакиваю на другую. Кажется, не дойти до противоположного берега, поглотит пучина. Я весь в поту. Ветер пронизывает шинель. На том берегу дуб, под ним солдат. Он кричит мне:

– Держи правее!

Несколько мин взрывается одновременно. Срезаны ветки дуба, солдат убит.

Я передал пакет по назначению. Возвращаюсь назад. Снова трещит лед. Опять переживание – доберусь ли? Около берега я упал в воду, рванулся, еще рывок – выползаю на берег. Ко мне спешат бойцы.

В тылу у неприятеля

Мы ходим, по всей вероятности, по тылам, я так чувствую. Вспоминается борьба с каппелевцами и японцами в 1921–1922 годах, нашим отрядом командовал Сидоров, бесстрашный комбат. В то время Мытин оперировал под Владивостоком, а наши красноармейские части стояли под Хабаровском. До фронта было 600 километров. Вспоминается матрос Мечников Герасим с крейсера, он был политрук конной разведки, всегда шутил. Шуруем в тылу, поддаем огонька. Где он теперь, мой друг боевой? Мы с ним расстались в 1922 году. До Владивостока судьба нас раскидала. А сколько было друзей-партизан! Да и теперь, воюя, я невольно вспоминаю тех, с кем я сам делил корку хлеба пополам.

Но и теперь у нас растет дружба фронтовая: один за всех, все за одного – такова тактика среди нас, москвичей. Мы не посраим земли русской.

В Гордеевке

В деревню Гордеевку мы подошли к вечеру, вскоре сидели в натопленной горнице.

– Вот здесь благодать, – проговорил Бычков и крепко обнял подошедшую жену.

Она шептала:

– Не верится, не чаяла, скучала по тебе. Недавно черти лупоглазые ушли, а сколько горя пережили! Все под чистую съели у меня, и не знаю, чем кормить, – говорила женщина и, словно спохватившись, засуетилась, открыла подвал. В это время раздался стук в дверь.

– Входи! – крикнул Бычков.

– Вот негаданно свиделись, – проговорил вошедший грузный крестьянин, снимая с лохматой головы рваную ушанку.

Следом вошел разноглазый с седой бородкой низенький крепыш. Он обнял Бычкова. Дверь снова скрипнула. Вошли трое. Один высокий, угрюмого вида; второй – конопатый, узкогрудый; последний – выше вошедших на голову. Они радостно здоровались с нами.

– Не думали, Бычков, что жив, – проговорил крепыш.

– Меня и Матвеева никакая пуля не возьмет. Мы так не сдадимся! – заливчато проговорил Бычков. Оглядел вошедших, скомандовал по-военному:

– Мигом несите по куску сала. Вас двадцать мужиков, ни один на фронте не был.

Узкогрудый начал оправдываться:

– Мы не виноваты, коли фашисты деревней завладели, а нас не мобилизовали. Наши, значит, не успели.

– Хватит оправдываться, – проговорил Бычков, – приказ выполняйте.

Через несколько минут вошли двое, принесли по основательному куску сала.

– Спасибо большое солдатское! – проговорил Бычков. Мы тоже благодарили за подарок.

Вскоре нам все принесли дань, на столе лежал ворох. Долго беседовали. О чем только не переговорили! О зверствах фашистов, о Москве, о погибших односельчанах, о мародерстве фашистов.

– Ешь, Матвеев, от пуза, – шумел Бычков, – попадем на фронт – животы подтянем.

Наевшись крепко, легли. Бычков вскоре заснул богатырским сном. Я долго не мог заснуть – вереница воспоминаний будоражила мозг. От съеденной обильной сытной пищи что-то плохо спалось. Часто просыпался. Почему-то видел много трупов, белые буханки хлеба, и вдруг все виденное исчезало, и будто я бродил в мрачной комнате, кишашей черными мышами.

Я проснулся, присел на кровати. У двери я увидел стоящего фрица, голова его была обмотана грязным полотенцем; одна щека пылала румянцем, а вторая – чувствовалось, что обморожена – побелела. Он был одет в основательно рваную шинель. Я быстро встал, подхватил винтовку, вкрикнул:

– Бычков!

– Что? – отозвался он.

– Фриц!

– Где?

Фашист исчез.

– Галлюцинация, – сказал я.

Утро. Морозно. На крыльце, обняв жену, стоял Бычков, прижавшись к мягкой груди. Они долго не могли оторваться друг от друга. Она, бледная, большеглазая, горячо говорила:

- Последний раз, может быть, постоим, да и расстанемся навеки.
- Не унывай: судьба – так с победой вернусь. – Ну, пошли.
- Пошли, – согласился я.

Бычков словно очнулся ото сна. Крепко поцеловал в губы взволнованную женщину и, резко отстранившись, зашагал за мной. Провожавшие мужики махали шапками, прощаясь с нами. Мы уходили по заснеженной дороге. Мимо нас, урча, проезжали груженные до отказа снарядами автомашины.

– Гостинцы везут, – проговорил, улыбаясь, Бычков.

Да, от этих гостинцев фашистам не поздоровится, думал я. Мы уходили все дальше и дальше.

От Боровска шли молча. На лбу выступил пот. Лямки вещевых мешков крепко жали плечи. Мы несли нелегкий груз – сало. Нам посчастливилось: остановился около нас газик, высунулась широкоскулая физиономия шофера. Он предложил:

– А ну садись, братва. До фронта подброшу.

К вечеру мы были в своей части, угощали товарищей салом.

На следующий день мне и Бычкову за благополучную доставку на формиловочный пункт 120 окруженцев командование вынесло благодарность.

* * *

Крепчал мороз. Я и Бычков стояли у опушки. Рвались снаряды. Но чувствовалась суета – преддверие наступления. Готовили к походу автомашины, тягачи; артиллеристы возились возле орудий. Жерла пушек были выкрашены в белую краску.

Заканчиваю писать. Гаснет фитиль в патроне. Остальные впечатления буду писать завтра.

Верея [49]

На заре 19 января. Снег слепит глаза. Наша дивизия в наступлении. Атакуем Верею. Враг отступает. На окраине города еще свежие следы фашистских сапог, оставленных на золе.

Мы входим в город. Горят здания, валяются стены, падают потолки. Всюду властвует огненная стихия. Только кошки почему-то не уходят, жгут лапы, бродят в объятых огнем домах.

Городские жители радостно встречают нас, целуют, обнимают.

– Натерпелись от фашистских гадов! Ироды проклятые! – проклинали фашистов горожане.

Рассветает. Отчетливо видны улицы города, берега реки Протва. Слышу свою фамилию и Бычкова. Это нас зовет кареглазый лейтенант: нужно вытащить из церкви замученных немцами красноармейцев. Мы входим

в церковь. Перед нами на столе мертвый красноармеец. На цементном полу в разных позах замерзшие солдаты. Разбитые прикладами носы, выколотые глаза, вывернутые руки, переломанные ноги.

Злоба бушует в нашем сознании.

– Инквизиторы! Звери! – говорят бойцы.

Вытаскиваем красноармейцев наружу. Кладем трупы вдоль дороги. Заходим вновь в церковь. Там, где клирос, увидели двух наших солдат. Они сидят на табуретках друг против друга, крепко обнявшись, – так и умерли.

– Видать, простились перед смертью! – говорит Бычков.

Мы их выносим на улицу. Трупы лежат вдоль дороги. Идет прием бойцов в партию.

– Мы отмстим за смерть наших братьев! – горячо клянутся воины – молодые коммунисты.

Я и Бычков встаем по сторонам от ряда замученных воинов. Идет киносьемка.

Их было 25 неизвестных красноармейцев. Кто они, откуда?

* * *

Утром я и Бычков вышли во двор, находящийся вблизи церкви, откуда мы накануне извлекли 25 изуродованных фашистами наших военнопленных. Бычков неожиданно вскрикнул, я глянул: у березы лежит убитый, уставя в небо мертвый взгляд. Лежал подросток, ветер развеивал его льняные волосы. В сторонке валялась солдатская фуражка. На виске виднелась запекшаяся кровь. Мы позвали местных жителей, они бережно подобрали юношу и унесли. Мы ушли.

Я негоую, вспоминая убитого подростка, кровь стынет в жилах, злобой дышит сердце. Инквизиторы топчут нашу землю, изощряются друг перед другом. Что только не увидишь и не услышишь в пути, идя фронтовыми дорогами. Тысячи, десятки тысяч замученных советских военнопленных и мирных жителей. Всюду – в блиндажах, землянках, на высотах – пытки зверские. Руки фрицев обгажены кровью. Как только не изощряются фашисты, чтобы как можно злобнее пытать наш народ: ножевые раны, разбитые челюсти, вспоротые животы.

Финны не отстают от немцев: отрезают губы, вырывают языки, вместо глаз вставляют пустые гильзы. Красноармейцу Лазаренко после долгих пыток финны раздробили череп и набили туда сухари, а на груди раскаленным металлом выжгли пятиконечную звезду.

Кровь стынет в жилах. Мстить! Мстить! Мы будем уничтожать без пощады тех незваных гостей, кто пришел на нашу землю, землю, обгавленную кровью русских людей!

Велосипеды. Конный двор в клубе

Идем по улице. Во дворах обилие военной техники и чрезмерно много велосипедов. «Фрицы», «гансы» думали: до Москвы недалеко, на велосипедах докатим. Но сорвалась затея. «Москвы им не видать как своих ушей», шутят товарищи.

Нас всюду приветствуют жители. Мы с Бычковым посетили клуб. В нем неимоверная грязь. «Цивилизация», – говорит старик. У него рассечена щека и выбит глаз фашистами.

– Гады, как же они нас били, смертным боем, – негодует он и пугливо говорит – Что, если они возвратятся?

– Никогда! Не беспокойся! – успокаиваем старика.

Ходим по клубу. Немцы устроили здесь конный двор.

Следы немцев за городом

Уходим на запад. Позади город Верея. Немцы далеко впереди, «смазали пятки». Метель, резкий ветер дует в наши лица. Кругом сугробы, а на сугробах кровь. Лежат убитые девушки. Их хотели увезти в Германию на машинах и, отступая, выбрасывали по пути.

Глубоко в памяти остался образ мертвой девочки. Она лежала в голубой сорочке, с проткнутой штыком грудью. Ей было не более 14-ти лет. В рыхлых волосах рылся ветер. Длинные ресницы сжаты на веках, лицо девочки обращено к небу.

– Изверги! Собаки! Мстить! Мстить! – клялись мы, крепче сжимая оружие.

Комментарии:

1. Перфильев – в списке ополченцев химкинского батальона не значится.
2. Шувалов – в списке химкинского батальона значится Шувалов Семен Алексеевич.
3. Кольцов – в списке химкинского батальона значатся Кольцов Виктор Сергеевич и Кольцов Г.М.
4. Петров – в списке химкинского батальона значатся: Петров Александр Иванович, Петров Василий Петрович, Петров Илья Федорович, Петров Михаил Акимович, Петров Н.Д., Петров Сергей Андреевич, Петров Сергей Яковлевич.
5. Кондратьев – в списке химкинского батальона значатся: Кондратьев Владимир Иванович, Кондратьев Григорий Васильевич, Кондратьев Григорий Михайлович, Кондратьев Дмитрий Степанович, Кондратьев Михаил Васильевич.
6. Гаврилин – в списке химкинского батальона значится Гаврилин Павел Михайлович.

7. Данилин – в списке химкинского батальона значатся: Данилин Иван Ильич, Данилин Михаил Федорович, Данилин Николай Александрович, Данилин Яков Михайлович.

8. Ларионов – в списке химкинского батальона значится Ларионов Александр Матвеевич.

9. Братья Ильины – в списке химкинского батальона значится Ильин Иван Борисович; призван Химкинским РВК в августе 1941 г. и направлен в 4 ДНО Ильин Константин Дмитриевич.

10. Клеметьев – в списке химкинского батальона не значится.

11. Климов – в списке химкинского батальона значится Климов Сергей Григорьевич.

12. Кузнецов – в списке химкинского батальона значатся: Кузнецов Александр Михайлович, Кузнецов Иван Петрович, Кузнецов Иван Степанович, Кузнецов П.А.

13. Братья Ивановы – в списке химкинского батальона значатся: Иванов Георгий Петрович, Иванов Иван Максимович; в августе 1941 г. были призваны Химкинским РВК и направлены в 4 ДНО Иванов Алексей Васильевич, Иванов Никита Васильевич.

14. Семенов – Семенов Николай Федорович.

15. Матвеев – в списке химкинского батальона не значится.

16. Федор Князев – в списке химкинского батальона значится Князев Федор Николаевич.

16. Илья Калашников в списке химкинского батальона не значится.

17. Иван Иванов в списке химкинского батальона не значится.

18. Василий Бабурин – в списке химкинского батальона значится Бабурин Василий Гаврилович.

19. Дементьев – в списке химкинского батальона значится Дементьев Сергей Васильевич.

20. Максимов – в списке химкинского батальона значатся: Максимов Виктор Иванович, Максимов Иван Петрович, Максимов Петр Иванович.

21. Моисеев – в списке химкинского батальона значится Моисеев Сергей Алексеевич.

22. Ольшин – в списке химкинского батальона значится Ольшин Михаил Викторович.

23. Смирнов – в списке химкинского батальона значатся: Смирнов Виктор Егорович, Смирнов Павел Васильевич, Смирнов Сергей Иванович, Смирнов Федор Тимофеевич.

24. Гладков – в списке химкинского батальона значатся: Гладков Алексей Александрович, Гладков Алексей Иванович.

25. Гуров – в списке химкинского батальона значится Гуров Александр Георгиевич.

26. Морозов – в списке химкинского батальона не значится.

27. Хмель – в списке химкинского батальона значится Хмель Иван Иванович.

28. Слезкин – в списке химкинского батальона значится Слезкин Валентин Сергеевич.

29. Шведов – в списке химкинского батальона значится Шведов Иван Васильевич.

30. Коньков – в списке химкинского батальона значатся: Коньков Василий Михайлович, Коньков Константин Алек., Коньков Н.А.

31. Салазухин – возможно, значащиеся в списке химкинского батальона Салидулин Х. или Салидыхин В.М.

32. Шварц – в списке химкинского батальона не значится.

33. Парфенов – Парфенов Иван Алексеевич призван Химкинским РВК в августе 1941 г. и направлен в 4 ДНО.

34. 2-й полк 4 ДНО во время формирования был размещен в Армянском пер., д. 4, в школе № 644.

35. Деревня Дугино Смоленской обл.

36. Королев – в списке химкинского батальона значится Королев Николай Иванович.

37. Голубев – в списке химкинского батальона значится Голубев Сергей Петрович.

38. К 15 сентября 1941 г. дивизия маршем передислоцировалась в район севернее озера Селигер и заняла участок обороны.

39. Терентьев – в списке химкинского батальона значится Терентьев Андрей Сергеевич.

40. Бычков – в списке химкинского батальона не значится.

41. Чернышов – в списке химкинского батальона значится Чернышов Юрий Иванович.

42. Братья Крыловы – Миша, Виктор, Алексей. В списке химкинского батальона значится Крылов А.А.

43. 6.10.1941 110 сд была срочно переброшена через Лихославль в район города Ржева, а оттуда через Москву в район г. Наро-Фоминска.

44. 18.10.1941 из населенного пункта Атрепьево Калужской обл. по противнику был дан залп минометами «Катюша».

45. Деревня Савеловка в настоящее время входит в состав городского поселения Наро-Фоминска.

46. Викторов – в списке химкинского батальона значится Викторов Т.Я.

47. Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941) – советский военачальник, генерал армии.

48. Ефремов Михаил Григорьевич (1897–1942) – советский военачальник, командующий 33 армией.

49. Город Веря освобожден 19.01.1942 в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции.

Печатается по книге: Вспомним всех поименно: история войны через судьбы ополченцев химкинского батальона 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. – М., 2021. С. 320–352.

«Боевые ушли времена...»
Стихи из фронтового блокнота
ополченца Г.Н. Матвеева

За русское «Ура!»

Мало нас. В моем вы сердце,
В сердце, братья-ополченцы!
Нет оружия. Мы стали.
Победишь врага едва ли...
– Что унылы вы, ребята? –
Взводный всем нам говорит. –
Есть у каждого лопатки,
Вещмешок держи, как щит.
Наступать – в запасе глотки.
И «Ура!» всю ори.
Так под Вязьмой, братцы, было:
Жуткий, страшный час...
Сердце, помню, крепко ныло, –
Что скрывать сейчас?
С ходу брать держали моду,
Мы и Вязьму взяли смело –
По вторичному заходу.
А селения горят,
Освещают путь фашистам.
С тех, и с тех сторон парад,
И оркестр трубит со свистом.
Шла священная война,
Падали, вставали снова.
И сроднила нас она
В тех боях суровых.
За неделю неделя
Под свинцовые метели –
За высоты! На высоты!
В снежной замети мы шли,
И в атаку – раз уж в сотый –
Командиры нас вели...

Перед боем

Воздух, словно мед,
А вокруг деревни частокол штыков.
И смерть уже кого-то ждет.

На стебли трав забрызжет кровь.
 Сегодня кто-то кинет взор на небо –
 И отжил на земле, как будто не был...
 Дышать бы, жить! А небо сине, сине!..
 Но черные кресты над головой...
 Я не забуду этот бой в ложбине
 И вас, кто пал в атаке штыковой.

На смерть лейтенанта

Взрывались снаряды,
 Вздымались сугробы.
 Качалась над нами
 Зеленая ель –
 Вовек не забуду,
 До самого гроба,
 Как выла тогда над нами метель.
 Заряды навстречу
 Летели со свистом.
 Казалось, над нами
 Кто-то стонал...
 – За смерть лейтенанта! –
 Старшина нас выстроил –
 Мы дали в небо
 Прощальный залп.
 А ночь надвигалась
 Тенью гиганта,
 И кажется, вижу
 Ее, как сейчас...
 И слышу тот залп:
 – За смерть лейтенанта! –
 И тот еще пламень
 В глазах не погас.

* * *

Как хотелось мне
 Обнять руками
 Небо с голубыми облаками,
 На земле хотелось мирно жить
 И с людьми хорошими дружить.
 Но когда беда пришла к порогу,
 Я в штыки ходил ее встречать.
 Вновь хотелось мне

Обнять руками
Небо с голубыми облаками,
Сильной грудью
Землю защищать.

* * *

До вечера пули и грязь,
И взрывы в окопах, и стужа.
С комбатом оборвана связь.
И коршуны в небе кружат.
Не едет и кухня с едой,
До вечера пули и грязь.
В окопах холодный постой...
С комбатом оборвана связь.
И множатся смерти следы.
На жалких остатках сада
Стелется черный дым.
Ни слова нет от комбата.
Связист кричит в аппарат.
С надеждой смотрит на небо –
Не отзовется ль комбат?
И ждет только связи, как хлеба.

* * *

Родился я в суровый век,
Что землю сотрясал так часто.
Сменил свой дом на Нары брег –
И в бой за Родину, за счастье!
Я мог раз десять умереть
За эти грозные года.
А мне бы только петь да петь –
Всю жизнь! Всегда!

Память

Я бродил по знакомым местам.
Затянулись окопы травой,
Над которыми, помню, хлестал
Дождь снарядов, порывисто воя.

Здесь сейчас зеленеет весна,
И порхает за бабочкой ветер.

В боевые мои времена
Здесь мой друг умирал на рассвете.

Где ты, друг мой? Ни слова в ответ,
Только гильз ржавый хруст под ногою,
Да стучится рассвет,
Словно память о сердце героя.

*Публикуется по книге:
Матвеев Г.Н. Боевые ушли времена...
Стихи из фронтового блокнота ополченца
110-й Московской дивизии под командованием
Г.Б. Петерса. – М.: Испо-Сервис, 1998.*

Раздел

ФОТОЛЕТОПИСЬ ПОБЕДЫ: Восточная Пруссия, год сорок пятый

«Пусть эта фотография будет путеводной звездой»

В год празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне мы закономерно вспоминаем 1945 год.

4-я дивизия народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы завершила свой боевой путь как 84-я гвардейская стрелковая Карачевская Краснознаменная ордена Суворова дивизия в Восточной Пруссии, на Кёнигсбергском направлении.

Хронологические рамки публикуемых фотографий – с 1 апреля до конца мая 1945 года. Апрель – время последних победоносных боев в ходе Восточно-Прусской операции. 84-й гвардейская стрелковая Карачевская Краснознаменная ордена Суворова дивизия (командир – гвардии генерал-майор И.К. Щербина) входила в состав 36-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й гвардейской армии. Первые представленные фотографии относятся к периоду подготовки к наступлению.

Штурм Кёнигсберга начался 6 апреля 1945 года; 84-я гвардейская стрелковая дивизия наступала в первом эшелоне. Одна из фотографий изображает ворота форта, взятого гвардейцами дивизии. Кёнигсбергская операция завершилась 9 апреля капитуляцией немецкого гарнизона.

После Кёнигсбергской операции дивизия начала подготовку к штурму Пиллау, крупной морской базы на Балтийском море. На одной из фотографий – тактическое учение по прорыву сильно укрепленной обороны противника усиленной ротой. 26 апреля 1945 года порт и крепость Пиллау были захвачены.

Представлена фотография героя штурма Пиллау, ст. сержанта 245-го гвардейского полка Владимира Петровича Гордеева. 20 апреля 1945 года он пробрался к вражескому укреплению, бетонными плитами закрыл амбразуру и бросил в дверь бункера гранату. Ошеломленный неожиданным нападением, гарнизон сдался в плен. За отвагу и мужество, проявленные в бою за овладение городом-крепостью Пиллау, В.П. Гордеев удостоен звания Героя Советского Союза (29 июня 1945 г.).

Вместе со всей страной дивизия отмечала первый День Победы – 9 мая 1945 года. Большая часть фотографий относится к этому праздничному дню.

Изображенные на фотографиях события праздничного дня помогают восстановить документы – приказы по дивизии, политдонесения. Порядок проведения был определен приказом № 17 по 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии от 9 мая 1945 года. В преамбуле сообщалось, что Указом Президиума Верховного Совета СССР день 9 Мая 1945 года объявлен Днем Победы, днем всенародного торжества в связи с победой над гитлеровской Германией [1, с. 772–773].

Приказом определялось место проведения парадов всех подразделений дивизии – район южной окраины Клайн Оттенхаген (Кёнигсбергский округ); его поручалось украсить флагами, лозунгами, портретами Сталина и членов Политбюро.

Из политдонесения, 9 мая 1945 года:

Рано утром 9 мая 1945 г. до начала завтрака в частях стали проходить митинги. <...>

Митинг в первом сб 247-го гв. сп открыл зам. командира батальона по политчасти, гвардии майор Шмелев. И первое слово предоставил командиру батальона, гвардии майору Соколову. Приветствуя и поздравляя личный состав с днем победы, тов. Соколов сказал: «Немецко-фашистских захватчиков мы доконали в их собственном логове и одержали Великую победу. Этой победой мы, гвардейцы, вправе гордиться. Мы здесь полностью очистили от немецких захватчиков Восточную Пруссию, штурмом взяли сильнейшие крепости Кёнигсберг и Пиллау и этим самым внесли свой вклад в общее дело победы.

<...>

В 12-00 9.5.45 г. в расположении штаба дивизии состоялся парад частей дивизии в честь Дня Победы. Парад принимал командир дивизии, гвардии генерал-майор Щербина. В момент проведения парада в честь победы над гитлеровской Германией был дан салют из двух батарей 122-мм гаубиц. На параде все время играл духовой оркестр, была организована музыкальная звукопередача через громкоговорители [3].

Особое внимание командование дивизии уделяло бывшим ополченцам, прошедшим в ее составе от Москвы до Кёнигсберга. Сколько их осталось? В историческом формуляре дивизии значится: с июля по сентябрь 1945 года «выбыло по демобилизации 961 человек, в том числе 145 сержантов и рядовых, проходивших службу в дивизии со дня ее формирования и вступивших в дивизию в июле 1941 года как ополченцы Куйбышевского района г. Москвы» [1, с. 783].

В разделе III настоящего издания представлены некоторые фотографии весны 1945 года, сделанные в 84-й гвардейской дивизии. Автором большинства из них является ополченец Хаскель Аронович Мизруха, фотограф, фотокорреспондент, прошедший с дивизией от Москвы до Кёнигсберга, внесший значительный вклад в создание фотолетописи дивизии (очерк о нем см. в разделе I).

Публикуемые фотографии – из двух собраний. Первая из коллекций хранится в Научном архиве Института Российской истории РАН в составе фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны (по руководителю – Комиссия Минца); на конверте, в котором лежат фотографии, надпись: «Фотографии 84-й гв. стр. дивизии. Получено через т. Степанова. Август 1945» [2].

В коллекции более 200 фотографий 1941–1945 годов. На обороте некоторых фотографий 1945 года имеются пояснительные записи последнего командира дивизии, гвардии генерал-майора Ивана Кузьмича Щербины.

Впервые публикуется коллективная фотография ополченцев 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы, дошедших до Кёнигсберга, на обороте которой краткая подпись: «Ополченцы. Фото Мизрухи». На обороте трех фотопортретов – ополченцев Н.Ф. Семенова, З.А. Аксаковой, Г.А. Евстратовой – пометы, свидетельствующие о том, что они предназначались для публикации в дивизионной газете «За Родину».

Вторая коллекция – из собрания Музея 84-й гвардейской стрелковой Краснознаменной Карачевской ордена Суворова дивизии в школе № 28 города Калининграда. Коллекцию фотографий (около 600) в музей передал ветеран дивизии А.Л. Фурман.

* * *

Андрей Лукьянович Фурман родился 23 августа 1914 г. в селе Слободка Хадневская Ярмолинецкого района Каменец-Подольской области.

На службу в РККА был призван в 1936 г., воинская специальность – артиллерист. Окончил службу в 1938 г., жил в Челябинске. Призван в июне 1941 г. До января 1942 г. служил в 174-й стрелковой дивизии; после одного из боев под Москвой числился пропавшим без вести. Об этом уведомили жену – Серафиму Петровну Фурман.

Но оказалось, что младший лейтенант А.Л. Фурман жив: он был ранен и находился в госпитале; после излечения 8 августа 1942 г. направлен в 1287-й стрелковый полк 110-й стрелковой дивизии, с которой прошел оставшийся боевой путь до Победы.

Боевые награды А.Л. Фурмана: два ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Отечественной войны

I степени, медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Кёнигсберга».

После войны жил с семьей в Сталинграде, воспитал троих сыновей.

Андрей Лукьянович Фурман умер 4 апреля 1996 г.

А.Л. Фурман входил в ветеранские организации, собирал, изучал, сохранял исторические свидетельства боевого пути полка и дивизии. Он сыграл значимую роль в создании Музея калининградской школы № 28: переданная им коллекция фронтовых фотографий легла в основу исследовательской работы школьников по изучению боевого пути дивизии, поиску бойцов и командиров, розыску их родственников.

Он не раз приезжал в школу, участвовал во встречах боевых друзей, которые в послевоенное время жили в Калининграде и области. Андрей Лукьянович выполнил главную свою миссию – защитил Отечество, создал условия для сохранения памяти о друзьях-однополчанах.

В школьном музее есть две фотографии А.Л. Фурмана в составе переданного им собрания. На обороте первой его подпись: *«Командир истребительно-противотанковой батареи, заместитель командира 247-го гвардейского, ордена Суворова стрелкового полка по артиллерии 84-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии майор Фурман Андрей Лукьянович, рожденный 23 августа 1914 г., украинец, комсомолец с 1930 г., в Красной Армии с 1936 г., участник боев у озера Хасан в августе 1938 г. В годы Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г.: в оборонительных боях за г. Полоцк, в Смоленском сражении, в битве под Москвой, в штурме городов Вязьма, Карачев, Орша, Молодечно, Алитус, Колвария и в логове врага – Инстербург, Кёнигсберг, Пиллау. 1945 г.»*

На второй фотографии значимая подпись – наказ не только родственнику, но и всем россиянам послевоенных поколений: *«Любимому правнуку Алеше Фурману от прадедушки Андрея Лукьяновича. Пусть эта фотография будет путеводной звездой на все годы жизни и напоминает тебе подвиги моего поколения, отдавшего молодые годы для защиты Родины и счастья твоего поколения. Июль 1989 г.»*

Источники информации:

1. Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны. 4-я дивизия народного ополчения г. Москвы: боевой путь в документах. 1941–1945. – М.: ИстЛит, 2020.

2. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 11. Оп. 1. Д. 26, 26а.

3. ЦАМО. Ф. 1238. Оп. 1. Д. 186. С. 135–136.

Командир 36-го гвардейского корпуса, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант П.К. Кошевой ставит боевую задачу штурмовому отряду старшего лейтенанта В.Ф. Ряполова по овладению фортом № 8 («Король Фридрих 1»). 1 апреля 1945 г.
(Источник: Музей Калининградской школы № 28)

Член комсомольского бюро 247-го гвардейского стрелкового полка, старшина П.В. Деревенчук проводит беседу о предстоящем штурме г. Кёнигсберга. Фото Х.А. Мизрухи.

(Источник: Музей Калининградской школы № 28)

Надпись на обороте: «Присутствует командир минометной роты 1-го стрелкового батальона, капитан Студинский Александр Иосифович. Усадьба Гудринен, пригород Кёнигсберга. 3 апреля 1945 г.».

В роте 100% личного состава были награждены орденами и медалями, 60% – дважды и трижды, 20 человек – орденом Славы второй и третьей степени.

Группа генералов и офицеров коллективно обсуждает прочность и тактическое назначение форта № 8 («Король Фридрих I») в обороне на юге города-крепости Кёнигсберг после его осмотра генералом армии И.Х. Баграмяном и гвардии генерал-полковником К.Н. Галицким. Подробное пояснение дает командир 84-й гвардейской дивизии, гвардии генерал-майор И.К. Щербина.
(Источник: Музей Калининградской школы № 28)

Взятый штурмом 243-м стрелковым полком форт № 8 («Король Фридрих I»),
прикрывавший с юга подступы к Кёнигсбергу. Вход в ворота форта.
1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

*На обороте: «Здесь комбат Романов подошел ко рву,
решил штурмом форсировать ров и овладеть фортом.
Продолжил свой доклад генерал-майор Щербина».*

Генерал-майор И.К. Щербина (1904–1997), командир дивизии (1944–1946)
перед бойцами. 15 апреля 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

У ворот форта, взятого штурмом гвардейцами
гв. генерал-майора И.К. Щербины. Весна 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

На улицах Кёнигсберга после взятия Красной Армией.
Май 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

Занятие по тактике с офицерами. Середина апреля 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

На обороте: «После Кёнигсбергской операции дивизия начала подготовку к штурму г. Пиллау, крупной морской базы на Балтийском море. Показное тактическое учение, прорыв сильно укрепленной обороны противника усиленной ротой».

Ополченцы 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы, дошедшие до Кёнигсберга. Май 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

Командир 84-й гвардейской стрелковой дивизии,
генерал-лейтенант И.К. Щербина проверяет готовность
зенитно-пулеметной роты. Окрестности г. Пиллау, апрель 1945 г.
(Источник: Музей Калининградской школы № 28)

Город-крепость Пиллау (Восточная Пруссия) после взятия Красной Армией.
1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

Празднование Дня Победы в дивизии. 9 мая 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

На обороте: «9-го Мая вместе со всем народом СССР дивизия праздновала День Победы. На снимке: читают акт о капитуляции Германии и приказ т. Сталина».

Парад частей дивизии в День Победы. 9-го мая 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

На обороте: «На снимке обход частей. На парад выстроены офицеры штаба, славные боевые полки 243, 245, 247; 186 артполк, батал. связи, сап. батальон, самоходн. арт. дивизион, зенитн. рота, медико-санит. батальон. Они теперь с гордостью стоят в строю, вспоминают свой боевой путь и рапортуют Сталину, партии и всему народу, рапортуют Москве, откуда вышли и начали свой путь, что не посрамили надежды, не опозорили Москвы».

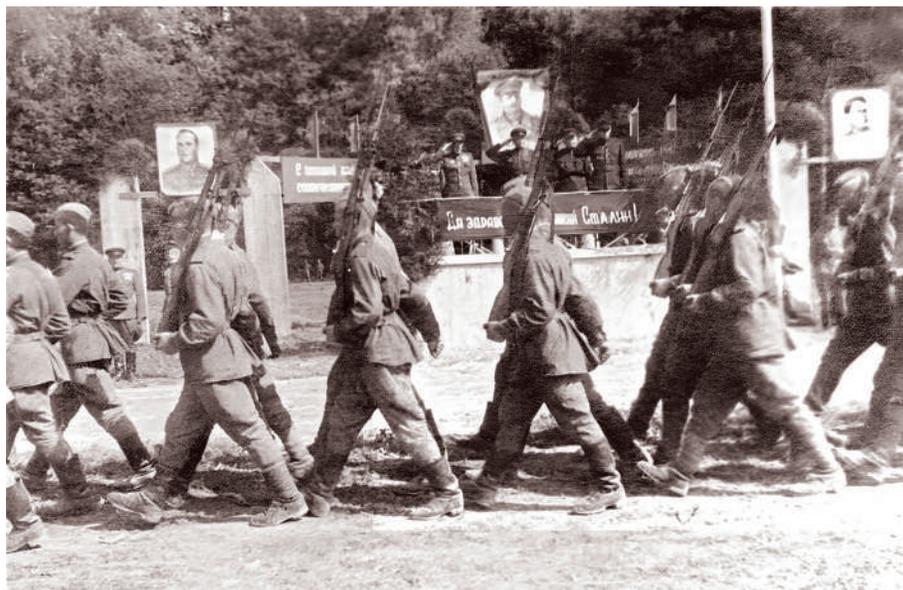
Торжественный марш гвардейских полков 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, посвященный Дню Победы, 9 мая 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: Музей Калининградской школы № 28)

Торжественный марш гвардейских полков 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, посвященный Дню Победы. 9 мая 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: Музей Калининградской школы № 28)

Торжественный марш гвардейских полков 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, посвященный Дню Победы, 9 мая 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: Музей Калининградской школы № 28)

Физкультурный праздник в дивизии.
Восточная Пруссия. Май 1945 г. Фото Х.А. Мизрухи
(Источник: НА ИРИ РАН)

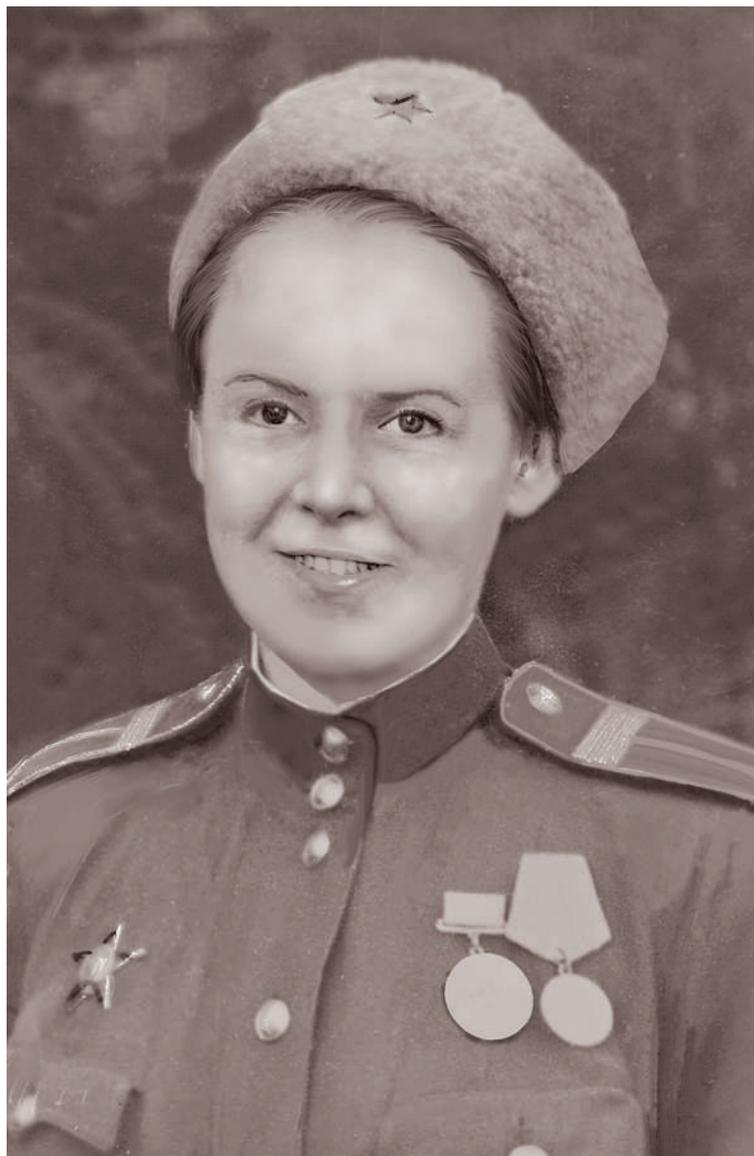
Н.Ф. Семенов (1904–1980). 1945 г. Ополченец химкинского батальона
4-й дивизии народного ополчения. Удостоен звания Героя Советского Союза
(24 марта 1945 г.). Фото Х.А. Мизрухи.
(Источник: НА ИРИ РАН)

З.А. Аксакова, ополченка, медсестра операционно-перевязочного взвода
493-го отдельного медико-санитарного батальона
110-й (84-й) стрелковой дивизии.
(Источник: НА ИРИ РАН)

Старший сержант 245-го гвардейского полка В.П. Гордеев (1917–1988).
Удостоен звания Героя Советского Союза (29 июня 1945 г.)
«за отвагу и мужество, проявленные в бою за овладение
городом и крепостью Пиллау».
(Источник: НА ИРИ РАН)

Г.А. Евстратова, ополченка, медсестра хирургического взвода
493-го медсанбата 110-й (84-й) стрелковой дивизии. Май 1945 г.
(Источник: НА ИРИ РАН)

Список сокращений

А – армия

Автодор – Общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог СССР

агитколлектив – коллектив агитаторов

агитпропработа – агитационно-пропагандистская работа

агитпункт – агитационный пункт

АН – Академия наук

АПН – Агентство печати «Новости»

артогонь – артиллерийский огонь

артподготовка – артиллерийская подготовка

артполк – артиллерийский полк

артразведка – артиллерийская разведка

артчасть – артиллерийская часть

в. – век

в/ч – воинская часть

ВА – воздушная армия

ВВС – военно-воздушные силы

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

ВЛХИ – Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова

Внешторг – Народный комиссариат внешней торговли

ВНИИ – Всесоюзный научно-исследовательский институт

ВО – военный округ

военврач – военный врач

военком – военный комиссар

военкомат – военный комиссариат

военкор – военный корреспондент

воентехник – военный техник

ВРЛУ – Вечерний рабочий литературный университет

ВС – военный совет

«Всекохудожник» – Всероссийское кооперативное объединение
«Художник»

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства СССР

ВСХВ – Всероссийская сельскохозяйственная выставка

ВХУТЕИН – Высший художественно-технический институт

ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

г. – год, город

г. р. – год рождения

гв. – гвардейский

ГВК – городской военный комиссариат

гв. сд – гвардейская стрелковая дивизия

гв. сп – гвардейский стрелковый полк

ГИТИС – Государственный институт театрального искусства

ГИХЛ – Государственное издательство художественной литературы

ГКО – Государственный Комитет обороны

ГЛАВПУРККА – Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской
Красной Армии

Главсевморпуть – Главное управление Северного морского пути

горком – городской комитет

горторготдел – городской торговый отдел

Гослитиздат – Государственное издательство художественной литературы

Госплан – Государственная плановая комиссия

ГТО – Готов к труду и обороне

губздрав – губернский отдел здравоохранения

губнаробраз – губернский отдел народного образования

ГУУЗ – Главное управление учебных заведений

д. – дело, деревня, дом

дер. – деревня

Детгиз – Государственное издательство детской литературы

дзот – деревоземляная огневая точка, долговременная замаскированная огневая точка

ДНО – дивизия народного ополчения

ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту

ед. хр. – единица хранения

ЗапФ – Западный фронт

ИЗО – Московский институт изобразительных искусств

ИРИ – Институт российской истории

Информбюро – Советское информационное бюро

Коминтерн – Коммунистический интернационал

комначсостав – командно-начальствующий состав

комсостав – командный состав

КП – командный пункт

культпроп – отдел культуры и пропаганды

культпросветработник – работник системы культурно-просветительных учреждений

культработник – работник системы культурных учреждений

КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока

литработа – литературная работа

литработник – литературный работник

Литфонд – Литературный фонд СССР

м. – местечко, большое селение городского типа на Украине и в Белоруссии

МБИ – Московский библиотечный институт

МВД – Министерство внутренних дел

МВО – Московский военный округ

МВТУ – Московское высшее техническое училище

МГСПС – Московский городской совет профессиональных союзов

МГИК – Московский государственный институт культуры

МГК – Московский городской комитет

МГУКИ – Московский государственный университет культуры и искусств

медработник – медицинский работник

медсанбат – медико-санитарный батальон

медфакультет – медицинский факультет

МИНЯ – Московский институт новых языков

МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории

мк – механизированный корпус

МК – Московский комитет

мл. – младший

МОПР – Международная организация помощи борцам революции

Мосгориспоком – исполнительный комитет Московского городского Совета депутатов трудящихся

МОСХ – Московская организация Союза художников

МОССХ – Московский областной союз советских художников

МСБ, медсанбат – медико-санитарный батальон

МТС – машинно-тракторная станция

НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории Российской академии наук

нарком – народный комиссар

наркомат – народный комиссариат

Наркомвнешторг – Народный комиссариат внешней торговли

Наркомпищепромиздат – издательство Народного комиссариата пищевой промышленности СССР

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения

Наркомсовхоз – Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов

наркомсовхозовец – сотрудник Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов

Наркомтяжпром – Народный комиссариат тяжелой промышленности

Наркомфин – Народный комиссариат финансов

НБ ГА РФ – Научная библиотека Государственного архива Российской Федерации

начсандив – начальник санитарной службы дивизии

начсостав – начальствующий состав

НИАНКП – Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НОТ – Национальное объединение трудящихся

об. – оборот

обл. – область

ОВК – областной военный комиссариат

окружком – окружной комитет

оп. – опись

ОПС – отдел продовольственного снабжения

оргкомитет – организационный комитет

ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству

отд. – отделение, отдельный

отсекр – ответственный секретарь партийного бюро

- партаппарат** – партийный аппарат
- партбилет** – партийный билет
- партбюро** – партийное бюро
- партвзыскание** – партийное взыскание
- п/п** – полевая почта
- поарм** – политический отдел армии
- подив** – политический отдел дивизии
- политдонесение** – донесение о морально-политическом состоянии бойцов подразделения
- политинструктор** – инструктор по проведению политико-воспитательной работы
- политмассовая работа** – политическая массовая работа
- политотдел** – политический отдел
- политпросвещение** – политическое просвещение
- политработа** – политическая работа
- политработник** – политический работник
- политрук** – политический руководитель
- политуправление** – политическое управление
- политэмигрант** – политический эмигрант
- ППМ** – передовой пункт медицинской помощи
- ппс** – полевая почтовая станция
- ППШ** – пистолет-пулемет Шпагина
- Профинтерн** – Красный интернационал профсоюзов
- пульрота** – пулеметная рота
-
- Рабис** – Союз работников искусств
- рабфак** – рабочий факультет
- райвоенкомат** – районный военный комиссариат
- Разноэкспорт** – Всесоюзное объединение по экспорту животного сырья и отходов
- РАН** – Российская академия наук

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РК, райком – районный комитет

РВК, райвоенкомат – районный военный комиссариат

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия

р-н – район

РОКК – Российское общество Красного Креста

РОСТА – Российское телеграфное агентство

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

с. – страница

с.г. – сего года

с/с, сельсовет – сельский совет

санбат – санитарный батальон

сандружинница – санитарная дружинница

санинструктор – санитарный инструктор

санотдел – санитарный отдел

санрота – санитарная рота

сд – стрелковая дивизия

селькор – сельский корреспондент

СНК, Совнарком – Совет народных комиссаров

Совинформбюро – Советское информационное бюро

совпартшкола – советско-партийная школа

совшкола – советская школа

сп – стрелковый полк

СПАМ – сборный пункт аварийных машин

ССП – Союз советских писателей

ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – старший

ТА – танковая армия

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза

Технопроминспекция – отдел рабоче-крестьянской инспекции по контролю за состоянием промышленного производства и условиями труда

тов., т. – товарищ

тп – танковый полк

УзССР – Узбекская Советская Социалистическая Республика

ул. – улица

Учпедгиз – Учебно-педагогическое государственное издательство

ф. – фонд

ФЗС – фабрично-заводская семилетка

ФЗУ – фабрично-заводское ученичество

фабзавученик – учащийся школы ФЗУ

химвзвод – взвод химической защиты

ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны

Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦТДиЮ – Центр творчества детей и юношества

ЦСУ – Центральное статистическое управление

ЭГ, эвакогоспиталь – эвакуационный госпиталь

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение председателя Московской городской Думы <i>А.В. Шапошникова</i>	5
Обращение председателя Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы <i>Е.В. Драгуновой</i>	6
Вступительное слово ректора Российской международной академии туризма (<i>Трофимов Е.Н.</i>)	7
О создании книги (<i>Именнова Л.С.</i>)	9

Раздел I. На запад уходило ополчение – потомственная гвардия Москвы

БАРАНСКИЙ Николай Николаевич	17
БОБРОВ Николай Николаевич.....	21
ВАЛЬМУС Сергей Геннадьевич.....	27
ВЕРЕТЕННИКОВ Василий Николаевич	29
ВЕРТИНСКИЙ Николай Сергеевич	30
ВОРОНИН Василий Александрович.....	34
ГАБИНСКИЙ Николай Сергеевич.....	35
ГАЙВОРОНСКИЙ Федор Степанович.....	39
ГЛЕЗЕР Лев Абрамович.....	44
ГОРБАЧЕВСКИЙ Павел Иванович	46
ГРИНВАЛЬД Яков Борисович	49
ГУГЕЛЬ Лев Николаевич	51
ДАВИДОВИЧ Татьяна Ивановна.....	53
ДУКОВИЧ Валерий Викторович.....	55
ЖИТЕНЁВ Валериан Степанович.....	58

ЗАМКОВ Сергей Андреевич	61
ИВАНОВ Федор Герасимович.....	63
ИВАШОВ Николай Николаевич	65
КОЗЛОВ Дмитрий Всеволодович.....	67
КОМПАНИЕЦ Василий Георгиевич	75
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Владимир Семенович	79
КОТЕЛЬНИКОВ Борис Борисович	82
КУЗЬМИН Валериан Николаевич	85
ЛИВШИЦ Зиновий Александрович	87
ЛУКИН Юрий Борисович	91
МАТВЕЕВ Георгий Николаевич.....	96
МЕДВЕДЕВ Борис Петрович	100
МЕНЯ / МАНЯ Анатолий Иванович	100
МИЗРУХА Хаскель Аронович	101
ПАН Яков Соломонович	104
ПЛИСКО Николай Гаврилович.....	107
ПРОЩИЦКИЙ Пинхос Соломонович (Павел Семенович)	111
РОДЭ Вера Францевна.....	117
РОССЕЛЬС Владимир Михайлович	122
РУДИН Бер Шлемович.....	128
ФАЛЬКОВИЧ Эля Мордухович	130
ФОНШТЕЙН Александр Самойлович	132
ФРУМИН Иссер Меерович.....	136
ЦАРЕВИЧ Иван Викентьевич.....	140
ЧАЩАРИН Алексей Степанович.....	147
ШИНБЕРГ Александр Яковлевич.....	149
ЭНДЕЛЬМАН Григорий Наумович.....	158

Раздел II. Ополченцы об ополчении

Краткие заметки по истории 1289-го стрелкового полка ополченца Н.С. Вертинского.....	163
Тезисы на тему «Год боевого пути нашей дивизии» ополченца Н.С. Вертинского.....	173
Из воспоминаний инструктора редакции дивизионной газеты «За Родину» А.Я. Шинберга.....	174
Стенограмма беседы с Н.Н. Ивашовым, майором медицинской службы.....	178
«Пулеметчики народного ополчения». Очерк ополченца Я.Б. Гринвальда.....	184
Автобиография и письма с фронта ополченца А.А. Аникста.....	188
Стенограмма беседы с П.С. Процицким (8–10 июля 1942 г.).....	196
Письма ополченца Г.Н. Эндельмана родным.....	210
«Яков Пан (И. Нечаев)». Очерк Я.И. Шура для книги «Памяти погибших писателей».....	213
«Мат в два хода». Очерк Б.Б. Котельникова об ополченце Льве Гугеле....	220
«Дорогами подвига». Воспоминания ополченца В.Н. Кузьмина.....	227
Стенограмма беседы с командиром взвода 1289-го полка 110-й стрелковой дивизии 33-й армии В.Г. Компанийцем (Москва, 21 февраля 1947 г.).....	230
Записки ополченца 4-й Куйбышевской дивизии Г.Н. Матвеева.....	241
«Боевые ушли времена...». Стихи из фронтового блокнота ополченца Г.Н. Матвеева.....	273

Раздел III. Фотолетопись Победы: Восточная Пруссия, год сорок пятый

«Пусть эта фотография будет путеводной звездой».....	279
Список сокращений.....	304

Научно-популярное издание

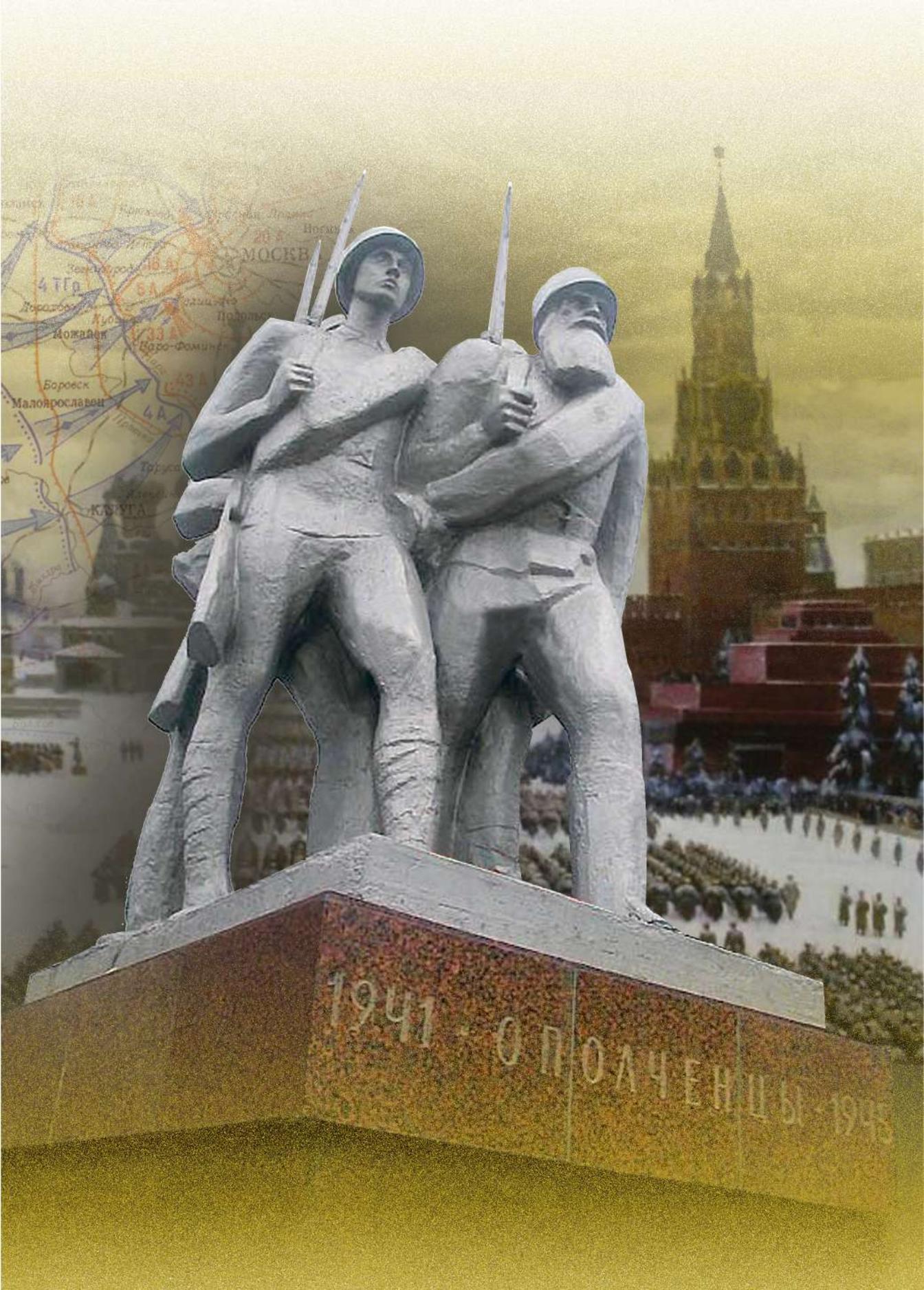
Творческая интеллигенция
в Московском народном ополчении
Великой Отечественной войны

Книга первая

**Представители творческих профессий
в рядах ополченцев 4-й дивизии народного ополчения
Куйбышевского района г. Москвы**

Подготовлено к изданию
редакционно-издательским центром РМАТ
Директор центра *Е.А. Семина*
Компьютерная верстка *Д.В. Рябов*

Формат 70x100/16.
Печ. л. 19,75. Тираж 300 экз.

1941 - ОПОЛЧЕНЦЫ - 1945